

№ 4(28). 2018

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

НАШИ НАГРАДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Август 2018 № 4 (28)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко, секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов — Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман — секретарь Союза писателей России
Елена Груцкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылёв — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 17 августа 2018 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии ООО «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Рукописи без буквы Ё не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Публицистика	
«Поэтическое выше княжеского». О поэзии, врождённой человечности, общем и частном, об историческом развитии России в беседе Л. Довыденко с поэтом С. Вермишевой	4
Проза	
Алексей Новгородов. Отложенный гол. Повесть	11
Александр Чумиков. Кам-са-мол. Глава III. Повесть. Завершение. Начало в № 2 (26)	26
Валерий Латынин. Нестареющая боль. <i>Рассказ</i>	60
Владимир Нечаев. Лодка до Каюма и другие рассказы	66
Поэзия	
Алексей Витаков. <i>Стихи</i>	74
Василий Попов. <i>Стихи</i>	78
Александр Нестругин. <i>Стихи</i>	80
Берега памяти	
Георгий Кольцов. <i>Стихи</i>	83
Сергей Кириллов. Жаркий месяц август	87
Берега культуры и искусства	
Станислав Зотов. Судьба русского режиссёра	95
Берега наследия	
Геннадий Сазонов. «Нас поэзия связала...» <i>Беседа с Ольгой Беловой</i>	100
Липецкие берега	
Александр Пономарёв, Андрей Новиков. Литературный автопробег «Великая Россия»	108
Берега истории	
Княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская. О российской трагедии XX века. До и после 1917 года. (1903 Санкт-Петербург – 1921 София)	114
Екатерина Фёдорова. Истинные пружины революции	133
Владислав Краснов. Император Михаил II в Доме Солженицына	141
Мир без границ	
Берега Парижа	
Александр Трубецкой. Как пытались спасти Царскую Семью. Свидетельство участника	153
Барбара Кригер. В информационной ловушке	158
Берега славянства	
Болеслав Тейковский. Единство Славянства – защита славянских народов и государств	162
Берега Вильнюса	
Эяна Суодене. Владимир Кольцов-Навроцкий. Присутствие Непостижимой силы	165
Берега Латгалии	
Ольга Орс. <i>Стихи</i>	168
Берега Риги	
Ираида Кельмелене. <i>Стихи</i>	170
Лидия Довыденко. Русская Рига. Музей личных коллекций живописи В. Рыбакова в Юрмале	174
Критика	
Людмила Яцкевич. Образы и символы соборности в творчестве вологодских писателей. Часть 1. Начало. Продолжение в следующем номере	177
Людмила Воробьёва. «Пробежала мимо жизнь...» Песенно-романтические мотивы поэзии Татьяны Жилинской	187
Бережок	
Александр Мамнев. Сказка Золотой Рыбки. Страшная	192
Наши друзья	
Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала	194

Публицистика

«Поэтическое выше княжеского»

*О поэзии, врождённой человечности, общем и частном,
об историческом развитии России в беседе Лидии Довыденко
с поэтом Сэдой Вермишевой*

– Дорогая Сэда Константиновна! Сначала несколько вопросов о поэзии. Вы помните, как впервые соприкоснулись с ней? Что было первым толчком к тому, чтобы поэтической строкой сказать Своё?

– Мне кажется, что поэзию я любила всегда. Но поэзия не была в нашем доме частью жизни. Помню себя с 4-х летнего возраста. Мы жили в Москве. Мама работала в «Детгизе» (Детское государственное издательство). Она приносила мне стихи в виде книжек-малышек, – так назывались книжки крохотного формата этого издательства. Это были стихи по форме – чёткий ритм, рифма. Содержание – воспитательное, ставящее целью показать ребенку, « что такое хорошо и что такое плохо». Но, объективно, поэзией назвать эти тексты нельзя. Ведь не всё, что является

стихами – поэзия. Но я очень любила эти книжки и с нетерпением ждала их.

Впервые я прочла запечатлевшийся во мне поэтический текст в Тбилиси, куда мы (я, мама и мой младший брат) были эвакуированы после начала Великой Отечественной войны. В Тбилиси жила моя бабушка. Мне было около 9 лет. Детской, и вообще, какой-либо художественной литературы, как ни странно, в доме бабушки не было. Хотя была огромная библиотека из книг на немецком языке, которых я, конечно, не читала, но могу предположить, что это были книги философского содержания, так как мой дед получил образование в Германии, закончив там философский факультет Берлинского университета. Среди многочисленных томов этой готики, я заприметила книгу другого формата. Она оказалась антологией русской поэзии, которой была награждена бабушка по окончании гимназии. И я стала читать эту книгу. Читала внимательно, заинтересованно. Многого не понимала. Но пыталась понять, по много раз повторяла озадачившие меня своей таинственностью слова:

«Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей!»

Я пыталась проникнуть в смысл этих слов. Но понимания не приходило. А мне и теперь нередко вспоминаются те слова с неразгаданным смыслом. На стихотворении А.П. Сумарокова «На суету человека» я не остановилась. «На берегу пустынных волн стоял он, дум высоких полн», – читала я. И эти строки меня заворожили, я даже вышла на середину комнаты и стала торжественно их произносить. Потом любовно переписала их в свою школьную тетрадку. Как сегодня, помню эту в две косые линии тетрадь. Я училась во втором классе. Тетради были уже в две линейки, а в первом – в три. Я записала в свою двухлинейную тетрадь эти пушкинские строки без указания авторства, и с выражением, вслух перечитывала и перечитывала их много раз... Запомнила наизусть. И как-то, когда у нас были гости, меня попросили что-нибудь прочесть. И я стала читать: «На берегу...» Взрослые меня похвалили за декламацию и выбор Пушкина. Но я запротестовала и стала их уверять, что это я написала, и когда стало ясно, что они мне не верят, в доказательство принесла свою тетрадь в две линейки, где фиолетовыми чернилами крупно, по-детски коряво было выведено про берег и пустынные волны. Фамилии Пушкина там не было. Моей – тоже. Но, по-видимому, моё авторство должно было само собой подразумеваться, раз тетрадь – моя, и почерк – мой. Взрослые же снисходительно улыбались. С тетрадкой под мышкой я медленно и обиженно покинула комнату, где сидели гости, усомнившиеся в моем авторстве. Обида во мне осталась на всю жизнь, и в отместку я больше никогда не читала перед гостями ни своих, ни чужих стихов. Обида была глу-

Отец – Константин Вермишев

Сэда Вермишева

*Елена Георгиевна Вермишева.
Мама Сэды*

бока... Но на этом не заканчиваются мои скудные, связанные с поэзией детские воспоминания, и я расскажу о впечатлении, которое произвело на меня стихотворение М.Ю. Лермонтова «Парус». Не помню, каким образом у меня оказалась небольшая книжка избранных стихотворений М. Лермонтова. После купца Калашникова меня особенно заинтересовало стихотворение про мятежный парус, который искал покоя в буре. Логически объяснить этот поиск покоя в буре я не могла. Но подсознательно чувствовала, о чём идёт речь, и виделось мне в этом поиске что-то таинственное и притягательное. Я ходила по веранде нашего большого, можно сказать, барского дома, затемнённого по законам военного времени, в поздние часы, прижав книжку, раскрытую на странице со стихотворением о парусе и его своеобразном и безуспешном поиске покоя. На этом я и закончу свои воспоминания о моём начальном, детском соприкосновении с поэзией. И это ещё очень далеко от того момента, когда поэзия другого времени и другого автора стала толчком, потребностью собственного поэтического самовыражения.

Осознанный, целеустремленный интерес к поэзии проявился у меня позже в Ереване, куда семья наша переехала теперь уже из Тбилиси, после перевода отца с Московского фронта в распоряжение Закавказского военного округа...

В Ереване я училась в лучшей городской школе имени А.С. Пушкина. Особенно она славилась преподаванием русской литературы. Я писала довольно-таки удачные пародии на учителей, на одноклассниц, когда для этого возникал подходящий повод... Но это не было, конечно, поэзией. И я это прекрасно понимала. Из поэтов же, которых мы «проходили», ближе всех мне были Есенин и Маяковский. На создание собственных стихов, кроме тех, что я упомянула, они меня не подвигли. Сейчас бы об этом сказали – другая почва. И я с этим согласна. На дворе были первые послевоенные годы разрухи и голода. Литературу же того времени отличала схематичность, отсутствие художественности, перегиб в сторону пропагандистского начала в довольно-таки грубой, прямолинейной форме. Такая литература могла только отвратить от себя. Так и произошло, у меня пропало желание поступать на филологический факультет. Хотя в классе я считалась лучшей ученицей по литературе, и все были уверены, что по окончании школы я продолжу учебу на филфаке. Но я подала документы на экономический факультет. Свой поступок я объяснила тем, что на филфаке мне придется всё время лгать. Так я и сказала отцу. И он меня понял. А то, что мой выбор пал на этот факультет, объясняется влиянием отца. Он увлеченно занимался развитием экономики Армении и приобщал меня к её проблематике.

Итак, я поступила на экономический факультет Ереванского государственного университета. Что он являл собою в тот период – разговор отдельный. Я же хоть и ходила на занятия – моё присутствие на лекциях носило чисто формальный характер. Дело в том, что ещё в школе у нас сложилась группа, увлекающаяся поэзией, и самыми мыслимыми и немыслимыми способами нам удавалось добывать поэтические тексты, передавать их из рук в руки, запоминать наизусть, восхищаться. И, учась

Георгий Мелик-Каракозов

*Бабушка и дедушка –
Мария Ивановна и Георгий Павлович
Мелик-Каракозовы в Париже*

на экономическом факультете, я целиком и полностью была поглощена поэзией. В университете на лекциях по экономике я выбирала место, наиболее отдаленное от лектора, и углублялась в чтение очередного поэтического сборника. Так я устроила себе на экономическом факультете филологический анклав. Его преимущество перед филологическим факультетом заключалось в том, что я могла читать то, что я хотела, а не то, что мне навязала бы официальная программа... И самостоятельно оценивать прочитанное. Так, практически на интуитивном уровне, мне удалось «обойти» систему, а не столкнуться с ней лоб в лоб... «Столкновение» такое в те времена было чревато крупными неприятностями, вплоть до ареста и ссылки. Во что обойдется мне этот маневр «обхода» – я тогда не представляла. Теперь же, по прошествии стольких лет, можно констатировать, что, поступив на экономический факультет, я прорыла между собой и литературой глубокий ров, но, с другой стороны, я создала для себя возможность самостоятельных и независимых от политического климата отношений с литературой, включая и свою материальную независимость.. Насколько это было сделано сознательно и насколько интуитивно – трудно ответить, как оценить проигрыш и выигрыш.

Но я до сих пор не ответила на Ваш вопрос, что было толчком к тому, чтобы поэтической строчкой сказать Своё?

Отвечу сразу – это было знакомство с поэзией Марины Цветаевой. Её стихи оказались именно тем толчком, который разбудил и обозначил во мне то, как Вы сказали «своё», что я захотела выразить и передать словом. Знакомство же это носило совершенно случайный характер. Но слово её упало на достаточно хорошо подготовленную прежними моими поэтическими увлечениями почву. Было мне тогда 33 года. Я с отличием окончила экономический факультет, имела семью, двоих детей. Работала в горно-металлургическом научно-исследовательском институте. И вот, когда я возвращалась из московской командировки в Ереван, случайно моим соседом по креслу в салоне самолета оказался артист, летевший на съёмки в Ереван. Он прочёл мне стихи Марины Цветаевой, о которой я даже не слышала. Знакомство с её стихами и стало тем толчком, о котором Вы спрашивали.

– Ваш род, Ваше княжеское происхождение повлияли на Вас, как на Поэта?

Нет, совершенно! Княжеское происхождение на протяжении всей моей жизни никогда не влияло на меня, тем более на моё поэтическое самосознание. Самосознание поэтическое, на мой взгляд, выше княжеского. Но это к слову. Узнала я о своей принадлежности к княжескому роду Аргутинских-Долгоруких, когда мне было около пяти лет. Семья наша тогда только ещё переехала из Еревана в Москву (1936), где жила мать отца, моя бабушка, Варвара Александровна Вермишева, урождённая княжна Аргутинская-Долгорукая, со своим старшим сыном Григорием. Но его арестовали, как арестовывали тогда многих без доказанной вины. Происхождения и того, что в прошлом Григорий Вермишев был офицером Генштаба Царской России, было достаточно, чтоб его арестовать. Бабушка моя, его мать, находилась в преклонном возрасте, и оставлять её одну после ареста Григория мой

*Дед — Георгий Мелик-Каракозов,
министр народного образования и искусств
в первом правительстве Республики Армения в 1918–1919 гг.*

*Бабушка – Варвара Александровна
Вермишева, урожденная княжна
Аргутинская-Долгорукая*

отец, её младший сын, не мог. И вот, переехав из Еревана в Москву, я совсем малышкой столкнулась с тем, что соседские мальчики, как только я выходила в общий наш коммунальный коридор, как по команде, набрасывались на меня и начинали колотить. Мне же, девочке, по ереванским понятиям, драться с мальчишками было неприлично, даже зазорно. Вот они и могли меня безнаказанно бить. И я пыталась уговорить маму побить моих обидчиков, или пожаловаться их родителям, чтоб они сами их побили или как-нибудь по-другому наказали. Но ни того, ни другого мне добиться от мамы не удавалось. Она мне предлагала, раз отношения у меня с соседскими мальчиками (а в нашей коммуналке не было ни одной девочки) не складываются, сидеть дома, тем более что игрушек и книжек у меня предостаточно. И тогда я обратила свои взоры на отца, который мне обычно во всём потакал. Но и он в ответ на мои жалобы на соседских мальчишек сначала долго молчал, а потом сказал: «Запомни: ты княжна Аргутинская! Аргутинские не плачут и не жалуются». И замолчал. Молчала и я, не зная, что мне делать с этим новым знанием о себе, почему оно меня обязывает «не плакать и не жаловаться»? А мне так хотелось и плакать, и жаловаться, И чтобы меня жалели и защищали. И не для того я обратилась к папе, чтоб он мне сказал про князей Аргутинских, а чтобы он побил соседских мальчиков, моих обидчиков. Но пока я об этом размышляла, отец мой, поднявшись со стула, сказал: «Вот что, Сэда; я подумал и решил обучить тебя боксу, чтобы ты умела сама себя защитить». И, взяв мою руку, он стал учить меня приёмам бокса.

Так я была поставлена в известность о своем княжеском происхождении, и о том, что оно несовместимо с плачем и жалобами. Происхождение, получалось, не облегчало мою жизнь, а накладывало ещё и некие дополнительные обязательства, можно сказать, бремя, которое я должна была нести. И это было совсем не то, чего я ожидала от своего отца. Мне было тяжело. Но смысл сказанного я поняла, и уже на следующий день смогла продемонстрировать, как хорошо я усвоила его уроки. Вечером, когда отец возвращался с работы, он увидел меня всё в том же нашем коммунальном коридоре, сидящей верхом на соседском мальчике и нещадно бьющей его. Услышав шаги отца, я торжествующе повернула к нему голову и демонстративно нанесла своей жертве ещё один удар, прямо в лицо. И я снова победно взглянула на отца, ожидая одобрения. Однако, к моему разочарованию, отец, строго взяв меня за руку, повёл домой. Я пыталась заглянуть ему в глаза, надеясь прочесть в них объяснение такой холодности. И я услышала: «По лицу нельзя бить, чтоб я этого больше никогда не видел». Понутив голову, я молча доплелась с ним до нашей квартиры, и за весь вечер отец не сказал мне ни слова. А мне стало понятно, что княжеское звание – это совсем не право на поблажки, а некий дополнительный груз ответственности и спроса с самого себя, и это правило, которое нельзя переступать.

Потом я не раз слышала, как взрослые, говоря обо мне, вспоминали слова моей бабушки, Вар-

*Герб рода князей
Аргутинских – Долгоруких*

вары Александровны, что из всех её внуков только я пошла в Аргутинских. Правда, никто и никогда в подкрепление этих слов, к сожалению, не приводил каких-либо аргументов. Спросить их об этом я стеснялась. И мне приходилось самой ломать голову, что именно соответствует во мне роду Аргутинских. Но ответа на этот вопрос я по сей день не нашла. И ещё я пользовалась особым расположением уже упоминавшегося мною старшего брата отца, дяди Гриши. Рождённый и получивший воспитание и образование ещё в Царской России, он впитал в себя и нёс в себе все черты естественного дворянского аристократизма, независимо от сменившегося в стране строя и условий жизни. Я же сама иногда задумывалась, надо ли мне гордиться и чувствовать свою исключительность, раз мои предки были столь высоки в своих званиях и отличиях? И сама себе отвечала, что стыдно чувствовать себя причастной к заслугам, которые совершал не ты, а твои

предки, что надо самой совершить что-либо достойное и героическое, а не быть чьей-то отражённой тенью. Мысли эти были искренними, без малейшей доли лукавства, так как помимо представления, что гордиться можно только тем, что совершено непосредственно тобой, они соответствовали естественному демократизму ребёнка, выросшего в коммуналке, где соседями была семья дворника Вани, а его два сына – моими лучшими друзьями детства, которых я помню и по сей день – Вовка и Витька, и ещё поп с попадьей, имени которых я не помню, но помню, как я и другие дети нашей коммуналки кричали им, как только они выходили из своей комнаты: «Гром гремит, земля трясётся, поп на курице несётся!» и громко, вызывающе хохотали. Религиозности не было и в помине. Были и дети интеллигенции, разнонациональных, разносоциальных групп, но для нас, детей, эти «разно» не имели никакого значения. Важно было только то, что ты сам из себя представлял. И здесь благодаря отцу, научившему меня боксу, а также правилу не плакать и не жаловаться, то есть не быть плаксою и ябедой, я стала признанным лидером среди мальчишек нашего дома. И иногда, вспоминая про Аргутинских, я думала, «зачем мне они, я сама – Сэда, и могу, если захочу, набить и Эрку, и Альку (Эрика и Алика), и любого мальчишку». И мне этого самосознания было достаточно, оно не нуждалось в титулах и славе прошлого. Я чувствовала себя хозяйкой своего настоящего и была счастлива. Не могу не заметить, как это отличается от нашего времени, когда настоящее покрыто серой тенью неопределённости будущего, и есть ли оно у нас? Но сейчас не об этом. Упоминать о моей причастности к роду Аргутинских-Долгоруких устно и в прессе стали в конце 80-х годов в связи с Карабахским движением. А так как я была его активным участником, то воспоминания о моих предках и само карабахское движение, по мысли авторов статей, очевидно, обретало некую дополнительную значимость. Те времена прошли, и теперь в этом вопросе уже работает инерция. Однако не могу не вспомнить рано ушедшего от нас замечательного человека, писателя, тонкого критика Михаила Письменного. Я попросила его написать предисловие к моей вышедшей тогда в Москве книжке: «Мятежная нежность» (2008). И когда я прочла предисловие, я была удивлена, как много места он уделил и придал значения моим предкам. Он писал о том, что Российскую Империю создавали не только этнические русские, но и такие, как Аргутинские-Долгорукие, в частности, он упоминал видного деятеля времен правления Екатерины Второй архиепископа князя Иосифа Аргутинского-Долгорукого, сподвижника Суворова и Потёмкина, и, если не ошибаюсь, сейчас я этого не могу проверить, генерал-адъютанта Его Величества князя Михаила Захаровича Аргутинского-Долгорукова, героя войны России на Кавказе, удостоенного высших наград России, перечислять которые не хватит пальцев на моей правой и левой руке. Осознание глубины и обоснованности, понимания Михаилом Письменным исторического развития России пришло ко мне позже, и связано оно с моими нынешними представлениями о таких категориях, как этнос, нация, культура, мышление, язык, поведенческие стереотипы, понятийная система и её структура и много чего другого. Тема сложная и очень актуальная в наши дни безответственной и волонтаристской ломки единого многонационального,

но и гомогенного пространства сначала Российской Империи, а затем её преемника СССР.

– **Какие у Вас были ощущения, когда вышел первый сборник стихов?**

– Выходу моего первого сборника стихов столько предшествовало, притом негативного, что если я начну об этом рассказывать, получится отдельная повесть. Соответственно и мой первый сборник выходил с большим трудом. Уже подписанный к печати, он был по доносу рассыпан. Формулировка гласила: «Книга не антисоветская, но и не советская». После смелости руководства издательства и Госкомпечати, книжка «Солнце стоит высоко» увидела свет. Редактором этой ереванской книги был Григорий Левин, московский поэт, переводчик, руководитель легендарного московского литературного объединения «Магистраль». Григория Левина я считаю своим учителем. Он, как редактор, разослал мою книжку в один печатный лист, величиной с ладонь, известным поэтам, и я неожиданно получила письма от Николая Тихонова, Степана Щипачева, Льва Озерова, Валентина Катаева, Всеволода Рождественского, Валентина Катаева, Леонида Мартынова и др. Для меня это было неожиданно. Сразу же на выход книжки откликнулись рецензиями Сильва Капутикиян и Ирина Снегова. Конечно, это не могло не радовать, но до этого я так намучилась, что для радости не оставалось сил, мой путь от первых стихотворных опытов до книжки «Солнце стоит высоко» был тернист. И с терниями этими я столкнулась, прежде всего, в Армении.

Сэда Вермишева с Николаем Ивановичем и Людмилой Сергеевной Рыжковыми

– **Для Вас что такое поэзия?**

– Мир, который творит меня и мир, который творю я.

– **Как вдохнуть в поэтические строки жизнь так, чтобы затронуть душу человека?**

– По-моему, по заказу этого сделать нельзя. Даже если заказчиком являешься ты сам.

– **Вы разделяете поэзию на мужскую и женскую?**

– Нет, ни в коем случае.

– **Ваши учителя в поэзии?**

– Марина Цветаева. Более ошеломляющего впечатления на меня никто из поэтов не производил. Потом её место заступил А. Блок.

– **Для Вас что такое поэзия?**

– Мир, который творит меня и мир, который творю я.

– **Как вдохнуть в поэтические строки жизнь так, чтобы затронуть душу человека?**

– По-моему, по заказу этого сделать нельзя. Даже если заказчиком являешься ты сам.

– **Вы разделяете поэзию на мужскую и женскую?**

– Нет, ни в коем случае.

– **Ваши учителя в поэзии?**

– Марина Цветаева. Более ошеломляющего впечатления на меня никто из поэтов не производил.

Потом её место заступил А. Блок.

– **Как поэту сформировать собственный стиль?**

– Мне кажется, сделать это искусственно невозможно. Здесь уместно для меня перефразировать слова Б. Пастернака: «И быть собой. Собой – и только. Собой – и только, до конца».

– **Как обновлять себя? Как Вы находите новую свежесть в душе и в творчестве?**

– С возрастом меняются воззрения, на многое начинаешь смотреть по-иному. Наступает новое время, новый опыт, новое его осмысление. Насколько это новое осмысление будет интересным, значимым для окружающих, зависит от тебя, от индивидуальности и яркости, от значимости твоей личности. Всё упирается в личность, в личностные качества человека.

– **Как влияют на Вас окружающие люди?**

– И положительно, и отрицательно. Наибольший эффект, если так можно выразиться, даёт единомыслие, схожесть нравственных приоритетов. И наоборот, человек противоположных взглядов, иной ментальности, как сейчас выражаются, вызывает отчужденность, враждебность, или провоцирует пассивное состояние, равнодушие, безразличие к окружающему миру. Что ещё хуже.

– **Вы могли бы описать Ваш удачный творческий день и самый обыкновенный?**

– Нет, не смогу. Между творческими и обыкновенными днями у меня нет разницы. Все дни – творческие, все творческие дни – обыкновенные. Именно они предоставляют мне материал, наиболее адекватный самой жизни.

– **Есть ли у Вас истории, связанные с Вашими книгами?**

– Есть, и не одна, включая достаточно драматические. Например, истории, связанные с москов-

ским издательством «Советский Писатель». Большого произвола, чем тот, что царил в этом союзном издательстве, трудно представить. И мне выпало пройти здесь все круги ада. Ложь, групповщина, вкусовщина, за редким исключением, были отличительными чертами работы этого издательства. Сюда надо добавить и пропажу чемодана с рукописями, которые я везла из Еревана в Москву для работы с редакцией издательства. Однако, мир не без добрых людей. Такими добрыми людьми для меня в этом издательстве оказались М. Числов, зам. гл. редактора издательства и В. Мальми, редактор отдела поэзии. Они на самом деле и добрые, и порядочные люди. Михаила Числова нет уже. Вале Мальми – попробую дозвониться. Удалось выжить и издать книгу.

– **Несколько вопросов о Вашей личности: какая Ваша главная черта характера?**

– Обычно это бывает виднее со стороны. Рискну предположить, что для меня главное правило: общее выше частного. Именно здесь проходит, на мой взгляд, водораздел между идеологией прошлого и нынешнего времени.

– **Вы любите больше посмеяться или погрустить?**

– Не люблю ни того, ни другого. Не люблю праздности.

– **Верите ли Вы в то, что государствами должны править философы и поэты?**

– Мне кажется, что жизнью нашей, по большому счету, управляют естественные и общественные процессы. Приоритет процессу. Человек, способный понимать процессы, наиболее, на мой взгляд, подходит для управления государством. Здесь нужна мудрость. И умение принимать решения. Управление – это врожденный дар, который, как и поэтический дар, даётся свыше. Управленец должен обладать, прежде всего, чтоб не стать тираном, врожденной человечностью.

– **Приглашают ли Вас выступить перед какими-то аудиториями? Какая встреча Вам запомнилась?**

– Приглашений было очень много. Всех не упомнишь. Но все они оставляли в душе свет и благодарность. Больше всего запомнились и продолжают помниться встречи в ЦДЛ, ЦДРИ, в Некрасовской библиотеке.

– **Чего Вы желаете молодым поэтам?**

– Чтоб их минула горечь разочарований.

– **Почему иногда Вы отходите от своей поэзии и обращаетесь к публицистике: то к А.Блоку, то к А. Грибоедову?**

– Но ведь и Блок, и Грибоедов, при всем своем поэтическом совершенстве, личности мыслящие историческими и социальными категориями. Именно это и делает их великими, тем, чем они являются для нас.

– **Не могли бы Вы коротко сформулировать Ваше отношение к актуальным событиям в Сирии, на Украине, на Донбассе, в Армении, по выбору?**

– Попробую. Коснусь сначала наиболее общих положений, которые, в конечном счете, и определяют частности, в данном случае происходящие в названных Вами точках. Можно сказать, что события во всех точках подчинены одной цели, но достигаются разными путями.

Цель эта, как ни тривиально это звучит, установление глобалистскими силами финансово-промышленного мирового капитала мирового порядка, отвечающего интересам «золотого миллиарда». В частности же, если мы возьмем Сирию, то для России – это возможность базирования военного морского флота в Средиземном море. И этого одного уже было бы достаточно, чтобы Россия проявляла интерес к этому региону. Кроме того, Сирия – это граница с Израилем и возможность влиять на конфликтные ситуации в этом регионе на той или другой стороне. И возможность транспортировки углеводородного сырья России, к берегам Европы, независимо от ситуации и отношений, складывающихся в Босфорском проливе. Сирия – это, практически, последняя опорная точка России в арабском мире, после того, как все остальные арабские нефтеносные страны в результате реализации проекта США «Большой Ближний Восток» оказались, фактически, под оккупацией Америки. Игра, как говорится, стоит свеч.

– **Благодарю Вас, Сэда Константиновна!**

Проза

Алексей Новгородов

Новгородов Алексей Викторович родился 12 апреля 1961 года в Подмосковье. Служил в Воздушно-десантных войсках, затем – двадцать лет солдатом правопорядка, от слушателя Московской высшей школы милиции МВД СССР до руководителя подразделения центрального аппарата МВД России. Участник Первой и Второй чеченских кампаний. Был ранен. Полковник милиции, награждён четырьмя орденами Мужества (1998, 1999, 2000, 2008), медалями, в том числе медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии «Фемиды» (2010) и премии Фонда Всехвального Андрея Первозванного и Центра Национальной Славы России «За Веру и Верность» (2014)

Отложенный гол

Повесть

Никакой силы воли не хватит у малолетнего сладкоежки пройти мимо аппетитных россыпей шоколадных конфет, медленно ползущих по ленте конвейера готовой продукции в гардеробную своих красивых одежд – цветных фантиков. Стоять, сглатывая слюну, любоваться кубиками, квадратиками, пирамидками, дурманящими своими ароматами воздух и детские мечты, и не запустить руку в проплывающие мимо свежайшие конфетки, выше каких-либо сил. И уже совсем не совпадает это желание с жёстким инструктажем классного руководителя, устроившего изуверски-издевательскую для детской психики экскурсию на кондитерскую фабрику.

Меня, не отличающегося послушанием и не прошедшего тест на доверие, не взяли на эту экскурсию. Впрочем, меня не брали и на другие мероприятия, на которых пытливый мозг неординарного ребенка, его желание убедиться во всём лично, потрогать своими руками и стремление к совершеннью неожиданных самостоятельных поступков могло скомпрометировать безупречную репутацию образцовой Косинской средней школы №24 и в довершение порушить добропорядочную историю уважаемой семьи Новгородовых.

Моя мама Евдокия Андрияновна, в отличие от мудрого, тихого и реально любящего отца, – бескомпромиссный человек, желающий безоговорочного, только идеально-светлого в своём понимании, стерильно-безоблачного будущего своим чадам. Слава Богу, детей, на моё счастье, у них двое, иначе бы я не вынес нескончаемой лавины её необсуждаемых пожеланий в виде приказов, наставлений, инструкций и распоряжений с тотальным контролем под видом материнской заботы, реализация которой ложилась на наши с братом плечи.

– На нашей улице жил гармонист, – как-то, закатив к небу глаза, ударила мама в сладостные воспоминания. – Все девчонки любили его. Да и по жизни он не перетруждался, что в её понимании было критерием благополучия. – Он со своей гармошкой всегда был востребован, «и сыт, и пьян, и нос в табаке». – Но прогресс не стоит на месте, и снова, наложив строгую печать на своё волевое лицо и сменив лилейные воспоминания на приговор без права на обжалование, продолжила она: – На смену двухрядной гармонии пришёл голосистый баян, в связи с чем, дорогие мои дети, вы пойдёте учиться в музыкальную школу по классу баяна. Из уважения к вашему отцу (хотя в то время уже произошёл разрыв их отношений) вас туда приняли без экзаменов.

И, приводя приговор в исполнение, первого сентября после уроков, когда вся ребятня бросилась догуливать последние часы летних каникул, мы с братом Анатолием были этапированы в музыкальную школу под конвоем гордо задравшей голову мамы Дуси, реализующей свои планы эстетической направленности. Смотрите! Завидуйте! Мои-то вот какие!!! В музыкалку идут! Жалко только, что для пушей убедительности и подтверждения предмета гордости, тащить с собой баян было крайне

неудобно и тяжело, а тем более весело и непринуждённо размахивать им, демонстрируя причастность к «вечному и прекрасному», как это делают утончённые позёры-скрипачи, элегантно помахивая футляром со своим инструментом.

Признаюсь честно, из всех музыкальных талантов у меня был всего один – это безоговорочное уважение директора музыкальной школы к моему отцу. В связи с чем я в своём счастливом детстве испытал на собственной шкуре, вместе с воспитанием чувства прекрасного, все этапы становления мировой религии в виде православного смирения и католической инквизиции одновременно.

По пути в музыкалку, тяжелее всего оказалось проходить мимо хоккейной коробки, на которой мои одноклассники гоняют клюшками теннисный мячик, мысленно представляя себя уже в зиме, когда наконец-то встанет настоящий лёд, и этот минимячик полноправно будет заменён на настоящую шайбу, проходить мимо своей мечты, мимо того, что кипит в тебе ядерным реактором, что заполняет тебя всего-всего без остатка, будоражит лучшие порывы неуёмной души, мимо настоящей борьбы, скорости, столкновений, разбитого носа, содранных в кровь локтей и коленок и неопишемого блаженства от рвущего голосовые связки, радостного крика: «Го-о-л!!!» Такое равносильно экскурсии на кондитерскую фабрику, это даже круче настоящего христианского смирения.

После чего, наступив на горло собственной песне, переступаешь порог музыкального храма, где невольно ищешь глазами табличку: «Оставь надежды, всяк сюда входящий!» По-моему глубокому убеждению, казематы Бутырской тюрьмы и это культурное заведение строились по одному проекту. Класс для игры на баяне был пугающе узким и длинным, наверное, потому, что он предусмотрительно был оборудован шумопоглощающими панелями, чтобы наружу не вырвался ни единый звук: ни рвущие душу стоны попавших сюда детей, ни издевающиеся над музыкальным слухом баянные завывания, отдаленно напоминающие мелодии творческих произведений, усиленно перевираемые нерадивыми учениками. И как последняя точка в этой ледящей крови картине, строго посередине узкого, пугающего своим видом класса-камеры, как в фильмах про «застенки гестапо», стоит нависающий ужас одинокий стул с предметом пыток в виде потрёпанного сотнями измученных детских рук баяна.

Положив на эшафот культуры три месяца беспросветной жизни, я, к удивлению даже для самого себя, освоил гамму «до-мажор» и нетленное произведение «Дождик», исполняемые двумя пальцами. И как высший, для меня, пилотаж игры на баяне, единожды нажимая третьим, но только на клавишах для правой руки, потому что исходную кнопку с вмятинкой для тринкания левой рукой мне с горем пополам обнаружить удаётся, но совместить игру обеими руками, это уже запредельные требования для моих музыкальных возможностей даже под угрозой дополнительных занятий. Одна отрада в выпавших на мою долю культурных страданиях – по пути в музыкальную школу завернуть к хоккейной площадке и, несколько минут завидуя, наслаждаться игрой одноклассников.

* * *

Температура в салоне автобуса несколько не отличалась от пощипывающего щёки морозца за бортом, при одной только разнице, что здесь не гулял прохладный ветер, подло забирающийся под пижонски распахнутый воротник. Окна в салоне, улавливая выдыхаемый пассажирами изо рта пар, нежно раскладывали эту влагу в соавторстве с морозом на стёклах, разукрашивая их неповторимыми сказочными узорами и отделяя нас этой нерукотворной красотой от всего происходящего на улице.

Подъезжая к остановке, водитель стал притормаживать, но автобус, потеряв сцепление на обледеневшей дороге, качнуло и стало бросать из стороны в сторону, а потом понесло в занос. Водитель не стал упираться, чтобы во что бы то ни стало остановиться именно на остановке, а наоборот, отпустив тормоза, слегка подгазовывая, выровнял машину и, убедившись в безопасности, уверенно остановил автобус на приличном расстоянии от ожидающих пассажиров, недалеко от входа в Центральный Дом культуры. Он специально открыл только переднюю дверь, поджидая спешащих от остановки людей, чтобы лично извиниться перед каждым за доставленные неудобства и переживания, хотя недовольных не было, а даже наоборот, выходящие выражали своё почтение за его мастерство. А для меня это вообще стало настоящим приключением: теперь-то я уж точно стану гвоздём внимания и во всех подробностях, да с приукрасами, буду рассказывать друзьям, как чуть было не попал в автомобильную аварию. И с этими радужными мыслями, выпрыгивая из автобуса, я увидел, как из боковой двери Дома культуры с клюшками наперевес на хоккейную площадку выхо-

дят мои друзья-одноклассники, одним только своим видом цепляя меня за самое живое и показывая, кто здесь настоящие герои.

Неожиданно от них отделился и, как на родного, бросился на меня сосед по парте Серёга Денисов.

– Лёха, какой ты молодец, что приехал! «Грач», Витька Грачёв, заболел, в воротах стоять некому. Выручай.

Такие понятия, как «друзья», «честь класса», «люблю», «хочу» и «надо» резко встали плечом к плечу по одну сторону душевных баррикад, сплотившись против одинокого «приходится», и не очень-то и сильной, мягко выражаясь, тяги к прекрасному. Борьба была недолгой. Где-то в закромах Дома культуры ребята откопали старую вратарскую маску. Слегка порванная крага надёжно защищала правую руку и уверенно удерживала клюшку, а забытая кем-то шапка-ушанка, зажатая ладонью и привязанная к левой руке подкладкой наружу, достойно заменила вратарскую ловушку. Экипировку венчали высокие валенки и плотно завязанная под подбородком шапка. Они превратили меня в настоящего голкипера.

– Вперед, Лёха! Мы в тебя верим, – по-дружески похлопывая клюшками по заднице, подбадривали меня довольные одноклассники, выходя на лёд. Последним припечатал свою клюшку Серёга, как бы извиняясь за то, что втащил меня в эту авантюру.

Лёгкая дрожь в коленках, мандраж, нервное напряжение и слабая неуверенность улетучивались с каждым шагом по льду настоящей хоккейной коробочки. Уверенность входила в каждую клетку моего задыхающегося от счастья организма, наполняя решительностью напряжённые мышцы. И когда я занял створ ворот, непоколебимость того, что не то, что шайба, ни одна снежинка не влетит в защищаемые мной ворота, уже витала над всей площадкой и накрывала тех, кто осмеливался взглянуть в прорези вратарской маски, в которых невероятной решимостью сверкали мои сверхсредоточенные глаза.

Школьный физрук Зотыч, на дилетантском уровне разбирающийся в хоккейных правилах, но пользующийся непререкаемым авторитетом учителя физкультуры, поднёс свисток ко рту. Перед тем, как дать сигнал начала игры, ещё раз оглядел игроков. Остановил на мне свой взгляд и подозрительно долго всматривался во вратарскую маску, стараясь узнать, кто под ней скрывается. Так и не найдя в своей памяти подходящей кандидатуры на это вратарское инкогнито, вбросил шайбу, сопровождая начало игры пронзительной трелью свистка.

Наши вечные соперники с первого дня учёбы в школе, заносчивые ребята из параллельного класса «А», по воле первенства в алфавите считающие себя лучшими во всём, сразу же бросились в атаку, пытаясь на первых же минутах забросить шайбу, а то и две, чтобы потом в комфортных условиях размазывать противника по всей площадке, доводя счёт до разгромного результата.

Первый же бросок по моим воротам от синей линии, рассчитанный на силу и точность, я легко парировал, немного выкатившись под удар, сократив угол обстрела. Приняв шайбу на грудь, я сгруппировался, и, упав на колени, надёжно прижал её ко льду, выставив перед собой для защиты клюшку, сродни русским витязям, укрывающимся богатырским мечом от налетевших, как вороньё, «А-шек». Второй и третий, десятый броски для меня слились в сплошной навал, которые я отражал, всегда вставая на пути шайбы в нужном уголке ворот по какой-то интуиции, звериному чутью, реакции мангуста и явно Божьей помощи. Атаки сыпались как из рога изобилия, но я был в ударе, разрушая их хитросплетения, направленные на внутреннюю часть сетки наших ворот.

Воодушевлённые надёжностью защитных редутов, мы стали контратаковать, а к третьему периоду уже плотно обосновались в зоне обороны «А-шек», но, к сожалению, безрезультатно. И всё-таки на последних минутах матча наши нападающие: Олешка Шукаев, Травкин Юрка и Жека Романов, – под стать легендарной тройке: «Михайлов, Петров, Харламов», – закрутили такую карусель у «А-шных» ворот, в суматохе которой даже непонятно, кто и как, всё-таки протолкнули шайбу за заветную линию, что мгновенно зафиксировал Зотыч своим свистком. От моего радостного крика «Го-о-л!!!» чуть не полопались стёкла в доме культуры, ведь я впервые почувствовал непосредственную причастность к заброшенной шайбе.

Придя домой, я светился, как новый пятиалтынный, и сам, без напоминаний и угроз, что для домашних стало полной неожиданностью и как-то подозрительно, под предлогом выполнения музыкального домашнего задания, разложив перед собой партитуру, стал изрыгать из баяна звуки, сопровождая их своим надрывным воем, вычитывая нараспев раскладку слогов над нотами:

Дождик, дождик, кап да кап,
Ты не капай долго так.
Дождик, дождик льётся,
В руки не даётся.

Ничего другого я не знал и не умел, поэтому гоняя эти четыре строчки по кругу, сопровождая их тремя нотами и не всегда попадая в такт, я за полчаса изрядно поиздевался над слухом присутствующих и не успевших разбежаться мамы Дусиных гостей. Окончательно закрепив у соседей ненависть к гармошко-баянным звукам, я с чувством выполненного долга взялся за выполнение своих домашних обязанностей.

Работу я выполнял чисто механически, в мыслях находясь всё ещё там, на хоккейной коробочке, продолжая и продолжая парировать, блокировать, отбивать и ловить шайбы, внутренне упиваясь наслаждением гармонии духа и тела.

Еле дождавшись следующего матча, я уже без малейших колебаний и угрызений совести облачился в импровизированные вратарские доспехи, и, защищая честь и флаги родного «В» класса, без трепета и страха, самозабвенно бросался под каждую шайбу, прерывая её полёт к заветной сетке за моей спиной. Синяки на моем теле появлялись как грибы после дождя, но боль от жёстких столкновений, ударов клюшками, пушечных выстрелов шайбой были абсолютно ничем, я их даже не замечал, я упивался счастьем. На льду я творил чудеса вратарского мастерства, потому что здесь и сейчас сошлись мои грёзы, встретились мои мечты, такие разные, но чистые, как первый снег, заполняющие душу и сердце без остатка. У бортика хоккейного счастья, рассыпав на плечах выбивающиеся из-под шапки золотые волосы, стояла богиня красоты, внучка одного из верховных богов Олимпа, властелина морей Посейдона, небесная Лариса – греческая птица «Чайка», но волею злого рока одноклассница наших соперников Лариса Ширинова. Она светилась великолепием и изяществом и словно пронзала реальность неземными лучами своих глаз, наблюдая за игрой.

Очередной бросок я поймал импровизированной шапкой-ловушкой, вытащив стопроцентную шайбу из девятки, летевшую под перекрестье перекладины и штанги ворот, услышав возглас её разочарования. Как жаль, что классы «В» и «Б» разделены, подобно семьям Монтекки и Капулетти, где в борьбе за честь класса я уже в сотый раз, проявляя самоотверженность и бесстрашие, вытаскивая шайбу из заварухи у своих ворот, лишил объект своего воздыхания неземной радости: в восторге прыгать с криком «Го-о-ол!» Зато наши бомбардиры: Денисов, Черников, Травкин, Шукаев, – накидали им столько шайб, что болельщики «Бэшек» понуро разбрелись в поганейшем настроении, не дожидаясь финального свистка, который в очередной раз зафиксировал мою сухую серию стояния на ноль.

Эту победу я отметил дома сорокаминутным «Дождиком» и туда-сюда гоняемой гаммой: До-ре-ми-фа-соль-ля-си-до, До-си-ля-соль-фа-ми-ре-до, До-ре-ми-фа-соль-ля-си-до, До-си-ля-соль-фа-ми-ре-до. Наша преданнейшая собака «Злючка» знаменитой породы «ДВОРтерьер», не в силах исчезнуть из закрытого помещения, надрывно и безостановочно лаяла, выла и скулила, пытаясь переорать мои экзерсисы, намекая, что её звуки всё-таки приятнее для любого слуха, включая собачий, нежели мои баянные издевательства. И если бы у неё хватило соображалки, она вполне могла бы заменить меня на музыкальном шумоизуверском поприще, сохраняя в целости хотя бы свои уши и нервы.

Успешно закончив час «музыкального садизма», отводящего подозрения от моих регулярных прогулов, и наспех сделав школьное домашнее задание, я побежал на озеро, где мой старший брат Анатолий с друзьями уже очистили лёд от снега. И, соорудив подобие хоккейной площадки, они разделились на две команды, экипированные самое что ни на есть по-дворовому: кто на коньках, кто в ботинках, кто в крагах с профессиональной клюшкой, а кто в телогрейке и валенках, но в шлеме. Складывалось ощущение, что вся эта неумная ватага поймала одинокого заблудившегося хоккеиста, прямо здесь раздела его догола, поделила доставшееся обмундирование и в наспех надетых трофеях вывалилась на лёд, представляя себя, как минимум, второй сборной Советского Союза. Однако в настоящем хоккее главное не внешнее, главное, чтобы были шайба, клюшка и огромное желание. С таким настроением созданные по принципу детской считалочки команды начали ледовую битву, которая по накалу страстей сродни финалу за золотые Олимпийские медали.

Прибежав и даже не переведя дыхания, я выскочил на поле, сразу вкатившись в жёсткую схват-

ку за сохранение наших ворот. По неписанным дворовым правилам, количество игроков на площадке – в пределах разумного – не ограничено, поэтому моё появление было воспринято, как подмога проседающей команде брата, бьющейся в меньшинстве из-за неравного количества собравшихся. При взгляде со стороны на этом поле брани только брат был единственным игроком, похожим на хоккеиста из телевизора: во вратарских доспехах, надетых по праву старшинства, приоритета и неоспоримого таланта, а также безупречного спортивного подражания, в лучшем понимании этого слова, легендарному Владиславу Третьяку. А мне, невзирая на успехи в школьном чемпионате, досталась роль защитника, которая, впрочем, ничуть не легче, если играть с полной самоотдачей. Бегаю по скользкому льду в неприспособленных для этого тяжёлых валенках, задыхаясь от избытка свежего воздуха, выворачивающего наизнанку лёгкие, и разливающегося по организму неопишуемого чувства счастья, я даже умудрился быть в мгновениях от чуда, в восторге вскинуть руки, забросив мощным щелчком шайбу.

Но уже обыгранный и оставшийся за моей спиной Мингалёв Валерка неестественно извернулся на скользких, разъезжающихся ногах и, падая, выбил шайбу прямо из-под удара, оставив меня с занесённой для щелчка клюшкой на неопределённый срок, может, до завтра, а может, и на долгие-долгие годы.

К сожалению, эта, как и все другие подобные, игра, в которой команды стояли до победного, насмерть, как на Куликовом поле, в которой никто не хотел уступать, закончилась не финальным свистком, а опустившимися сумерками и потерянной в сугробе последней шайбой.

Непримиримые соперники на льду, после хоккейных баталий готовые «..жизнь положить за дружи своя» расходились, еле передвигая от усталости ноги, смеясь и весело подтрунивая друг над другом, с одной мечтой: быстрее здесь вновь скрестить клюшки за каучуково-резиновый чёрный диск.

Мечты – на то они и мечты, чтобы к ним пробиваться сквозь тернии бытовых трудностей, школьных занятий, домашних заданий, кучи разных неотложных дел и взрослых поручений, наваливающихся неподъёмным грузом на детские плечи.

Всё-таки взрослые – это интересные люди, которые, по-моему, никогда не были детьми. Они думают, что гораздо лучше знают, что сейчас полезнее и нужнее мне, живущему среди своих сверстников своим миром, своими проблемами, закаляя свой характер и выстраивая те отношения, в которых мне ещё предстоит жить да жить, дай Бог, до ста лет.

* * *

К весеннему потеплению я уже скатился в стабильные троечники, иногда разукрашивая школьный дневник даже неудами, сам удивляясь и радуясь случайным четвёркам и ещё более редким пятёркам, залетающим по старой памяти в учительский журнал. Зато за пределами школы происходило моё настоящее становление: я клюшкой, зубами, глоткой и кулаками завоёвывал себе шрамы, имя, авторитет и любовь на всю оставшуюся жизнь.

И даже с годами, украсив голову благородной сединой, мы, вышедшие с хоккейной площадки, всё равно остаёмся детьми. Детство не покидает нас никогда, лишь меняя одни игрушки на другие, оставляя бессменными воспоминания, нереализованные мечты и не забытые шайбы. И только годы, наслаиваясь друг на друга, заменяют в калейдоскопе жизни светлые радужные стёклышки надежды и беззаботного счастья на серые зеркала действительности и чёрные камни потерь с быстрой сменой разнообразных лиц, явлений, событий, образов, впечатлений и уходящих лет.

Атаки ледовых баталий переросли в боевые атаки настоящей войны. Любимая хоккейная площадка сменилась горами полыхающей Чечни. На смену беззаботным дружеским посиделкам пришли допросы бандитов и преступников разных мастей. Калейдоскоп жизни закрутил разноцветные пазлы моей судьбы, иногда демонстрируя какой-то яркий фрагмент, заостряя на нём внимание, затем отодвигая его в дальний уголок этой недетской философской игрушки, чтобы потом под другим углом показать его, осветить иным светом, обрамляя совсем другими красками понимания.

Получив в воздушно-десантных войсках пожизненную прививку «Никто, кроме нас» и стократ закалив в Московской высшей школе милиции МВД СССР чувство обострённой справедливости, я шагнул из хоккейной коробочки в удивительно разнообразный и непредсказуемый мир уже настоящим защитником – Оперуполномоченным московского уголовного розыска.

* * *

Нисколько не сомневаясь, что мир ждал только моего прихода в правоохранительную систему, чтобы, наконец-то, вбить осиновый кол и забить последний гвоздь в крышку гроба распоясавшейся преступности. Получив хоть и синий, но всё-таки диплом оперуполномоченного с высшим юридическим образованием, я досадовал лишь об одном, что создать беспреступный рай мне придётся только на отдельно взятом участке местности, ограниченном зоной административного действия 65-го отделения милиции города Москвы.

– Молодой, прости, забыл, как тебя зовут. На тебе денег, сбегай за водкой, – обескуражил меня, не успел я переступить порог теперь уже моего кабинета, как будто мы в какой-то шарашкиной конторе, а не в милиции, опоздавший на моё представление худющий, как жердь, опер Андрей Михайлович Першин, которого мне и определили в напарники.

– Да, время пока ещё рабочее, – попытался я возразить. – А вечером я обязательно проставлюсь. Что, я не понимаю: прописаться в коллективе – святое дело, да и наставника из РУВД Платонова Сергея Константиновича пригласить надо.

– Погоди ты с пропиской, шустрый какой нашёлся. Делай, что тебе старшие говорят.

Назавтра и в последующие дни вплоть до выходных я бегал по району, высунув язык, как добытчик горячительных напитков, потому что Горбачев, будь он неладен со своим сухим законом, подложил большую кучу дерьма в вечерние посиделки и межчеловеческие отношения. Но местная алкашня и лица с так называемой «низкой социальной ответственностью», знающие в районе посредством «сарфанного радио» абсолютно всё, с которыми приходилось разговаривать на одном языке, балансируя, чтобы стать для них своим, но не опускаясь на их уровень, уже к концу недели без проблем давали наводку: в какой магазин, сколько и даже в какой таре завезли «зелёного змия», после чего в результате дипломатических переговоров на высшем уровне с заведующим либо директором магазина я возвращался в храм правоохранительной системы с булькающей добычей и скрытно от всевидящего начальства передавал её Андрею Михайловичу. «...Старший приказал...». Перекладывая ему в стол бутылки с огненной водой и мило улыбаясь, я думал: «Когда же ты, сволочь, наконец-то напьёшься? И когда мы приступим к настоящим оперативным делам и раскрытию преступлений?»

– Лёшка, ты вроде десантник?! – в полуутверждающем, но каком-то шутиливом тоне спросил Першин.

– Заместитель командира взвода, старший сержант воздушно-десантных войск, – с гордостью, не чувствуя подвоха, отрапортовал я, надеясь, что хоть эта строка в биографии заставит его с уважением относиться к моей скромной персоне.

– Отлично! – хлопнул он ладонью по лежащей перед ним телефонограмме, и озорной огонёк блеснул в его глазах. – Слетай в первую городскую больницу, опроси «парашютиста», а уж потом займёмся розыском и опросом тех, кто его с восьмого этажа выбросил.

Это было обидно и неожиданно: после столь длительного сокрытия от меня материалов, заявителей, свидетелей, подозреваемых и вообще каких-либо бумаг, связанных с реальной работой уголовного розыска, так опустить до разбирательства какой-то бытовухи.

– Да, кстати, водку свою в большом сейфе забери, у меня этого добра и без твоей хватает. А गया я тебя для того, чтобы ты территорию свою узнал, землю ножками протопал да с алкашнёй и влиятельными людьми на районе перезнакомился. Для опера это кладёзь информации. Поверь, не единожды пригодится.

Над «парашютистом» смеялась вся больница. Человек из азиатской страны, снимая квартиру в нашем районе, пригласил к себе для утех двух девушек легкого поведения. Не знаю, зачем ему одному потребовались сразу две жрицы любви и что уж такое он им предложил, но данное предложение оказалось, видимо, за гранью даже их низкого отношения к морали. В связи с чем, дамы, имея численное превосходство а также преимущество в росте, весе и физической подготовке, отстаивая остатки девичьей гордости, распахнули фрамугу и выбросили несостоявшегося Дон Жуана в окно. И всё бы было ничего, если бы квартира не находилась на восьмом этаже.

Случись со мной такое, я умер бы от страха, пролетая ещё в районе седьмого этажа. А этот «бандерлог», наверное, привыкший падать с макушек высоченных пальм, извиваясь и планируя, стал прицеливаться, как бы ему удобнее упасть и, главное, не нашампуриться на колышки, палочки,

арматурины, которые бабушки-старушки в обилии понавтыкали под балконами для подвязывания к ним многолетних цветов и всевозможных растений. Приземлился он аккуратно между двух полутора-метровых кольев, сломав только ногу и руку, да ещё сгоряча вскочил и попытался выбежать на дорогу, где его и подобрала скорая помощь, доставив в первую городскую больницу.

Распятый на больничной койке специальными медицинскими приспособлениями, парашютист, увидев в моих руках красное удостоверение сотрудника уголовного розыска, мгновенно вспомнил все свои грехи, деяния и даже неосуществлённые извращённо-противоправные намерения, резко дёрнулся в безнадёжной попытке скрыться, спрятаться, прикинувшись больничной ветошью. Но привязанная к ноге гиря, переброшенная через кронштейн, намертво приковала его к постели. Другая попытка в одночасье забыть русский язык, незамедлительно была пресечена экспресс-обучением «великому и могучему», начиная с выражений: «вызов консула» и «немедленная депортация». Понимая, что ему не отвертеться, он стал давать показания, прерываемые громким смехом соседей по палате.

Получив письменное объяснение случившегося и словесный портрет его обидчиц, под который подходили все девушки от восемнадцати и старше, ведь с его слов мы, славяне, все на одно лицо, я отправился исполнять вторую часть марлезонского балета – розыск лиц противоположной стороны конфликта.

Под большим секретом за обещанное вознаграждение в виде жидкой валюты: бутылки «топори-ков», по-иному, портвейн «три семёрки», – никогда не трезвеющий мой новоиспечённый знакомый Серёга шепнул адресок, где снимают квартиру приехавшие с Украины девушки для расширенной торговли не только семушками.

Получив ценную информацию о местонахождении подозреваемых, я в предвкушении своего первого раскрытого преступления, опрометью, на что только был способен мой спортивно подготовленный организм, бросился в «контору» доложить оперативную обстановку заместителю начальника отделения по розыску. Ничего не замечая на своём пути, пулей влетев на второй этаж и уже в мыслях принимая поздравления за поимку группы лиц, покушавшихся на жизнь гражданина иностранного государства, сбил с ног выходящего из своего знаменитого двенадцатого кабинета старшего оперуполномоченного Смирнова Владимира Владимировича. По возрасту он был не намного взрослее нас, всего на три года, но обращались к нему все, даже убелённые сединами сотрудники, по имени отчеству из уважения к его звериному оперативному таланту, резкой прямооте и не по годам жизненной мудрости.

– Ты охренел? – только немного другими словами выразил Владимир Владимирович своё отношение к нашей встрече. Смирнов вообще-то не ругается матом, он на нём разговаривает. – Тебя Першин так летать научил? – поднимаясь, прохрипел он. – Был у нас в отделении один «Першинг», дали ему напарника, появился «Першинг-2», теперь конец всей конторе, разнесут всё по кирпичикам, – выдал он этот монолог исключительно на витиеватом ненормативном лексиконе и, видя моё возбуждённое состояние, произнёс: – Успокойся. Зам по розыску вместе с твоим Першиным в РУВД уехали, так что выдохни, заходи ко мне и расслабься.

Легко сказать, расслабься, когда шило в заднице, да пятки скипидаром намазаны.

– Владимир Владимирович, а, может, ты сможешь мне задержать подозреваемых? – скороговоркой выпалил ему всю исходную, начиная с сексуальной озабоченности иностранного гостя. – Чего там! Адресок есть, сбегает, задержим, пока они не съехали, и всё. Дело сделано, и мы в шоколаде.

– Значит, так! Заруби себе на носу, а ещё лучше на всех выступающих частях твоего организма, – и движением руки конкретизировал место, которого можно лишиться, нарушив главную заповедь опера. – Как бы ты ни относился к своему информатору, надо, в первую очередь, просчитать и организовать задержание злодеев так, чтобы твоего человечка на районе не то, что подозревать, на него даже подумать не посмели. И в качестве дружеской помощи: там, внизу, в дежурке кинолог с собакой скучают, приезжали по вызову на квартирную кражу, а обратно их отправить машины нет. Так быстрее хватай их и какие-нибудь вещи с места происшествия и впереди собаки беги на квартиру к этим шалавам. А это уж потом пусть судья с адвокатом под присягой собаку допрашивают, почему она ментов именно в эту квартиру привела.

Дамы оказались девушками приятной наружности и привлекательных форм, хотя это, пожалуй, и всё, что положительного можно сказать в их адрес. Наглые хабалки с Черкизовского рынка по

сравнению с ними выглядят воспитанницами института благородных девиц. В выкрутасах ненормативной лексики, которой они нас встретили, дамы смело могут посоревноваться с Владимиром Владимировичем. И единственное, чем сдерживалась их агрессия в физическом выражении, это наличием расположившейся на кухне немецкой овчарки, которая собачьим чутьём улавливала попытки провокаций и грозным рыком с оскалом клыков быстро наводила порядок, пресекая искушение совершить любое маломальски резкое движение.

Однако мадам, которая, ёрничая и глумясь над участковым и приглашёнными понятыми, представилась Мальвиной, громко костеря и осыпая бранью присутствующих, грациозно дефилировала по комнате из угла в угол, демонстрируя свои женские прелести, не сильно скрываемые облегающей футболкой и просвечивающейся в солнечных лучах длинной юбкой. Притупив бдительность своими бесцельными хождениями, оказавшись в двух шагах от коридора, она резко рванула к открытой входной двери, решив проскочить между мной и комодом.

Дословно исполняя инструкцию Владимира Владимировича, ничего не трогать руками и, не дай Бог, никакого рукоприкладства, а то по прокуратурам замаешься кататься, я автоматически, по всем правилам хоккейного мастерства, прижав локти к животу, согнувшись и чуть приседая, сделал резкое движение назад, подставив бедро под несущуюся, как паровоз, Мальвину.

Ни один арбитр не зафиксировал бы нарушение правил за задержку соперника руками, и легендарные мастера хоккейной защиты: Александр Рагулин, Валерий Васильев, Вячеслав Фетисов, – явно бы остались мной довольны. А вот некоторые зрители, включая участкового и понятых, даже насладились классически проведённым силовым приёмом, где вместо бортика был использован старинный комод.

Обалдела даже собака, издав непонятный крик вместо лая, так и осталась созерцать удивительную картину с открытой пастью: Мальвина, перелетев через мою спину, описав по воздуху красивый полукруг длинными ногами, распласталась на полу, накрыв голову задравшейся юбкой, обнажившей аппетитные ягодички. Вскочив на четвереньки и не до конца понимая, что это было, застыла в этой позе, ориентируясь в пространстве через задравшуюся на голову юбку, скрывающую от глаз окружающую действительность. После чего, придя в себя, поднялась с ошарашенным видом, грязно выругалась и, как побитый щенок, медленно побрела обратно в комнату с низко опущенной головой. Единственно оставшийся невозмутимым в данной ситуации участковый, навидавшийся за свою службу и не такого, спокойно внёс в протокол: «...при попытке к бегству гражданка, назвавшаяся при задержании Мальвиной, самонадеянно не рассчитала промежуток между наклонившимся сотрудником милиции и естественным препятствием, упала без физического воздействия на неё с чьей-либо стороны, что было подтверждено подписями присутствующих понятых.

С матом, руганью и ежесекундными провокациями доставленные в отделение милиции барышни вдруг резко поменяли стиль своего поведения, что вызвало культурный шок теперь уже у меня, пока ещё не привыкшего к коварству женщин. Перед дежурным офицером стояли девочки-недотроги, наивные паиньки, абсолютно не понимающие, почему они оказались в столь неприемлемой для их нравственно-возвышенного образа жизни организации. И что утончённая психика благородных девиц не выдержит даже пяти минут пребывания в этом ужасном учреждении, где они могут случайно встретиться с настоящими злодеями, которых они боятся видеть даже по телевизору. Поэтому руководство должно незамедлительно попросить у них прощения и, рассыпаясь в извинениях, проводить до выхода, охраняя от нежелательных встреч, а негодяев, доставивших их в столь мерзкое заведение и нарушивших их умиротворённый безмятежный покой, необходимо безбожно наказать, чтобы неповадно было приставать к порядочным девушкам.

Для принесения извинений при отсутствии начальника и зам по розыску, дежурный пригласил Смирнова, чтобы понимать, что ему дальше делать с милыми барышнями. Не в сильно благостном расположении духа спустился Владимир Владимирович, которому опасно попадаться под горячую руку, и без всяких предисловий, на доходчивом, совсем нелитературном языке объяснил дамам всю их жизненную сущность, (именно «сущность»). И тут же, не меняя выражений и эпитетов, наорал на остолбеневшего дежурного:

– Почему задержанные до сих пор ещё находятся в обезьяннике и тем более вместе? Немедленно растащить их по разным кабинетам!

Оказав барышням не очень дружеский приём без цветов и фанфар, развеяв робкую надежду на

замаячившее скорое освобождение, Смирнов, мигрируя от девушки к девушке, появляясь то в одном, то другом кабинете, как ужас, летящий на крыльях ночи, вынуждал их давать правдивые показания, умело манипулируя информацией, полученной при опросе подельницы, а мы чётко фиксировали эти покаянные объяснения, раскручивая на дальнейшие чистосердечные признания.

В итоге мы подняли сорок пять эпизодов, как наши симпатичные жрицы любви, приглашаемые в квартиры неверных мужей, бабников и иных любителей острых сексуальных ощущений, расслабляли потерявших остатки мозга «мачо». Затем, уходя, прихватывали с собой деньги и ценности, предоставив мужу-кобелю возможность хлопать глазами и объясняться с возвратившейся из отпуска женой, куда могли деться все семейные накопления и её ювелирные украшения.

Вернувшийся зам по розыску немедленно доложил руководству о достигнутых успехах, после чего, в мгновение ока, понаехали кураторы из Главка, забрали девушек, материалы раскрытых сорока четырёх преступлений и благородно, с барского плеча, скорее для отчётности, что это всё-таки произошло на нашей территории, оставили нам один эпизод с парашютистом.

Вечером за рюмкой чая мы с упоением наблюдали, как в теленовостях специальный корреспондент передачи «Петровка-38» Людмила Скальская расхваливала специалистов Главного управления уголовного розыска, обезвредивших группу воровок на доверии, избличивших злоумышленниц в совершении сотни нераскрытых преступлений. А об операх шестьдесят пятого отделения милиции в репортаже не прозвучало ни слова, хотя по моим подсчётам добрая половина этих преступлений раскрыта нами. Я, конечно, понимаю, чтобы докрутить задержанных, требуется серьёзная кропотливая работа, немалое мастерство и огромный опыт матёрых сыщиков главка да ещё много-много того, о чём не пишут в учебниках, нарабатываемое своим горбом, путём проб и ошибок на грани риска не только репутацией, а порой, и собственной жизнью. Но в хоккее всё же как-то справедливее – в зачёт идут очки не только форварду, забившему гол, докрутившему шайбу в ворота, но и партнёру, а то и нескольким, организовавшим атаку и отдавшим голевой пас.

Поэтому, пройдя за тридцать пять лет милицейской службы все этапы борьбы с криминалом, бандитизмом и организованной преступностью, вписав своё имя в историю современной милиции высшим офицерским званием и четырьмя крестами «Мужества», я, неожиданно даже для самого себя, вернулся на хоккейную площадку совсем начинающим защитником, застывшим в замахе для щелчка на Косинском озере сорок с лишним лет назад.

* * *

Моя неугомонная жена Алёнушка, невзирая на прекрасную фигуру, является ярчайшим представителем всех современных женщин России, объединённых единственной целью: сбросить пару-тройку килограммов, при этом не отказываясь вечерами от смачного, с прожилками, бутерброда с салом и чашечки ароматного чая с вкуснейшим кусочком киевского торта. Соединяя эти взаимоисключающие мечты, став обладателем членских билетов всевозможных фитнес-клубов, world-классов, sport-салонов, околоспортивных секций и другой попрыгущечной дребедени, не считая традиционных качалок и бассейнов, она, открыв для себя «Олимпийский» комплекс, обнаружила в нём не только бассейн, но и ледовую площадку, на которой играли не подозревающие о надвигающемся урагане эмоций, слов и предложений беззаботные хоккеисты.

Имея мужа милиционера, Алёнушка без труда вычислила организатора этих ледовых баталий Андрея Николаевича Подлегаева и расписала ему в феерических красках, выдавая желаемое за действительное, мои выдающиеся хоккейные способности на уровне, как минимум Александра Якушева. Для убедительности продемонстрировала нашу с ним фотографию, правда, в Кремлевском дворце съездов и абсолютно по другому поводу, очень далёкому от спорта, но для неё это не важно, главное – запечатлённому в рукопожатии со знаменитой легендой советского хоккея. Против такого аргумента не поспоришь. В общем, убедила она Андрея Николаевича, что на их хоккейную площадку в скором времени снизойдёт счастье в лице её благоверного супруга Алексея.

Без меня меня женив, Алёнушка, реализуя свои фантазии, невзирая на протесты в виде того, что я только ярый болельщик и с хоккеем уже почти полвека по разные стороны телевизионного экрана, одарила меня на день рождения новенькой, какую я раньше и в глаза не видел, всколыхнувшей небывшиеся детские мечты, заораживающей хоккейной экипировкой. Сжигая за моей спиной мо-

сты, она вручила телефонный номер Подлегаева, сообщив, что он уже ждёт моего звонка, чтобы подробно объяснить, где и во сколько состоится игры с моим участием.

В раздевалку я входил с трепетом и благоговением, как, затаив дыхание, проходят за кулисы к любимому артисту влюблённые театралы. К своему стыду, я и на трибунах-то не частый гость, всё больше смотрю хоккей стеклянными глазами оцифрованных телеоператоров, а тут вхожу в святая-святых любимой игры, начало-начал хоккейного матча. Настроившись встретить угрюмых, сосредоточенных на предстоящей битве атлетов, я перешагнул порог и попал в просторную залу, где расположился отряд гусар летучих. Лучшие представители потомков Дениса Давыдова выверенными движениями облачались в доспехи. Годами отработанными движениями, словно затачивая перед боем саблю, обматывали клюшки изолентой, при этом весело балагурили на всевозможные темы, абсолютно далёкие от предстоящей игры, залихватски, по-гусарски бахвалясь победами на личном фронте, трудовыми подвигами, заморскими путешествиями, дачными проблемами, не обходя темы о взрывных брызгах шампанского, но чаще иных горячительных напитков и последствиях их употребления.

Профессия всё-таки оказывает сильное влияние на деградацию личности, поэтому я с каменным лицом, как это делают мои авторитетные подопечные, уверенно прошёл в дальний от входа угол, чтобы занять лучшую «шконку», где бросил свои «шмотки», после чего представился, пожав каждому руку. Гусары, далёкие от блатных понятий, одобрительно приняли новичка, не переставая обсуждать свои насущные проблемы, всем видом демонстрируя, что если ты сюда пришёл, то значит, ты наш, а вот лучшее место точно не здесь, оно на льду, в борьбе, на площадке.

Действительно, только на площадке, как под увеличительным стеклом, видно, кто чего стоит. Перед игрой все выкатились разогреться, размяться, раскататься, прочувствовать нутром ставший родным на предстоящие полтора часа горячий лёд. И в этом отлаженном хоккейном оркестре, настраивающем свои партии на грандиозный концерт, появился непонятно откуда взявшийся, еле стоящий на ногах артист. Слава Богу, мой красный свитер не имел на спине ни номера, ни крупно прописанной фамилии, сокрытой от позора, а сетчатая маска, к сожалению, только частично скрывает пурпурное от стыда лицо. Такого позорища я не испытывал никогда в жизни. Впервые за сорок лет встав на коньки, я, как кенгуру использует хвост, использовал клюшку вместо третьей точки опоры, что даёт маломальскую возможность удерживать равновесие не по возрасту начинающему хоккеисту, привыкшему в далёком детстве исполнять хоккейные выкрутасы, скользя и перемещаясь по льду в тяжёлых, но привычно устойчивых валенках. Сейчас же, словно в городском парке, я катился по кругу, стараясь хоть как-то освоиться на непокорных коньках.

Сделав несколько кругов, я остановился, чтобы перевести дыхание, как вдруг прямо в клюшку влетела шайба с одной лишь целью – быть снова отпасованной автору этой передачи. Я, как мог, не совсем точно, а вернее, очень криво возвратил ему шайбу, но он, подстроившись под неудобный пас, вновь сильным броском направил чёрный диск в мою клюшку. Вторая, третья и последующие перепасовки оказались более удачными, что зажгло во мне луч надежды, и я даже как-то уверенней стал держаться на коньках, передвигаясь совсем без скорости, но и без явных попыток рухнуть, проломив своими телесами искусственный лёд вместе с холодильными установками.

– Не переживай!!! Все когда-то начинали. Некоторые даже хуже тебя, – слукавил подкативший в лихом выраже мой визави. – Меня Сергей зовут, – вновь представился он, хотя мы уже познакомились в раздевалке, так как я занял место рядом с ним, – Сергей Брусков.

– Алексей, – поскромничав назвать свою фамилию, произнёс я, почувствовав в новом друге поддержку и искреннее желание помочь хоккейному желторотику с седыми волосами.

– Ты много не бегай за ними, всё равно пока не утонишься, – напутствовал Сергей, – играй позиционно, в защите крутись больше, в круге вбрасывания, а это пусть у соперника голова болит, как тебя объехать, либо издалека, от синей линии бросать, так и вратарю легче, и команде спокойней, а я тебя подстрахую. Не переживай, навык обязательно придёт с практикой.

И крутился я в этом кругу для вбрасывания, как Хома Брут перед «Виём» в кругу, очерченном для него Николаем Васильевичем Гоголем, ничего не понимая, не в состоянии что-либо внятное сделать, только надеясь на Господа и на мастерство партнёров. В общем, первая игра прошла сродни первому прыжку с парашютом, где много эмоций и никакого осознания произошедшего.

Еле дотащив до дома окаменевшие ноги, я долго-долго не мог заснуть. На меня всполохами на-

летали разделённые почти половиной жизни чувства неопишемого счастья игры в хоккей. Тогда и сейчас. Будоражили сердце броски и удары, щелчки и набросы, всплывали милые лица Косинских друзей с одной лишь разницей, что тогда в душе звучал оркестр, трубили фанфары, гремели литавры. Сейчас же я был крайне удручён своей неуклюжестью и неумелостью, но всё же с эгоистической ноткой самооправдания, что последний раз я гонял шайбу в необозримо далёком прошлом, и то, только в валеночно-клюшечный хоккей. С этим двояким чувством наслаждения и самонедовольства я всё-таки блаженствовал, упиваясь фактом самой игры.

В следующее воскресенье я снова творил чудеса неповоротливости, косорукости, нерасторопности и бестолковых действий, являясь причиной всех влетевших в наши ворота голов, в общем, всего того набора, за что в раздевалке устраивают «тёмную» и бьют морду. Но мой ангел-хранитель по имени Дмитрий, являясь адвокатом не только в раздевалке, но и серьёзным руководителем адвокатского бюро в реальной жизни, профессионально обходя все мои хоккейные грехи, искренне хвалил, рассматривая с разных сторон принятую мной на себя шайбу, выстреленную, как из пушки, Алексеем Селятицким. Талантливые люди талантливы во всём, и я восхищаюсь, как хоккей концентрирует в людях лучшие человеческие качества. На площадке Дмитрий Вячеславович всегда появляется в нужное время в нужном месте, перехватывая шайбу, защищает ворота, организует атаки, так же, как в жизни атакует прорву чиновников-либерасов в борьбе с ложью и искажением истории и фактов, очищая имя несправедливо оклеветанного Русского Царя Ивана-IV. Как, заложив вираж, выскакивает на ворота противника, защищая попранные права неземного Вячеслава Михайловича Назарука – автора всеми любимого «Кота Леопольда». Он всегда там, где он нужнее всего, со своим кодексом, пером и клюшкой.

А вот за мою клюшку во время следующей игры стало и стыдно и обидно, ведь она за весь матч почти ни разу не коснулась шайбы, сделав меня на площадке обыкновенным статистом. Крылатая фраза «Никто не умеет играть в хоккей так, как не умею играть в него я» – родилась вместе с моим выходом на лёд. Поэтому, по-русски выражаясь, «... чего кобылу мучить?...», я решил поблагодарить ледовых гусар за их мастерство, терпение и дружеский приём, после чего распрощаться с ними и с хоккеем, оставив себе роль блистательного хоккеиста только в мечтах и ещё на даче, на очищенном зимой пруду, выпендриваясь перед женой, шести и семилетними дружбанами-внуками Артёмкой и Никитой да узбеком Джамшутом, которому до сих пор не понятно принципиальное отличие клюшки от совковой лопаты.

В политике, как и в хоккее, я делаю первые шаги, но врать, а точнее переворачивать ситуацию, что всё делается исключительно только с заботой об окружающих, научился, к своему стыду, очень быстро, как по мановению волшебной палочки. Прямо по Филатову:

... Утром мажу бутерброд –
Сразу мысль: а как народ?
И икра не лезет в горло,
И компот не льётся в рот!...

Лучше бы с такой скоростью учился играть в хоккей, чем политиканствовать и пытаться переключивать с больной головы на здоровую. Но с озабоченностью на челе состоявшегося политика, наложив на скосорыленное лицо маску глубокомысленной опечаленности, что в интересах команды будет лучше, если мы расстанемся, подал руку Александру Борисову, молодому, но оказавшемуся гораздо откровеннее, стократ честнее, мудрее и чище в своей искренности.

– Алексей, – заглядывая мне в глаза и после тяжёлой паузы, с какой-то горечью в голосе и обидой на моё решение, на одном дыхании выпалил он. – Даже не вздумай!!! Если бы мой отец хотя бы пришёл и просто постоял у бортика, я был бы самый счастливый человек в мире!!! А ты... – запнулся он, подбирая и не найдя нужных слов, больше не произнеся ни звука, с какой то надеждой и благодарностью взглянул мне в глаза, крепко сжал руку, надолго задержав мою ладонь в затянувшемся рукопожатии, говорящем больше любых проникновенных речей.

С годами мы все становимся сентиментальнее, но сейчас я еле сдержал слезу от искренности, простых, но трогающих душу слов. С этим рукопожатием я понял главное. На площадке мы не милиционеры, не политики, не коммерсанты и даже не хоккеисты. Вне зависимости от уровня мастерства, мы пацаны, родом из детства, которые беззаветно любят настоящую игру хоккей. Огольцы, растворяющиеся в игре до последней клеточки своего организма, не любители и не профессионалы,

а мальчишки, утонувшие душой в хоккее. Михаилу Колядову, виртуозу площадки, надев коньки, глубоко плевать на санкции, напрямую затронувшие деятельность его предприятия, он больше огорчается от неполученного на скорости паса. А Филиппченков Максим, воспринимающий любой проигрыш как личную обиду, будет с пеной у рта отстаивать привлечение в команду лучшего вратаря с гораздо большим энтузиазмом, чем привлечение миллионных инвестиций на свою фирму. Мы пацаны, растворённые в хоккее раз и навсегда.

На следующую игру я вышел уже с твердым настроем – делай, как можешь, а остальное доделывай, как не можешь, но биться за шайбу будешь через не могу. Главное, что я свой, и для ребят такой, какой я есть. Свой и такой же, как все – родом из детства. Такой, как два наших громилы: Игорь и Максим, только маленький, старенький и играть не умею. А эти два молодца, два гиганта, как «двое из ларца, одинаковы с лица», внешне похожие друг на друга и по габаритам, и по возрасту, с одной лишь разницей, что обаятельного жизнелюба, улыбающегося, на сто процентов соответствующего своей фамилии Добрянского Максима, компенсирует пугающе-сосредоточенный Игорь Андреев, лишь иногда одаривающий присутствующих короткой, как всполох молнии, улыбкой. Оба нападающие таранного типа с размахом рук, перекрывающим всю площадку. Я точно такой же, как братья Костылёвы, Костя Страхов, Федосов Володя и даже ростом не сильно отличаюсь, только бы нахвататься от них надёжности да умения, цены бы мне не было. И что бы уж до конца быть похожим на них, стараюсь хоть что-то скопировать из их хитросплетений. Правда, на копию это не сильно похоже, всё больше на пародию, но лиха беда начало, главное – я свой, и уж если не могу, как они, вязать залихватские выкрутасы, то стоять скалой на подступах к воротам – этого у меня не отнять.

Не отличающийся выдающимися скоростными данными, я закопался в углу площадки, сконцентрировав всё внимание на отлетевшей шайбе. И впервые боковым зрением, а может быть, родившимся сейчас хоккейным чутьём, увидел летящую на меня, как снежную лавину, несущуюся с гор, фигуру в белом свитере, увеличивающуюся с каждым мгновением в размерах, в желании отнять у меня, даже не утруждаясь на какие-либо технические действия, не видя во мне достойного противника, самое дорогое сейчас на свете – чёрный каучуковый диск, диаметром в три дюйма. Закладывая вираж, чтобы на скорости схватить шайбу, как лёгкую добычу, белый ворон с налёта воткнулся, как в бетонную стену, в одетые в красный свитер без малого девяносто килограммов живого веса, с этого момента заставившие считаться с моим присутствием на площадке.

Следующий микроэпизод я снова выиграл, не пустив за запретную синюю линию обороны Евгения Мысина, который, словно приклеивая шайбу к крюку, виртуозно фехтует клюшкой, как Д»Артаньян шпагой, уводя из-под носа, казалось бы, скользящий в твои руки снаряд. Но, выстрелив, как хамелеон языком, я слизнул шайбу с его крюка и выбросил её подальше от наших ворот, заслужив от Брускова Серёги одобрительный удар клюшкой по заднице. Затем на душевном подъёме, прервав ещё несколько острых передач, я реально внёс свою первую лепту в копилку нашей победы, отчего в раздевалке уже без стеснения балагурил вместе со всеми, вставляя едкие фразы, касающиеся собственной персоны в насмешливые комментарии ледовых гусар, случайного, по их мнению, выигрыша, при таком обилии наших ляпов на площадке. Но относительно разгромный счёт говорит сам за себя, что и у белых тоже не всё безоблачно в их просветлённом королевстве. Поэтому, почувствовав радостное удовлетворение от игры и доброжелательный настрой разгорячённой братвы, я несколько раз обратил на себя внимание со словами самокритики и потаённой надеждой на похвалу за несколько эпизодов моих микропобед, в общем хоре растаскивания лаврового венка на отдельные листочки.

Возвращение домой сопровождалось песней в душе и ностальгическим всплеском тёплых детских воспоминаний – как после очередного прогула на хоккейной площадке мне регулярно приходилось изворачиваться, отчитываясь родителям о творческих успехах на музыкальном поприще. Для чего я, как мог, изрыгал из баяна наводящие на соседей ужас звуки «Дождика» и гаммы «До-мажор», вытягивающей вместе с жилами последние нервы на фоне талантливой игры брата, успокаивающего озверевших окружающих после моих издевательств вполне переносимыми мелодиями вальсов «Амурские», «Дунайские» и всевозможные другие волны. И под это умиротворённое напевное звучание я, обрабатывая бадягой синяки и ссадины, придумывал для мамы очередную леденящую кровь историю о страшной травмоопасности музыкальных занятий, а также тернистой, скользкой и небезвредной для здоровья дороге в музыкальную школу, после которой частенько необходима медицинская помощь.

Помощь оказалась необходимой и сейчас, после того, как шайба вошла мне аккурат между элементами защиты, оставив на животе чёрный даже не синяк, а какой-то черняк, основательно встряхнув мой абдоминальный жир, расположившийся на боках и животе в виде спасательного круга. Согнувшись от боли, я только в последний момент увидел, как отлетевшая от меня шайба снова легла на крюк неугомонному Селятицкому, который умело скрывая мощный кистевой бросок за моим обездвиженным телом, вогнал снаряд прямо под перекладину наших ворот, заставив меня страдать не только физически, но и морально.

Физические болячки лечатся легким покрыванием да потиранием больного места, хотя и без этого на мне заживает всё, как на собаке. А вот душевную травму, слава Богу, есть кому лечить. Тройка наших нападающих: Борисов, Ткачев, Подлегаев, – выскочили на смену и, вырисовывая такие хоккейные узоры, что позавидуют поголовно все без исключения кружевных дел мастера, раскатываясь и перепасовываясь, бросились восстанавливать ускользящее преимущество. Их игрой не налюбоваться, как не напиться утренней росой. Но предательская шайба, со звоном ударившись о стойку ворот уже за спиной белого вратаря, отскочила точно на клюшку защитнику, который длинным диагональным пасом отрезал наших бомбардиров и подключившегося к атаке Брускова, организовав мне боевой экзамен на стойкость против двух нападающих, не дающих ни скидок на возраст, ни форы, ни поблажек дилетанту. Откатываясь спиной к своим воротам и раздуваясь, как пузырь, стараясь перекрыть как можно больше пространства перед воротами, широко расставив ноги, пригнувшись и напряжинившись, готовый к жёсткому столкновению, я уже точно знал, что умру, но не предоставлю белым такой радости – вытаскивать шайбу из наших ворот. И, наткнувшись на жёсткий взгляд глаза в глаза, дрогнув белый форвард, сломался, отвернул от ворот, уходя в угол площадки, где потом просто решил избавиться от шайбы, отдавая пас уже неуверенной рукой. Шайба, ударившись об мою клюшку, подпрыгнула и медленно поползла ко мне в ноги. Заковырявшись и неумело подтолкнув коньком, чуть не потеряв равновесие, я кое-как переложил её под удобную руку и, подняв голову, увидел мелькнувший красный свитер Ткачева, заложившего вираж вдоль красной линии. Не мудрствуя лукаво, я, как смог, повторил диагональный пас, только уже в сторону белых, выведя Евгения на убойную позицию. Красивейшего гола я не видел за всю историю хоккея, которая пополнилась не только шедеврами голами, но и впервые зафиксировала в соавторах взятия ворот мою фамилию.

Этот эпизод стал пока единственным хоккейным украшением моей визитной карточки для разговоров любого уровня, вплоть до кабинетов Верховного Суда Российской Федерации, когда речь заходит о спортивных увлечениях, оставляя за скобками любовь к боксу с Александром Борисовичем Казаковским. И, размахивая этой визитной карточкой, как флагом мечты, воодушевлённый еженедельным возвратом на целых полтора часа в счастливое детство, я, как мальчишка, радуюсь, рассказывая об этом чуде – быть ребёнком в свои без малого шестьдесят лет.

Даже на встрече православных почитателей со схимонахиней Херувимой, я вставил свои хоккейные три копейки в, казалось бы, далёкую от спорта беседу, переплетая Косинские магчи сорокалетней давности с великовозрастной игрой в Олимпийском комплексе. И к великому удивлению, даже в этом кругу нашёл себе родственную душу, с такой же беззаветной преданностью отдающего ледовым баталиям. Как-то незаметно потеряв духовную нить разговора, мы плавно перешли к душевной-земной и, чтобы не отвлекать присутствующих не совсем христианским разговорами, под предлогом глотка свежего воздуха, выскочили на улицу.

– А ты где играешь? Когда??? И в какое время? – засыпал он меня вопросами. – Да! Извини, «Вячеслав», – наконец-то представился мой собеседник.

– Да слышал я... как тебя матушка не совсем «постной» фамилией Маслов называла, – наверное, обидев его, съёрничал я. Но слово не воробей, вылетит, не поймаешь. – Прости, – поспешил заглядеть свою бестактность, – Меня Алексеем зовут. А время у нас действительно самое идеальное: в воскресенье с двадцати одного, когда уже все домашние дела сделаны, а спать ещё рано, и после игры, перед работой вполне высыпаться, просто класс!!! И для души и для тела.

В глазах у него блеснула искорка зарождающейся мысли.

– А как ты смотришь на то, чтобы померяться силой с нашей командой, мы с удовольствием приедем к вам скрестить клюшки. Только наша команда называется «Туча», не в честь природной непогоды, а в благодарность организатору Тучнину, который сейчас, к сожалению, надолго уехал за пределы страны.

Я тут же схватился за телефон сообщить Подлегаеву о заманчивом предложении, пока капитан грозной «Тучи» не передумал, хотя, как я потом не раз убедился, Вячеслав всегда держит своё слово и никогда не меняет принятых решений.

Этого воскресения я ждал с нетерпением, это же совсем другой формат игры, хотя и в прежний формат я встраивался с большим трудом. Но сейчас готовилась первая межклубная встреча, на нашем уровне по накалу страстей напоминающая первую встречу суперсерии СССР – Канада 1972 года.

Первые сражения начались ещё в раздевалках, когда и наши гусары, и неуступчивая «Туча» облачились в приносящие удачу красные и черные свитера, и ни под каким предлогом не собирающиеся переодеваться в белые, чтобы хоть как-то отличаться на площадке. Поэтому в раскаляющемся ещё до игры противостоянии пришлось прибегать к правилам НХЛ и КХЛ, где принято, что домашняя игра проводится в свитерах тёмных расцветок. Переодев соперников в светлое, мы одержали первую микропобеду ещё до старта этого важнейшего матча. Хотя на площадке «Туча» тут же отыгралась, с первых же минут показав зубы, во весь голос заявила, что они настроены только на выигрыш и готовы биться на высоком профессиональном уровне. Они как вместе, так и если по отдельности взять каждого игрока, без сомнения профессионалы своего дела, что я прочувствовал при первом же силовом контакте.

После жёсткого столкновения я с колокольным звоном в голове плюхнулся на скамейку запасных, жадно глотая воздух, который, с рычанием и хрипом врываясь в мои легкие, вдруг зазвучал хриплым голосом Высоцкого,

...Профессионалам, Судья криминалом
Ни бокс не считает, ни злой мордобой, –
И с ними лет двадцать
Кто мог потягаться,
Как школьнику драться с отборной шпаной?

Профессионалам, отчаянным малым
Игра – лотерея, – кому повезёт.
Играют с партнером, как бык с матадором,
Хоть, кажется, принято наоборот...

Тучи в виде «Тучи» сгущались над нашими воротами, давление с их стороны возрастало, а мы никак не могли справиться с их быстрыми и точными пасами, выводящими форвардов на ударные позиции, и лишь титаническим трудом удавалось сохранить в неприкосновенности наши ворота.

И вот, как джокер из рукава, на площадку выскочили наши Борисов с Ткачёвым. Я, конечно, не видел вживую, как играет Павел Буре, но статусом «русской ракеты» он смело может поделиться с Александром Борисовым, который словно летает над площадкой, выбрасывая фонтаны ледовых искр из-под коньков, легко и виртуозно маневрируя на невероятных скоростях, причём, связанный невидимой, но прочной нитью выверенных пасов с Евгением Ткачёвым, закладывающим фантастические виражи в нарушение всех законов физики, чтобы, как чёрт из табакерки, появиться в нужное время в нужном месте.

Пройдя между защитников, как нож сквозь масло, и сблизившись с неуступчивым Масловым, Александр красивым финтом, даже не глядя за спину, послал шайбу на дальнюю штангу, где материализовавшийся Евгений, замкнув эту виртуозную передачу, открыл счёт, слегка дав нам небольшую передышку. Но не собирающаяся сдаваться «Туча» породила целый ураган атак, в одной из которых они по идеально наигранной схеме в три паса вывели всё того же скоростного Маслова на его излюбленную позицию, откуда он мощнейшим броском распечатал наши ворота, восстановив статус-кво.

Борьба вернулась к исходной точке, но градус напряжения уже давно зашкаливал за предельные возможности. Команды штурмом наваливались то на одни, то на другие ворота, шайба летала, почти не задерживаясь в средней зоне. Хотя я редко подключаюсь к атакам, но на своей шкуре убедился, что минута игры на площадке – это очень много, выжимает, выматывает всего без остатка, оставляя лишь совсем немного сил на рывок в сторону скамейки запасных, чтобы дать возможность быстрее выскочить на лёд передохнувшей смене.

Вколотив ещё две безответные шайбы в наши ворота, в которых, несомненно, была доля моей ответственности, «Туча» начала склонять чашу весов в свою сторону. Но вырвавшийся на эмоциях крик Брускова повис в воздухе на какой-то миг, застыв над ошарашенной площадкой:

– Соберитесь, тряпки!!!

Этот горячий призыв взорвал внутренний атомный реактор команды, оказался вторым дыханием, катализатором, раскрепощением и мобилизацией оставшихся сил.

– Бросайте по воротам. Бросайте из любого положения, когда можно и когда нельзя, не бросая по воротам гола не забить, – вторил ему, как будто вышедший из стопора Подлегаев.

В школе мы изучали, что «... декабристы разбудили Герцена, а Герцен развернул революционную агитацию...». У нас же всё произошло строго наоборот – Брусков с Подлегаевым развернули революционную агитацию, а Казаков и Страхов, как проснувшись, вколотили по красивейшему голу, снова восстановив равновесие в счёте, но уже с нашим моральным перевесом.

– По воротам! Всё по воротам! А там разберёмся, – как заклинание твердил Андрей Николаевич, привязывая к себе защитников «Тучи», создавая жёсткую борьбу на пяточке и закрывая видимость вратарю.

Детский максимализм, как в Косино, с головой накрыл ледовую площадку в Олимпийском. Рубка на пяточке перед воротами противника пошла не на жизнь, а на смерть. С трудом выброшенная шайба полетела по бортику, но я, не часто выдвигающийся вперед, поймал её на синей линии, закрыв зону, не дал ей выскочить из зоны нашей атаки.

– Бросай сам!!! – вскочив на скамейке запасных, закричали гусары из Олимпийского комплекса не мне, а тому неугомонному мальчишке, застывшему в замахе на Косинском озере. «Бей же, бросай!!!» – в унисон вторили пацаны с Косинского озера замершему с занесённой для броска клюшкой седовласому ветерану на ледовой арене Олимпийского комплекса. Этот миг переплёл вокруг шайбы всю мою жизнь, сжав воедино пространство и время, кристаллизовав всю жизненную нацеленность от замаха до замаха. Ломая все предрассудки, боязнь и неуверенность, я спустил натянутую, как нерв, тетиву, совершив тот мощнейший бросок, для которого замахнулся тогда в необозримо далеком детстве на Косинском озере, отложив этот гол на долгие-долгие сорок с лишним лет.

И, как всегда, звучала музыка. Хоккей и музыка неразделимы. Но только не издевательски баянный «Дождик», а великий Владимир Семёнович Высоцкий, во всю мощь своего голоса, разрывая в ключья поющую душу и выплёскивая из неё на Божий свет все переполняющие восторженные чувства, трубит громом неземного оркестра, обращаясь к нам, хоккеистам родом из детства:

Пусть в высшей лиге плетут интриги
И пусть Канадским зовут хоккей,
За нами слово. До встречи снова!
А футболисты, – до лучших дней...

Проза

Александр Чумиков

Чумиков Александр Николаевич. Родился в 1954 году в Москве. Закончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Работал в комсомольских и партийных органах, в средствах массовой информации, ведущих коммерческих структурах, общественных организациях и вузах страны. К 2018 году – генеральный директор коммуникационного агентства «Международный пресс-клуб» (www.pr-club.com), главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, профессор Российского университета дружбы народов. Кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор. Автор 35 учебников, учебных пособий, монографий по проблематике свя-

зей с общественностью, медиа, антикризисных коммуникаций; нескольких сотен публицистических материалов в общероссийских, московских, региональных газетах и журналах. В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки PRофессионала» (Издательство «Питер») о собственной деятельности в самых известных российских и международных PR-проектах 1991–2008 годов; в 2016 году в литературно-художественном журнале «Берега» (г. Калининград) опубликовал повесть «Москва-400: едем мы из Жанжибая» о Советской Армии 70-х годов, открытых и ранее секретных страницах собственной службы в армии в СССР и за рубежом. Лауреат премии Союза журналистов России

Кам-са-мол

Завершение. Начало в № 2 (26), 3 (27)-2018

ГЛАВА III

Души не бумажные!

(конец 70-х – начало 80-х)

...Только мы не встретимся, знаю я заранее,
Ты сказал, нахмурившись: «Нынче заседание!»
Заседанье кончится, но с не меньшим рвением
Просидишь до ночи ты над постановлением.
И знакома улица, и тропа знакомая,
Вот приду нежданно я, встану у райкома я.
И скажу в открытую, не тая волнения:
«Что ж вы заседаете даже в воскресение!
Пусть и комсомольские, пусть дела и важные,
Сердце-то имеете, души не бумажные!...»

*Е. Родыгин, М. Пилипенко,
«Небо тёмно-синее», 1952 г.*

Теперь далеко...

Едет эстонец на дрезине. Возле путей показался другой эстонец, машет рукой:

«Подвезёшь?»

«Садись!»

Едут час. Пассажир спрашивает:

«Слушай, до Таллина далеко?»

«Нет, не очень далеко»

Едут второй час. Пассажир опять спрашивает:

«Слушай, до Таллина далеко?»

«Теперь далеко...»

Однако ерунда всё это – совсем не такие они, эстонцы. Вроде бы медлительные, да. Но сдержанные только сначала, а когда разомнутся-раздухарятся – буря эмоций. Однажды в волейбол с нами играли. Эстонцы-болельщики пришли с корытами, ведрами, мисками, барабанами; и если мы подбадривали своих «давай-давай», то они начинали стучать из всех орудий: поддерживая своих и выбивая из колеи противника...

Я стою на Ратушной площади в Таллине. Всего полгода назад пришёл из армии – и вот уже «два мира – два шапиро»: Новоград-Волинский на Украине и Таллин в Эстонии – две очень большие разницы. Но по порядку.

По *настоящему* комсомолу я в армии скучал. Так, что уже через неделю после «дембеля» пришёл в Киевский райком комсомола Москвы и встретился с секретарём райкома Сергеем Солдатовым: мы познакомились, когда я ещё состоял в школьниках.

Сказал, что хочу работать в райкоме. Перетёрли тему, Сергей выяснил, что собираюсь поступать на журфак, причём на вечерний, ну и, с учётом перспективы высшего образования, взял в школьный отдел.

Среди моих первых задач значилась организация так называемой «пятой трудовой четверти», когда школьники месяц и больше работали в различных хозяйствах. Поездил по подмосковным совхозам – теперь уже не как корреспондент, а как инструктор райкома комсомола и организатор трудовых отрядов. Увидел: либо хозяйство – слёзы, либо организация труда – слёзы, либо то и другое вместе.

Прибыль от школьников совхоз получить и не рассчитывал, а их проживание и кормёжку записывал себе в убыток. Денег за труд платить и подавно не собирался! А как же? А так же! Скажем, если работаешь на уборке клубники (тогда она являлась страшнейшим дефицитом!), то по итогам работы дадут тебе ящик ягод, и будь доволен. Яблоко – так вообще бери, сколько хочешь. Но сбор яблок и клубники воспринимался тогда, как элитный труд, который большинству не доставался.

Я не забыл, конечно, как в детстве вязал в пучки редиску и сбивал ящики – за живые деньги! Но в кампании, называемой «пятая трудовая четверть», такого не наблюдалось.

А наблюдалась массовая, бестолковая и бесплатная трудовая операция, обозначенная словом «прополка».

Как считать, сколько ты прополкал? Да никак, совхозные бригадиры такого рода подсчёты в уме не держали. Потопчутся ребята по полям, сколько-нибудь вредной для посевов травы выдернут – и ладно.

Вы, наверное, уже думаете: а какая связь между подмосковными сорняками и Ратушной площадью в Таллине? А давайте-ка вспомним фильм «ДМБ», где воинский начальник спрашивает у солдата:

«Ты суслика видишь?»

«Нет».

«И я не вижу. А он есть!»

Так и связь между Подмосковьем и Эстонией тоже есть, хоть на первый взгляд и не видна. Образовалась эта связь следующим образом. Сверхактивный и свободолюбивый учитель литературы в 67-й школе Сэм занимал к тому же должность заместителя директора по воспитательной работе. Однако воспитание посредством дармовой и стихийной подмосковной прополки глубоко и несдержанно отвергал, а параллельно искал альтернативные варианты летнего труда. И нашёл!

Оказывается, в Эстонии ещё в 1967-м году образовалась Эстонская дружина школьников (ЭДШ, позднее Эстонская дружина старшеклассников – ЭДС), ориентированная как раз на летний труд. Съездив туда и познакомившись с деятельностью ЭДС, Сэм испытал культурный шок: он увидел образцовую форму бойцов и командиров, образцовый труд и образцовый досуг. Он увидел трудовые округа, штабы и отряды. Он увидел европейский порядок прибалтийского разлива и испытал сильные эмоции. Минув всякие управляющие образованием органы Москвы и даже Советского Союза, вышел на ЦК ленинского комсомола Эстонии и договорился о том, что хозяйства Республики примут два отряда москвичей.

Вот мы и стоим на Ратушной площади – два единственных из всего СССР неэстонских отряда. В синих джинсах, шикарных красных рубашках и ремнях с эмблемами ЭДС. О центральной России напоминает лишь металлическая звезда на моём командирском погоне – как у армейского майора.

Вся площадь заполнена отрядами: здесь и школьники, и учащиеся ПТУ, и студенты, и даже трудные подростки – у каждой категории «прикид» свой, разных цветов.

Зажигательно выступает Эдгар Сависаар – один из руководителей ЭДС в ЦК ЛКСМ Эстонии. Он молод, улыбочив и демократичен. Пройдёт немного лет, и Эдгар приедет в Москву, остановится на ночлег в московской коммунальной квартире Сэма, и они будут дружески пить московскую водку и эстонский ликёр «Вана Таллин». Пробегут ещё годы, и Эдгар станет председателем Совета Министров Эстонской ССР; а когда Эстония превратится в самостоятельное государство – вице-спикером парламента, министром, председателем городского собрания и мэром Таллина.

Самое время порассуждать: как это, правоверный комсомольский вождь, и вот... Республика Советского Союза, а теперь независимое государство? Чего не хватало? Происки империализма?

Глобальные историко-политические версии, разумеется, существуют. Но попробуем объяснить проще, по бытовому, по-комсомольски. А начнём как раз с прополки.

В отрядах ЭДС, в эстонских хозяйствах Торма, Валту, Пыхью и Муствеэ мы работали именно на прополке. Но! Никаким бардаком, стихийностью и дармовщиной здесь не пахло. Поле расчерчивалось на метры-квадраты. Каждый из пропольщиков по окончании рабочего дня подходил к бригадиру и рапортовал, сколько метров грядок обработано. Тот, без всяких проверок, записывал в блокнот. Абсолютно не заботясь о том, что кого-то подмоет в такой ситуации приписать себе десять, пятьдесят, сто лишних метров!

Зачем заботиться о предмете, забот не требующем? Площадь поля и длина грядок на нём хорошо рассчитаны, в том числе по стоимости. И командиру отряда озвучивается вполне определённая сумма за прополочное освоение этого поля... Дальше с приписками разбирайтесь сами. Баста! Ни собраний, ни проверок, мели Емеля – твоя неделя.

А если убирать сено? Аналогично! Просчитан тоннаж, определена цена его погрузки-разгрузки. Валяй, приписывай!

Уборка камней с поля? То же самое! Прикидывается, в данном случае приблизительно, вес этих камней, а дальше идёт расчёт за каждый килограмм.

Вот ты какой, оказывается, эстонский олень! Точнее, заяц. Маленькие зайчата регулярно встречались на полях. Мало-помалу привыкли и к зайчатам, и к порядкам. А когда пацаны и девчонки получили за полтора месяца работы по 100-150-200 рублей (чистыми, за вычетом питания и проживания), то в голове зародилась мысль: а почему в Подмоскowie-то не так?

Это всё? Нет, не всё. В Подмоскowie, да и вообще по России – мусор в деревнях, разбитые дороги, покосившиеся дома. А тут – аккуратно и чисто.

Возьмём другой ракурс. В Москве в ресторан не попадёшь, часами будешь стоять, чтобы войти. А в Таллине, Тарту, Пярну – пожалуйста, кушай-отдыхай без всяких очередей. И одежда кой-какая в магазинах есть, и техника при всеобщем СССРовском дефиците.

Но больше всего... Больше всего тронуло, что останавливаешься на каком-то автобусном переезде, а там кафешка, а в кафешке не чёрствый пирожок, а увлекательный такой бутерброд с килькой, лучком и яйцом. И слюнки текут, а от чёрствого подмоскoвского пирожка не текут.

Видно, и подумали прибалты: зачем нам это вместе с балетом и космическими кораблями, мы уж как-то сами помаленьку, без грандиозных свершений, зато красиво и опрятно.

А отношения? Отличные складывались с эстонцами отношения!

В один из сезонов мы базировались в городке Муствеэ, прямо на берегу Чудского озера, где приснопамятный князь Александр Невский одерживал победы над басурманами. Несколько ребят из отряда, да и сам я, играли в здешнем клубе на гитарах и ударнике. Местные узнали и приглашают: приходите на танцы, поиграйте, наши программы уже всем надоели. Пришли, ребята мои взяли гитары ритм, соло и бас, я сел за ударник.

И вдарили «Шизгару» с переводом, как это было принято тогда, полностью не совпадающим с первоначальным английским текстом:

«Жалобно звенит струна,
Вот и мне грозит война,
Лист повестки небольшой,
Крест поставлен надо мной.
Гитара! Пой песню гитара!
Лишь о мире – лишь о мире
Гитара поёт...»

Эстонский молодняк и наши отрядники вместе «балдели» и кувыркались. Я сломал палочки, но ударник-хозяин не обиделся: ерунда-вопрос, переверни тупой стороной и стучи дальше!

Ходили с местными на рыбалку на озеро с ночёвкой. Был прикольный случай. Клюнул, видно, большой лещ; я тяну, а он оборвал леску вместе с поплавком. Лещ ушёл, а поплавок-то виден, надо в воду лезть, может, вытянем. Я полез: подплыву – а поплавок скрывается под водой. Замёрз.

Эстонец говорит: давай я. Тоже полез, тоже плавал, тоже замёрз, а леща не поймал. Разожгли костёр, грелись, хохотали. Какие там напряжённые межнациональные отношения!?!...

Трудовые подвиги заканчивались окружным слётом. Где каждый готовил свой аутентично оформленный лагерь, концертную программу. Где состязались в спорте по-эстонски. Например, садятся двое на бревно и колотят друг друга подушками: кто упал с бревна – тот проиграл. И никаких обид! Или кормят друг друга кашей с завязанными глазами. Умора!

Командный состав парился в бане. И Эдгар Сависаар парился! Помню, девушки-командирши зашли в парную первыми. Заступаем следом, а они... топлесс. Мы слово «стриптиз»-то едва слышали и воспринимали его как одно из проявлений буржуазного разврата, а тут не буржуазные, а напротив, свои, социально близкие, комсомолки...

Мы переглянулись с командиром нашего отряда – учителем физкультуры Толей Киселёвым, и мозги пробила мысль: а может, это не просто так, может, предполагается захватывающее продолжение? Тем более, что Толя – мастер спорта по классической борьбе, атлет, даже позировал художникам за небольшие бабки. Да и я ничего!

Пытаясь заглушить сумасшедшее сердцебиение, подвигаемся поближе к блестящим от влаги женским бюстам. Однако, поймав своими откровенно порочными глазами недоумевающие и совсем не порочные ответные взгляды, поспешно отползаем на прежнее место.

«У нас так принято», – поясняет Эдгар.

Полевые совхозные уроки пошли ему впрок: в 1987 году бывший комсомольский лидер Сависаар станет одним из авторов программы перевода Эстонии на полный хозяйственный расчёт.

Пионеры для Политбюро

Одна из функций школьного отдела райкома – подбирать пионеров для вручения цветов членам Политбюро ЦК КПСС. Читаете и думаете, наверное: ври, да знай меру. Какие цветы? Какому Политбюро? Да вы на километр к Старой площади не подойдёте – погонят мокрыми тряпками!

А вот и не погонят! Речь шла о следующем. На демонстрациях 1 мая и 7 ноября члены Политбюро ЦК – в конце 70-х Леонид Ильич Брежнев сотоварищи – стояли, как известно, на трибуне Мавзолея дедушки Ленина. И в какой-то момент на трибуну, откуда ни возьмись, забежали пионеры и вручали кремлёвским старцам цветы. Любой советский гражданин мог наблюдать это действие по домашнему телевизору.

По секрету расскажу о том, чего любой гражданин наблюдать не мог: на обогреваемой гранитной полочке у членов Политбюро лежали коробки ну с очень хорошими конфетами из коммунистического спецраспределителя. Принимая букеты от детей, партийные боссы вручали им эти коробки.

Так вот о подборе пионеров. Неписанные критерии формулировались, с одной стороны, обычно:

– Равное количество мальчиков и девочек.

– Белый верх, тёмный низ; у мальчиков – брюки, у девочек – юбки. В холодное осеннее время сверху, конечно, возможны опрятные курточки, чтобы дети не замерзали.

– У мальчиков должен быть чубчик, у девочек – косички.

С другой стороны, критерии выдумывались удивительные:

– Дети отбираются из обычных школ, из спецшкол дети не отбираются (имелись в виду спецшколы с изучением иностранного языка и школы Академии Наук СССР, где училось много «блатняка»).

– Отбираются дети, успевающие на «хорошо» и «отлично». Троечники не отбираются, отличники – тоже.

– Дети исключительно из рабочих семей. Если папа или мама начальник – не подходит. Если среди родителей артисты, или учителя, или даже инженеры – тоже не годится.

Как-то мы обменивались опытом с райкомовцами Орловской области. Среди функций упомянули и про отбор пионеров для вручения цветов, и про критерии отбора.

«У вас, вероятно, этой головной боли нет?» – спрашиваю орловцев.

«Как же нет, е-э-э-эсть...»

«А кого и куда вы отбираете?»

«Молодых доярок-комсомолок для вручения правительственных наград».

«Ой, как интересно! А у вас критерии какие?»

«У нас критерии такие: медаль на груди доярки-комсомолки должна не висеть, не болтаться, а лежать. Хорошо лежать!»

* * *

Важнейшая функция райкома – приём в комсомол, понятное дело. Принимали вообще-то первичные организации, но бюро райкома решение «первички» обязательно утверждало. Но мы всё равно называли это «приём».

В дни приёма в райкоме не протолкнуться: коридоры заполнялись тучами шалящих и галдящих мальчишек и девчонок.

В рутинной процедуре, в длительном и скучном процессе мы, и члены бюро, и функционеры аппарата, находили шоу-составляющую. Одна из них образовывалась спонтанно и выражалась в оригинальных ответах на совсем неоригинальные вопросы.

Типовым оказывался вопрос о том, кто является лидером коммунистической партии в такой-то социалистической стране. А задавали его не столько с целью проверки знаний, сколько для того, чтобы услышать что-нибудь смешное. И слышали!

«Ну и кто у нас руководит компартией Югославии?»

«Гойко Митич», – бодро отвечает соискатель комсомольского билета, а члены бюро от смеха чуть не падают со стульев.

На всякий случай напомним, что в генсеках югославских коммунистов много лет состоял Иосиф Броз Тито. А Гойко Митич, аполлонобельведерски сложенный артист, играл индейцев в ГДРовских фильмах.

Коммунистическим лидером капиталистических Соединённых Штатов Америки регулярно становился актёр и певец левых убеждений Дин Рид; в Чехословакии – певец Карел Готт...

Столь же типовым значился вопрос, связанный с деятельностью Владимира Ильича Ленина.

«К чему Ленин призывал?»

«Ну, типа, к труду»

«А учиться призывал?»

«Ну, наверное».

«А ты речь Ленина на III съезде комсомола читал?»

«А что мне Ленина читать, я Ленина и так знаю...»

Говорят, смех прибавляет жизнь. Приёмы в комсомол нам её существенно прибавили.

Оживление вызывали и красивые школьницы. Когда людей на приём приходило особенно много, мы разбивались на группы, заседавшие в разных кабинетах. Теперь представьте. Входит на приём восьми-девяностиклассница 90:60:90 и с бюстом 3-4-5. Маленькой группе принимающих не справиться, подтягивали подмогу. И «пытали» претендентку вопросами, ответы на которые не имели никакого значения.

Первый секретарь райкома Толя Ковульников, пытаясь сделать гневно-суровый вид, обрезал затянувшуюся процедуру, а после ухода грудастого объекта резюмировал: «Вы – похотливые самцы! Запомните; в комсомоле нет мужчин и женщин, в комсомоле есть доброе слово «товарищ».

* * *

В райкоме-горкоме-ЦК комсомола существовали не только школьные отделы. Отделы пропаганды и агитации учили, как лучше и правильнее любить Родину. Организационные отделы занимались тем, чтобы на мероприятия по этой любви обеспечить приемлемую для вышестоящих органов явку и рассадку. В компетенции отделов оборонной и спортивно-массовой работы находились тур-военслёты, спортивные соревнования и всё подобное вплоть до показательной рубки кирпичей ладонями особо продвинутых в боевых искусствах комсомольцев.

Но были функции... ну, не слишком афишируемые. Скажем, спичрайтинг. Такого слова, разумеется, в те года не употреблялось, но функция-то существовала. Расшифровать? Ладно. Мой товарищ Миша Бочаров волею судеб попал в спичрайтеры первого секретаря Московского горкома комсомола. И до-о-о-лго отказывался об этой «кухне» рассказывать. Потом я его таки дожал, а он, без особого энтузиазма, но выдал:

«Закрытость спичрайтеров понятна. Это профессиональная «паранойя». Спичрайтеров за всю историю МГК ВЛКСМ было не больше двадцати. Это очень узкий круг людей, все они хорошо знают друг друга.

Однажды мне пришлось писать выступление первого секретаря МГК на пленуме ЦК комсомола в поддержку избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС престарелого и больного Константина Устиновича Черненко. Тогда мое внимание обратил на себя «птичий» язык партийных съездов и пленумов. Если это партия, то у нее был «мудрый курс». Если это комсомол, то он, как «младший товарищ партии», единодушно одобрял и поддерживал курс. Если комсомол занимался воспитанием, то оно «коммунистическое, в духе кодекса строителя коммунизма». И если комсомол за что-то боролся, то это «энтузиазм, дисциплина на стройках пятилетки и добросовестная учеба за партами школ, техникумов и вузов».

Комсомольские учителя мне говорили:

«Мы же не видим, как работают суставы, поскольку они покрыты кожей. Точно так же, когда выступает секретарь, не нужно знать, до чего он сам додумался, а что ему написали на бумажке. И сколько раз он отрепетировал искренность в голосе и сталь во взгляде. Подготовка речи первого секретаря есть процесс интимный».

Тайна вокруг речевой деятельности первых лиц – не только российская черта. В США уволили видного спичрайтера, чья жена не удержалась и похвасталась журналистам, какой у неё муж умный: придумал выражение, перевернувшее всю современную историю «ось зла». Засвеченный речеписец недолго наслаждался славой – его прогнали буквально на следующий день. За что? За то, что речь с этим словосочетанием произносил президент страны.

Спичрайтер добровольно обрекает себя на полное бесслаvie. Он успешен, пока в тени, а засветка для него – карьерная смерть. Тех, кто пишет речи первым лицам, во всем мире на профессиональном сленге называют «неграми». Они работают на определенного человека и обязаны учитывать характер спикера, его манеры. В каком-то смысле даже отождествляют себя с тем, для кого пишут.

Один из первых секретарей горкома, с кем я работал, просил у меня тезисы выступления и фактуру с цифрами. А другому первому предстояло писать буквальный текст. Впрочем, через некоторое время он отвлеклся от него и начинал плетение словес, например:

«Комсомол в своей истории всегда занимался воспитанием молодежи, но делал это, отвлекаясь на войны, индустриализацию и коллективизацию. В мирное время он наконец-то смог приступить к главному своему предназначению – воспитанию молодежи. В послевоенное время он добился в этом очень многого. Но можно больше. И сегодня комсомол покоряет научно-технический прогресс. Но это не предел – он может ещё больше и добьётся этого большего...».

Талант спикера у него присутствовал немалый. Однажды, предварительно приняв на грудь в ходе радушной встречи в одной из советских республик, комсомольский лидер и вовсе забыл про подготовленные мной бумажки. Но... оглядел зал, высоко поднял голову и выдал:

«Трудно делать дело. Я вижу, что в этом зале, в отличие от многих других залов, собрались те, кто это дело делает. Поэтому я хочу поговорить именно о деле и о наших совместных с вами делах...»

Ну и так далее.

Кроме текстов для первого секретаря горкома приходилось писать и для выступающих в прениях. Всё складывалось хорошо, пока они этот текст читали. А когда отвлекались, происходили конфузы.

Выступает рабочий парень и говорит что-то о комсомольской прессе. Потом отрывается от бумажки и...:

«Я не могу без «Комсомолки». Я с ней сплю».

Речь шла о «Комсомольской правде». Зал – в лёжку.

В другом случае оратор проникновенно рассуждает о роли комсомола в его жизни. Произносит заключительную фразу и, почти пуская слезу:

«Я так благодарен горкому комсомола, я отсюда столько *вынес!*»

* * *

А теперь почти о секретном. Или без почти? Существовала такая комсомольская операция «Ясность». Православные, честные и преданные! Заткните уши! Сам-то я крещёный и православный. Крестили бабушки, папа-коммунист закрывал глаза.

Но вот когда работал в райкоме комсомола, на других крещёных поступали сведения... Откуда? Не помню, откуда. Но в принципе, думаю, от священнослужителей, которые обряды крещения с данными родителей, участвующих в них, заносили в тетрадку. Далее по цепочке «сдавали» эти сведения кому положено. Через определённое количество звеньев райкому становились ясными фамилии комсомольцев, крестивших своих детей. Отсюда и название операции – «Ясность»? Шучу! Речь шла, конечно, о ясном, в представлении идеологов тех лет, сознании молодого человека.

Персональное дело комсомольца, чьё сознание признавалось не совсем ясным, разбирали в «первичке», затем на бюро райкома. С сочувствием? Да мы же комсомольцы-атеисты, какое тут сочувствие?!

«Как ты мог? Ты же комсомолец!»

Никто из крестивших за веру, за православные убеждения особенно не цеплялся, отнекивались стандартно:

«Мы с женой, мол, не хотели. А вот бабушки-дедушки (варианты: мамы-папы, братья-сёстры, дяди-тёти) настояли. И совершили. Неправильно, конечно, не по-комсомольски. Сейчас сожалеем».

Или совсем жёстко отказное:

«Мы и вовсе не знали. Бабушки-дедушки и прочие взяли ребёнка тайком, забрали наши паспорта (без паспортов-то, в Москве, во всяком случае, не крестили, однако... – авт.) и пошли в церковь. А мы только потом узнали».

Из комсомола не исключали. Так: от выговора до выговора с занесением. Но глаза членов бюро сверкали искренним и святым неприятием к чуждым обрядам.

В церковь-то я ходил. В целях, так сказать, ознакомления с тёмной и зловерной пропагандой. В действующую церковь Воскресения Словущего на Арбате. Выстаивал полночи, до конца службы не мог – надоедало. А раз, по наущению знающих, прокрался в синаногу на улице Архипова. И купил «Пятикнижие Моисеево» за десятку. Десять рублей – это не цена, это взнос в церковную копилочку с прорезью. Пытался читать, ведь книга-то общая, что для христиан, что для иудеев. Не пошло. И церковные проповеди как-то не пошли.

* * *

Персональные дела случались и посерьёзнее. На том же Арбате располагались театр имени Евгения Вахтангова и театральное училище имени Бориса Щукина, в народе «Щука». Для студентов училища, личностей творческих и возвышенных, неуплата комсомольских взносов, непосещение собраний, утрата комсомольских документов являлись вопросами настолько низкого порядка, что и мы, работники райкома, проникшись высоким, смотрели на это сквозь пальцы и, как могли, щадили провинившихся.

Но вот... Студент – сын одного из самых известных в СССР в то время артистов вместе с группой товарищей-комсомольцев вдарили крепкого, забрались на крышу архитектурного института и сняли государственный флаг страны. Помаршировали с ним немного, потом порвали флаг и выбросили. Случилось это в день празднования 60-летия советской власти.

Группу «замели», её участников выгнали из института и исключили из комсомола.

Как справедливо замечал главный «флаг-герой» в последующих интервью, «могли же и посадить за порчу государственного флага». Вполне могли! Но не посадили, поскольку в дело включились и папа, и другие солидные деятели искусства и не только искусства с запредельной и незапятнанной репутацией, а главное, должностью, включая деятелей московского горкома ВЛКСМ. Когда решили вопрос с «непосадкой», стали решать следующие: с восстановлением в комсомоле и в институте.

На заседаниях-разбирательствах «герой» вёл себя совсем не по-геройски. Опять же, сам признавался спустя годы, как «подавал апелляции, извинения. В заявлении «Почему мне надо вернуться в комсомол», я под диктовку написал:

«С комсомолом из моей жизни ушло самое главное – стимул!»

А дальше в воспоминаниях вот что:

«Тех, кто меня допытывал (заметьте, не в гестапо и даже не в НКВД-КГБ, а всего лишь на заседании комсомольского бюро – авт.), убил бы всех... Если бы у меня в руках оказался автомат, слёз бы не было, – я бы их всех перестрелял...»

Восстановили «героя». И в комсомоле, и в «Щуке». Учитывая, так сказать, чистосердечное раскаяние. Не учитывая, что «убил бы всех». Тогда он об этом смело молчал.

* * *

Случались... Извините, конечно, но и буквально комсомольцы и комсомолки регулярно случались, однако я сейчас в переносном смысле. Случались проступки. Однажды, как вспоминает очевидец, на большом московском заводе при участии аж первого секретаря горкома ВЛКСМ шло комсомольское собрание. Рассматривался вопрос о вопиющем нарушении: группа молодых рабочих в пьяном виде возвращалась с отвлечения чего-то домой, но... оказалась почему-то возле ЦК комсомола на улице Богдана Хмельницкого (теперь Маросейка). Одному из рабочих приспичило, и он начал справлять малую нужду прямо возле культового здания ЦК, причём, выводил по лёгшему поздней осенью снежку некоторый нецензурный текст.

Поймали, рассмотрели, «первый» бушевал:

«Выгнать его из комсомола!»

«Да он не комсомолец», – уточняет робкий голос заводского комсомольского лидера.

«Тогда принять и выгнать!»

Скьпи брата и сестри!

Заголовок написан по-болгарски. Почему – скоро узнается. А пока опять к комсомольскому творчеству Александры Пахмутовой и Николая Добронравова:

«Звени, отваги колокол!
В дороге все, кто молоды.
Нам карта побед вручена.
Отчизне в дар останутся
Рабочей славы станции.
Запомните их имена...»

Что же это за «рабочей славы станции»? Снова БАМ или Братская ГЭС? Нет, теперь поэт формулирует так: «Любовь, Комсомол и Весна».

Вырисовывается связь не вычурная, а вполне понятная. Любовь, конечно, может протекать и без комсомола. Но комсомол без любви никак! В смысле без любви весной. А также летом, зимой и осенью, в городе и в деревне, в родной стране и за рубежом, в уютной квартире и на столе в райкоме. Итак, рассказ про любовь.

Имелась у нас такая блатная привилегия: если ты член бюро райкома, заведующий отделом, секретарь РК, то вполне можешь возглавлять группы для поездки за рубеж по линии Бюро международного молодёжного туризма «Спутник» – это, собственно говоря, внутрикомсомольская структура.

В конце 70-х я, уже человек с незаконченным высшим образованием, дорос до искомым должностей и удостоился чести руководства группой, направляющейся, вероятно, в самую лояльную к СССР социалистическую страну – Народную Республику Болгарию.

Ну, пока ехали в поезде «Москва-Одесса», по-простому квасили и пели песни, о любви пока речи не шло. В часовом авиаперелёте «Одесса-Бургас» – тоже. А потом любовь началась почти сразу. На автобусах ночью мы прибыли в Международный молодёжный лагерь «Приморско» на берегу Чёрного моря, возле Бургаса. И уже из окна автобуса начали любовь созерцать. Вдоль дорог гуляли парочки, на лавочках в парках и по дороге в жилые корпуса парочки полусидели и полулежали; из комнат кампуса раздавались смех, писк и визг, а на побережье в огромном шатре долбила дискотека и танцевала с напитками в руках полураздетая молодёжь.

В нашей группе всего-то четверо ребят и где-то двадцать пять девушек, все комсомольского возраста. Большинство в зарубежную поездку и подобную атмосферу попало впервые. Вздыхая, переглядываясь, а иные уже и облизываясь, расселяемся по номерам.

Ну, ладно, думаю; поспим для начала, а утром попробуем со здешними порядками и нравами разобраться. Очень скоро раздался стук в дверь, и стало понятно, что ни подобная логика мышления, ни слово «поспим» в его традиционном значении в лагере молодёжном, отличном от детского пионерского, неприемлемы.

Стучались и пришли знакомиться трое «братУшек» – руководителей болгарских групп в лагере вместе со своими «помощницами». Принесли ракии (болгарская самогонка, кто не знает) а мы выставили водку, провозить которую из СССР можно было лишь по две бутылки на брата. Выпили всё. Утром, взвесив обстановку, я провёл собрание группы и озвучил первое стратегическое решение.

«Уважаемые комсомольцы Киевского района столицы нашей родины – города Москвы! Выясняется, что в лагере предстоит ряд встреч с делегациями союзов молодёжи братских социалистических стран. Отсюда всю привезённую вами водку будем считать общественной, складировать у меня в номере и употреблять лишь в деловых целях укрепления дружбы между народами. Сухое вино можете оставить себе для укрепления дружбы с отдельными представителями народов».

Возражений вроде бы не поступило, и гардеробный шкаф в моём номере стал русским водочным баром.

Далее распорядок дня выстраивался так. Утром завтрак, потом купание в море и попытка подремать на пляже, плавно переходящая в дружественные встречи, имеющие целью исключительно обсуждение вопросов мира и взаимопонимания. Встречи продолжались и после обеда, а также ужина, перетекая, в свою очередь, в посещение дискотеки. Дискотека заканчивалась около трёх ночи, но это не означало, что заканчивалось всё остальное.

Популярными стали песенные посиделки. Болгары хорошо знали русские песни: «Подмосковные вечера», и даже «И Ленин такой молодой!», и даже «Комсомольцы-добровольцы». А уж про «Стоит под горою Алёша – в Болгарии русский солдат» и говорить нечего.

Подняв очередные тосты за вечера под Москвой, комсомол, Ленина и Алёшу, переходили к болгарскому творчеству, которое советские ребята совсем не знали. Зато добросовестно разучивали, скажем, такую душевную песню:

... Много родины има в света,
Има долини с чудни цветя,
Ала го няма пълният с блян,
С песен хайдушка роден Балкан.
Че на света е само една, една –
Нашата мила родна страна.
Че на света е България само една, една –
Нашата мила родна страна! (болг.)

Если переводить на русский не буквально, то будет, примерно, как в нашей известной песне:

«... А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна,
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна...»

Затем «братушки» предлагали ознакомиться с не менее душевным, но более лёгким жанром национальных частушек. Вот из самого безобидного:

«Мы любили всё на свете,
Кроме ёжа и гвоздя,
Потому что ёж колючий,
А гвоздя любить нельзя!»

Наши комсомольцы быстро запоминали и подхватывали зажигательный припев:

«За Дунечкою,
За Дунайкою
Провожай меня
С балалайкою...»

И-да. Сон два-три часа в сутки стал нормой жизни.

А любовь-то где? Обещано было про любовь?

Чакай-чакай! (подожди-подожди – *болг.*). Любовь я отчасти прозевал, а отчасти был поставлен в невыносимые жизненные условия. Поясню.

На одной из встреч во имя мира я приглядел девушку Олю – нашу, советскую, и пригласил в номер попить чаю. Нас там проживало двое, но я полагал, что пока идёт дискотека, комната свободна. Номер оказался... закрыт с другой стороны. После настойчивого стука и руководящего вопроса «В чём дело?» дверь открыл полуодетый передовой рабочий одного из заводов района, кавалер медали «За трудовую доблесть» комсомолец Толя Медведев.

«Мы тут, эта, просто разговариваем и укрепляем связи...».

Ага, у него, блин, доблестные связи, а у меня облом! Это касательно «прозевал». А под «невыносимыми жизненными условиями» я имел в виду следующее.

Извините меня, сьпи братья и сестри! (извините меня, дорогие братья и сёстры – *болг.*). Особенно сестри! Мир национальных внешностей построен весьма причудливо. Так, в Болгарии братья (мужики) очень симпатичны, а вот сестри (женщины) не слишком. Отсюда *любые сестри* из нашей группы пользовались бешеной популярностью у тамошних братья, что нашим дамам не могло не понравиться. Настолько не могло, что я собрал очередное совещание и железным комсомольским тоном заявил:

«Если кто-то из девушек хочет укрепить братские связи с представителем болгарской молодёжи, прошу вместе с ним вечером подойти ко мне и сказать, как долго вас не будет, а когда вернетесь – доложить о возвращении».

И вот сидел я у корпуса в назначенное время (обычно в час ночи) и ожидал докладов. Точно как в песне «Комсомольская традиция»:

«Есть традиция добрая в комсомольской семье: раньше думай о Родине, а потом о себе».

Но мечтал! После лагеря «Приморско» предстояла поездка в Пловдив, потом в Софию. Полагал, что таким образом «лагерные» братья отвянут от группы, и останемся мы со своими девчонками. На каждого хлопца окажется штук по шесть! А с учётом того, что параллельно с нами путешествует пара групп из других регионов СССР, то и по десять! Вот тогда я, истосковавшийся по женской ласке, и найду, наконец, Олю. Или Таню. Или Наташу.

Я опять заблуждался. Из «Приморско» за нами прицепился хвост болгарских братья на разномастных автомобилях. В Пловдиве, после посещения поющего фонтана, где на «ура» воспринимался текст цветомузыкальной песни в исполнении Аллы Пугачёвой «Уж если ты разлюбишь, так теперь», хвост пополнился. В Софии, после посещения Храма Александра Невского, где тоже всё связано с любовью, удлинился ещё.

Я подружился, а иного и не предлагалось, с руководителем группы из Пензы Алевтиной – румяным комсомольским лидером большого совхоза, с бюстом, идеально подходящим под правитель-

ственные награды. По вечерам мы вместе сидели на лавочке у гостиницы и ждали, когда в оговорённое время приедут красивые болгарские братья и сдадут нам на руки счастливых советских сестри...

Открутим плёнку рассказа чуть назад. Когда мы в Москве уезжали с Киевского вокзала в Одессу, почти всех девушек провожали мужья или кавалеры. Девушки плакали горестными слезами и говорили: «Ой, как буду скучать!».

Когда мы приезжали на Киевский вокзал из Одессы, почти всех девушек встречали мужья или кавалеры. С цветами и шампанским! Девушки плакали счастливыми слезами и говорили: «Ой, как хорошо, что я дома».

И я дома. Сижу со свёртком, в котором лежит заветная мечта комсомольца поздних 70-х – дублёнка, сшитая в другой дружественной стране, Монголии, и купленная на средства, сэкономленные за счёт возможных интимных встреч со слабым полом в Болгарии. Рассуждаю:

«А отчего слёзы в одном случае несчастные, а в другом – счастливые? А оттого, что любовь – понятие сложносочинённое...».

История с брати и сестри закончилась? Отнюдь! Осенью, а может ранней зимой звонит мне в московскую квартиру – мобильных телефонов тогда, знамо дело, не существовало – болгарский комсомольский секретарь Костя Колев. Сообщает, что он с группой в Москве, в гостинице «Турист» на ВДНХ. Зовёт в гости.

Собрал я своих «болгарских», троих ребят и троих девчонок. И любимую девушку взял! Пусть знает, что никакой-такой нежности у меня в Болгарии не было, сплошная дружба.

Приехали, зашли в скромный номер, но с друзьями, как известно, рай в шалаше. «Братушки», по традиции, привезли ракию и всякий национальный закусон – мясо вяленое, брынзу. Пели, танцевали под магнитофон. Я малость, а вообще-то много, перебрал и, не помню, как и где, уснул...

Следующая сцена. Просыпаюсь, а глаза открыть боюсь. Потому что думаю: а я где? Если дома, то нормально, родители бухло простят, хоть и не сразу, но со временем. А если не дома? Страшно открывать глаза...

Открываю – не дома! Йех! А дальше... чувствую рядом чью-то, простите, попу, явно женскую, судя по мягкости и размерам. Всплывает очередной вопрос: попа-то чья? Если моей девушки, то, опять же, простят. Если нет – сливай воду. Теперь уже не глаза открыть, а повернуться боюсь. А повернуться надо, чтобы раскрыть смыслы. Поворачиваюсь медленно-медленно... Она! Ну, отлегло. Ну, я, естественно, алкоголик и прочее, но могло, как говорится, быть и хуже.

Огрызаюсь:

«Хоть я и..., говорю, но с братушками надо попрощаться».

Заходим в соседний номер, а там... вся наша компания сидит.

Галя смутилась:

«Все вы пьянь подзаборная!».

Пьянь так пьянь, но в коллективе-то, да к тому же комсомольском, презрение испытывать веселее!

Если даже ты пойдёшь налево

Вспомним Венедикта Ерофеева и его поэму «Москва – Петушки»:

«Идёт Минин, а навстречу ему – Пожарский.

«Ты какой-то странный сегодня, Минин, – сказал Пожарский, – как будто много выпил сегодня».

«Да и ты тоже странный, Пожарский, идёшь, на ходу спишь».

«Скажи мне по совести, Минин, сколько ты сегодня выпил?».

«Сейчас скажу: сначала 150 российской, потом 150 перцовой, 200 столичной, 550 кубанской и 700 грамм ерша. А ты?».

«А я ровно столько же, Минин».

«Так куда же ты идёшь, Пожарский?»

«Как куда? В Петушки, конечно. А ты Минин?»

«Так ведь я тоже в Петушки. Ты ведь, князь, совсем идёшь не в ту сторону!»

«Нет, это ты идёшь не туда, Минин».

Короче, они убедили друг дружку в том, что надо поворачивать обратно. Пожарский пошёл туда, куда шёл Минин, а Минин – туда, куда шёл Пожарский. И оба попали на Курский вокзал...».

Рискну предположить, что про Минина и Пожарского писатель Ерофеев у писателя Хармса подсмотрел. Тот в конце 70-х ходил в списках с рассказами про Пушкина-Гоголя-Толстого, изображёнными не совсем великими классиками, а вроде как выше Минин и Пожарский.

В то же время я уверен, что исключительно свою, творческую и большую душу Венедикт Васильевич выразил проще и понятней:

«Сколько раз я проходил по Москве, вдоль и поперёк, в здравом уме и в бесчувствиях, сколько раз проходил и ни разу не видел Кремля, я в поисках Кремля всегда наткнулся на Курский вокзал...»

Если даже ты пойдёшь налево – попадёшь на Курский вокзал; если прямо – всё равно на Курский вокзал; если направо – всё равно на Курский вокзал...».

Подумаешь глубже, и сам придёшь к выводу, что везде есть такое: пойдёшь налево, прямо, направо, а всё равно попадёшь к чему-то неизбежному.

Что есть неизбежное для работника райкома комсомола Киевского района Москвы? Куда всё равно попадёшь? На Киевский вокзал? Не-е-ет!

Ты выходишь из почти прилепленного к Министерству иностранных дел СССР двухэтажного здания, где тогда базировался Киевский РК ВЛКСМ. Отсюда быстро, всего-то минут за пятнадцать, можно дойти и до вождя Кремля. Но это смотря за чем дойти. После удачного заседания бюро, пленума или даже коротких посиделок в самом райкоме хочется не Кремль посмотреть, а... продолжить. И тогда ты направляешься в противоположную от Кремля сторону: переходишь Смоленскую площадь, Бородинский мост, движешься по Большой Дорогомиловской улице. Минуя Киевский вокзал (в Одессу мы уже ездили!), выходишь на Кутузовский проспект и оказываешься возле пивоваренного завода имени стойкого революционера, депутата ГД (царской) Госдумы Алексея Бадаева.

Размышляю, что лучшего персонажа для переименования прежде Трёхгорного пивзавода в завод им. Бадаева даже придумать трудно.

В самом деле: член партии большевиков-ленинцев с 1904 года.

К 1938-му вырос до председателя Президиума Верховного Совета РСФСР.

И вот едет Алексей Егорович в 1943-м с государственным визитом в Монголию и Туву – тогда независимое государство. Так звонко выполнил свою миссию, что после поездки «подвиги» Бадаева в братских странах рассматриваются на заседании Политбюро ЦК ВКП (б). В принятом по этому поводу решении говорилось о том, что Центральному комитету стали известны факты безобразного поведения т. Бадаева во время пребывания его в качестве председателя делегации СССР на празднествах в Монгольской Народной Республике и Тувинской Народной Республике, порочащие его как председателя Президиума Верховного Совета РСФСР и члена ЦК ВКП(б).

Отмечается, что Бадаев во время пребывания в Монголии и Туве беспробудно пьянствовал. Будучи пьяным, терял чувство всякого личного достоинства и в своем антиморальном поведении опускался до того, что неоднократно приставал к женщинам и требовал, чтобы «доставили ему баб» для разврата.

В марте 1944-го Алексей Егорович Бадаев постановлением сессии Верховного Совета РСФСР освобождён от занимаемой должности. А после отстранения назначен... руководителем треста «Главпиво», и в этой должности пребывал до своей кончины в 1951-м году.

В 1934-м заводу присваивается имя Бадаева, однако обратно в Трёхгорный он переименовывается... только после горбачёвской перестройки. Казалось бы, историческая справедливость вернула что положено на свои места, да не тут-то было: в 1997-м году завод вновь получает наименование «Бадаевский» и последнее своё десятилетие с ним существует. Что ж сказать, чего пить – того не миновать.

Так почему вместо Кремля на Бадаевский завод? Станный вопрос. Там работают наши комсомольцы! С ними нужно обсудить насущные комсомольские дела. Проверить качество продукции, дегустируя марки пива, которые не всегда и задорого встречались только в столичных театральных буфетах: «Наша марка», «Двойное золотое», «Московское оригинальное», «Рижское оригинальное» – в таких симпатичных бутылочках по 0,33 литра.

А потом из цистерн в подвале накатить нефильтованного пива: в тот период оно считалось диковинкой, поскольку в принципе отсутствовало в магазинах и пивбарах, а присутствовало только на заводе.

В конце концов, по заводскому, по рабочему сварить в «простом» (читай «Жигулёвском») пиве сосиски – вкус изумительный! В общем, если тебе комсомолец имя – имя крепи делами своими!

Если этих дел не хватало, требовалось всего-ничего: пройти по Кутузовскому метров пятьсот – теперь как раз в сторону Кремля – и оказаться в ресторане «Украина», где тоже работала комсомольская организация. Для плодотворной дискуссии райкомовцы несли в ресторан свою водку, а местные комсомольцы организовывали закуску по приемлемым ценам.

В особо торжественных случаях мы добирались-таки почти до Кремля, а именно до ресторана «Прага» на Арбате. Тут пиво подавалось уже чешское. Само словосочетание «чешское пиво» не подразделялось на марки, а в целом имело синонимы «импортное», «отличное», «нигде не достанешь». А меню пестрело названиями каких-то неведомых блюд типа «жаркое из трёх мяс», «витки ветчинные», «кнедлики». В «Праге» «халява» уже не проходила, но посидеть рублей по пять-семь, а лучше по десятке на человека удавалось неплохо. Но вопрос-то не только в ценах: попасть в «Прагу» с улицы было вообще невозможно. Однако ж, если тебе «комсомолец из райкома» имя, то добро пожаловать.

Теперь комсомол тю-тю. А вместе с ним и Бадаевский пивзавод тю-тю: нету больше такого завода. И ресторан «Украина» тю-тю – только за ради Бога не путайте с новодельными ресторанами *внутри* перестроенной, «рэдиссоновской» гостиницы «Украина». А «Прага»? Закрыта «Прага»...

Ладно. Стало быть, сидим, и кушаем, и выпиваем. Но если выпиваешь, то произносишь тосты. Есть ли на свете комсомольские тосты? А как же!

Один из любимых – про комсомолку Машу. Те, кто слушал тост по двадцатому разу, тихо улыбались, кто по тридцатому – громко хохотали. Но попадали в компанию один-два-три человека, которые не слышали тост ни разу. В этом случае улыбались и хохотали над их реакцией.

Рассказываю.

Комсомолка Маша работала на бульдозере. Вдруг ковш бульдозера упёрся во что-то твёрдое и застрял. Комсомолка Маша вышла из кабины, пошуровала ломиком и наткнулась на древний мраморный саркофаг.

Маша не остановилась на достигнутом и не стала ждать реставраторов, а продолжила орудовать ломиком и поддела крышку саркофага. Её взору явился прекрасный юноша в одежде фараона. Он был настолько красив, что Маша обтёрла ветошкой испачканные руки, ополоснула под строительным краном лицо и... поцеловала юношу. Тот ожил!

И сказал:

– Маша, ты вернула меня к жизни. Я так долго спал. И за это я, обладающий волшебным даром, готов исполнить тринадцать любых твоих желаний!

Но у комсомолки Маши было только одно желание, и она попросила, чтобы красавец-юноша исполнил его... тринадцать раз.

Юноша начал исполнять желание, но на разу N (в зависимости от темперамента рассказчика цифра колеблется от трёх-четырёх до десяти, но до тринадцати всё равно не доходит) умер опять... Маша села и заплакала.

И тут следует собственно тост, в двух вариантах. Первый:

«Так выпьем же за то, чтобы наши комсомолки никогда не плакали!».

Второй (видимо, заимствованный из кинофильма «Кавказская пленница»):

«Так выпьем же за то, чтобы наши желания всегда совпадали с нашими возможностями!».

* * *

Продолжаю про налево-направо. Остался один действующий объект, совсем впритык к Кремлю, куда, или как минимум в сети которого, ты обязательно попадёшь, куда бы ни пошёл в бывшем Киевском районе. Особенно если молодой. Особенно если активный комсомолец. Особенно если ищешь себе... жену.

Никакие дореволюционные, перестроечные и постсоветские «вихри враждебные» не смогли ни-че-гошеньки совершить с этим объектом. Правда, удалось переименовать, но совсем чуть-чуть:

была ГБЛ – Государственная библиотека имени Владимира Ильича Ленина, а стала РГБ – Российская государственная библиотека. И ближе неё к Кремлёвской стене уже ничего нет!

В чём чудесная сила притяжения ГБЛ? Пива там нет, кнедликов тоже. Книги, что ли?

Ответ допустимый, но не исчерпывающий. Да, продвинутый московский студент обязательно попадёт в главную библиотеку страны, чтобы почитать нужные книги. Но продвинутый студент, который ещё и комсомолец, да к тому же работник райкома комсомола попадёт сюда не только за книгами.

Я, сочетающий в одном лице все три названных позиции, пришёл в Главную Библиотеку сперва за книгами. И среди огромного числа обитателей города в городе заметил одну девушку. Кто она? Читательница или сотрудница? Раз заметил, два, стал искать взглядом при каждом посещении, потому что понравилась; понял, что сотрудница. Подойти познакомиться? Да как, столько народу бродит, неудобно...

Расшифруем имеющийся контекст. Работало в ГБЛ тогда около трёх тысяч сотрудников. Из них процентов 95 – женщины. Из них не менее трети – девушки-комсомолки, то есть целая тысяча! Куда им деваться и куда их девать? В смысле как помочь естественному стремлению к встречам-знакомствам с противоположным полом?

А это что, тоже задача комсомола? Конечно, и наиважнейшая! Отсюда в ГБЛ устраивались вечера с приглашением представителей нужного пола из дружественных районных организаций. А «нужный пол», когда на каком-то предприятии оказывался в переизбытке, приглашал девушек из Библиотеки на свои вечера. Но райкомовцы-то ходили и туда, и сюда! На вечерах я опять увидел ту девушку. И опять не решился подойти.

Был у райкома такой формат работы: комсомольская учёба. Где-нибудь на подмосковной базе отдыха мы собирали актив «первичек» на несколько дней и заодно учились правильным методам комсомольского воздействия на массы. Тут вновь никак нельзя без девушек из ГБЛ! И опять она! Наконец, познакомилась – её Галей звали – прогулялись, обменялись телефонами и... я уехал командиром стройотряда в Эстонию.

А когда вернулся через полтора месяца и пришёл в райком, снова увидел её, но теперь уже в другом качестве. Знакомьтесь, говорят товарищи, это инструктор отдела учащейся молодёжи Галина. Из ГБЛ к нам пришла. Да мы знакомы...

Снова песня крутится в голове: «Комсомол не просто возраст – комсомол моя судьба!». На свадьбе гуляли всей райкомовской «деревней». «Комсомольцы-добровольцы» почему-то не пели. Зато маршировали по залам, потом по улице и горланили «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!». В такт хорошо подходило. Но хитом вечера (ночи, утра) стала другая песня:

«... Так же дождь стучался в окно,
Только это было давно.
Где ты – мне теперь всё равно,
С кем ты – теперь всё равно».

В свадебную постель, которая, впрочем, по-комсомольски задорно была опробована значительно раньше получения искомым штампов в паспортах, мы с Галей упали часам к семи утра. А в восемь в комнату бесцеремонно вошёл уже пьяненький родственник по моей линии дядя Петя с тарелкой.

«Ну, молодая!» – сказал дядя Петя.

«Чего он хочет?» – шепнула мне на ухо Галя.

Дядя Петя грохнул тарелку об пол и воскликнул:

«Молодая, надо все осколки собрать!»

«Ну и мудака – твой дядя Петя! Он в комсомоле-то хоть был? А то лезет со своими патриархальными традициями», – сказала комсомольская жена Галя...

Я нить повествования не упустил. И не забыл про интригу, что пойдешь прямо, направо, налево. Поскольку всё равно попадёшь в Библиотеку Ленина. Потому что мой товарищ по райкому Гена Тенчин женился на девушке из ГБЛ через полгода. Витя Кочурин – через год. Саша Кононов – за год передо мной. Это не говоря уже о ребятах из дружественных райкомов. Так что кому на вокзал, а кому в Библиотеку.

Ленин, Крыленко, Кропф и огромный вибрам

А я всё любил походы и турслёты. Сначала по лесам Московской области. Потом по Кавказу. По Тянь-Шаню. По Алтаю. На Алтае с друзьями и подругами по туристскому отряду услышали, выучили, дополнили в соответствии с собственными ощущениями и начали театрально исполнять песню, доходчиво раскрывающую суть туризма. Автор первоначального текста, как часто бывает, неизвестен, но песня и вправду превратилась в бессмертную:

«Не успела во поле высохнуть роса,
Мы идём навьючены, выпучив глаза,
Впереди нас манит голубой простор,
А тропинка узкая вьётся между гор».

Почему «выпучив глаза»? Потому что вес рюкзака на выходе в двухнедельный поход – 25-27 кг. Палатки, спальники, жестяные банки с тушёнкой, «живая» картошка, буханки хлеба, примуса, бензин – такой набор подразумевал, конечно, некоторый вес. Более поздние поколения туристов это оптимизировали: мясо брали сублимированное, картошку доставали порошковую, примуса с бензином из канистры заменились на газовые горелки с аккуратными баллончиками. А мы пока шли «по классике».

«Мысли плотоядные вьются в голове,
Жареная курица ночью снилась мне,
Жрать тушёнку с кашею больше нету сил,
Кто же мне в палатке на морду наступил».

Сначала ели тушёнку с картошкой, которая вскоре кончалась, поскольку и её, и другие овощи брали только на первые дни похода. Потом вместе с неизменной тушёнкой употреблялись макароны и крупы. И запивались «варёным» в котелке или даже в ведре чаем. Мечталось о чём-нибудь вкусненьком. Пивка бы выпить, например. Да-да, с жареной курочкой!

«Отдых замечательный, тишь да благодать,
Целый день пытаемся инструктора догнать,
Целый день, шатаясь, идём под рюкзаком,
Ночью в речке моемся, а водку пьем потом».

Рюкзак выдавался «абалаковский» – конструкции знаменитого в прошлом горюхосходителя Виталия Абалакова. С одной стороны, это лучше, чем военный заплечный мешок, прозванный «сидором». С другой – ну что, всё равно торба с двумя ляжками, длину которых можно регулировать. Набьёшь «абалак» (что потяжелее на дно, что полегче наверх) всякой всячиной – получается большая подушка. Потом кустарно навяжешь сверху разное: например, палатку, спальник, канистру с бензином, тёплую куртку. «Скандинавские палочки» тогда, заметьте, ещё не внедрили; плечевые, грудные, поясные регуляторы рюкзака – тоже. Путешествовалось довольно некомфортно – вся нагрузка приходилась на ноги и плечи.

А водка и вправду была? Спрашиваете! Не для пира-балдежа – как потом идти? Так, на ночь, для сугрева, граммов по пятьдесят-семьдесят.

Однако... в какой-то момент водка кончалась. И ребята начинали водить носами: где бы достать ещё? Раз такое произошло, когда ходили по Уралу. Смотрим карту и видим, что в двадцати километрах от стоянки есть какое-то село. снаряжаем троих парней – вперёд! Парни дошли и выяснили, что в период летней страды в сельской местности объявляется сухой закон, и спиртное не продается.

«Дык сами мы не местные», – говорят продавцу в сельмаге.

«Тогда идите в сельсовет и рассказывайте о своих проблемах».

Правда, что ли? Оказалось правдой. Добрались до председателя сельсовета, тот предлагает:

«Пишите заявление с просьбой разрешить продажу водки и объясните, зачем вам это нужно».

Пишут:

«Нас тридцать человек (а в реальности было двенадцать), всё время идут дожди (так и было, природа нас в этом смысле поддержала), группа промокла и простудилась. Просим продать десять бутылок водки в целях профилактики простудных заболеваний».

Председатель «почесал репу», прикинул что-то на деревянных счётах, задумался и резюмировал:

«Бутылку на троих – многовато будет! Это, как у алкашей. А вот на четверых в самый раз. Подписываю разрешение на восемь пузырей»...

«Мысли банно-ванные вьются в голове,
Сауна пахучая ночью снилась мне,
Был там душ сверкающий, унитаз там был,
Кто же мне в палатке на морду наступил».

А вот и не только в снах. И не с нас походное мытьё началось, а думаю, с совсем доисторических времён. Натыкаемся в лесу на избушку. В избушке печка, топим её, внутренность избушки прогреваем. Рядом с избушкой разводим костёр, кладём в него камни. Когда они нагреваются, носим в нагретую избушку. Плещем на камни воду, и получается пар. Потеем, и грязь с тела приятными такими ручейками стекает. Рядом ручей течёт, окунаемся в контрастно охлаждающую воду. И запахи чудесные идут: от костра, от стен избушки, от леса. Вот тебе натурально и сауна пахучая!

«Мысли сексуальные вьются в голове,
Женщина раздетая ночью снилась мне,
Ночевать с одетыми больше нету сил,
Ну, кто же мне в палатке на морду наступил».

Тут совсем смешно. Женщина раздетая, может, и снится, а наяву... Когда ходили по Фанским горам на «Памиро-Алае», старались максимально облегчить рюкзаки. Но за счёт тёплых вещей этого делать никак нельзя. И додумались. Даже простые спальные мешки того времени имели функцию состёгивания между собой молниями, то есть из двух обычных мешков легко делался один большой. Зачем? Затем, что туда помещалось три человека, стало быть, на троих бралось только два мешка. Итого 2-3 кг веса долой!

Мы спали в палатке втроём: я с парнем Юрой по краям, а девушка Таня в серединке. Поверьте, ощущения тепла было достаточно, и сексуальных желаний не возникало. Хотя спали-то в обнимку!

О завершении этой песни. После слов «Ну, кто же мне в палатке на морду наступил», вступал хор туристов: «Вибрамом (совковый ботинок-«промокашка» с рифлёной подошвой) а-гро-омны-ым... на морду наступил!».

В Фанских горах происходил зачётный поход в школе средней туристской подготовки, после чего я получил второй разряд и книжечку инструктора по туризму. И вот тут-то жизнь и свела меня с «крёстным папой» в отчаянном и красивом увлечении – мастером спорта международного класса по альпинизму Владимиром Кавуненко.

«Тебе, говорит, Саша, хватит заниматься всякой мутатой. Что это за рюкзак у тебя? Стыдобень! А одежда? Штормовка – это смешно. Песню «Выштопан на штормовке лавины предательский след» я хоть и люблю, но это совсем из прошлого. Какие теперь штормовки, когда нормальное снаряжение есть. Турист – так... Рюкзак как подушка, котелок закоптелый стучит. Езжай-ка ты в альплагерь. Правда, разряды свои туристские да удостоверения инструкторские можешь выкинуть, они там никому не интересны. Про туризм там и слова-то не произноси. Но ничего! Начнёшь реальную спортивную карьеру...».

Причём же здесь комсомол? Ну-у-у, дорогие мои. Комсомол – боевой соратник партии. И называется, напомним, ленинским. Так что начнём с начала, прямо с товарища Ленина.

Самарский исследователь и путешественник Сергей Карлин серьёзно занялся «горным прошлым» вождя мирового пролетариата и вот что накопал:

«...От друзей услышал, что в селе Ермаковском (ныне Красноярский край – авт.) живёт человек, который Ленина видал и что-то там для него делал. Они заинтересовались и решили человека навестить. Обозвали всё это «Исторически-поисковой экспедицией по Ленинским местам», в ЦК Комсомола выбили деньги и пошли на пятнадцать дней по Саянам «шарахаться».

В Ермаковское действительно заходили, но человека, «который с Лениным разговаривал», не застали, помер он к этому времени. А вот с его сыном Семёном Савеличем пообщались. Он рассказал, что батя его кузнецом в селе был и молодому Ильичу с женой наконецники острые для палок ковал, что-то такое на пешню похожее. Потом на железные пластины зубья стальные приклёпывал. Они их ремнями к сапогам прикручивали, чтоб по льду не скользить.

Сам Семён Савелич пояснил вот что:

– По рассказам батяни, трое их было. Жена молодая, он её в шутку Крупинкой называл. А третий, худой, борода клинышком, в очках. Они его изначально, то Старик, то Борода звали, а когда вернулись, уважительно так о нём отзывались: «Это наш железный Лев!» И все вокруг его Лёвой потом звали. А ещё хромал он очень сильно, когда с гор спустились...

Вот такую информацию мы получили. Что должны были подумать? Борода клинышком – у Троцкого была борода клинышком. Очки – Троцкий в пенсне ходил. Имя Лев – Троцкого Лев Давидыч звали. А потом ещё прозвище Старик – одно время у Троцкого такой псевдоним был.

Все документы по этому вопросу в сталинские времена уничтожили, чтоб об их альпинистской дружбе никто не знал. Ведь у нас как трактовалось в советское время: Троцкий и Ленин, мол, непримиримые противники, а тут друзья выходит.

– И чем ваши изыскания закончились?

– Да ничем. Написали справку о проделанной работе, отчитались за потраченные деньги, хотели доклад на кафедре сделать, но нас с докладом развернули. Сказали, что всё это бездоказательно, документальной базы не имеет, и вообще на бред сивой кобылы похоже. Где ж это видано, чтоб такой серьёзный человек как Ленин, вождь всего мирового пролетариата, можно сказать, такими пустяками, как альпинизм занимался?! Так и осталась эта история как занимательная байка. А сейчас, наверное, уже и сын того кузнеца Семён Савельич помер, так что концов не найти...

Со временем эта тема как-то подзатёрлась, и оставшийся вопрос меня особо-то и не волновал. Но вот как-то пришли мы в гости к нашим друзьям, а на пороге громким мяуканьем встречает огромный кот с великолепной гривой. Я пошутил:

– Да у вас тут настоящий кот мартовский обитает!

А кто-то усмехнулся в ответ:

– Да скорее уж мартовский лев, судя по воротнику!

«Мартовский лев, мартовский лев...», – повторял я про себя, сидя в кресле и поглаживая красавца-кота. И вдруг как прозрение: «Мартов!!! Лев Мартов! Вот кто был тогда в Ермаковском!»

Лев Мартов – псевдоним Юлия Осиповича Цедербаума, близкого друга Ленина, чуть ли не единственного к кому Ильич обращался на «ты». Вместе с Лениным в 1896-м году сослан в Енисейский край, только Ленин на юг, в предгорье Саян, в Шушенское, а Цедербаум на север, в Туруханский край. И у обоих ссылка закончилась одновременно весной 1900-го года, так что Мартов вполне мог ходить в Саянах с Лениным либо в 1896-м, либо в 1900-м.

Я внимательно стал читать всю найденную в интернете информацию по Мартову и выяснил, что хромал он с детства. Его маленького уронила няня и не сказала никому об этом. Нога, видимо, была сломана и срослась неправильно. Хромота его была порой не заметна, а порой резко бросалась в глаза. Так что это не результат падения в горах, а всего лишь вина нянечки...».

Легенда? Может, и легенда. Но какие-то документы пытливым Карлин разыскал и даже снял с них копии. В частности, выдержки из докладной записки в четвёртое отделение жандармерии города Красноярска, от урядника Минусинска Степанова В.И., датируемой двадцать третьим марта 1897-го года.

«...Так же докладываю, что находящийся под гласным полицейским надзором политссыльный Цедербаум Юлий 29-го числа месяца апреля сего года встретился в Минусинске с политссыльным Ульяновым Владимиром и его женой Надеждой, сохранившей за собой девичью фамилию Крупская. Оные люди так же находятся под гласным надзором полиции. На оную встречу и у Ульянова, и у Цедербаума имелось разрешение от вышестоящей инстанции. В соответствии с предъявленной бумагой, за подписью губернатора края, оказал посильное содействие в их, на мой взгляд, безумной и бессмысленной затее, водрузить флаг Российской империи на высшей точке Ергакского хребта.

Первого мая Цедербаум, Ульянов и Крупская в сопровождении двух надзирателей-фискалов Прошкина и Тимохина, на предоставленной им подводе, отбыли в село Ермаковское. По докладу Прошкина, в Ермаковском они остановились у сельского кузнеца Савелия Ермакова, где прожили три дни. За это время крамольных разговоров не вели, поведение соответствовало циркулярному предписанию. По просьбе Ульянова кузнец изготовил железные наконечники подобие пики в количестве трёх штук и насадил их на прочные деревки.

При содействии кузнеца поднадзорные раздобыли проводника-охотника и лошадей и пятого мая вышли в тайгу. Целую неделю, по словам Прошкина, ссыльные Ульянов и Цедербаум неоднократно уходили вверх на хребет в разных его местах. Иногда к ним присоединялась Крупская, но выполнили ли они данное губернатору обещание, ни Тимохин, ни Прошкин подтвердить не могут, так как оставались на биваке, сами на Камень не поднимались, а снизу наблюдать действия поднадзорных не представлялось возможности. 18-го мая и поднадзорные, и надзиратели возвратились в Ермаковское...».

Ну, допустим! И что? И всё? Ленин вдохновил грядущие поколения на альпинистские подвиги? Так не он один! Возьмём-ка Николая Васильевича Крыленко – Верховного главнокомандующего российской армией после Октябрьской Революции, а в дальнейшем – народного комиссара юстиции СССР. Но для нашей повестки дня Крыленко интересен как председатель Центрального совета Общества пролетарского туризма и экскурсий.

Вот некоторые его цитаты образца 1934-го года:

«О значении высокогорного альпинизма как одного из лучших средств отдыха для туристов сейчас не может быть двух мнений. Для здоровых в основном людей с здоровым сердцем и легкими и физически крепких, как бы они ни были утомлены физическим или умственным трудом, как бы ни была потрепана их нервная система, нет лучшего средства для отдыха и укрепления организма, как высокогорный туризм.

Чистый горный воздух, своеобразные формы туристской жизни в горах, ночёвки под открытым небом, умеренная и отнюдь не изнеживающая пища – всё это прекрасно поднимает жизнедеятельность человеческого организма».

И легенда про Владимира Ильича приобретает рядом с Николаем Крыленко новые очертания.

В 1914-м году, в Швейцарии он вместе с Лениным совершает восхождение на трёхтысячную альпийскую вершину Раше-Дене.

«Было нас четыре человека, – вспоминал потом Крыленко. – Владимир Ильич шёл впереди с рюкзаком за плечами, как самый заядлый турист, а ходил он превосходно с точки зрения физической выносливости».

В 1935-м году даже выпустили книгу под названием «Ленин и альпинизм».

Что касается самого Крыленко, то в 1928-м, в послеленинский период, он возглавляет альпинистский отряд советско-германской Памирской высокогорной экспедиции. Где рядовым членом шёл, например, заместитель наркома просвещения и будущий известный исследователь Арктики, академик и Герой Советского Союза Отто Шмидт.

В 1929-м Крыленко предпринимает попытку покорить самую высокую вершину СССР – пик Ленина (7495 м). Достигнув отметки 6850 м, он стал первым советским альпинистом, побывавшим на такой высоте, установив тем самым рекорд в подъеме на высочайшие вершины страны.

В числе первых в 1934-м получает звание заслуженного мастера альпинизма, только что установленное Центральным советом Общества пролетарского туризма и экскурсий...

Ну и заключительная, но совсем не завершающая цикл довоенных хроник история, показывающая, что альпинизм вполне претендовал на звание комсомольского и коммунистического вида спорта.

Австриец Фердинанд Кропф родился в 1914-м году на Адриатическом побережье Австро-Венгрии в городе Триест. С 1927-го начал свой путь в альпинизме – совершал восхождения в Альпах; активно занимался горными лыжами.

Как и многие представители немецкой молодежи, Фердинанд политически активен: в 15 лет вступает в молодежную организацию «Красные Соколы», затем в «Союз Социалистической Молодёжи». Потом примкнул к левой военизированной организации социал-демократической партии «Шуцбунд» («Союз обороны»). Однако в 1933-м к власти в Австрии приходят сторонники фашистов, и «Шуцбунд» официально запрещают: левые вынуждены уйти в подполье, а в феврале 1934-го поднимают восстание.

Для подавления восстания правительство привлекло армию: полевую артиллерию, минометы, удушающие газы.

Участников выступления расстреливали без суда и следствия прямо на улице. Восстание подавили. И всем «засветившимся» нельзя было оставаться в Австрии, где по отношению к ним вёлся политический сыск и репрессии. Фердинанд Кропф и три сотни шуцбундовцев перебираются в СССР.

Что определило выбор Кропфа? Он самозабвенно любил горы и стремился увидеть Кавказ, Памир и Тянь-Шань. Уже в 1935-м Фердинанд с товарищами приезжает на Кавказ в Баксанское ущелье, в альпинистский лагерь «Адыл-су», и совершает первые кавказские восхождения.

Австрийские альпинисты – шуцбундовцы организовали первые в СССР курсы по повышению квалификации инструкторов альпинизма, горную школу высшего мастерства – «Bergsteigerchule». Половину преподавательского состава школы составили одиннадцать австрийских профессиональных альпинистских инструкторов. За первый же год они подготовили 168 инструкторов альпинизма. Фердинанд Кропф активно участвовал в этой работе.

Не Ленина, не Крыленко, а Фердинанда Кропфа называют родоначальником советского альпинизма...

С 1935-го прошло семь лет. 17 августа 1942 года группа немецких альпинистов, руководимая гауптманом 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» Хайнцем Гротом (я застал деда в живых – он, почтенный германский судья, умер в 1994-м)...

Впрочем, не будем спешить. Давно известно, что двуглавый Эльбрус является высочайшей вершиной Европы (5621 и 5642 м). Данное обстоятельство привлекало к нему внимание восходителей с начала XIX века. А в 30-е годы XX века счет восходителям пошел на тысячи — в рамках армейских и гражданских (включая колхозно-совхозные) альпиниад на Эльбрус восходили по несколько сотен участников одновременно. В 1940 году на территории СССР действовало 40 альплагерей, где ежегодно проходили подготовку до 30 тысяч альпинистов.

«В 1935 году мне исполнилось 17 лет, – рассказывала мне много позже Любовь Кропф, супруга Фердинанда Алоизовича. – Я перешла в 10-й класс, но уже была инструктором по альпинизму. В августе мы проводили альпиниаду Кабардино-Балкарии. Вблизи Чегета разбили лагерь, куда каждый колхоз, совхоз доставлял свою комсомольскую команду, обеспечивая её транспортом (ишаками), палатками, продуктами. Имелись у нас спасотряды, впервые на Эльбрусе использовались радиостанции. Четырьмя колоннами мы подняли на Эльбрус 638 человек...».

Сейчас индивидуальное восхождение на Эльбрус считается почти подвигом, а тогда вошли почти строем, четырьмя колоннами комсомольцев, в «колхозном» снаряжении...

Бывали здесь в ту пору и зарубежные «комсомольцы» из числа офицеров германского рейха. Все правильно у Высоцкого: «А до войны вот этот склон немецкий парень брал с тобою». Потом немецкий парень появился здесь опять. В Приэльбрусье вошли 1-я горнострелковая дивизия «Эдельвейс» генерал-лейтенанта Ланца и 4-я горнострелковая генерал-майора Эгельзеера. Дивизии комплектовались исключительно из альпинистов, горнолыжников, горных стрелков, имевших опыт ведения боевых действий в горах, оснащались специальным снаряжением и числились в ряду лучших соединений немецкой армии.

«Немецкий парень» встретился уже не с нашими комсомольцами-альпинистами, так как с началом мобилизации их стали призывать в армию на общих основаниях, и они оказались рассеянными по разным фронтам и широтам.

«Парень» встретился с бойцами по названию горнострелковых, а на деле не приспособленных для войны в горах частей. Отличие их от обычных подразделений заключалось лишь в том, что автомобильный транспорт частично заменялся на вьючный, а артиллерийское вооружение было несколько облегченным. Необходимая горная подготовка, снаряжение в этих соединениях отсутствовали. Полбеда, если необученные воины погибали в немногочисленных боях, но нередко дело не доходило и до боя: замерзали, проваливались в трещины, задыхались в лавинах.

В 42-м, в разгар горной войны, наступило «прозрение»: верховный главнокомандующий Иосиф Сталин отдал приказ собирать альпинистов по всем частям и отправлять на Кавказ. В полках появилось по 1–2 инструктора альпинизма на всех. Но время оказалось упущенным – немцы прочно встали на ключевых перевалах.

И, стало быть, 17 августа 1942 года Хайнц Грот вышел на перевал Хотютау. В бинокль увидели «Приют Одиннадцати» (небольшая гостиница без всяких удобств, похожая на дирижабль: построена в 1939 году на высоте 4200 м, сгорела в 1999 году) и людей в военной форме на нем: на Приюте находилось отделение солдат во главе с лейтенантом и трое зимовщиков.

Дальше Грот предпринял необычный ход: в одиночку и без оружия, с белым полотенцем, он, пересекая ледники, взобрался на Приют и начал жестами и рисунками разъяснять присутствующим

щим, что обстановка для них сложилась неблагоприятная. В заключение предложил убраться на все четыре стороны, что и было сделано после бурных обсуждений без единого выстрела. Вскоре на вершине взвились штандарты со свастикой. «Комсомольцы» из «Эдельвейса» переиграли наших большевиков...

Комсомолка Любовь Кропф участвовала в формировании альпинистских разведгрупп на Кавказе. Они «садились» на перевалы, на вершины и наблюдали за передвижениями немцев. После этих «посиделок» (ничего себе «посиделки»: зимой, без огня, на высоте) рождались песни. Самую известную, «Баксанскую», начали разведчики-альпинисты Любовь Коротаяева и Андрей Грязнов:

Где снега тропинки заметают,
Где лавины грозные шумят,
Эту песнь сложил и распевает
Альпинистов боевой отряд.
Нам в боях родными стали горы,
Не страшны туманы и пурга,
Дан приказ – недолги были сборы
На разведку в логово врага.
Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Помнишь гранату и записку в ней
На скалистом гребне для грядущих дней?...

Почему начали? Потому что дополнили песню Николай Моренец и Николай Персиянинов, а потом и другие – стала песня коллективной.

В период моей альпинистской юности Коротаяева и Моренец здоровались и даже выбирались в горы. У Николая Моренца есть ещё одна песня, которая «делит первенство» с Баксанской:

«Мне не забыть той долины,
Холмик из серых камней...
И ледоруб в середину
Воткнул руками друзей.
Ветер тихонько колышет,
Гнет барбарисовый куст...
Парень уснул и не слышит
Песен сердечную грусть...»

От событий 17 августа 1942 года перенесёмся ровно в тот же день, но 36 лет спустя. В горах Западного Кавказа группа из пяти альпинистов спускалась с вершины горы Трапедия в альплагерь Узункол. Остановились на ночлег на высоте 3900 метров.

Рассказывает Владимир Кавуненко:

«Проснулся я от странного ощущения, что в палатку проник кто-то посторонний. Высунул голову из спального мешка и замер. На высоте около метра от пола плыл ярко-жёлтый шар величиной с теннисный мяч.

Что это такое, – подумал я, и в тот же момент шар исчез в спальном мешке Коровина. Раздался дикий крик, «мяч» выскочил из мешка и начал «ходить» по остальным. Когда шар прожёт и мой мешок, я почувствовал адскую боль, словно меня жгли сварочным аппаратом, и потерял сознание.

Через какое-то время, придя в себя, я увидел всё тот же жёлтый шар, который методически, соблюдая только ему известную очерёдность, проникал в мешки, и каждое такое посещение вызывало отчаянный, нечеловеческий вопль. Этот ужас повторился несколько раз.

Потом шар исчез. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, тело превратилось в очаг огня. Попытался связаться по радиации с лагерем, но радиация не работала. Но при отсутствии связи в условленное время из лагеря выходит спасотряд. Через сутки пришли спасатели и снесли нас вниз.

В больнице, куда всех доставили вертолётном, у меня насчитали семь ран. То были не ожоги: просто куски мышц, вырванные до костей. Аналогично у моих друзей – Шитинина, Карпова, Башкирова. А Коровина шар убил, возможно, потому, что его мешок лежал на резиновом коврике и был изолирован от земли...».

Много трагического в альпинизме. И много мистического. И всё связано между собой. В ночь с шаровой молнией друг Владимира Кавуненко, а мой просто знакомый Юрий Визбор сидел в Узунколе и сочинял песню:

Свечка темно горит,
Дождик в окно стучит,
Лето – сплошной обман,
В соснах висит туман.
Непогода в горах, непогода,
В эту смену с погодой прокол,
Будто плачет о ком-то природа
В нашем лагере Узункол.
Нам-то что? Мы в тепле и в уюте
И весь вечер гоняем чай,
Лишь бы те, кто сейчас на маршруте,
Завтра в лагерь спуститься б смогли.
Врут все мои друзья,
Что, мол, придёт рассвет,
Что, дескать, есть края,
Где непогоды нет...

А я воспитывался как альпинист как раз в Узунколе, в других кавказских, потом азиатских лагерях и накапливал свои истории.

В альплагере Алай в Киргизии, где тот же Кавуненко работал начальником учебной части, мы шестером пошли на довольно сложное восхождение: трое москвичей и трое ребят из Новосибирска. По ходу маршрута предстояло пройти длинный, около километра, фирновый (фирн – очень плотный снег), с наледями склон. Идём на «кошках»; для незнающих – это такие конструкции с зубьями на ботинки, для хождения по льду. На сложных участках положено связываться в двойки или тройки и страховать друг друга, но сибиряки – смелые и бойкие: зачем? Сколько времени уйдёт! Склон несложный, быстро проскочим.

Одному из новосибирцев и этого мало: то вперёд всей группы забежит, то назад вернётся. И вот видим: поскользнулся, упал, пытался зарубиться ледорубом, да не получилось. Пролетел мимо нас, а потом, набирая скорость, и дальше, цепляясь по пути за камни, теряя рюкзак, ледоруб, варежки, шапку – всего летел метров пятьсот.

Мы, конечно, на спуск, вниз, к нему. Нашли. В крови, но дышит и даже в сознании. Тем временем солнышко начинает припекать, и по склону камни пошли – находиться опасно. Давай оттащить парня в сторону. И вот тут-то я вспомнил фильмы, где альпинист спасает товарища: несёт его на руках или сажает на спину. Бред! Мы пятером еле пронесли раненного метров на двадцать в сторону от камнепада: и нести неудобно, и парню очень больно, может просто-напросто умереть от болевого шока.

От места, где мы находились до лагеря вниз, без поклажи, быстрым темпом часа два. Послали гонца, а сами пытаемся обустроить как-то поудобнее пацана, чаем напоить. А он в полубессознательном состоянии, стонет только. Часов через пять прибежали человек тридцать «спасов» со специальными носилками – акья называются, такая алюминиевая штука, похожая на лодку. Вкололи пострадавшему обезболивающего, понесли в лагерь. Оказалось сотрясение мозга, множественные ушибы и переломы.

В альплагерях существовал железный порядок, и подобные случаи без внимания, мягко говоря, не оставались. Вот и сейчас назначили комиссию, затеяли «разбор полётов». В итоге вынесли решение: нас пятерых за нарушение правил безопасного восхождения дисквалифицировать и до конца сезона к сложным восхождениям не допускать...

Много в альпинизме и высокого, буквально и переносно. В 1982-м, моём последнем комсомольском году, наши советские ребята впервые взойшли на Эверест – высочайшую вершину мира...

Снова поставлю вопрос: как всё это связано с комсомолом? И отвечу: чем дальше в сторону продвижения в развитии социализму, тем всё меньше становилось связано. В альплагерях в принципе не интересовались, кто комсомолец, кто коммунист, а кто ни тот, ни другой. И Ленина не вспоминали, и Крыленко. Думаю, что это стоит квалифицировать как незапланированный ответ на повсеместный рост формализма и бюрократизма.

Не очень хочется писать об этом, но в начале 80-х три четверти времени в райкомовской (горкомовской, цэковской) работе занимало написание всяких бумаг, имеющих отдалённое отношение к действительности. Впрочем, и это мы воспринимали скорее не с горечью, а со здоровым комсомольским юмором.

Скажем, в начале своей райкомовской карьеры получаю команду сверху: за два дня подготовить справку о работе с трудными подростками по месту жительства. Днём бегаю, высунувши язык, по ЖЭКом, беседую с педагогами-организаторами (была такая штатная должность), с самими «трудными». Ночью пишу искомую справку, подробную и правдивую.

Старшие товарищи посмеиваются:

«Молодец, говорят, только тебе как раз за правдивость, не дотягивающую до нужных показателей, в горкоме шею и намылят».

«А как нужно поступить?».

«Бегать никуда не надо. Надо просто сесть и написать что нужно».

Через три дня следующая команда: сделать отчёт о состоянии комсомольской политучёбы. Никуда не бегу, сажусь и пишу отчёт. Какой нужно. Его принимают, а меня хвалят...

На одних горах свет клином не сошёлся. На рубеже десятилетий – 70-х и 80-х выбрался на Урал, в конный поход. Непролазные места. Когда пройдёт дождь, лесные, просёлочные дороги так размывает, что на автомобиле по ним не проедешь. Но на лошади можно! Что мы и делали в течение двух недель.

Интересное ли это дело, езда на лошади? Совсем нет, если шагом, спокойно, едешь и едешь, скучно и нудно. Рысью (попробуй, научись – хоть строевой, хоть учебной) или галопом, конечно, веселей. Узнал я за эти дни, что такое лошадь, что от неё можно требовать, а чего бояться.

А Урал? Больше всего запомнился пеший поход! На вторую по высоте гору Урала, Ирмель. Дело не в абсолютной высоте – 1582 метра, ничто даже по кавказским меркам, и не сложность восхождения, не длительность. Совсем другое: вышли с поляны в лиственном лесу, где оставили лошадей. Через тридцать минут – смешанный лес, через час – хвойный, через полтора часа – кустарник; ещё немного – только высокие травы, альпийские луга, другими словами. Три часа прошло – уже только мхи, лишайники, а дальше камни, россыпи камней. Выходит, все климатические зоны проходились за три-четыре часа. Где увидишь такой ботанический сад?

И на Кавказе, и на Урале я на практике понял, что человек может привыкнуть действительно ко всему. В «лошадином» походе постоянно шёл дождь. Сначала он вызывал чувство неуютности и разочарования (зачем я сюда залез и скорее бы всё кончилось). Костёр развести трудно в дождь.

Потом оттенки ощущений изменились: было бы лучше, если солнце, но и так ничего, вечером у костра (который теперь загорался почему-то быстрее) посушимся. А дней три-четыре-пять спустя, примерно, так: придём на стоянку, разведём костёр, поедим, поболтаем. Ой, нога одна промокла, поскольку лошадь вёл в поводу, ну да ничего, есть запасные носки. И домой не хочется, и о солнце мыслей нет.

Лошадь мою звали Малышка. Капризная, как и большинство женщин. Но потихоньку нашли общий язык. Отпилил берёзовый кругляшок-чурбачок, выжег на нём её имя раскалённым гвоздём, повесил на ленте на шею лошадке. Успокоилась и носила. Они ведь, женщины, капризничают не со зла, а по природе...

Очередной сезон в альплагере становился для меня способом оторваться от собраний и заседаний, проверок и отчётов, короткой причёски и галстука. Более того: в лагере я и не упоминал, что работаю в райкоме комсомола, да ещё на высокой должности, говорил, что, мол, журналист. Из «Московского комсомольца».

Вот такое получалось причудливое сочетание: с одной стороны, всесоюзный ленинский союз, с другой – полнейший антикомсомолизм.

Да мы понимали это, понимали. И пытались изобретать собственные, комсомольские виды спорта, за которыми не нужно лазать в горы. Самым популярным видом считался субботник, тем более, что явка на него предполагалась добровольная, но обязательная.

Идём, скажем, на Поклонную гору. Я помню, как ещё в пионерском возрасте сажал там деревья к 20-летию Победы. Теперь эти деревья вырубам, роём ямы, перетаскиваем грунт с места на ме-

сто. Привожу на субботник человек пятьсот комсомольцев, а бригадир из работающей на Поклонке конторы говорит:

«Пусть все распишутся за технику безопасности».

Один ушлый комсомолец настаивает:

«Я не стану расписываться! Проведите реальный инструктаж, тогда и распишусь».

Бригадир свирепеет:

«Хорошо, слушайте сюда. Лопатами по голове друг другу не бить! В землю не закапывать! Деревья и кусты поедать не надо!! Всё понятно?...».

Ну, покопаем, потаскаем, покурим. Без фанатизма, естественно. Дольше обеда добровольно никто не работал. Обязательно – тоже. Расползались по кустам, доставали бутерброды и напитки, сами понимаете, какие. Когда домой приходили за полночь, родные интересовались, почему так поздно.

«Субботник, однако – комсомольское поручение. Непонятно, что ли?!».

Настоящий спорт тоже был! Выдумали однажды «Филёвскую милю». Как известно, мили в каждой стране измеряются по-своему. Мы проложили оптимальный маршрут по улицам Филей и определили длину мили в шесть километров.

Бегали с энтузиазмом и красиво: с атрибутикой, призами и последующей баней в ведомственном спорткомплексе. В забеге участвовало по тысяче и больше человек. В баню все, конечно, не умещались, отсюда кому блатная баня, а кому – «спасибо за участие» и пластмассовый значок...

Битва за «Метлу»

Есть в жизни объекты, называемые в технической науке «бифуркационными», то есть раздвоенными и вызывающими качественные «непонятки» и перестройки. В нашей гуманитарной жизни бифуркационным объектом стало кафе «Метелица» на Калининском проспекте – теперь Новый Арбат.

Почему именно оно? Даже в застой кафешек было много. А вот как-то так. Открылась «Метелица» в конце 60-х, когда вводился в строй этот самый проспект, его дальше назовут «вставной челюстью Москвы».

И стало культовым. В чём культ? В песне, например:

А у кафе «Метелица»
Два мужика метелятся.
И пыль туманом стелется,
Аж не видать ничё.
В столпотвореньи улица,
Народ глядит, любитесь.
И просит, хоть и жмурится,
Давай, давай ещё....

Правдивый культ. Вообще, чёрт его знает с этими культурами. Почему прилепляются туда и не прилепляются сюда? Сложный и, предполагаю, неразрешимый вопрос.

Ну, так к «Метелице». Кто-то из понимающих людей отзывался:

«Если вы не были в «Метелице», значит, вы не учились в Москве и вообще в ней не жили. Просторный зал, огромная очередь, вход 3 р. 50 коп. На чек давали коктейль б/а, мороженое, яйцо с икрой и кофе. Постоянным посетителям (кто знал) можно было пройти в кафе через находящуюся рядом пельменную».

Это, так сказать, первое дно или вообще поверхность. Следующее дно – фарца. Что фарцевали? Виниловые диски – однозначно. И в самом кафе, и у дверей, и в близлежащих дворах. Сам лично покупал «Deep Purple» за тридцать рублей, «Wings» (группа Пола Маккартни после распада битлов) – за сорок. То есть на треть моей тогдашней зарплаты. Бывали диски и по сотне.

Прослушать на месте, в отсутствие нынешней техники, было нельзя, и ходили слухи-анекдоты о том, как очередной лох, купив диск за баснословные деньги, дрожащими руками ставил его на проигрыватель и слышал... хор Пятницкого.

Сигареты «Marlboro» уходили за рубль – рубль пятьдесят пачка.

Жвачка. Настоящая, уж не помню, сколько! Не та советская, что уже продавалась в магазинах и походила на варёный ластик.

Вот ещё одно воспоминание:

«На сленге «Метелица» звалась «Метлой» и была кафе-мороженым, где собиралась золотая молодежь. В 1970-е здесь происходили сейшены так называемых кавер-бендов, исполнявших песни «Beatles» и других групп. В то время работали подпольные менеджеры, которые под предлогом успешной защиты диссертации, встречи выпускников или дня рождения снимали целое кафе. И вместо юбилея устраивали подпольные концерты, на которые распространяли билеты по три-пять рублей. В цену билета входил резерв столика, на котором стояла бутылка вина или водки, закуска. А деньги шли музыкантам, менеджеру и на взятку какому-то администратору».

Будем считать это вторым дном. Третье дно – наркотики. Да-да, и в то время. Диалог в туалете:

«Дрянь есть?».

«А тебе покурить?».

«Нет, ширнуться».

«Ну, судя по твоему прикиду, капусты (денег – авт.) у тебя таких нет...».

Четвёртое дно (а сколько их всего – я и не знаю, да и вряд ли кто знает) – девушки. Сначала просто девушки: они толклись на улице и осаждали вход, чтобы просто попасть в «Метлу». Там танцы. Там ребята. Сейчас кажется бредом, что любой негр из залупонской африканской страны рассматривался выгодной партией. Но рассматривался! Как минимум, мог подарить что-нибудь импортное. Как максимум, взять в жёны и увезти из «совка». Куда? В зарубежье! Не понимали девушки пока, что такое африканское зарубежье.

Потом девушки-проститутки. Глубочайшим образом законспирированная категория. Тут уже не подарки и не эмиграция – тут заработок. В нужный момент, почувствовав внимание, приоткрывает какую-то часть туалета, а там на бумажке, на подошве туфли или даже на теле написана цена. В рублях. Долларовых проституток в «Метле» не встречалось – они паслись в «Интуристах», под серьёзным прикрытием, поскольку за доллары при Советах грозил срок.

А комсомол что? А комсомол боролся! КООД – комсомольский оперативный отряд дружинников, ближайший сподвижник милиции. Прав мало, но устрашение есть. Задержали кого-то неформально, беседуем. Если возникает подозрение в незаконной деятельности, вызываем милицейский наряд. Ну, например, так. У одного смугленького обнаружена сумка, а в ней пар десять джинсов. Ага, попался! Приезжает милиция, спрашивает:

«Тебе зачем столько? Продавать?»

«Нет, – отвечает, – дарить».

«За какие подвиги дарить?».

«За любовь!».

Кстати, оперотрядовцы изымали у фарцовщиков диски. Перед сдачей в компетентные органы мы их «за бесплатно» переписывали на магнитофоны. Такая вот двойная философия.

КООД – не моё, конечно, моё – идеология. Пытались вставлять в программу вечеров в «Метле» нормальные художественные коллективы; старались распространять билеты среди своих комсомольцев, «стойких ленинцев». Такого рода кампании вызывали стойкое неприятие у завсегдатаев культового кафе:

«Это наша «Метла». Не будет вам тут комсомольских собраний. У.....е отсюда!».

Но мы честно боролись. Создавали на базе «Метлы» «правильные» молодёжные объединения. Успех пришёл, когда внедрили формат дискотеки. Два проигрывателя, несколько мощных динамиков – всего и делов! Тем не менее, тогда это считалось чем-то диковинным.

Дальше – больше. При горкоме комсомола организовали «Рок-лабораторию», из которой вышли многие известные группы. С одной стороны – те же длинноволосые неформалы, с другой – под комсомольским надзором, с согласованными текстами...

Стоит вспомнить и такое культовое место, как «Горбушка». Нет-нет, не торговый центр, а ДК имени Сергея Петровича Горбунова, причастного к созданию советского авиапрома. Рядом-то располагался авиационный, а точнее ракетно-космический завод имени Михаила Васильевича Хруничева, Героя Социалистического Труда и бывшего министра авиапромышленности СССР.

Здесь всё складывалось значительно успешнее, чем в «Метле». Что имеется в виду? Так концепция иная!. Оценив авторскую песню, а затем и движение КСП – клубов самодеятельной песни как безобидное для коммунистической идеологии, партия отдала его на откуп комсомолу: занимайтесь, мол, ребята.

И представьте себе, организаторы КСП несли программу клубных встреч – а там, например, целый Булат Окуджава, – в райком комсомола. А мы, замирая от ощущения собственного величия и одновременно от смущения перед авторитетами, её, конечно же, утверждали. А как же: я на горшок ходил, а Булат Шалвович уже был авторитетом! И не он один. Даже и не знаю, кто из известных бардов, артистов, музыкантов не прошёл через «Горбушку».

Один путь привлечения авторитетов – усилия организаторов КСП по формированию программы клубных встреч: здесь Сергей и Татьяна Никитины, Юлий Ким, Александр Городницкий, да смысла нет перечислять, здесь все!

Другой путь – любые знакомства, позволяющие пригласить в «Горбушку» интересную личность. Вот несколько штрихов, оставшихся в памяти.

У Людмилы Тарасовой, комсомольского лидера магазина «Весна» на Калининском проспекте, папа работал в театре Ленинского комсомола начальником... пожарной охраны.

«А папа сможет попросить кого-то из театра выступить на молодёжном вечере в «Горбушке?»». «Папа сможет! А кто нужен?».

Посоветовались «ближним кругом» и решили, что нужен Николай Караченцов, тогда стремительно набиравший популярность – один спектакль «Юнона и Авось» чего стоил. Артист приехал и блестяще выступил с серией импровизаций: сцены из спектаклей Ленкома, стихи, песни.

В «Горбушке» исправно работал буфет, где водились и пиво, и вино, и водочка. Пьяненькие заводские комсомольцы кричали из зала:

«Коля, а Высоцкого могёшь?».

«Могу», – отвечал Коля, и врубал Высоцкого.

Ансамбль «Аракс» из Ленкома сагитировали на «Горбушку». Сергей Беликов был отчаянным прозападным рокером. Как потом превратился в исполнителя песен про российскую «деревеньку», сложно сказать.

У моего райкомовского инструктора Славы Друганова отец работал на телевизионном заводе «Рубин». Как-то пришлось «решать вопрос» с доставкой цветного телевизора уже многократно упомянутому мной Юрию Визбору. Тот благодарил и, как водится, обещал выступить, коли будет востребовано. Вот и востребовалось.

Сколько раз впоследствии я слышал от него фразы типа «Как честный человек, я пошёл служить в армию». Но ещё больше слышал «Милую мою, солнышко лесное» и «Узункольскую» («Непогода в горах, непогода»), и это не приедалось.

А вот Окуджава в роли «изрекателя» мудрых истин, честно говоря, поднадоел. Спрашивают его:

«Что бы Вы сделали, если бы завтра получили предложение стать секретарём Союза писателей СССР?».

Отвечает:

«Послезавтра подал бы в отставку».

Или:

«Что касается просьб, я их выполнять не буду – у меня уже намечена программа».

Как-то мне показалось не очень...

А вот Юлий Ким зажигал и зажигался сам, смеялся без специального позирования, а по-доброму, искренне. Тогда, в «Горбушке», я совсем по-новому взглянул на фонвизинский «Недоросль». «Куплеты Вральмана» в исполнении Кима – это просто шедевр:

Митрофанхен, друг мой, сфетик,

Ты послушай старишка:
Никакой грамматик и ни арифметик
Не нужны твоей башка.
И зачем привез царь Петер
Для навоз одеколонь?
Как это по-русски будет, донер веттер, –
Этот корм не в этот конь!...

Ваш страна особый случай,
Разобраться мудрено:
Кто у вас учитель, кто обычный кучер –
Или всё это одно?
Как приятно чужестранцу
Находить у вас уют!
Как это по-русски будет, айн унд двайнщих,
Был бы шея – есть хомут!...

Уже не помню кто, а затащил Никиту Богословского. Это вообще Бог, даже по сравнению с Окуджавой. «Тёмная ночь, только пули свистят по степи...», «Шаланды, полные кефали...», «Три года ты мне снилась...»

Робею, заговариваюсь, называю его вместо Никиты Владимировича Никитой Сергеевичем.
«Спасибо, – говорю, – большое, Никита Сергеевич».

А он, – до последних дней остряк-юморист, отвечает:

«Молодой человек, между нами с Никитой Сергеевичем (Хрущёвым, конечно, – авт.) есть некоторая разница: он ноты писал, а я – музыку...».

Любопытен вопрос о гонорарах, не так ли? Кто сколько стоил, кто сколько брал?

Николаю Караченцову я вызвал такси и, смущаясь, сунул артисту десять рублей. Николай тоже очень смущался и отказывался...

Когда предложил деньги Никите Богословскому, тот отреагировал тоном доброго барина:

«Спасибо, любезный! Лучше пропейте, а если не хватит, скажите, я Вам денег добавлю».

Что касается Юрия Иосифовича Визбора, то он принял тридцатник в конверте как должное...

Откуда эти деньги у меня, комсомольского руководителя, брались? Расскажу, подождите, скоро расскажу.

Вместо ранее объявленного коммунизма

Читатель ещё не забыл про учебник истории для 4-го класса, по которому я учился и где в 1980-м году на полном серьёзе обещался коммунизм? Забыл? Ладно, напоминаю.

Наступил 80-й. Мы, комсомольцы, к нему, разумеется, готовились. Под мудрым руководством Коммунистической партии. Были у этой партии здравые идеи? Конечно, были. Ну, например, приезжает в Союз по какому-то поводу куча иностранцев. А мы должны демонстрировать демократизм! Сама партия демонстрировать не будет, а комсомол – пусть, молодым прощается!

В конце 70-х сложился формат, называемый «интерклуб». Появляется в Москве группа молодых иностранных туристов, хоть «братских» поляков, хоть «враждебных» американцев. Красная площадь, Большой театр, всё такое. А вечером куда, а общение с молодёжью где? Всенепременно! В перечне простых, но согласованных с горкомом партии московских клубов группу встречает советская молодёжь. «Круглый стол» с разговорами о чём угодно, дискотека, даже и выпивка. Что тут искусственного и недемократичного? Всё абсолютно естественно и демократично, включая портвейн из портфеля, если не хватало заранее припасённого.

Для чего существовали такие клубы? Э-э-э... В частности, для репетиции события, призванного заменить объявленный Никитой Сергеевичем Хрущёвым коммунизм. 80-й. Олимпиада! «До свиданья, наш ласковый Ми-и-и-ша...». Но сначала – здравствуй!

Итак, почти по Маяковскому, кроме последней строчки:

Когда я итожу

То, что прожил

И роюсь в днях,

Ярчайший где,

Я вспоминаю одно и то же:

16 июля 1980-го – первый день...

16 июля – первый день Олимпиады. Школьников к этому моменту отправили в пионерлагерь. Бомжатник и прочий неблагонадёжный элемент отселили на 101-й километр от Москвы: существовала такая форма избавления от лишних проблем. Это для тех, которым «на выход».

Кому «на вход» – своё: «колбасные» электрички (в столицу ездили за колбасой, коей редко торговали в регионах) в Москву больше не ходят.

Вообще-то ходят. Но на перроне у пассажиров проверяют паспорта. И если у тебя столичной прописки нет, то вежливо предлагают проехаться обратно. В силу временно сложившихся обстоятельств.

А в Москве реальный коммунизм! Есть финский сервелат! И финская горчица. Она не такая ядрёная как наша, но мы же впервые пробуем. Пиво в железных банках! Но главное – нет очередей!! И людей как-то мало на улицах...

Дорогой Леонид Ильич открывает Олимпиаду. Никаких претензий к Ильичу: виртуальный хрущёвский коммунизм достойно заменён действительным брежневским. Впрочем, без анекдотов всё равно не обошлось.

В руках у генсека КПСС бумага с речью, наверху бумаги – олимпийские пять колец.

«О!» – произносит Ильич, и Лужниковский стадион заходится в аплодисментах.

«О!» – говорит Брежнев ещё раз, и аплодисменты гремят сильнее.

«О!!!» – в третий раз, теперь гораздо выразительнее.

И тут голос из-за спины:

«Леонид Ильич, кольца читать не надо...»

В стадионных буфетах – упомянутое пиво в железных банках, и финский сервелат, и горчица.

Н-да. На интерклубах мы потренировались. На Олимпиаде за каждым райкомом закрепили свой интерклуб. Мне достался тот, что на улице Герцена (ныне – Большая Никитская), в Центральном доме медика, бывшей усадьбе князей Шаховских. Его директором тогда служил Александр Бертман; впоследствии Александр Семёнович «передал» дом сыну, Дмитрию Бертману. Я не хотел бы здесь иронизировать: Дмитрий Бертман – достойный худрук «Геликон-оперы», народный артист России. Но тогда Дима был маленький, а папа – большой.

Давай, говорят мне старшие товарищи, делай здесь интерклуб. Да не простой, а тот, что будет принимать главным образом группы из стран, которые Олимпиаду бойкотируют.

Не буду вдаваться в историю бойкота, многослойную и не совсем короткую. Напомню лишь о том, что в декабре 1979-го советские войска вошли в Афганистан, а в феврале 1980-го Генеральная ассамблея ООН ввод войск осудила...

* * *

Отвлечемся немного на Афганистан. И на героев. Тут вновь не источниковедение, не формально-официальные версии, а чисто бытовое восприятие, и спорить о нём бессмысленно.

Для чего вошли в страну? Чтобы защищать некоторый внедряемый нами строй. Этот строй – самый прогрессивный. А если не наш строй, то будет строй американский. И войска США подтянутся к границам СССР со стороны Востока. То есть, ежели не мы, то американцы.

Отсюда интернационализм и, подымай выше, интернациональный долг. Помощь братскому народу.

И «кони» (имеются в виду наши военные) застоялись, геройства поубавилось. Да, что-то там в Египте, во Вьетнаме было, но как-то по мелочам.

И клич родной Коммунистической партии, к которому присоединился и Ленинский комсомол, молодёжь с энтузиазмом подхватила. «Ты записался добровольцем?» Вроде это слышалось когда-то, но пора и возобновить. И никаких «Цинковых мальчиков» и вообще ничего кроме интернационального долга и интересов родной страны.

Кстати, вы видели «разоблачителей» среди воевавших в Афгане? Ага, в кино, в книгах. О спекуляции оружием, наркотиками; о сдаче наших планов бандюкам-душманам. Это ложь? Я думаю, что это правда, но какая-то другая.

Потому что от живых людей мне такой правды слышать не приходилось.

Руслан Аушев ровно в 1980-м попросился в Афганистан. Ранение, звание Героя Советского Союза, военная академия в Москве и опять в Афганистан, по собственной воле. Четыре года и восемь месяцев в Афгане – это ведь больше, чем вся Великая Отечественная...

Разговариваем с Русланом, моим ровесником, он вспоминает жизнь:

– В школу пошёл в Грозном. Учиться на «отлично» у нас считалось дурным тоном. Другое дело –

спорт. Я и дрался, конечно, и отжимался прилично, но больше всего увлёкся футболом. В 1965-м отца пригласили в Алма-Ату, где мы провели два года. Выяснилось, что рядом с домом находится база футбольного клуба «Кайрат». День и ночь я проводил там, знал всю команду, да и меня все знали, ездил с ними на игры. Был чемпионом Алма-Аты по «Кожаному мячу».

А вообще с первого класса мечтал стать лётчиком. Прочитал массу книг о лётчиках, интересовался конструкциями новых самолётов. Тогда шла война во Вьетнаме, и я следил, как там дела, как наша авиация себя показывает. Но... получил на футболе сложный перелом ноги и в лётное училище уже не проходил.

Поехали вместе с братом присматриваться к общевоинскому училищу в Орджоникидзе. Гляжу – а там за забором футбольное поле. Вопрос с поступлением сразу решился.

В училище сначала пришлось сложно: чего стоило меня с таким характером даже в строй поставить. Выгонять хотели, но тут самолюбие взыграло, и учёба наладилась. Закончил неплохо.

Служили с братом командирами взводов в Северо-Кавказском военном округе. Потом Адам уехал в Забайкалье: обострились отношения между Вьетнамом и Китаем, и брат, тоже большой любитель острых ощущений, подумал, что большие дела начнутся именно там. А они начались в другом месте. В 1979-м комплектовались подразделения в Афганистан, я подал рапорт и в январе 80-го оказался на войне заместителем начальника штаба батальона.

Непонятная страна. Непонятная ситуация: как это можно стрелять в человека, убивать? Но когда 20 января убило нашего комбата, стало ясно, что это не кино и не приключенческий роман.

Как я сам в первый раз убил человека? Брали один укрепрайон, и мне приказали обойти его со взводом. Иду первым и чувствую: кто-то на меня смотрит. Оборачиваюсь, а он стоит с винтовкой за камнем и хочет стрелять. Я на мгновение быстрее дал очередь, и его понесло. Знаешь, висит полотенце, а ветер дунет – фу, и оно улетает. Так и душман улетел. Там ещё пацан был, видно, брат. Ну, мы пинком его – беги домой. Всё. Я даже удивился – какое-то равнодушие к этому.

Все эти каратистские пояса, стойки, подход-отход... Зачем? Я вот когда в академии имени Фрунзе учился, занимался борьбой с ребятами из Комитета госбезопасности, но не о поясах думал, а как мне это на войне пригодится. Помню, раз ночью окружаем населённый пункт на границе с Пакистаном. Передо мной два афганских проводника зашептались чего-то и бегом за камни. Я назад, спрятавшись за куст, а тут часовой выходит и спрашивает: свои? В лентах весь. Я выскочил, его руку с карабином в сторону и ладонью в подбородок, а ногой по яйцам. Ну, он сразу «потух». Потом ещё на троих наткнулись: кого прикладом, кого как. Не очень красиво? Зато жизненно...

В Паншерском ущелье потерялись несколько солдат, и мой батальон послали на поиски. Но там сидели большие силы, и началась большая война. Бьют и бьют из миномётов, а у нас мин нет, поддержки нет, осталось одно стрелковое оружие. Я говорю по рации командиру передовой роты, которой пришлось хуже всего: сядь за камнями, гранаты бросай, я к тебе сейчас ещё роту подтяну. Подтягиваемся, смотрю, один взрыв, второй, третий, а четвёртый – там, где он укрылся. Запрашиваю – тишина. Командир роты тяжело ранен, командир взвода тяжело ранен, корректировщик в ногу ранен и солдат-эстонец в живот. Пробились к ним, всю ночь тащили к вертолётной площадке. Умер комроты. Самый тяжёлый случай за все афганские годы.

И меня пуля не миновала. Выводили некоторые части из Афганистана, а мы выполняли задачу прикрытия. Так вот: колонну «Камазов» с топливом зажали в ущелье, на узкой дороге. Один «Камаз» зажгли, и он дорогу перегородил. Со мной два танка, шесть боевых машин пехоты, я был на БТР. Связь перестала работать, выскакиваю из машины – и к танку: ствол, говорю, опусти и столкни. А он ничего сделать не может: ЗИП стал гореть, брезент; жара, еле потушили. Ну ладно, отъезжай на прямую наводку и сбей.

Сказал и побежал к машине. Тут меня в спину пулей. Влез в БТР, сел и понял, что пробита печень навывлет. Кровь пошла, задавило лёгкие. А танк как даст! Огненный шар поднялся, и всё тепло на нас.

В Афганистане для меня не было сомнений, что воюю за Родину...».

* * *

Бойкотировали Олимпиаду большинство «первострочных» стран. Но страна есть абстракция, а люди конкретны. Многим гражданам тех стран хотелось посмотреть на Олимпиаду.

Плюс принимали в интерклубе сборные команды стран, которые Олимпиаду *не* бойкотируют. Плюс делегации братских коммунистическо-социалистических союзов молодёжи.

Построили в Доме медика «потёмкинскую деревню». Искренне полагаю, что получилась она, с учётом времени, лучше, чем у светлейшего князя и генерал-фельдмаршала Григория Александровича Потёмкина-Таврического.

Интенсивная работа интерклуба начиналась вечером, часов в 18, когда после соревнований в интерклуб подтягивались и спортсмены, и болельщики. Вход в клуб для них был отнюдь не свободным, а по предварительному звонку наших компетентных людей. Для прочих входа совсем никакого нет, для этого у меня собственная пропускная система и комсомольский оперотряд. Когда кто-то особенно настойчиво хотел прорваться в клуб «недемократично», подключались «менты» в штатском и чекисты: помогали при необходимости быстро, чётко и вежливо.

Гости входят и хотят «размяться». С нашим удовольствием! Пройдите, пожалуйста, в бар. Чего желаете?

Потом дискуссионная комната. Где я сотоварищи, без всяких согласованных текстов, а как душа и комсомольская совесть велят, рассказываю, как хорошо в стране советской жить. И опять выпиваем за дружбу.

Далее, кто хочет, может пройти в джаз-салон с лучшими джазовыми коллективами Москвы. А что такого? Тут они каждый день играют! Для трудящихся масс!

Или в зажигательную дискотеку. Или снова в бар. Или в концертную программу. Из кого программа состояла?

Слава Зайцев с танцующим коллективом в модной одежде! Почему я так панибратски его называю, чего в принципе не люблю и избегаю? Потому что он так представился, и мы так общались все олимпийские дни. «Саша – Слава», друзья не разлей вода. Что не помешало Славе забыть меня через пару недель после Олимпиады.

Импозантный Валера Леонтьев. Красотка Света Жильцова. Аналогичный случай! Да речь не об этом.

За полночь начинались неформальные посиделки. Мы накрывали две-три «поляны» и общались с гостями.

А! Про деньги! Я ж обещал рассказать и делюсь: разницы нет между артистами в «Горбушке» и Олимпиадой. За чей счёт накрывали «поляны»? Сугубо легальный вариант, никакой уголовщины! В одном случае комсомолец N писал заявление в райком с просьбой оказать ему материальную помощь, а потом отдавал деньги организаторам.

В другом – таким же образом решались вопросы в первичных комсомольских организациях. С учётом того, что в районе базировалось десять союзных министерств, вопросы решались успешно.

Третий случай – «сэкономленное сырьё». Своё у ресторана «Прага», своё – у пивзавода Бадаева, своё – у торга «Мосовощ».

Беседы с гостями случались на редкость занимательные.

Раз встречаю делегацию Никарагуа. Идёт впереди раскосый человек, спрашиваю:

«Вы переводчик?».

«Нет, не переводчик», – отвечает на спокойном русском языке.

«А кто?».

«Я – руководитель делегации».

«Где Вы так научились хорошо говорить по-русски?».

«Я заканчивал в Москве Институт дружбы народов имени Патриса Лумумбы...».

Понятно. Но штука в том, что ровно год назад в Никарагуа победила народная революция, был свергнут гнусный диктатор Сомоса. Интересно ведь обо всём этом разузнать из первых рук, правда?

«Как Вас зовут?».

«На русском языке не очень культурно... Рохер. Называйте меня Роже».

«Кем Вы были раньше, при Сомосе?».

«Работал в подполье».

«Расскажите какой-нибудь случай».

«Случаев сколько угодно. Однажды нам очень понадобились деньги, и мы взяли банк».

«Как это «взяли», ограбили, что ли?».

«Мы *взяли* банк. Но охрана взяла нашего товарища, его посадили в тюрьму».

«А вы?».

«Мы взяли тюрьму и освободили нашего товарища...».

Вот такой состоялся разговор.

Приехала делегация Югославии. Социалистическая федеративная республика Югославия (СФРЮ) котиновалась на комсомольских туристических выездах в качестве капиталистической страны. Югославы подарили нам четыре шикарных спортивных костюма. Сказали, что это для наших лучших спортсменов.

Лучшими спортсменами стали, понятное дело, я, два моих зама и... совершенно случайно оказавшийся поблизости Александр Борисович Бертман. Пришлось и ему костюм подарить.

Клуб очень понравился австралийцам. Взяли мой адрес и позже прислали приглашение посетить страну. Да разве в 80-м, с присутствием массы бюрократических препон и отсутствием валюты, выедешь в совсем далёкую Австралию...

С представителями социалистических стран – типа ГДР, Польша, Чехословакия, мы вели себя совсем по-братски: бухали и бухали.

Наши молодые друзья-чекисты восхищались своим артистизмом. Приехали японцы. Взяли пива, закуски, беседуют. Подсаживается к ним неформально одетый старший лейтенант Лёша Кузейник, реально, не по-театральному пьяный. И включается в беседу, причём, на японском языке.

«А Вы кто? Откуда наш язык знаете?» – интересуются туристы.

«Я? Слесарь Московского трубного завода. Давно полюбил Японию, а на заводе открыли кружок японского языка. У нас с этим запросто! Вот и выучил...».

Редко я успевал поехать домой на метро: последний поезд уходил с «Арбатской» где-то в начале второго ночи. А так на такси. Поспишь часов до десяти, кофейку дёрнешь, а потом в интерклуб, бумаги отчётные надо писать и готовиться к очередному вечеру-ночи.

25 июля 1980-го, в разгар Олимпиады, умер Владимир Высоцкий. Я знал, что происходит на Таганке. Знал про похороны, но пойти не смог – олимпийские хлопоты не позволяли.

Не смог я попасть и на закрытие Олимпиады, где Лев Лещенко пел «До свиданья, наш ласковый Миша», а резиновый грустноватый медведь улетал в столичное небо. Как созерцать трогательную процедуру закрытия, когда вечером этого дня в интерклубе планировался приём в честь руководителей братских союзов молодёжи и генеральных секретарей национальных олимпийских комитетов.

У входа в клуб стоял не резиновый, а настоящий медведь, привезённый из цирка. Он порывивал и махал гостям лапой. Гости запаздывали. Дрессировщик сказал организаторам вечера, что, мол, пора с медведем в цирк, на представление. Некто из команды встречающих, в косоворотке и чине майора, доверительно обратился к дрессировщику:

«Парень, медведь здесь будет находиться столько, сколько нужно. А лапой он у тебя машет вяло! Скажи, чтобы жестикулировал поэнергичнее!!».

Гости разъехались к трём ночи.

Я стоял на парадной лестнице Центрального дома медика и ожидал, когда откланяется главный (для меня!) гость – первый секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Пастухов. Вот спускается и он. Я иду на встречу, попрощаться. Но тут как тут возникает Александр Борисович Бертман.

Пастухов ему, как шубу с барского плеча:

«Молодец! Поедешь во Францию. За счёт комсомола!».

Скромно стою в сторонке. Борис Николаевич достаивает взглядом и меня:

«А тебе – грамоту ЦК комсомола!».

Дальше надо бы сказать так: на следующий день цирк (пардон, «потёмкинская деревня»), слава Богу, не сгорел, а просто закрылся, и «клоуны» разбежались. Но *так* было только через день. А на следующий день мы отрывались сами с собой, на прощальном олимпийско-дембельском вечере.

Мы же кто? Мальчишки и девчонки, до 28 лет максимум. Пусть с комсомольскими, а многие одновременно и с партийными билетами в кармане, а также с жёнами и детьми дома. Но при этом... мальчишки и девчонки. С вытекающими последствиями.

Что за последствия? Дык любовь... Девушек – верных комсомолок для командной работы в ин-терклубе я подбирал сам: из Библиотеки Ленина, из министерств на Калининском, из магазинов «Мосовощ». По каким критериям? Так по внешним исключительно, чтобы медаль (помните пока?) не висела... А пацаны пусть будут неважно какой внешности, но интеллектуалами.

В тот последний вечер я обратил нешуточное внимание на ту, которую раньше видел, но не мог активно демонстрировать знаки внимания. И с места в карьер:

«Ты знаешь, я все эти дни тебя искал!».

«Что вы говорите! Как интересно!»

Мы пили вино, танцевали. Мы выпрыгивали в окно Дома медика. Мы гуляли по тёплым ули-цам летней Москвы. Осень мы встречали в квартирке возле дальней столичной станции метро. Мы застали зиму в немецком городе Росток на побережье Балтийского моря. Мелководье, но вол-ны красивые. Друзья в русских зимних шапках шли по мелководью и старались занырнуть, шапку не замочив.

Мы смеялись и пили шнапс, закусывая его колбасками с горчицей – не из «потёмкинской дерев-ни», а из обычной прибрежной палатки. Я без сожаления тратил последние марки в кабаке на Унтер дер Линден в Берлине. На что? Да ничего эксклюзивного: пиво, мороженное.

Из Берлина мы летели в Питер. В Питере зашли в кабак: по-обычному, по застоному ели-пили. Взяли с собой в вагон. Помню следующую комсомольскую сцену. Поезд пришёл на Ленинградский вокзал в Москве. А мы прощались. Так, что и не заметили прибытия. Сидим и сидим с друзьями и с *ней*, разумеется. Проводники ходят рядом и вздыхают: м-да...

Взгляд со стороны жены Гали:

«Приезжаю на вокзал встречать любимого мужа. Поезд пришёл вовремя. Все выходят, а моего нет... Пошла вдоль вагонов, а номер вагона я знала. Спрашиваю у проводника: которые из Питера здесь есть? Сквозь зубы отвечает: есть, здесь они. Иду вдоль купе. Смотрю – сидит вполне весёлая компания, тепло общаются между собой. Саша, говорю, пойдём домой. А, говорит, привет, Галя, пойдём...».

Дальше как всегда – редки исключения из правил. У меня родился законный сын от законной жены. У неё начальник решил эмигрировать в Штаты и пригласил составить компанию. Она раз-велась с мужем и поехала.

* * *

«Потёмкинская деревня» закрылась. Однако спорт не закрылся, а совсем напротив, расцвёл. Миша Болдюков, заворотделом райкома комсомола, подошёл ко мне и загадочно сказал:

«А ты подкачаться по-цивильному не хочешь?».

Мы и раньше подкачивались время от времени в кустарном спортзале одного из районных заво-дов. Гантельки, штанги потягаешь, под душ и домой. Но Миша предложил другое:

«Олимпийская деревня, как ты думаешь, куда делась? Никуда не делась, она теперь для всего тру-дового народа. Про весь народ я, конечно, сомневаюсь, но с соседним райкомом договорился, дадут нам абонементы в «качковский» зал».

О чём речь? Об атлетической гимнастике. У молодого и мощного тогда Шварца (Арнольда Шварценегера) бицепс в окружности составлял, по разным данным, 56-58 сантиметров. У комсо-мольского качка Миши тоже немало – 46. А у меня... 32. Кубиков на животе и вовсе не прослежи-валось.

Стали ходить в приличный зал Олимпийской деревни. За одно занятие бицепс вырастал на два сантиметра! Правда, потом сдувался... И лёгкие тени кубиков на животе появились. Класс! Пару лет посвятил я этому делу: до 38 несдувавшихся сантиметров догнал. Проверьте, померяйте у себя! А-а-а-а...

Ещё в Олимпийской деревне была сауна. Удивлялись: что это, зачем это? Без поддачи, как в при-вычной русской бане, сидишь и до чего-то созреваешь. Но любопытно, вроде как к иной цивилиза-ции приобщаешься.

Секцию посещал молодой человек с недовольно сжатыми губами и курчавыми волосами. Мы-то с ребятами задружились, болтали, в сауну ходили, а он как-то сидел один, качал свою штангу, ни с кем не общался. Подошли к нему спросили:

«Тебя как зовут?».

«Володя», – отвечает.

«А ты по жизни кто?».

«Юрист».

На этом общении заканчивалось. Желаящим подкачать мышцы Володей-юристом был Владимир Вольфович Жириновский.

Эпilog.

Кутузовский проспект. Красная площадь.

1982-й

В 1982-м я ушёл в очередные горы. С мыслью вернуться с них, а после с комсомольской работой завязывать. 28 лет скоро исполнится, да и вообще хватит. Куда? В журналистику, вопрос решённый, места подобраны.

Выхожу в райком в конце августа. И сразу – нервный звонок:

«Где пропадаете?».

«Как где: в законном отпуске».

«Какой отпуск?! Вас вызывает первый секретарь Киевского райкома КПСС Александр Васильевич Коровицын!».

Промотаем нашу условную «плёнку» на сколько-то лет вперёд.

В декабре 1985-го года негибимый большевик и партийный функционер со стажем Борис Николаевич Ельцин избирается первым секретарём Московского горкома КПСС. Откуда что взялось, но сразу же начинает «демократические реформы», включающие показательные партийные чистки: снимает с должностей секретарей горкома и первых секретарей райкомов партии. Попадает под горячую руку весьма уважаемый в районе, городе и центре Коровицын: его освобождают от должности за... плохую организацию плодоовощной торговли.

Особая история, особые сцены, особо про Ельцина, ну, пока оставим их в покое для будущих изложений.

Александр Васильевич, конечно, удручён. Но в этом удручённом состоянии его приглашает на работу лично министр цветной металлургии СССР Пётр Фадеевич Ломако. Поскольку впервые министром он стал ещё в войну, при Сталине, то на мнение Ельцина ему было наплевать с высокой колокольни.

Работает Коровицын в Минцветмете, встречаемся мельком, здороваемся. Обычное:

«Как дела?».

Столь же обычный ответ:

«Нормально. Трудимся».

23 июля 1986-го года Александр Васильевич внезапно выбрасывается из окна кабинета на восьмом этаже здания на Калининском проспекте...

Ну, значит, вызывают меня к Коровицыну. Я бегу в парикмахерскую, бороду после гор сбрил, постригся, «гаврилку» (галстук) надел – и в приёмную. А там и вправду ждут, заходите, приглашают.

«Александр Николаевич (это типа я – авт.), не засиделись в комсомоле-то?».

«Да, Александр Васильевич, подумываю о...».

«Правильно, товарищ Иванов! Пора на партийную работу. Хотим предложить Вам очень ответственный участок – наглядную агитацию. Район наш начинается, сами понимаете, прямо от Кремля, Политбюро по нему каждый день ездит. Праздники, демонстрации, всё такое...».

Отказываться в *то* время от *таких* предложений не принято. Ладно, думаю, соглашусь, поработаю года три и уйду в свою журналистику.

И начинается. «Боевым крещением» стала подготовка к «полукруглой» дате – 65-летию Великого Октября. Электрические цифры «65» на здании СЭВ – Совета экономической взаимопомощи социалистических стран, буквы «СССР» на зданиях-«книжках» проспекта Калинина, огромные знамена на домах по Кутузовскому проспекту.

С наглядной агитацией происходило довольно много уморительных (по нынешним меркам, разумеется, а тогда вовсе не смешных) сцен. Так, пространство вокруг дома 26 по Кутузовскому

проспекту наглядной агитацией было просто увешено. И даже во дворе устанавливались среднего размера плакаты, на одном из которых красовалась мотивирующая на великие свершения надпись: «Сделаем Москву образцовым коммунистическим городом!».

И выходит как-то из подъезда секретарь ЦК КПСС и депутат Верховного Совета СССР Владимир Иванович Долгих. Замечает форменное безобразие: на плакате к слову «городом» злостными хулиганами-антисоветчиками приделана буква «о». Использован белый материал, внешне очень похожий на мел. Получилось: «коммунистическим огородом»...

Надо бить тревогу, звонить во все колокола! Поднимает Владимир Иванович трубку и звонит по назначению – первому секретарю Московского горкома КПСС и члену Политбюро ЦК КПСС Виктору Васильевичу Гришину. А кому ж ещё, властная иерархия, понимаешь. Тот – Коровицыну, Коровицын – мне.

Через час возле плаката собирается «могучая тройка»: я, директор эксплуатирующей местную коммуналку конторы и... дворник. Последний лихим жестом годами натренированной руки с мокрой тряпкой за доли секунды уничтожает зловредную букву. И вправду мел оказался. Вот что значит бдительность! И вот что значит мастерство!

Но особое внимание уделялось портретам Ленина и Брежнева.

Ленин везде. Но мне лежала особая роль: организовать написание светлого облика Владимира Ильича для вывешивания на здании Министерства иностранных дел на Смоленской площади. Подробностей ни в каком Интернете не найдёте!

Материалом гигантского портрета служила кирза. Правильно: та самая, из которой шьют солдатские сапоги. А как иначе: простое полотно высотных ветровых нагрузок не выдержит. На кирзу кладутся грунт, специальные краски. Длина портрета – 47 метров, ширина – 16. Вес – три с половиной тонны. Крепился портрет на специально созданных на высотке конструкциях. Величественно и шикарно смотрится!

Шедевр сочинили и пятого ноября вывесили! Но шестого ноября 82-го в Москве разыгрался страшный ветер: мусор разлетался по улицам, наши «наглядные партийные» конструкции раскачивались. Да что там – деревья кренились и падали. Вечером, накануне демонстрации трудящихся и всеобщего народного ликования у меня в квартире раздался звонок:

«Товарищ Иванов, портрет Ленина порвался и бьёт лоскутами стёкла в МИДе...».

Кошмар какой! Трубим во все трубы и во все службы. Службы включаются, но максимум возможного – просто демонтировать пострадавший портрет за ночь, что и происходит. Сняли рваные кирзовые лоскуты – и абзац пока. А вот с Брежневым...

В преддверии празднования 65-летия Октября на площадку, определённую горкомом партии, велели свезти все эскизы портрета дорогого Леонида Ильича: для улиц, зданий, демонстрации. Из районов Москвы свезли несколько сотен эскизов. Ходят ответственные работники горкома, в принципе нормальные советские парни, с юморком, смотрят на очередной портрет и спрашивают:

«Ему тут сколько лет-то?».

«А сколько нужно?».

Смущение, поскольку Брежневу на портрете лет пятьдесят...

«Ладно, пойдёт».

К следующему портрету:

«Ну, товарищи...» (на этом портрете Ильич ещё моложе, лет сорок).

К следующему:

«А что он у вас такой бледный? Подрозовить надо!».

Автор портрета – художник, которому по фигу кого рисовать, лишь бы деньги платили, откровенно отвечает:

«А зачем розовить? Он же не поросёнок. Пожилой солидный человек...».

Утвердили наш эскиз «на пятьдесят», а портрет-то выставлять эвона где, напротив гостиницы «Украина» на Кутузовском проспекте; «сам» в этом месте обязательно проедет. Там в принципе выставлялось всё Политбюро: лично дорогой Леонид Ильич размером побольше, четыре на пять метров, остальные члены Политбюро поменьше: три метра на четыре.

И тут ситуация выходит почти как с Лениным, звонят и говорят: упала конструкция с Брежневым, а портрет треснул, порвался...

Ё-моё! Срочно! Срочно!! Везём портрет прямо в просторную приёмную райкома. Штопает самая знатная швея всех времён и народов. А вокруг – первый, второй и третий секретари, не говоря уже обо мне и директоре швейной фабрики, где швея трудится.

«Да, дорогая, – это к швее, – так-так, вот здесь давай стежок, а ещё вот здесь поаккуратней...».

Правее, левее. В общем, все понимают толк в штопке сановных портретов.

Заштопанное произведение искусства в ночь на седьмое ноября восстанавливается на Кутузовском. Я пропускаю рюмку, нет, стакан, и ложусь часа на три спать...

Надо пояснить. На демонстрацию везли так называемые тележки – сварные металлические конструкции на колёсах. На них закреплялись плакаты с изображениями процветающей страны; рабочих, колхозников, инженеров и слоганами «Коммунизм победит!», «Империализму – нет!» и тому подобными.

Проходим Красную площадь. Леонид Ильич стоит на трибуне Мавзолея. Из динамиков звучит призыв:

«Коммунистической партии Советского Союза – слава!».

А колонны отвечают:

«Урр-а-а-а-а!»

Но выпить хочется, тем более, что пошёл непредсказуемый ноябрьский снежок. Решение есть! На тележке смонтирован специальный ящик. Для чего? Ну, флажки какие-нибудь положить для последующей раздачи трудящимся. Медицинскую аптечку, бутылки с водой, термос с чаем.

Так вот: в ящике тележки и другое припасено!! Когда по Васильевскому спуску продвигаемся к метро «Кропоткинская», где нет никакого партийного контроля, а есть, напротив, партийное одобрение, припасы достаём.

Специальных комсомольских колонн и тележек на демонстрации нет, но комсомольцы-то есть! Гляжу, рядом наши, райкомовские. Подмигивают и говорят:

«Ты чё, шибко партийным стал, с нами уже и не выпьешь?!».

«Обижать-то зачем?» – отвечаю, и к ним.

Налили, вздрогнули. Ну, а теперь как учили:

«Ленин! Партия! Кам-са-мол!».

И по второй. И по третьей.

Ровно через три дня Леонид Ильич умер. Комсомолу оставалось жить девять лет.

Проза

Валерий Латынин

Латынин Валерий Анатольевич – поэт, прозаик, публицист, переводчик, член правления Союза писателей России. Родился 19 мая 1953 года в городе Константиновске Ростовской области в учительской семье. Окончил Алма-Атинское высшее общевойсковое командное училище и Литературный институт им. А.М. Горького. Больше 20 лет отдал военной журналистике. Полковник запаса. Автор более 30 книг, вышедших в России и за рубежом. Лауреат многих российских и международных литературных премий. Живёт в Москве.

Нестареющая боль

Рассказ

День шёл на убыль. На одной из стен палаты ещё плясали солнечные блики, но на кровати и тумбочки уже легли длинные предвечерние тени. И солнце, и тени одинаково раздражали. И я, по примеру своего соседа по палате, положил на лицо раздёрванный и зачитанный номер журнала «Смена».

Так, с журналом на горячем лице, лежал, молча перемалывая в голове хаотичные, бессвязные мысли, которые, как я думаю, рождаются в мозгу или очень счастливого, или очень больного человека. Весь день у меня держалась высокая температура, и весь день мне в голову лезла какая-то мура – отрывки чьих-то рассказов, бессвязные воспоминания и даже сюжеты. Я несколько раз хватался за карандаш, лежавший на тумбочке, и тут же на журнале, только что укрывавшем лицо, принимался строчить беглыми каракулями: «Вся боль на переносице сошлась, где сходятся и брови и морщины...»

Далее этого дело не пошло, и я только в нижнем углу журнального листа записал слова для рифмы: «в суровый час... и мужчины».

Потом по контурному портрету бородатого мужчины стал писать возможные заголовки будущих зарисовок или рассказов: «Палата номер тринадцать», на этот номер своего временного жилища я не мог не обратить внимания даже с температурой в сорок градусов. Я, разумеется, при входе в палату не стал плевать через левое плечо или хвататься за пуговицу пальто, но суеверная цифра застряла в моем воспалённом мозгу и выплеснулась наружу.

Далее следовали заголовки не «мудрее» первого: «Айболит из Богучан», «Веста – сестра милосердия». Вскоре весь журнал пестрел карандашными записями вдоль и поперёк, каждый клочок был забит до отказа словами, как следственный изолятор арестантами.

Я отложил журнал в сторону и тут только заметил, что в палате нет ни солнца, ни теней, а полноправно царят весёлые мартовские сумерки. Товарищ мой спал, неудобно держа правую руку над головой, не дотягиваясь расслабленными пальцами до журнала, который при каждом выдохе сползал с его лица на грудь. В этом зрелом мужчине было столько детского, что невольно хотелось встать и поправить сбившееся в ногах одеяло. К тому же время от времени мужчина тихо, почти беззвучно стонал или плакал, как плачут беззвучно во сне маленькие дети, когда после дневных впечатлений им привидится что-нибудь страшное. Матери в таком случае будят детей или переворачивают их на другой бок.

Мне же оставалось ждать пробуждения своего необычного соседа, чтобы полюбопытствовать, что такое ему привиделось, и кого он оплакивал во сне.

Проснулся я от прикосновения чьей-то руки к моему плечу. Надо мной склонился сосед:

– Слышишь, брат, перевернись на другой бок, а то, сдаётся мне, что тебе кошмары снятся.

Я не сразу понял в чём дело:

– Какие кошмары?

– Стонал ты или плакал во сне.

– Вот те раз, – я хитро улыбнулся, глядя на своего соседа, – а Вы ведь тоже плакали во сне.

Сосед сел на свою кровать и, поморщившись, выпил горькое содержимое мензурок, поставленных медсестрой на тумбочку.

– Пей свои «сто» грамм, – пошутил он, – скоро ужин принесут – будем чаёвничать. Нам водички больше пить надо, с медком, смородиной – температуру выгонять.

При электрическом свете лицо его выглядело постаревшим. Суровее нависали кустистые брови, бросавшие тень на глаза, контрастнее выделялись упрямые складки в уголках рта. Но когда сосед улыбался, то глаза его светились детским озорством и чистотой.

За чаем мы познакомились ближе. Подкладывая мне в стакан гречишного мёда, сосед отрекомендовался:

– Меня зовут Вячеслав Чуйков.

Я хотел, было, спросить: «А по батюшке?», да вовремя сообразил, что это не совсем уместно... Если человек назвал только своё имя, значит, он желает, чтобы его называли только по имени.

Я назвал себя.

Перехватив мой любопытствующий взгляд, Вячеслав спросил:

– Пытаешься угадать, кто я такой?

Я поглядел на его начищенные до глянца форменные туфли и ответил:

– Не гадаю, а знаю, если хотите, насквозь вижу: Вы – лётчик...

Сосед первое мгновение удивился, потом тоже перевёл взгляд на туфли и задорно рассмеялся:

– Ну и разведчик! Молодец... Держи руку и больше не «выкай». Мы же не на службе.

Общий язык мы нашли быстро, без долгого прощупывания друг друга. Стоило нам заговорить, и через несколько минут мы были уже на короткой ноге – доверительными собеседниками, приятелями. Этот первый вечер нашего знакомства долго бередил мою память и, в конце концов, стал сюжетом этого невыдуманного рассказа.

После отбоя мне долго не спалось. Дежурная сестра погасила свет в палате. Но я ворочался с боку на бок, считал до ста, повторял мысленно одно и то же слово: «Спать, спать, спать...», но сон не шёл. Сосед мой не ворочался, но тоже не спал. Это я определил по тихим вздохам, что время от времени доносились с его кровати.

– Не спится, Вячеслав?

– Пытаюсь заснуть, – как-то вяло ответил Чуйков, – мысли, понимаешь ли, мешают.

– Какие?

– Да разные.

Сосед не хотел меня тревожить, надеялся, что я смогу уснуть.

– Мне тоже не спится. Всякая чепуха в голову лезет. Как в детстве коров пас. Гусиный ерик с мутной и тёплой водой, дубрава, луг, кузнечики стрекочут. Вода в зелёной ряске и коровы лениво лежат на берегу.

– Детские впечатления до креста.

Слова эти он произнес с затаённой болью, на глубоком, как стон, выдохе, не делая ударения ни на одном из слов и в тоже время тяжело роняя всю вторую часть предложения: «...до креста». А выходило по интонации так, что не до креста, а как тяжкий крест.

– Наша семья до войны в Сталинграде жила, – не поднимая головы с подушки, начал Вячеслав свой рассказ. Без лишних слов начал, как будто прокручивая в памяти давно известную ленту. – Хорошо жили. Отец служил во внутренних войсках, мать нашим воспитанием занималась – три мальчишки в семье, попробуй, сладь... Но жили дружно. Родители друг дружку любили. Отец и на службе преуспевал, и мать за ним никаких забот не знала – всё в дом доставал, всё сделать мог. Каждый день в доме – праздник, смех, песни. А потом – война...

Рассказывать про Сталинград во время войны не буду, это сегодня всякий школьник знает. Только с войной кончился праздник в нашей семье. Отец мог бы не воевать, всё-таки внутренние войска для других целей предназначены. Но он добровольно рапорт подал и вскоре уехал на фронт. Погиб в первый же месяц. Мне в ту пору пять лет было, старшему брату Ивану – девять, Мише – семь. А у матери никакой профессии. Замуж из-за школьной парты выскочила.

После «похоронки» на отца – мать, будто умом тронулась. Стала вещи свои на самогонку менять. Плачет и пьёт, пьёт и плачет. А напьётся, плясать начинает. Платок белый на плечи поверх фуфайки накинёт, туфли на каблуках наденет и идёт по комнате с притопом: «И пить будем, и плясать будем, а смерть придёт – помирать будем...».

Мы всем скопом за неё цепляемся: «Мамка, не надо». А она как завоет на всю округу: «Да куда ж мне с вами теперь деваться, как жить с таким наследством?»

Соседи её успокаивали, как могли, устроили работать на Сталинградский танковый завод. Нас подкармливали – когда пшеница, когда картошки занесут...

Иван с Мишей ходили по дрова, воду носили, поддерживали огонь в печи. Иван кашеварил, нас кормил и маму поджидал. Она приходила поздно, безразлично ела пустую кашу или картошку в мундире и, скинув фуфайку и валенки, не раздеваясь, валилась в постель.

Так было до эвакуации из Сталинграда. Перевезли нас в Казахстан, в небольшой городишко Калмыков на реке Урал. Выделили крохотную комнатку в переполненном людьми бараке. Мать пристроилась в какой-то артели патронные ящики сколачивать. Артель – не завод, дисциплина не та, паёк не тот, люди разные собраны, не было между ними крепкой смычки, как у заводских. И мать опять пошатнулась, опять запила. Без того паёк скудный приносила, а после запоев совсем голодно стало.

Ты вот речку вспомнил, луг, коров, лениво в тени лежащих. А я даже не запомнил, была ли в том городе трава, гнездились ли там птицы, и показывалось ли солнце? Мне до сих пор кажется, что небо там было всегда свинцово-серым, земля мёрзлой, а дни тянулись бесконечно, потому, что всегда хотелось есть.

Острее всего помню кислый запах чёрного хлеба на отрубях. Я ежедневно ждал фургон у хлебного ларька. Нет, хлеба не просил, просил извозчика, чтобы он разрешил мне разгружать фургон, чтоб хотя бы нюхать, вдоволь нюхать кислотовато-ситный запах чёрных, ноздреватых кирпичей.

Голос моего соседа звучал приглушённо, и я чувствовал, что каждое слово даётся ему с большим трудом. У меня тоже заволновалось и заныло сердце от нахлынувших чувств. Я остро, до щекотки в носу, почувствовал кислый запах хлеба. Да простит меня читатель за то, что, когда Вячеслав говорил о чёрных ноздреватых кирпичах, я видел бруски «Бородинского» хлеба в фирменной упаковке, чувствовал ржаную кислицу запаха и вкуса именно этого хлеба, потому что другого, к великому счастью, нашему поколению отведать не довелось.

– Я пролазил под телегой и между ногами людей, обступивших фургон, стараясь попасть к деревяшке протеза одноногого хлебовоза, – продолжил Вячеслав. – Чумазый и обтрёпанный, выныривал из-под телеги и, вскинув посиневшее от голода и стужи лицо, просил: «Дяденька, давай помогу хлеб носить».

Первый раз он с горькой усмешкой отстранил меня от возка: «У самого таких помощников семеро по лавкам скачут». В последующие дни несколько раз взывал к людям: «Граждане, чей пацан? Заберите пацана».

Но забирать меня было некому. Из нашей голодной, промёрзшей, пропахшей сивухой и парашей коморки убежал вначале Иван, оставив записку на столе: «Мамка, не ищи меня, пусть мою пайку Славик и Миша едят, обо мне не беспокойся». А месяц спустя и Миша утёк; вовсе без записки.

– Да что ж ты мне душу выматываешь, – не выдержал как-то хлебовоз, – неужели без тебя у меня горя мало? Иди к матери, пусть она тебя кормит. Мать-то есть?

– Есть, – ответил я и тут же расплакался.

Рядом соседка по бараку оказалась; прижала меня к подолу своей юбки, отломив кусок хлеба от завёрнутого в тряпицу пайка:

– В запое их мать, в запое, а дети голодают...

Позже эта женщина не раз подкармливала меня, да и одноногий хлебовоз тоже – то краюхой хлеба угощал, то куском сахара. Я только через много лет понял, какая это по тем временам великая щедрость была.

Сейчас, читая газеты, журналы, часто обращаю внимание на растущее с каждым годом число самоубийств. Люди отчаялись выбиться из беспросветной нужды, они не видят смысла в жизни, не имеют опоры и поддержки в обществе. Обществу нет до них никакого дела, а им до общества, как в песне из кинофильма «Последний дюйм»: «Какое мне дело до вас до всех, а вам до меня?..»

А в далёком захолустном городишке Калмыкове усталые, полуголодные, незнакомые люди согревали меня у своего очага, кормили, отрывая кусок от своего скудного пайка, старались вернуть к нормальной жизни мою мать, мою отчаявшуюся, безвольную мать, потерявшую над собой всякий контроль. Она даже побега старших сыновей не обнаружила. А когда много позже прочла Иванову записку, то даже не заплакала над ней. Наверное, она была уверена, что наша страна, наше общество не даст сыновьям пропасть.

После освобождения Сталинграда мы вернулись домой. Квартира наша уцелела, но вместо трёх довоенных комнат нам отвели одну, а в двух других поселили семью многодетного бригадира строителей – дяди Коли со всеми его родственниками. Дядя Коля помог моей матери устроиться работать на стройку, а потом через него она познакомилась с Кузьмичом.

Постепенно её душа стала оттаивать, и в семье наступило относительное благополучие. Её рабочего пайка нам на двоих хватало. К тому же частенько стал навещать Кузьмич. Он, как мастер – золотые руки, судя по рассказам дяди Коли, зарабатывал прилично. И у нас стали появляться банки с рыбными и мясными консервами, сало, лук. Мне мало что из этого набора попадало, но всё-таки было легче.

Я пошёл в школу. Впервые увидел птиц, облака, деревья. Впервые узнал, что можно дружить, ссориться, мириться с одноклассниками. Впервые понял, что могут быть другие интересы, кроме одной, преследовавшей меня раньше, заботы – найти пропитание.

Моя тридцатилетняя мать пыталась найти себе новую опору в жизни. Она, как повилка, не могла жить самостоятельно. Встретив Кузьмича на своём жизненном пути, она уже не отлипала от него, днём и ночью увивалась за ним повсюду, абсолютно забыв о моём существовании. Мне, как и в Калмыкове, нередко случалось провести весь день без макового зёрнышка во рту и засыпать на подушке, мокрой от слёз.

Кузьмич обращался со мной вполне пристойно, но я ненавидел его уже только за то, что он увёл мать с собой в неизвестные мне места, неизвестно на какое время и зачем? Мне казалось, что все беды от него. И поэтому однажды, в порыве детской безудержной ревности и обиды, я заявил матери: «Или – я, или – Кузьмич!».

Чуйков налил в стакан воды из графина, стоявшего на тумбочке, размешал в стакане ложку мёда и выпил.

– Хочешь воды с мёдом?

Я отрицательно мотнул головой.

Вячеслав взбил подушку и, опершись на неё спиной, полусидя, прилёг на постели, скрестив большие смуглые руки на груди.

– Мать жестоко избивала меня, обругала последними словами и без пальто и шапки вытолкнула на лестничную площадку.

Отчаянью моему не было предела. Я осознал всем детским чутьём и всей, горящей от побоев кожей, что со мной никто не собирается считаться, что я никому не нужен.

Все дети, особенно в раннем детстве, эгоисты. Для них самая большая трагедия – невнимание со стороны родителей.

Вначале я закатил дикую истерику: колотил ногами в закрывшуюся за моей спиной дверь, истошно кричал до хрипоты, слёзы обжигали мое лицо. Я зывал к сердцу матери. В тот момент она была для меня ещё матерью, женщиной, родившей и воспитавшей меня. Я даже чувствовал себя виноватым перед ней за столь категоричное заявление. Плакал и просил: «Мамочка, прости меня, я больше никогда не буду так говорить. Мамочка, прости меня ... мамочка,пусти меня домой, мне холодно».

Но никто не отвечал из-за двери ни тогда, когда я кричал, ни тогда, когда молча сидел на сквозняке, обхватив руками свои озябшие худые коленки.

«Мама не любит меня», – редкий ребёнок способен произнести такие слова – они, как кощунство над великой силой материнской любви. Но я сказал себе такие слова, сказал их не вслух, подумал так, и стал медленно спускаться вниз по лестнице.

В подвале согнал кошку со старой изодранной фуфайки и, натянув на себя лохмотья, достойные огороженного пугала, побрёл в сторону железной дороги.

Ещё возле дверей нашей квартиры у меня созрело решение ехать в Смоленск, к брату отца – дяде

Семёну. У меня не было ни денег, ни... адреса дяди, ни понятия, каким образом, и в какую сторону надо ехать, чтобы попасть в Смоленск.

Я шёл по бесконечному коридору из грузовых вагонов. Пролазил под составами и вновь попадал в такой же точно коридор.

Когда пролазил под очередным вагоном, поезд тронулся. Боясь попасть под колеса, я схватился за какую-то трубу и, в страхе, ничего не соображая, поволочился за вагоном. К счастью, рядом находился какой-то длинный замазанный ящик. С трудом мне удалось забраться в него. Ящик насквозь продувало колючим мартовским ветром, но я ехал, я лежал, натянув на голову ветхое решето фуфайки, и у меня под ухом колеса громко отстукивали неизвестную, пугающую и зовущую, дорожную мелодию.

Окоченевшего, едва живого, меня обнаружили обходчики на станции Сальск. Три месяца лечили в городской больнице от воспаления лёгких и дистрофии, а потом отвезли в местный детдом.

Потом было техническое училище, работа на заводе, армия, авиационное училище, летал больше десяти лет и вот уж который год обеспечиваю полеты ...

«А как же братья, мать, ты так и не видел их больше?» – хотелось спросить, но я почему-то не решился, надеясь, что Вячеслав сам продолжит рассказ.

Мой сосед надел пижаму, обул свои форменные туфли и подошёл к окну, за которым бледной каёмкой занимался рассвет.

– Светает уже, а мы с тобой глаз не сомкнули. Надо же, до чего я человека заговорил ... Опять март за окном, как тогда, в пору моего изгнания.

Он открыл форточку:

– Весной пахнет. Весной стараюсь в зеркало не смотреть, в детские игры с ребятнёй играю, и мне кажется, что в эти месяцы я молодею.

Я вспомнил задорный блеск его по-детски чистых глаз и представил, как Вячеслав гоняет с мальчишками футбольный мяч, сражается за шахматной доской. Он заново переживает своё детство, он взрослый ребёнок. А многим ли из нас дан этот великий дар – до солидных лет оставаться молодым?!

– Мать я видел ещё раз, – будто спохватившись, произнёс Вячеслав. – После войны в наш детдом один искатель приключений попал. Потёрся некоторое время, да и признался, что у него в Сталинграде родители живут в полном здравии и достатке. Когда воспитательница собралась везти его домой, я тоже сообщил, что и у меня мать в Сталинграде. Страстно захотелось навестить её. Воспитательница не очень поверила, но всё же взяла меня с собой.

С большим трудом отыскал знакомую улицу и дом. Зашли в квартиру. Мать на кухне пирожки стряпала, Кузьмич часы чинил.

– Здравствуйте, – говорим в один голос с воспитательницей.

Кузьмич от удивления даже привстал с табуретки, а мать, как стояла у примуса, так и осталась стоять, только голову в нашу сторону повернула:

– Здравствуйте.

Воспитательница покраснела от неловкости и затянувшейся паузы:

– Вот сына вашего из детдома привезла. Вначале говорил, что нет у него никого из родных, а потом сознался, что мать в Сталинграде живёт ...

– Нет у меня никакого сына, и не было никогда.

Меня от этих слов зашатало и, чтобы не упасть, я схватился за дверной косяк:

– Мама, это же я – Славка!

Кузьмич тихо выругался и говорит:

– Ты что же такое удумала, Полина? Ты почему от дитя родного отказываешься, или очи у тебя застило?..

Тут она перетрухнула.

– Не признала, – говорит, – вытянулся он, в лице изменился, теперь по глазам вижу – точно Славка. Объявился-таки?

Посидели мы за семейным столом, чайку попили, поговорили кое о чём, да и стали с Анной Александровной в обратную дорогу собираться. Воспитательница поняла, что лишний я в этой семье, потому и не настаивала, чтобы оставался, когда мать ровным голосом обронила:

– Обратно что ли поедешь? А то оставался бы.

– Друзья у меня там, я без них не могу, да и привык уже в детдоме.

С тех пор я больше мать не видел. Обмениваемся изредка поздравительными открытками к праздникам. Несколько раз она в гости приехать приглашала. Да всё как-то недосуг.

Братьев я лет через десять разыскал. Иван тогда на буксирный катер прибился. Капитан его усыновил. Теперь Иван живет в Астрахани, ходит капитаном пассажирского теплохода по Волге.

Михаил в Саратовском университете преподает.

Все, как говорится, в люди вышли, своё гнездо свили. Живём хорошо, встречаемся друг с другом, переписываемся, в общем, всё, как и должно быть у родных братьев.

Несколько лет назад умер Кузьмич. На похороны меня никто не приглашал, собственно я узнал об этом событии из единственного за все годы письма матери. Смысл его был примерно таков: «Дорогой сыночек Славочка! После смерти Ивана Кузьмича я осталась почти без средств к существованию. Моя мизерная пенсия не позволяет мне жить по-человечески. И это на старости лет и имея троих сыновей. Я надеюсь, что ты сжалишься над старой и больной матерью и, если не заберёшь меня к себе, то хоть часть своей зарплаты будешь высылать ежемесячно. Думаю, что тебя это особо не затруднит, как и братьев твоих Ивана и Михаила. Не затевать же мне суд против вас, чтобы отсудить полагающиеся по закону алименты». Вот и вся история, брат.

Уже совсем рассвело. Чуйков сидел на кровати, откинувшись на подушку, прикрыв одеялом спущенные на коврик ноги. Лицо его побледнело в утреннем молочном свете и казалось, что на нём застыла печать нестареющей боли.

Проза

Владимир Нечаев

Владимир Нечаев родился в 1957 году на Камчатке в поселке Оссора. Окончил Владимирский политех, специальность: радиоинженер.

Автор шести книг стихов и прозы. В 2017 году вышла лиро-прозаическая книга «Сокровенное». Публиковался в журналах: «Дальний Восток», «Москва», «Октябрь», «Литературная учеба», в региональном альманахе «Камчатка». Состоит в СП России, Союзе фотохудожников России. Живёт в Петропавловске-Камчатском

Лодка до Каюма

Рассказ

В то лето много было всего, и ягоды, и грибов. Так много, что люди по жадности своей брали с избытком, через край.

Лосось, идущий на нерест, плотно забил речки. Рыба, не отстав икру, гибла и гнила на отмелях.

Стояли ясные, прозрачные дни. Не донимала жара. Казалось, что на самой маковке небесного купола после полудня кто-то отворял форточку. И среди летнего тепла в воздухе мнился металлический блеск, и сквозило льдом операционной.

В первых числах июля Буслаев вышел из подъезда своего дома, прищурился и присвистнул: Коряк до половины оделся в снеговую шапку. Снег на склонах был девственно чистый и слепил глаза, – ветер относил шлейф вулканического пепла к северу.

«При таком солнце снег, конечно, растает», – подумал Буслаев. И ещё он подумал, что придётся оставить беременную жену и лететь на Восточное побережье. Жена ребёнка ждёт, но сроки ранние. Никто его не принуждал. В душе что-то накопилось и требовало выхода.

Он успеет и к Александру заглянуть в Карагу. Потом нужно будет переправиться на моторке через Карагинский залив, пройти Каюм и Макарьевск. А дальше, минуя Ивашку, шагать ему по берегу моря вдоль длинного рукава реки Хайлюля, которую он перейдёт вброд в большой отлив. Это если повезёт. По отливу иди да иди до самой Уки, где живёт младший брат.

На фотоснимках в интернете Буслаев видел глазами низколетящего спутника весь свой маршрут. Видел длинные песчаные косы и отмели, речные протоки и быстрые реки, несущие воду с гор. Он отмечал, где нужно пройти быстро, а где и просто посидеть, оглядывая простор северной тундры до самых предгорий хребта.

Он хотел связать братьев этой дорогой и своей срединностью, стянуть всех троих дневными переходами, усталостью и одинокими ночёвками у костра на берегу.

Наверное, здесь была чистая метафизика. И его блажь, как выражалась жена. Она не хотела, чтобы он уезжал. «Это риск, – говорила она, – а потом – наш ребёнок...» – «Да, – соглашался Буслаев, – но прошло семь лет. И ты забыла; там могила отца».

Макарьевска на тех снимках не было. За пятьдесят минувших лет от посёлка остались лишь руины. Но по-прежнему через тундру текли чистые воды Каюма, где обитали большие серебристые рыбы. Когда Буслаев был маленьким, он смотрел на них, преодолевающих течение, с высокого берега реки. Он вырос, а рыбы в его памяти так и остались большими.

И по-прежнему река впадала в Берингово море. Остались озёра среди тундры, в зеркала которых он, пятилетний ребёнок, засматривался и однажды едва не утонул. Может быть, береговая кромка стала другой. Но, как и в раннем детстве, небо над Макарьевском было неизменно безоблачным.

Буслаев перемещал курсор в окне монитора, и ему мнилось, что среди береговых отмелей он вот-вот увидит себя. Тогда у него пересыхало в горле, и неврастенически дрожали пальцы. И он думал о том, что ему просто повезло жить там в ту пору.

Пристегнутый ремнём, он летит рейсовым самолётом и торопит время.

Ан-26 заваливается на крыло. За стеклом внизу тёплая дымка земли. В иллюминаторе напротив – холодное фиолетовое небо.

В аэропорту маялся Александр, как он всегда встречал идущий из города «борт».

Тихо и солнечно.

Забросив ляжки рюкзака на плечо, Буслаев идёт по «бетонке», издали видит седую голову брата.

Они сошлись, хлопнули друг друга по плечам, неловко приобнялись. Александр куда-то бегал, искал машину. И Буслаев узнавал и не узнавал родные места, отмечая про себя чужие лица. Люди на путину нанимаются издалека...

К вечеру они отправились купаться в заливе.

На рейде стоял большой чёрный сухогруз с огромными белыми буквами FESCO над ватерлинией. Всякий раз, когда Буслаев соберётся навестить Александра, он забежит в магазин, а потом свернёт к школе, где сутки через двое дежурит брат, и увидит этот сухогруз и белые буквы.

Несколько траулеров принимали с плашкоутов горбушу.

И здесь везде была рыба. Она играла, выпрыгивая из воды. Косяки шли вдоль берега и путались в сетях. И мёртвую рыбу у берега шевелил прибор.

Они раздеваются, лезут в море.

– Как в Крыму! – кричит Буслаев. Вода в заливе чистая, тёмно-зелёная до черноты. Морская вода пахнет солью и увядшей травой.

Александр плывёт на спине. Плывет тяжело, жалуется, что давно не купался. Он говорит и задыхается. Крепкий подбородок и костистый нос задраны к небу, словно у покойника. Буслаеву виден его живот и колени, которые поднимаются из воды. Ему жалко брата.

– Вылезай, – машет он Александру. – Согреемся!

Он разливает водку в пластиковые стаканы, открывает банку с консервами, рассказывает о готовящемся переходе на юг. У брата свои нелады, свои печали и заботы.

– Ты бы покрестился, – вздыхает Буслаев.

Александр только отмахивается. Он адепт Клизовского и Блаватской. И братья начинают давний спор, который закончится, как всегда, виноватым молчанием. Сейчас они проговорят, допьют оставшееся, и всё останется по-прежнему. И Буслаев опять жалеет брата.

– Не спасут тебя язычники, Саня, – он опрокидывает содержимое стакана в рот, ломает хлеб, выбирает остатки сайры из банки. – Мне бы лодку до Каюма.

– Где ж найти? – задумывается Александр. Пьёт, морщится и почти не закусывает. – Все лодки сейчас «на рыбе».

Буслаев злится. Накроет циклон, и он застрянет в посёлке.

– Зачем тебе Макарьевск? – спрашивает Александр. – Иди катером до Ивашки. Нет больше Макарьевска. А если медведь, на дерево полезешь?

– Договоримся... Через три дня пойду, – Буслаев держит в голове, что нужно зайти к отцу на кладбище.

– Найдёшь ли лодку... – тянет своё Александр.

В голосе неуверенность, словно на свежий лёд ступил.

– Завтра уйду! – ругался Буслаев.

Он не ушёл и через неделю.

Минуя пыльный посёлок выходил к морю, брёл вдоль приборя к пирсу и дальше – к последнему бараку по Набережной улице. Из Макарьевска они с семьёй переехали в Карагу и долго жили здесь на окраине.

Крыша у барака просела, как проседает кладбищенская земля. С восточной стороны окна и двери были заколочены белёсыми, выгоревшими на солнце досками. Пахнет тёплой древесной гнилью, старой штукатуркой. И неуступчивая трава, подступив к стенам барака, вымахала по пояс.

Теперь здесь чужие.

Двое чернобородых темнолицых мужчин возились во дворе с сеткой. Потом один собрал сеть в мешок, а другой поднял маленькую резиновую лодку на голову, и они пошли к морю.

Буслаев потоптался у заколоченных дверей, словно хотел найти вещественное подтверждение того, что когда-то здесь была другая жизнь. «Прошлое рядом, – подумалось ему, – и никуда не ушло».

Держась в отдалении, Буслаев двинулся за рыбаками. Они были при деле, в засаленной грязной робе. И Буслаев тяготился чистым джинсовым костюмом, своей лёгкой праздностью отпускника.

На берегу, где кончалась трава и начинался песок, ржавели и доживали своё плоскодонные баржи.

Буслаев смотрел, как рыбаки, привязав конец верёвки к большому камню, погрузили сеть в лодку. И тот, что постарше, сел за весла и стал понемногу стравливать сеть. Она скрывалась в воде, и за лодкой потянулся пунктир цветных поплавок.

Когда сеть ушла в воду, мужчина бросил следом небольшой джутовый мешок с галькой. И на волне закачался пластиковый оранжевый шар.

В сетке уже билась горбуша. Перегнувшись через борт «резинки» и держась за верха, мужчина выпутывал и бросал рыбу на дно лодки.

Невдалеке Буслаев увидел лежащую корячку в спортивных штанах и поношенной голубой кофте. Она следила, как мужчина перебирает сеть. Русские здесь часто рождались с местными. Коряки ловили рыбу почти без лимита.

Буслаев взял в руки фотокамеру, чтобы сделать снимок лежащей. Но та заметила его и, натянув кофту на голову, молча отвернулась. Женщина была пьяна.

Он понял это не сразу и убрал фотоаппарат. И ещё немного посидел, а потом поднялся с песка и вернулся в посёлок.

Циклон пришёл с юго-востока.

Ветер набирал силу. По радио повторяли штормовое предупреждение.

Стоя у мутного окна, Буслаев слушал шелест дождя. Он думал о беременной жене и о ребёнке, которого она носит и ждёт, и о младшем брате. Непогода захватила побережье на сотни километров. И там, к югу, такой же шторм.

В доме зазвонил телефон.

– Чем занимаешься? – поинтересовался Александр. Он был на смене. – А то подходи!

Буслаев надел штормовку, поднял голенища сапог и вышел. Дождь бил ему в левую скулу. Через пять минут старая штормовка промокла.

Когда Буслаев свернул к морю, сухогруз был почти неразличим в кипящей пелене. Шквальный ветер разогнал сейнера и прижал чаек к берегу.

Буслаев увидел брата. Тот сидел на корточках в проёме двери с подветренной стороны, куда не доставал дождь. Буслаев отвел глаза и склонил голову, словно уклонялся от бьющего в лицо ветра. И опять взглянул в сторону школы. Но брата уже не было.

Он нарочито долго раздевался в коридоре. И когда вошёл, Александр сидел в кресле перед телевизором. Картинка мельтешила, и по экрану шла рябь.

– Вымок? – спросил Александр.

– Ладно, – сказал Буслаев, – доставай.

Александр, хитро прищурившись, вытащил откуда-то из-за кресла бутылку коньяку и горсть карамелек из кармана.

– Хорошая тема, – он прищёлкнул пальцем по этикетке. – «Фельдмаршальский».

– Застрял я, Саня, – сказал Буслаев.

Брат не поддержал. Он ждал, когда Буслаев свернёт бутылочную пробку.

– К отцу нужно идти, – Буслаев разливает коньяк по чайным чашкам. Вот сейчас он выпьет и согреется!

– Сходим... – откликается Александр. И через паузу:

– Не в дождь же ограду красить! Ты конфетку возьми.

С остановившемся лицом он пьёт коньяк, смотрит на мелькающую картинку в телевизоре. Из-за непогоды сигнал слабый, и звука нет.

– Надо антенну поднимать. Никак не соберёмся..., – Александр прислушивается к своему нутру. Не торопясь, разворачивает обёртку карамели.

Захмелев, они гоняют на компьютере старые песни минувшего века. Александр когда-то играл на баяне. У него идеальный слух. Но Буслаев не стесняется, громко поёт: «А за окном всё так же стонут провода-а-а...» И Владимир Кузьмин из динамиков ему подпекает.

Когда коньяк закончился, Буслаев натянул непросохшую тяжелую штормовку, влез в сапоги.

– Поесть что-нибудь принесу...

– А давай! – бодро говорит брат. С пультом в руке он переключает каналы. Сквозь рябь Кобзон беззвучно открывает рот. Кобзон похож на рыбу в аквариуме. Буслаев смеётся и выходит.

Ему хорошо. Сейчас он добрый. В рюкзаке у него спрятана фляга с медицинским спиртом. Отличная фляга из «нержавейки». И хорошо, что он вспомнил. До последнего держал, берёт, как презент младшему. А теперь что ж... теперь циклон...

Дождь бьёт ему в спину. Буслаев не замечает дождя и скоро возвращается.

Не разбавляя, они пьют спирт и запивают водой из чайного горлышка. Чёрный вязкий хлеб и сало, которые Буслаев прихватил с собой, лишь оттеняют обжигающую сухость.

И они опять слушают старую музыку и совсем уже пьяны. В полумраке непогоды сиреневым глазом мерцает монитор.

Александр клонит седую голову, дремлет в кресле.

Дождь утих.

Буслаев выходит на улицу, идёт к морю. Ему только кажется, что он идёт, это море шагает навстречу. И берег, и волны ложатся Буслаеву под ноги.

На берегу – дюралевая лодка-казанка.

Накатывает волна, разбивается. И kazanка вздрагивает.

– А говоришь, нет лодок! – бормочет Буслаев.

Спиной к Буслаеву на борту сидит человек в ярко-оранжевой рыбацкой робе.

– Мне на ту сторону нужно, – говорит Буслаев сидящему. Тот оборачивается, кивает головой.

– Раз надо – пойдём.

Буслаев удивляется:

– Сёмкин? Ты ж убился прошлой весной.

Володя Сёмкин – старый приятель Буслаева. Он жил на мильковской трассе, а работал в городе. Поздно ночью Сёмкин заснул за рулём, и его вынесло на опору рекламного щита. Тогда всё обошлось.

– Второй раз ты ведь сам в ту опору влетел. Надоело тебе...

– Виктор меня звать, – человек тяжело разжимает губы, словно они болят. – Если надо, говорю, сходим на Каюм.

Человек опять повернулся к морю.

– Разве это шторм?

Буслаев соглашается, нетвёрдо уходит. Ему нужно успеть сюда с рюкзаком. А другой лодки уже не будет. И пускай не Сёмкин это... Откуда бы здесь взяться Сёмкину? Сёмкин известно где...

В кармане штормовки свистит и щебечет мобильник.

Буслаев лезет в карман, подносит телефон к уху. Он знает – это жена. Из города звонок. Он прикрывает телефон ладонью от ветра.

– Дорогой, – говорит жена, – Я в больнице. Потеряли мы ребёнка...

Голос у жены слабый, едва слышен.

– Ты бы возвращался...

– Всё будет хорошо! – Буслаев спиной заслоняется от шторма, пробует перекричать непогоду. – Я лодку нашёл! А ты жди меня. Возьму только рюкзак.

Его мотает по ветру. Буслаев сгибается под ношей, выходит на берег.

– Кабы не рюкзак, где б я был сейчас? – вслух рассуждает Буслаев.

Теперь он совсем не чувствует мокроты и холода. Минуя школу, высматривает лодку у «прибойки».

Лодка уходила в море. Её вскидывало на гребень волны, а потом она пропадала из виду.

– Не дождался Сёмкин, ушёл...

Буслаеву видна сторбленная фигура на корме за мотором. Среди водяных холмов, гуляющих по заливу, ветер едва доносит стук движка.

У Буслаева совсем нет сил. Он опускается на колени, обхватывает рюкзак рукой, приваливается к нему плечом.

Он плачет или дождь по лицу, Буслаев не разберёт.

– Завтра... – только и говорит он. А что значит это «завтра», разве он скажет?...

Ночью в городе

Рассказ таксиста

Всегда любил собак. Маленький был, думал, они улыбаются. Автомобиль – нет, не уважал. И шофёром, как многие мальчишки, не хотел стать. Пятьдесят четыре мне, голова седая. Собаку не завёл, а за рулем три месяца. Машину купили по настоянию жены. Она «на права» давно сдала. Как деньги появились, взяли подержанную «Тойоту». У меня «корки» на вождение двадцать лет пылились. Получил ещё в советское время. В школе ДОСААФ водил «Зилок», 130-й. С тех пор за баранку не садился.

Жена от машины меня оттирала; как бы не разбил, опыта, дескать, мало. Я снисходил, что называется, а потом подвинул и сам стал водить. Женщины неохотно отдают управление. Здесь нужно твёрдость проявить, решительность. Жена буквально вцепилась в руль.

– Чего ты? – говорю ей. – Я же мужик!

Опыт по ночам набирал, когда движение слабое. Как-то выезжал на мигающий светофор, а по главной «японец» гонит. Иной раз не понимаю, в какой стране живу. Язык стал чужим, вывески, шмотки... Это ли не оккупация? Но я не о том, о людях я... они всё те же. Измельчали только...

Ну, видел я иномарку, да скорость трудно определить, когда фары по глазам бьют. Мне показалось – успею. Налево стал сворачивать, смотрю – летит аккуратно мне в бок. Они по тормозам ударили. Зад машины задраило, пыль столбом, едва не перевернулись... Я на газ! По главной пошёл... В зеркало смотрю: развернулись, за мной идут. Я ещё прибавил, и они прибавили. Потом узнал, сколько их в машине... Как в кино было. В каком-нибудь боевике... Погоня и всё такое... Почему не остановился? – Наверное, страх был. И азарт животный в скорости потягаться. Ночью зверь гуляет... Игра началась...

Прижали они меня к обочине. Двое из машины выбегают – лет по двадцать пять обоим. Один плотный такой, «качок», а второй повыше на голову, худой. Злые, как черти. Я ждать не стал, вырулил на дорогу. Они только в борт моей «Тойоты» кулаками вдарили. Гнали, как собаки волка, а какой я волк?

Вот тогда сильно я разогнался! Пошёл в кварталы... А конец ноября, лёд на дорогах, особенно на периферийных, куда я стал уходить. Меня и вынесло на целину. Там снегу по колено... Машина ещё шла, а потом встала. Двигатель я заглушил, посидел немного. Ясно было, что наклёвывается горячая драчка. Навстречу им пошёл...

Они сразу поняли, что мне не выбраться, радостно так вскрикивали и не больно торопились. Помоему, даже чуть подвывали, расправу предвкушая, как борзые...

Первым набежал коренастый и с размаху вкатил мне кулачино пониже левого глаза. Он думал, упаду я. В снег они хотели втоптать меня, в лёд вбить, чтобы я не путался у них на дороге, быстрой езде не мешал...

И я как будто проснулся. Это после удара коренастого. Он где-то нахватался восточных приёмов, всё подпрыгивал, бил ногами. Только на гололёде крепко надо стоять. А мне падать никак нельзя было. Худой, высокий, поскромнее работал, да только злей «качка» оказался.

Я ловил четыре кулака, как мог. И удачно ловил. Но вот не было к ним злости. И драйва, как теперь говорят, не было. Бог сынка не дал, а эти в сыновья мне годились. Может, пороли их мало в детстве, сказок не читали на ночь. Головы разбивать я не хотел... Не чувствовал своей правоты...

Стали они остывать. Худой ещё кинулся ко мне. Я его пятернёй в лицо остановил. Верно, тогда и перемазался чужой кровью...

Из той породы они были, когда норовят горлом взять, нахрапом, а если не вышло сразу, уходят.

– Знаешь, сколько стоит наша машина!? – это «качок» орал.

Я не знал. Хотел одного: скорее бы свалили. Я тоже орать могу... Вижу: лицо худого в крови. Всё, думаю, хватит, поиграли...

На моё «ша!» они ещё огрызнулись, но уходили к своей дорогой машине. Левую щёку у меня разнесло. Я снег прикладывал к лицу. Ныло плечо и колено...

Хромал к своей «Тойоте», когда подружили ко мне три совсем разбитые иномарки. Встали в рядок поодаль, свет в лицо палят. Я не знал, что у них там в головах. Я был, как пустая бутылка... Драться

сил уже не осталось. Вытащил из багажника газовый ключ, второй номер. Стоял, смотрел на них, а они на меня. Потом одна за одной они ушли.

Откуда-то появился мужик, рыжий и поддатый в одинаковой степени. Представился полковником пожарной службы. Скучно ему было. Где-то у него гараж и трос буксировочный. Полковник настаивал. Хотел кайф свой продлить.

– Как тебя занесло! – говорил полковник. Всё в глаза заглядывал. Он думал, что в «Тойоте» у меня спиртное. Тогда я решил крепкую машину поискать.

– Побудь, – говорю рыжему, – посторожи. К домам я побежал.

Джип с водителем нашёл на удивление быстро. Ночью город своей жизнью живёт. Надо лишь присмотреться. Я рассказал, что застрял, и хорошо бы дёрнуть машину из снега. Подробности были ни к чему. Я его тогда другом назвал... И парень внимательно глянул на меня. В тeneвых структурах он крутился, может быть, бандитских. У таких людей печать на лице.

– Ладно, – сказал он, – попозже...

Обратно бегу, а полковник в бардачке моей «Тойоты» роется.

– «Аварийку» тебе включил, – он мне.

– Это разумно, – и на руки его смотрю.

– Залез в бардачок..., – сказал полковник, так, словно сомневался, что залез, и в толк не возьмёт – зачем?

– Вижу, – говорю ему.

– Стирал отпечатки пальцев...

Мы вышли на снег. В салоне тесно становилось. Полковник стыдился и каялся. Всё-таки он был сильно пьян... И когда к нам подъехала машина ГАИ, я двинулся от полковника, но тот следом топал, что-то в спину бубнил.

Я бодро попросил помощи. «Гаишники», молодые парни, с испугом смотрели. Уехали быстро... И чего они боялись? Маленько полегчало мне. Решил, что хуже не будет.

Парень тот, с «джипом», не обманул, вернулся. Я неумело суетился с концом троса. Теперь я заглядывал в глаза, только что хвостом не вилял...

– Резина у тебя дрянь! – сказал парень.

«Тойота» стояла четырьмя колёсами на дороге. Я о деньгах ему... Он рукой махнул пренебрежительно. Мы и распрощались.

Утром левую половину лица прячу, да жена рукав увидела в крови.

– На дороге, – говорю, – подрался... Не моя кровь. – Зачем женщине детали? Ей главное – мужик живой.

Водить я научился, только к собакам остыл после этого. И когда ночью по зеркалам и в хвост свет чужой машины, – особенно близко, – не люблю.

На берегах Уксичана

Колесо лопнуло, когда автобус подъезжал к посёлку. Мне показалось это дурным знаком. Я не был в Эссо два месяца. И я скучал по Ольге.

Долгая разлука, неожиданная в начале июня жара, дорожная пыль, – всё изрядно угнетало. Ко всему – лопнувшее колесо.

Народ двинулся из салона размяться, покурить. Я вышел вслед за всеми, и первое, что увидел на обочине – ярко-зелёный щит с жёлтой эмблемой «Ротари». Клуб боролся за чистоту. Посёлок и территория, прилегающая к Эссо, значились как округ под номером 5010. Где-то у них там всё было схвачено и поделено на округа и участки, занесено в реестры и гроссбухи.

Железное ротарианское колесо куда-то катилось. И я не стал ждать, пока водитель поставит запаску, вытащил из автобуса свой рюкзак и пошёл пешком. Я хорошо знал дорогу.

Палатку я поставил среди берёз, там, где Уксичан делает прихотливый изгиб, и без рюкзака, налегке, отправился к Ольге. Она жила в родительском доме. Это совсем недалеко, нужно только перейти на другую сторону реки. Я шёл по навесному мосту, и талые воды пели мне о скорой встрече...

Мы с Ольгой помолвлены. Её родители благосклонно терпят нашу связь. Однако главный вопрос висит, что называется, в воздухе. Я всё тяну и говорю себе, что следующей весной... и пусть оно завяжется на небе, – так я рассуждал.

Встретили меня радушно. После долгого застолья мы с Ольгой ушли в палатку. Моя палатка одноместная, однако от тесноты мы совсем не страдали. Уговорить остаться Ольгу на ночь я так и не смог.

– Что о н и подумают? – риторически вопрошала Ольга, имея в виду своих родителей.

– Действительно, что? – я разыгрывал недоумение.

В долгих сумерках мы прошли с Ольгой до калитки, и я вернулся. Ужинать не стал, лишь подбросил в огонь дров: ранним летом голодный медведь подходит к жилью совсем близко. Я забрался в палатку и на свежем воздухе быстро уснул.

Утром я раздул тлеющие угли, позавтракал и отправился к бассейну.

Надо бы сказать, что бассейн в Эссо открытый. До вечера здесь почти никого нет. И в этом своя радость. Один раз в неделю меняют термальную воду, убирают мусор. Знакомый щит с жёлтым колесом напоминал о необходимости здорового образа жизни.

Судя по всему, бассейн переживал не лучшие времена. Он зарос какой-то зеленью, был грязен и непригляден. Пришёл эвен с гаечным ключом в руке, остановился у слива и замер. Лицо его ничего не выражало. Двое мальчишек заворожённо смотрели, как пенится уходящая вода.

Я вежливо спросил, кто будет чистить бассейн.

– Вот они, – эвен нехотя кивнул на пацанов и отвернулся.

Нет, он не был членом «Ротари», как не были и мальчишки. Но кем был я для этого эвена, пришелец с иным цветом кожи, проходящий человек?

Всё-таки я полез в бассейн. Термалка пахнет тухлым яйцом. Это сероводород. Но его немного, и к запаху привыкаешь.

Здесь никто не спешит. И я не тороплюсь. Раскинув руки, лежу в термальной воде, глазею в небо. С высокогорий наносит клочья облаков. Если повернуть голову, можно увидеть ближние сопки в щетине сгоревших сосен, – когда-то здесь часто горел лес, – а дальше – конус вулкана Уленгенде. В это время года он весь в снегу.

Обсыхаю на солнце и через двадцать минут иду к палатке.

Масштаб потерь я оценил сразу. Открытый рюкзак лежал посреди поляны. Пакеты с вермишелью, конфетами и печеньем были разорваны. Я лишился и заварки. Ко всему, здесь похозяйничали лесные птицы. Среди прошлогодних листьев и первой летней травы я ничего не смог собрать. Две банки консервов, смятые, со следами зубов, я нашёл далеко на краю поляны.

У меня были шаткие версии. Человек с собакой? Удивила закрытая на все молнии палатка, где я оставил рюкзак. И ничего не пропало из вещей.

– Аккуратный разбой! – громко сказал я вслух, чтобы умирить свою нервозность. Судя по всему, я очень сильно прогневал хозяина этой местности. Когда-то здесь проходили **камлания** эвенских шаманов. Поставив палатку, я совершил... грех, с точки зрения духов-людей.

Кое-как прибравшись, я отправился к Ольге. Она работала администратором в летнем лагере. Нужно было обсудить случившееся.

Ольга выше меня на три сантиметра. Высокий каблук делает её недоступной. Она наклоняется, скрадывая свой рост. В эту минуту Ольга напоминает мне Пизанскую башню. Чтобы не задирать голову, я слегка отстраняюсь. Так удобнее. На моём лице смесь шутовства и беспокойства. Наверное, вид у меня неважный.

– Всё решим завтра, – строго говорит Ольга, – сегодня много работы.

– Куда смотрит президент клуба Морчанский?! – восклицаю я патетически.

Ольгу расстраивает моя нервная жестикация.

– Прошу тебя, успокойся!

Ольга не любит меня таким. И я возвращаюсь на свои берега.

Миновать бассейн я никак не могу. Нет ни эвена с ключом, ни мальчишек. Бассейн пуст и без воды кажется ещё непригляднее. словно наизнанку вывернули грязное бельё. Однако входной вентиль открыт. И термальная вода медленно скрывает цементное дно и водоросли, смятые пластико-

вые стаканы, и пачки из-под сигарет. С чувством лёгкой скорби я думаю, что может быть, вот так же начинался Всемирный потоп...

На мосту смотрю, как паводок гонит глину и песок в набухшей реке. Вода от глины мутная, рыжая.

Из оставшихся продуктов я устроил себе обед. Вечером поужинал консервированной сайрой и лёг пораньше, чтобы скорее приблизить это «завтра», которое обещало так много. Я никак не мог уснуть и всё прислушивался к шорохам ночного леса и говору быстрой воды...

Мне снился топот лошадей. Духи-люди на скаку задевают палатку, она нервно дрожит и вибрирует. Я пытаюсь справиться с дремой, сделать решительный жест.

– Спи, спи, спи! – поют голоса. Наконец, я просыпаюсь, раздергиваю входной полог, что-то кричу. Я вижу чёрные футболки удаляющихся всадников. На спинах – трафаретом – жёлтые колёса... Я сплю.

Когда палаточный верх из серо-голубого стал оранжевым, я проснулся. Мой сон ещё гулял где-то рядом. Мне казалось, я слышу лошадиное ржание и гортанные голоса. Ночью было холодно. А день обещал жару.

Я выбрался из «спальника», оделся и открыл вход. Утренний воздух принёс в моё жилище запахи остывшей земли и речной сырости.

На ночь я всегда прячу обувь под днище палатки. Пошарив, вытащил кроссовки и, держа их в руках, оторопело смотрел на цветные шарики драже. В каждой из кроссовок каталась добрая горсть. Я выругался, подумал и тихо выругался ещё раз. Слишком велики и абсурдны были усилия моих «шутников»! Ползать в потёмках среди травы, собирать рассыпанное днём? И как они догадались, где спрятаны кроссовки? Они следили за мной?

Я тщательно выбрился, насколько позволяла ледяная вода и ржавое лезвие «Жиллет», свернул палатку, собрал рюкзак. Трава была седая от росы, а мой завтрак скуден. Но костёр согрел и приободрил. Я ещё посидел, с грустью понимая, что сюда больше не вернусь. Хэвки – злой дух эвенов. Совсем мелочный и злой! И я перешёл на другой берег.

Ольга с утра работала в огороде. День был выходной.

– Здесь! – указала Ольга. У неё удивительно красивые пальцы.

Среди свеклы и редиса мы развернули палатку. Ольга принесла одеяла. Я натянул над палаткой кусок плёнки. Палаточные швы могут не выдержать. Ливни здесь не редкость.

Мы пьём чай, смотрим сквозь запотевшее оконное стекло на нашу палатку и ждём дождя.

– Оленька... – говорю с заминкой, – скажи, а ты не ротарианка?

Вопрос нелепый. И чтобы обозначить наличие шутки, я подчёркнуто серьёзен.

– Дай-ка мне твой лоб, – просит Ольга.

Я наклоняюсь к ней и смежаю веки. Я чувствую прикосновение губ.

– Температуры нет! – смеётся Ольга. И я умиротворён.

Дождь собирается только к вечеру. Гром перекачивается по горным склонам, словно кто-то сталкивает большие бильярдные шары. Быстро темнеет. У нас есть повод спрятаться в палатке.

Мы прятались от дождя до утра...

Осенью Ольга стала моей женой.

Поэзия

Алексей Витаков

Алексей Иольевич Витаков – поэт, прозаик, музыкант. Родился в 1966 году в Коми АССР.

Выпускник Литературного института им. А.М.Горького. Председатель жюри и автор идеи Межвузовского литературного форума им. Н.С.Гумилева «Осиянное слово». (<http://osiyannoeye-slovo.ru/>)

Член Союза писателей России. Автор и ведущий телепрограммы арт-кафе «Господин ветер» (СГУ ТВ).

Руководитель ЛХК «Послезавтра». Автор семи поэтических книг. Печатался в журналах: «Москва», «Дружба народов», «Наши современники», «Смена» и др. Автор романов: «Домой не возвращайся!» (2008), «Вали все на Меркурия» (2009), «Набег» (2014), «Посох волхва» (2015), «Проклятие

красной стены» (2015). Автор 17 аудио-альбомов:

Почетный гость, член жюри и автор идеи многих фестивалей авторской песни: «Куликово поле», «Смоленское поозерье», «Распахнутые ветра им. Ю.Визбора», «Витебский листопад», «Межвуз», «Фестос», «Коломенское», «Паруса надежды», «Сиваш-транзит», «Господин ветер», «Капитан Грей», «Татарский вал», «Осень в Тамани», «Поющие письма», «U-235», «Серебряный родник», «Радуга струн» и др.

* * *

* * *

Я родился под северным солнцем
В шестьдесят позабытом году.
Положили меня на оконце –
Отводить от деревни беду.
Я лежал на отцовой портянке
Не на улице и не в дому.
Пахли ветхие шторы землянкой,
Я не скоро узнал почему.
Помню – трещины были на раме,
Я разглядывал в трещинах тьму.
Как же пахло в избе сухарями!
Я не скоро узнал почему.
Я лежал и распухшие дёсны
Тёр костяшками пальцев, как мог.
Видно, впрямь был мой вид очень грозным,
Коль беда обходила порог.
Облака шли в сиреновой сини
От Бояновых дней на восток.
На портянке я плыл вместе с ними,
И беда обходила порог.
Пахли ветхие шторы землянкой.
Нависал чернотой потолок.
А я плыл на отцовой портянке
От Бояновых дней на восток.
Над усталой землёй и морями.
И бежала, бежала беда.
Как же пахло в избе сухарями!
Так пронзительно, так навсегда.

Дом стоял возле самой «железки».
И когда проносился состав,
Была мелкая дрожь занавески,
А в буфете знобило стакан.
Был я крепок, с характером прочным,
Без переднего зуба в строю.
И свистел дыркой рот мой молочный
На вокзальную участь свою.
Как-то раз гражданин с бледной шеей,
Прилетевший из северных мест,
Рассказал, что я явно имею
На глазу поэтический блеск.
Он сулил мне ни много, ни мало,
Теребя обветшалый карман,
Что я стану в районе вокзала
Кем-то, точно, навроде, Дюма.
Я поверил тому гражданину.
Бросил пики точить об асфальт.
С той неожиданной поры только книгу
Почитал за особенный фарт.
Годы шли. Опадали сирени.
Подворотня считала грехи.
Но упрямо ходил юный гений
Стороной от компаний лихих.
Я шатался по нитке суровой.
То судил, то рядил, то пенял.
Не иначе, как графа Толстого,
Почитала округа меня.

Кем я стал, что пахал и где сеял?
Но скажу: от неласковых мест
Спас меня гражданин с бледной шеей,
На глазу обнаруживший блеск.

* * *

Ржавчина битых коленок.
Клинопись острых локтей.
Мой ППШ из полена
Сделан без лишних затей.
Было ли это? Наверно.
Помню, в соседском дворе
Сделал отец из полена
Сыну кулацкий обрез.
Били друг друга мы с жаром.
Знать бы, что в тридцать втором
Был его дед комиссаром,
Мой, если б знать, кулаком.
Бились отчаянно, стойко.
Батя его, наконец,
Стал бригадиром на стройке.
Сгинул в петле мой отец.
Бились по-чёрному, лихо.
Мать его силилась стать
Передовой поварихой.
Стала вдовой моя мать.
Годы неслись, будто пена.
Слезы кипели от драк.
Я с ППШ из полена.
С тем же обрезом мой враг.
Жизнь развела незаметно,
Каждому дав по углу:
Я стал дорогой и ветром,
Враг мой подсел на иглу.
Слышал, что резал он вены.
После и вовсе исчез.
Мой ППШ из полена,
Где ты? И где тот обрез?
Быль улетучилась паром.
Знать бы, что в тридцать втором
Был его дед комиссаром,
Мой, если б знать, кулаком.

СНЫ ВЕТЕРАНА

Я снов давным-давно уже боюсь.
В них шепчутся медсёстрами березы.
Кричит губами мамиными Русь –
Распухшими, как будто от мороза.
И я в них навзничь падаю в росу
И вижу, как, взрывая тьму зарницей,
По небу павших воинов несут
Куда-то перелётные жар-птицы.
Там матерятся ротные в чаду,

Там цедит смерть ребячью кровь из блюда,
Там я за командирами иду,
Иду, иду, иду..., чтоб не проснуться.
Кричу – и криком полнятся поля.
Там с дедом мы плечом к плечу в атаке.
И вижу, как берет меня земля,
Ещё не разучившегося плакать.
Там сын стоит у Вечного огня.
И держит, держит знамя осторожно.
Фигурой так похожий на меня,
Глазами так на прадеда похожий!
Мы смотрим друг на друга сквозь года.
Мы смотрим и не можем насмотреться.
С холодным шлейфом падает звезда
Ему на грудь, нет... всё-таки на сердце.
Я снов давным-давно уже боюсь:
В них шепчутся берёзами медсёстры,
Глазами мамы выплакалась Русь,
Глазами сына смотрит Русь на мертвых.
Там ангел встал у Вечного огня.
И флаг над ним приспущен и прострелен.
Жар-птица ввысь несёт, несёт меня –
Над ангелом в простреленной шинели.

* * *

А давай в городки? Я – пас!
Не играю в такое к ночи.
Что ты, Бог, так глядишь на нас?
Ну, гляди, если очень хочешь.
Городки: Хмеймим и Дамаск.
Ну, давай же, давай, не морщись.
Что ты, Бог, так глядишь на нас?
А вот с нами сыграть не хочешь?
Дикий Гусь, ты плохой игрок,
Ни фигур не вижу, ни линий.
С кем ты там говоришь, сынок?
Бог – на химиотерапии.
Мы уйдём из этой игры
Кто домой, кто опять в солдаты,
А кто на халат медсестры
Кисловатым пятном граната.
Что так сильно стучит в мозги?
Всё в порядке с мозгами, просто
Разбиваются городки
Не по чину и не по росту.
Целься лучше. Тик-таки-тик...
Пёс войны, я тебе не пара.
Боже, твой деревянный лик
Разлетается от удара.

* * *

Ни березки, ни рябины.
Под крылом – да не тайга,

А чужие палестины.
И барханы, как снега.
Здесь чужие гуглят вести.
Здесь двугорбый пароход.
Если воздух вдруг исчезнет,
То наш лайнер упадёт.
А в России у рябины
Ломит корни от воды.
Не нужны ей палестины
И висячие сады.
Даже бейт не интересен.
Под глазами едкий пот.
Если воздух вдруг исчезнет,
То наш лайнер упадёт.
Мирно спит полковник Мишка –
В боевых иконах грудь.
Всё. Приехали, братишка.
Балалайку не забудь.
Я к гитаре. Мнится Пресня –
Каблучок ломает лёд.
Если воздух вдруг исчезнет,
То наш лайнер упадёт.
Упадёт. Погибнут звёзды,
И не будет палестин.
Всё чужое. Только воздух –
Он по-прежнему един.
Подтяни струну. У песни
Нет врагов. Тоска не в счёт.
Только воздух не исчезнет –
В небе русский самолет.
Ни березки, ни рябины,
Под крылом ^г да не тайга.
А чужие палестины
И барханы, как снега.
Мирно спят Воронеж, Липецк,
Кострома и Уренгой.
В небесах пилот Филиппов
Провожает нас домой.

* * *

Усмехается во тьме город.
Чуть колеблются огней сети.
И прикладывает свой холод
К голове твоей чужой ветер.
Ты выходишь в никуда. Полночь.
Пусть застава тишиной встретит.
Там на Родине тебе в помощь
Путь опавшего листа светит.
Путь опавшего листа,
Путь снежинки весёлой,
Тихий свет от креста
Чудотворца Николы.
Спит, свернувшись в рожок

Твоего автомата
Пёс по кличке Дружок –
Баловень медотряда.
Месяц, глянь – улыбка факира.
Как в той песне – тусклые звёзды.
Между Богом и людским миром
Передернутый в стволе воздух.
Ночь темна, как в песне той, помнишь?
И всё так же – в проводах ветер.
Над кроваткой детскою в помощь
Глаз любимых глубина светит.

* * *

Из Сирийской тетради

Подполковник Шура Кан
Прозвище – Могила.
У него два пузырька
Кардиомагнила.
У него СУ-25
И работы разной...
Если бросит он летать,
То помрёт от язвы.
Знают мать, жена и сын,
Тетка Эвелина,
Что сирийский апельсин
Самый витаминный.
А зачем в глазах туман?
Знает только отчим.
Потому – курнос наш Кан
Шура... ну, короче...
Потому два пузырька
Кардиомагнила.
У блатного пасынка
Прозвище Могила.
Приземлился штурмовик.
Командир, полегче!
Эй, чего же ты поник,
Александр Сергеич!
Чуть дрожит в руке стакан.
Где-то над Онегой
Из окна профессор Кан
Длинно смотрит в небо.

* * *

Малолеток везут через Микунь.
Пузырится Усть-Вымский рассвет.
Большеротая дурочка Вика
Машет поезду – ей десять лет.
За решёткой кривятся подростки.
За такими теперь глаз да глаз.
Конвоиры не любят московских,
А уж рыбинских валят на раз.
Проезжают вагоны со скрипом,

Длинно тянется рельсовый стон.
 Не боится их девочка Вика,
 Не боится их даже ОМОН.
 И никто их теперь не боится.
 Поезд врезался в север, как штырь.
 Гиви, смело кусай свою пиццу,
 Рабинович, не прячьте пузырь.
 Выдь на Виледь, на Сухону можешь...
 Что поведать хотят берега?
 Ветер угольный горек до дрожи.
 По этапу уходит тайга.
 Помнит Родина, знает про Микунь.
 И про Вычегду, про Воркуту...
 В даль глядит слабоумная Вика
 И звенит карамелькой во рту.

* * *

Три небесных моих покровителя и
 Три судьи, три луча, три кометы.
 Белый храм озарен кривизною земли
 И звездой аварийного света.
 Задыхаясь во тьме непрветренной я,
 Сам с собою играя без правил,
 Всё зачем-то шепчу: не оставьте меня
 Александр, Иоанн и Павел.
 И продрогший апрель и небес кривизна
 И ночные кресты над погостом.
 Если из деревенского смотришь окна,
 Всё понятно, всё ясно, всё просто.
 Старый тополь скрипит, чуть к луне накренься,
 Перечеркнут луной и исправлен.
 Я всё время шепчу: не оставьте меня
 Александр, Иоанн и Павел.
 Нет гармонии в снах у березовых крон,
 Но и смерти там нет – только ветер.
 Запрягает луна стаю черных ворон
 И уносится прочь на рассвете.
 Испугается наледь дневного огня
 И весеннюю землю оставит.
 Только вы никогда не оставьте меня
 Александр, Иоанн и Павел.

* * *

Из-под снега оттаял трубач.
 На асфальте – разгаданный ребус.
 Город Рыбинск – взъерошенный грач.
 Я не сяду в последний троллейбус,
 А пройду, как неласковый зверь.
 Город Рыбинск – зазубренный берег.
 Ты слезам моим глупым не верил,
 Но сегодня им все же поверь.
 Бродит ветер по волжской губе.
 Воеет в дырах знакомой коряги.

И играет трубач на трубе,
 Подмигнув хромоногой дворняге.
 Сколько лет ты, старик, здесь стоишь,
 За полвека сумевший не спиться?
 Он ответит: «Ты вырос, малыш.
 Вырос, глянь, аж висок серебрится!»
 Что ты видел, прожив столько лет
 Тысяч несколько рыбинских свадеб,
 Мелочь в кофре, синюшный рассвет?..
 Как же звали её? Точно – Надя.
 Что ты видел под этой листвою
 Тени зыбкие, школьный мой ранец?
 А ещё с перебитой спиной,
 Полз к тебе, помню, Мишка-афганец.
 Сколько лет ты, старик, здесь трубишь?
 Он ответит: «Ты вырос мужчиной!
 Настоящие слёзы, малыш,
 Это те, что текут без причины!»
 Мы к тебе шли весёлой гурьбой.
 Тормозил незнакомый прохожий.
 Ты воспел этот город трубой.
 Ты один его чувствуешь кожей.
 Город Рыбинск – взъерошенный грач.
 Звали Мишкину девушку – Надя.
 И играет у ЗАГСа трубач,
 В мою сторону больше не глядя.

* * *

Взошла звезда. Чернилам лист открылся.
 Лишь белый лист и больше ничего.
 Пока поэт на землю не спустился,
 Оставь в покое, женщина, его.
 Подброшенный неведомою силой.
 Пока поэт завис над суетой,
 Войны не будет между ним и миром.
 Он будет лёгок, женщина, с тобой.
 Как высь, недосыгаем для эмоций.
 Вдали от зашифрованных пустот.
 Не беспокой, пока канатоходцем
 Душа его по трещине идёт.
 Порой пути не разобрать во мраке.
 Из трещины сквозит не устоять.
 Неужто ангел посылает знаки
 Крылом из-за пределов бытия.
 Жалеть не надо, что бы ни случилось.
 Поэта не пугает даже дно.
 Он принимает только Божью милость.
 И не берёт от милости земной.
 Даль думу перешла. Вскипела птица.
 И шум небес над самой головой.
 И все-таки, когда он возвратится,
 Узнаешь ли ты, женщина, его.

Поэзия

Василий Попов

Попов Василий Николаевич родился в 1983 году в городе Ангарске Иркутской области. Закончил юридический факультет Иркутского университета и Московский литературный институт им. Горького. Автор нескольких поэтических сборников и многих публикаций в центральных и региональных изданиях России. Автор перевода вьетнамского эпоса на русский язык. Лауреат всероссийских и международных литературных премий «Соколики русской земли», им. Лермонтова, им. Ивана Бунина, всероссийской литературной премии им. Святого благоверного князя Александра Невского. Секретарь Союза писателей России. Живёт в Москве

* * *

В пыли цветущих яблонь
Я уловил свинец...
Когда пришёл ноябрь
Я понял, наконец
Откуда этот выстрел –
Напомнил старый «Зил».
Дырявые канистры,
Сосед бензин разлил,
И на снегу остался
Сиреневый браслет,
А я всё любовался,
Как разыгрался свет.
Кружил закат и вьюжил,
Горел луны овал...
Зачем я в этой луже
Ван Гога узнавал?

* * *

И снова дождь, и сумерки, и слякоть,
И серый день, как пепел костровища.
На ржавой проволоке, словно якорь,
К ноге цепляет кружку грязный нищий.
Лишь турникет зелёный лист подарит,
Напоминая летнюю погоду.
Да музыкант сыграет на гитаре
Пока идёшь в толпе по переходу.
А на душе такая злая осень
Из слёз твоих готовит небу смальту.
И вот река свинцовая уносит
Тебя, как лист осенний, по асфальту.
И никому не вырваться из плена,
Качают дни холодные вагоны.
И смотрит схема метрополитена
Тебе в глаза, как голова Горгоны.

* * *

В свете жёлтых фонарей
Ночь казалась тусклой.
Минск, хоть ты меня согрей
Песней белорусской.
Я на поезд опоздал,
Дальше только утром.
Принимай меня вокзал
В свой рыбацкий хутор.
Принесли мне кумовья
На подносе водки.
Через триста граммов я
Очутился в лодке.
Закружило, занесло,
Залетел в воронку.
Деревянное весло,
Помню, клал в сторонку...
Помню, рыбу брал за хвост...
Лез на колокольню...
Сколько было в небе звёзд...
Ничего не помню...
А проснулся, как смолой
Всё заплыло тело.
Рядом женщина с метлой
«Купалинку» пела.

* * *

Молчаливые поля,
Горы спят, как дети.
Всё ты видела Земля
И всему свидетель.
Сколько времени прошло,
Сколько пережито.
У Архангела крыло
В битвах перебито.

Вот и я теперь иду
По дороге к храму.
Свет небес на грудь кладу –
Заживляю рану.
Ведь останется всегда
Только правда эта –
Вифлеемская Звезда
Да полоска света.

* * *

Эти древние стены кремля,
Эти камни, что видели бой
И омытые кровью поля
Я забрал в своём сердце с собой.
И теперь, когда мне тяжело,
Вспоминаю ту стену, где я
Ощутил золотое тепло
Убиенного богатыря.
А ещё я запомнил одно:
Что в лучах раскалённого дня
В смотровое увидел окно,
Как река защищает меня.
И не страшно уже умереть,
И почувствовать холод в груди –
Потому, что земля будет греть,
Потому, что Господь впереди.

* * *

Россия. Родина. Рябина.
Опять кровавый след зари.
И снова в бой родного сына
Мать провожает у двери.
Горят огни, летят снаряды
Через поля, через века.
И снова русские солдаты
Идут, как в небе облака.
О горе, горе — кровь да слёзы,
Планеты выстроились в ряд.
Как спички, вспыхивают звёзды,
Как сны, галактики горят.
Но слышу голос я: «Сыночек,
Это последняя война.
Я жду тебя все дни и ночи
С крестом у нашего окна».

* * *

Помню спелый, сладкий запах,
Сад и чайник на плите.
Холод яблок под рубахой
На горячем животе.

Тёплый свет – лучи косые
На веранду с неба льют,
Словно лебеди лесные
Чашки белые плывут.

Пскову...

За столом смеётся мама,
Наливает кипяток.
Папа бросил из кармана
В чайник розовый цветок.

Подрумяненное лето,
Дом наш старый у реки.
Сушки, в вазочке конфеты,
Под платочком пироги.

* * *

О, я люблю тебя, земля,
О, небо, я тебя люблю.
Я слышу песню журавля
И с неба пёрышко ловлю.
Я на берёзовом листе
Стихи о счастье напишу.
Пускай река и коростель
Их прочитают камышу.
Какой сегодня тёплый день,
Не отпущу его из рук.
Погреться вылезли на пень
Четыре ящерицы и жук...
Как вдруг захлопала листва
И полетели капли вниз,
А мне всё кажется слова
Роняет с веток наша жизнь.
Но я-то знаю приходил
К кому сегодня летний дождь.
О, этот шепот о любви,
О, эта ласковая ложь.
А как я это разгадал,
Нетрудно, в общем-то, понять.
Забыла верба у пруда
На путине бусы снять.

Поэзия

Александр Нестругин

Александр Гаврилович Нестругин родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Окончил юридический факультет Воронежского государственного университета. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-журнал 21 век», «Подъём», «Дон», «Берега» и других. Автор девяти книг поэзии и прозы. Лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина, международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце», всероссийского литературного конкурса им. С. Есенина. Живёт в райцентре Петропавловка Воронежской области

* * *

Эпоха лепит поколение,
Не доверяя пластилину.
И не по щучьему велению –
Сутулясь, тачкой возит глину.
Из глиниц старых, из оврагов,
С полей, что смутами размыты.
Из котлованов всех гулагов,
Всех Днепрогэсов и Магниток.
Из всех траншей, из всех окопов,
Что вжались в твердь – до мезозоя.
Та глина пахнет смертным потом
И непросохшею слезою.
Не мокрым парком и не садом,
Где цвета вешнего завеса.
И увлажнять её не надо.
Она готова для замеса.
Лепи, пока она не скисла –
Ведь рай не возведён, не обжит.
И жги в печи стихи и письма,
Чтоб жизнь вдохнул
В ту глину
Обжиг.

* * *

Век отцовский... Вехой – холмик
Со звездой... И – грай вороний.
А обочь – страна ли, холдинг –
С девяностых – похоронный.
Четверть века серп хоронят
И, с того же флага снятый,
В гроб не могут втиснуть молот –
Очень уж велик, проклятый!

Речка вся ушла в ольховник.
Клёном все двory забило.
Вороньё кружит, где холмик
Со звездой... Не забыло!

* * *

Отечество одно, а вот историй...
И в два десятка их уложишь вряд ли.
И все почти – про тяготы Эстоний
И прочих угнетённых нами Латвий.
Истории те сложены – врагами?
Да что вы! Вот же, на обложке, гляньте:
Карамзины их новые слагали;
Всё наши люди – и на наши гранты!
По паспорту, так вовсе не варяги,
Но ходит гордо тёмной строчкой скользкой –
По финской, по мелованной бумаге –
Французский гонор, шведский... Даже польский!
Ведь нынче каждый стоящий историк,
Желудка зову, как присяге, верный,
Историю прикидывает в столбик –
И переводит с русского на евро.
И рукоплещут всех Европ столицы,
И наш радетель красной девой мнётся.
...А гонор тот до краешка страницы
По мелу доскользит – и навернётся!

ПОСЛЕДНИЕ СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ

Мы в этот строй никем не призваны, –
Высоты брать, идти к вершинам.
И писарями мы не признаны,
И – головная боль старшинам.

Не проигравшие сражение,
А просто сданные вождями,
Полжизни шли из окружения,
А нас, похоже, тут не ждали.

Стать карандашной строчкой стёртую
Не страшно: нас судьба вдавила
В печаль страны рукою твёрдою,
Когда линияли все чернила.
И чьи-то перья в поздней трезвости
И в памяти скупой, но ясной,
О нас, давно пропавших без вести,
Напишут с новой строчки. С красной...

* * *

Как снег, как дрожью облитая ветка, –
Я на людях стихи читаю редко.
Когда один на сцене остаюсь,
Хочу я тронуть лиру – и боюсь.
Откликнутся?
Лишь только им скажи я,
О том, что люди людям не чужие,
Откликнутся! Но это же потом;
А что мне делать с пересохшим ртом?
И пальцы, лиру сжавшие, не юны,
И поистёрлись золотые струны,
Что я в Эдеме брал когда-то с рук;
И вместе с ними поистёрся звук.
Я трону лиру – миру легче станет?
...Но девочка глаза большие тянет
Ко мне (я разглядел её беду –
Вихрастую, вон там, в другом ряду)...
И всё-таки, читать стихи со сцены, –
Как Афродите вызволять из пены,
Из пены сигаретной и пивной, –
Богинею, не девкою срамной.
Как снегопад, как лист, задетый дрожью,
Я раздуваю в душах искру Божью...
И потому не за себя боюсь,
Когда один на сцене остаюсь.

ДЕРЕВЕНСКОЕ ВРЕМЯ

Жизнь собираю – скупю, по словечку,
Но сложу – и во-первых строках
Время снова в зиму сеет гречку
Вымерзшую – на моих руках.

Только головою покачаю:
Этим не прокормим мы страну.
...И что пашет целыми ночами, –
Вижу, только в зеркало взгляну.

Нет ему важнее дела, что ли?
И куда там смотрит агроном?
...Но ведь не бросает это поле.
Верит, что-то вырастет на нём...

ВЬЮШКА

В. Н.

В той избушке, где грозился выпасть угол, –
Дуло в щели, но меж нами не сквозило.
Дров – в натруску, на растопку лишь, а уголь
Нам под Новый год, последним, привозили.
Но какие вечера зимой бывали!
Те потёмки золотые не забылись:
В печке долго над сгоревшими дровами –
На одном дыханьи с нашим – жилка билась...
И потом, – не час, не два – тепло таилось
Угольком скупым в золе (такая малость!).
И пока его дыхание струилось, –
Неприкрытая, всё вьюшка отзывалась.
А теперь у нас – квартира, не избушка,
Только память – память греет по старинке.
И, сквозь вьюги, всё постукивает вьюшка,
Возле сердца отыскавшая жаринки.

* * *

Эх, обрыв – оборванная фраза:
Речь корнями рваными повисла.
И дрожат слепые ветки вяза
В сумерках спасительного смысла.
То, что было небом и разливом, –
Тёмным краем, бездною пытается!
И томит предчувствием счастливым:
Кто-то сверху руку им протянет...

* * *

Дам «петуха», сорвусь, собьюсь –
А вам, хористы, что за горе?
Пою – и плачу, и смеюсь! –
Не примеряясь и не вторя.
Ведь к людям чувства рвутся – вброд,
Навзрыд, глубин не вымеряя.
Во тьме их за руку берёт
Ну, разве что лоза сырая...
Пить дрожь, висеть на волоске,
Сжигать мосты, всходить на плаху
Со мной – равнине и реке,
Не дирижёрской длани взмаху.
А вы смотрите свысока –
Всё мимо глаз моих, ревниво.

Зато в глазах моих – река,
Зато в моих глазах – равнина!
И голос мой, взлетев на холм,
Дрожит и меркнет – не жеманясь.
К лозе сырой, к траве сухой,
К губам горячим прижимаясь...

РОМАНС

Был сладок дым – и пикников, и бань...
Ты колдовал, изгиб гитары глядя.
И брал озноб земных богинь, как дань, –
Не дрогнув даже, походя, не глядя.

Большими пил глотками – не хмелел,
И не трезвел, хоть наливал по полной.
...Всё с первой парты фаргучек белел,
Как белый парус из программы школьной.

А жизнь пустела, как банкетный зал.
И сердце страх уже потрогал шильцем.
А за душой – совсем не то, что взял, –
Лишь то, что даже тронуть не решился.

СТОЛБ

Собрался к речке выйти – «Стоп! –
Мне шепчет кто-то на пороге...
И ставит атмосферный столб –
Ну, точно посреди дороги!
И, хоть никто не гнал взашей,
Я всё же шёл, себя ругая, –
От гаражей до камышей
Тот столб плечом передвигая.
Как будто кто-то следом шёл,
Суровый страж моей неволи.
...Фазан живёт за камышом,
И мне хотелось знать – живой ли?
И он опять меня встречал
В тернах, и вовсе не для форса –
«Керк! Керк!» – он на меня кричал, –
Чтоб в гущину его не пёрся!
Ведь мы ж тут – стражи рубежей,
Каким бы век наш ни случился.
...И столб за мной до гаражей
Через репейник волочился...

* * *

В коридорах с облешеной краской,
У больничных дверей – или врат? –
То ли «алики» в полной завязке,
То ли ангелы наши парят.
В этой жизни почти что незримы,
Сколько в сумрак земной не гляди,
Вдруг заденут, сквозящие мимо –
Тёплый воздух качнётся в груди!
И пойдёт в тёмных венах качаться,
Бес его коридорный возьми!
Застилая зрачок и сетчатку...
– Чем, мамаш? Позабыл я...
– Слезьми...
И застынет горячкою в жилах,
Будто выдав талон на «потом».
Чтобы всё там сошлось и сложилось...
– Как, сосед? Позабыл я...
– Путём!
В коридорах больничного дома
Что ни шаг, то знаменье и знак.
И записку, что нету приёма
У нарколога, треплет сквозняк...

* * *

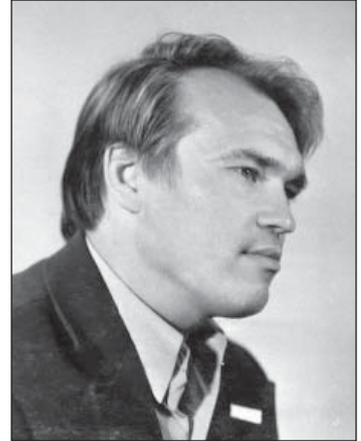
Идут твои снега – отсюда ли, сюда ли?
Но вот сюда тебя по кругу привели.
Где прошлое сквозит январскими садами –
От всякого жилья, от всех дорог вдали.
Январские сады и разглядишь не сразу.
Синеют, будто след, что полузанесён.
А в мёрзлых почках мир – большой, зеленоглазый,
Сокрытый до поры – о жизни смотрит сон.
Шумерское письмо хранит сорочья наследь.
Но разгадать его – ни времени, ни сил.
И рвётся дней кино, и ленту клеит – насмерть –
Вишнёвый клей, что ты невесть когда скусил.
И на губах ещё горчит кора сырая,
Как будто говоря: «Не трожь меня, не трожь!»
Но разве жизнь поймёшь... И, горечь с губ стирая,
Невольно все слова привычные сотрёшь.
Но можно ведь сказать – сорочьими следами...
Пусть не поймет словарь, зависнет весь Инет.
И станет всё, чем жил, январскими садами,
Чтоб там, где нет дорог, как чей-то след синеть.

Берега памяти

Георгий Кольцов

Кольцов Георгий Николаевич родился 9 апреля 1945 года в селе Буреть Боханского района, Иркутской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Участник знаменитого Читинского совещания молодых писателей. Участник 6-го Всесоюзного совещания молодых писателей. Один из авторов коллективного сборника «Зёрна», изданного по итогам Читинского совещания (М., 1966), автор сборника стихов «Корни кедра» (Иркутск, 1975). Печатался в журналах: «Звезда», «Сибирь», «Сибирские огни», «Пограничник», «Студенческий меридиан», в альманахе «Истоки» («Молодая гвардия»). Умер и похоронен в городе Кашира Московской области в 1985 году

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Его зарыли в шар земной...

Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.
Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы – пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.
Его в Орле
или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы есть,
Переобуться
И, похоронке вопреки, –
В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ

Самолёт у трапа замер.
Взгляд скользнул по землякам –
Воспалёнными глазами
Я тебя среди них искал.

Подойду сейчас поближе
И, как в прошлую весну,
Ту слезу, что ветер выжал,
С твоего лица смахну.
Не один, а с младшим братом
В зал, где ты ждала, войду.
Там в полёт зовёт с плаката
Серебром обшивки «ТУ».
Близость встречи или ветер
Подгоняют торопя...
Неужель на этом свете
Больше нет уже тебя?!
Вышло так, что мы с годами
Разлетелись кто куда.
А вернуться опоздали
Не на день,
А навсегда.
Как бы падать ни спешило
Под колёса полотно,
Довезти к тебе машина
Не успела всё равно...
В темноте белеет ставень.
Брату что ль в конце пути
Это право предоставить –
В двери первому войти?
Но, ссутулившись угрюмо, –
Отрепённо одинок –
Он о том же самом думал,
На родной взойдя порог.
В нетерпенье – не в испуге –
Он потребовал: «Входи»,
Чтоб скорей увидеть руки
На твоей сухой груди.
Так частенько ты держала
В них, задумавшись, иглу.

А теперь в цветах лежала
Под иконкою в углу.
Настрадавшееся тело
Прикрывала простыня.
А в ногах твоих сидела
Наша близкая родня.
Причитала тётя Клава,
Как старухи в старину:
«Кто тебе, сестра,
Дал право
Оставлять меня одну?
Ни тепла в избе,
Ни дыма...
Порвалась надежды нить...
Как теперь я буду мимо
Этих окон проходить?!»
Плач, ознобом пробивая,
Разгулялся по избе...
– Почему она,
Живая,
Так печётся о себе?
Но когда не голосила.
Обессилевши, она,
То совсем невыносимой
Становилась тишина.
Тишины такой пугался,
Молча сам себя ругал.
Горло сдавливал не галстук –
Подступивших слёз
Аркан.
Зябко вздрагивали плечи,
Хоть я к плачу не привык...
Может, вправду,
Мёртвым легче,
Чем оставшимся в живых?
Телеграммы срочной выстрел
Их не ранит, не убьёт...
Мать, прости мне эти мысли.
Здесь мы с Саней. Видишь?
Вот!
Поделюсь я новостями,
Что привёз издалека.
Ну, а Саня вновь растянет
Для тебя огонь – меха!
Ты спляши цыганский танец,
Приглуши разлуки боль.
А захочешь, я останусь –
Буду рядышком с тобой.
Ведь тебя мне не заменят
Ни работа, ни жена...
Бьется раненым тайменем
В сетях ночи
Тишина.

РОДОСЛОВНАЯ

Сколько смешано судеб
И различных кровей!
Добираюсь до сути
Родословной своей.
Дед родился в Николу.
И один на один,
Был пока ещё молод,
На медведя ходил.
Шкуры в старом сарае
Много лет берегли.
От него,
Николая,
Николаи пошли.
Но отец мой в атаке
Был сильнее во сто крат.
На немецкие танки
Шёл со связкой гранат.
А без вести пропавших
Сколько в нашем роду?..
По следам землепашцев
И служилых
Иду.
Не сгибались под ветром,
Не боялись огня.
В честь их
Именем светлым
И назвали меня.
Ну, а если я струшу
В горьком беге минут,
Мёртвых прадедов души
Пусть меня
Проклянут.

ДЕРЕВНЯ

То гнев свой меняла на милость,
То вновь становилась строга.
Я вырос в деревне.
Я вырос
В краю, где до неба стога.
Где звёзды мерцали в затоне,
Где рук не хватало в страду,
Где исстари,
Как на ладони,
Всегда человек на виду.
Настырный –
Наивный по сути! –
Да и на подъём не тяжёл,
Чтоб в городе – выбиться в люди-,
Я рано отсюда ушёл.

Дорогой, проверен на зрелость,
Я дело искал по плечу...
Мне многое в жизни хотелось,
Но честно признаться хочу,
Что, как бы мир ни был огромен,
Как наш ни оправдан побег,
В стенах деревенского дома
Душа остаётся навек!

РОДНОЙ ДОМ

Валентину Распутину

Снова в тесном дому соберёмся,
Три окошка – к реке под бугор...
А причина, возможно,
Лишь в том вся,
Что здесь мамка живёт до сих пор.
Мы смолистых дровишек наколем,
Засучив до локтей рукава.
На зелёном картофельном поле
Отцвела и пожухла ботва.
С чем сравнить материнскую старость?
С тяжкой участью тихих берёз,
На которых листья не осталось, –
Всю по свету ветрище разнёс!..
Старший соль добывает в Усолье.
Младший брат обживает Москву.
Да и я в городок невысокий
Мать давно безнадежно зову.
Рвётся нитка в том месте, где тонко.
Ну, а если она не тонка?!
Наша мать, коренная чалдонка,
Дом бросать свой не хочет пока.
Сердцем чует:
Пока он не продан,
Каждый связан надёжным узлом
И с землею,
Откуда мы родом,
И с закатом за синим селом...
В доме, где не нажили богатства,
Где пока ещё мама жива,
Заставляет нас всех собираться
Неизбывная сила родства.

* * *

Звёзды в клочьях тумана
Догорают дотла.
Остроугою трёхгранной
Выплывает скала.
Чьё-то робкое эхо
Растворилось в лесу.

Лодки –
Днищами кверху –
На зелёном мысу.
Облака, как таймени,
Розовеют вдали,
Но скала
Ловит тенью
Отраженье зари.
По воде,
Как от рыбы,
Разбежались круги.
Рыбаки!
Помогли бы
Снять зарю
С остроги.

* * *

С отвоёванного детства,
Пережитого сполна,
Мне досталась в наследство
Только Родина одна,
С речкой,
С лугом,
С голосами
Птиц, поющих надо мной,
С городами и лесами,
Опалёнными войной.
Жизнь свою по воле сердца
Прожигая на бегу,
Неделимое наследство
От пожарниц берегу.
И одна забота только:
Всё наследие моё
Передать своим потомкам,
Уходя в небытие,
С речкой,
С лугом,
С голосами
Птиц, поющих в вышине.
С городами и лесами,
С добрым словом обо мне.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Колокольчики,
Колокольчики –
Ни конца вам, ни края нет.
То ли морюшко,
То ли полюшко
Этот пляшущий синий цвет...
Озорная пора,

Озёрная!
Я и вспомнить теперь не смогу,
Сколько их,
Колокольчиков, сорвано
На ребячьем моём веку.
Я их ставил в стакан.
Подравнивал.
На пол стряхивал муравья.
Каждый –
Словно птенец подраненный,
Крылья медленно расправлял.
Снова в детство
Вернуться хочется
И по синему полю брести...
Колокольчики,
Колокольчики,
Обеззвученные в горсти.

БАЛЛАДА О ТРЁХ КИТАХ

*Светлой памяти
моей бабушки Маликовой А.О.*

Опять рассвет прикрыл поля
Пеною тумана...
«На трёх китах стоит Земля», –
Твердила бабка Анна.
Пока она не померла,
Я ей перечил:
«Упасть бы в пропасть
с них могла Земля,
Как с парты круглый глобус».
Сыра, горька полынь-трава,
Взошедшая над прахом.
Здесь вспомнил я её слова
И в первый раз заплакал.
Я – плакал.
Вздрагивала бровь.
Вдруг ко всему живому
В душе затеплилась любовь

Глубокая,
Как омут.
Пробились хрупкие ростки!
А их оберегая,
В пути сбивая каблучки,
Пришла любовь другая.
Но приходилось за неё
Мне вместе с ней бороться,
Чтоб беззаботное житьё
Не занесло в болотце.
Был найден выход непростой:
Был паводок весенний,
В четыре стороны простор
И долгий путь на север.
Когда лицо моё вдали
От ветра багровело,
То не рубли
На край земли
Меня вели, а вера.
Ведь иногда она живёт
В порыве бесшабашном...
С ней гордо шли на эшафот!
С ней гибли в рукопашной!
Ты насмерть встань,
Но сохрани
Мир от чумы, пехота!..
Лишь жены-матери в те дни
Надеялись на что-то.
Послевоенная нужда
Злым коршуном витала –
В беде надежда никогда
Страну не покидала.
В лучах рассветных
И цветах,
Сползающих на берег,
Земля стоит на трёх китах –
Любви,
Надежде,
Вере!

Берега Памяти

Сергей Кириллов

Сергей Яковлевич Кириллов был призван в армию в мае 1968-го года. Служил на Украине в ракетных войсках стратегического назначения. Литературное увлечение всю жизнь. Сначала в качестве военкора и внештатного корреспондента различных газет, в последние 25 лет это уже полноценное литературное творчество. Пишет стихи, публицистику и особенно прозу во всех её жанрах, включая крупномасштабные. Публикации в разнообразных литературных журналах и альманахах разных регионов России. Участник многих литературных конкурсов в различных регионах России и за рубежом. Неоднократный их призёр и победитель. С 2015-го года член редакционного совета журнала «Берега».

Жаркий месяц август

Это было пятьдесят лет назад. На Житомирщине, как, наверное, и на всей Украине, стоял жаркий месяц август. Был обычный, как казалось, день его середины, в котором ничто не сулило никаких потрясений. Вернее, начало дня., – «восемь пятнадцать» «по Москве». Весь личный состав дивизиона ракетных войск стратегического назначения сидел за столами обширной солдатской столовой и уплетал привычную утреннюю кашу, заедая её столь же привычным хлебом с маслом. Начинался обычный солдатский день. Всё было буднично, размеренно, неторопливо..., всё, как вчера..., как всегда. И вдруг...

«Дивизион! В 9 часов построиться на месте боевого развода с оружием и противогазами!»

Это объявление по «громкоговорящей»! Чёткое, разборчивое, недвусмысленное! Объявление-приказ!

Оп-па-на! Но сегодня же вторник! А с утра по вторникам в дивизионе на плацу никогда никто не строился! Все шли на политзанятия, которые начинались в девять утра. Дальше всё по распорядку. И никаких общих построений! А тут? Что объявили тут?! «Построиться на месте боевого развода с оружием и противогазами!» Но такие построения бывали лишь раз в неделю! При заступлении на боевое дежурство! Но сегодня ж вторник! А смена БД всегда в субботу...

Все сидящие за столами перестали жевать! Одновременно! Все замерли, каждый молча перебарывая услышанное. И все поняли: что-то случилось! Просто так такие объявления «по громкой» не прозвучат. Тем более во вторник. Значит..., но это значит...

Но паники не было. Не было даже суеты. Все дохлебали содержимое своих тарелок, дожевали хлеб с чаем и обычным строем направились к казармам. Так же несуетливо, но споро взяли оружие, противогазы и тем же привычным строевым порядком направились в указанное место. А вот там...

Стоял август. Привычный жаркий день набирал свою силу, и всё живое в могучем дубовом лесу, скрывавшему стартовые позиции ракет, радовалось жизни. Шелестела травка вдоль дороги, перешёптывались листья на дубах, порхали бабочки и лишь несколько сотен молодых ребят в гимнастёрках с автоматами «на плечо» замерли безмолвно, построившись буквой «П» в ожидании. В ожидании разъяснения необычной команды. Никто ничего не говорил, все стояли так тихо, что слышно было даже стрекотание кузнечиков в траве, а не то, чтобы пение птиц. Все стояли и ждали...

Два «Газика» появились на дороге, ведущей к строю, один за другим. Впереди была машина командира полка, за ним похожий «Газик» командира дивизиона. Они въехали в середину пространства, образованного солдатским строем, развернулись боком к его лицу и выключили двигатели. И снова ни звука! Ни шевеления! Все ждали. В наступившей тишине открылись дверцы легковушек, и из них показались оба командира. Без фуражек!!! Все стоящие окаменели окончательно! Чтобы командир полка, да и без фуражки перед строем своих подчинённых?!? Такого в дивизионе не видал

ещё никто и никогда! Все стоящие в строю, казалось, перестали дышать! Ведь вот сейчас что-то произойдёт., что-то прозвучит., прозвучит поясняющее необычность происходящего. Не может же просто так быть объявлено ТАКОЕ построение на месте развода БД да ещё и во вторник, когда отродясь никаких общих построений не было. Вот сейчас...

«Товарищи ракетчики! – раздался в тишине голос командира полка. – Только что получен приказ Главкома ракетных войск – встать в полную боевую готовность на боевых ракетах!»

И опять ни звука! Ни шевеления!! Слово бы это и не приказ об объявлении ядерной войны, а всего лишь извещение о графике посещения солдатской бани! Только стрёкот кузнечиков, ничего ещё не понявших и безмятежно радующихся ласковому солнышку. Стрёкот кузнечиков, которых не заглушил замерший солдатский строй, да щебетание многочисленных птах. Безмолвие было абсолютным. И никто не пошевелился!!!! Даже хотя бы головой!

«С этой минуты для вас начинается война! – ошеломляюще обнажённо, без всяких словесных увиливаний пояснил своё объявление комполка, лишь подтвердив этим пояснением то, что уже поняли его подчинённые. – И только от вас зависит кто в ней победит!»

Всё! Остальное уже не имело никакого значения. Остальное – это дополнительное объявление командиром дивизиона боевого графика развёртывания батарей, соблюдение всех мер предосторожности при этом и прочая «мелочёвка», которую назубок уже знали все солдаты и сержанты стартовых расчетов.

«В 12 часов на позицию будут поданы боевые головные части!» – закончил комдив.

А вот это уже серьёзно! Это уже знаково! Боевые головные части – это ведь не «консервные банки», коими называли в разговорах про меж собой учебные боеголовки все участники постоянных тренировок, в том числе и сами «головастики», доставляющие эти самые «консервные банки» на стартовую позицию и к которым привыкли за свою службу «стартовики». «Банки», выпотрошенные от основного содержимого. Боевые головные части – это не то! Это нечто таинственное, невидимое никогда и никем, захороненное в подземные спецхранилища и не извлекаемое оттуда до этого никогда и ни при каких обстоятельствах. Боевые «головки» – это «сто Хиросим» каждая, как их называли в разговорах командиры, имея в виду мощностность каждой из боеголовок. Боевые головки – это как джин в бутылке из известной сказки, выпускать которого наружу смертельно опасно! И вот теперь их доставят на позицию. «Сто Хиросим!» Каждая «сто Хиросим!» А трагедия Хиросимы и по сей день отзывается в жизни Японии! Даже двадцать с лишним лет спустя! И всего лишь одной. А тут их «четыре по сто»!..

...Прошло 50 лет. Почти пятьдесят, если уж быть точным: через два месяца «круглая дата». Но даже спустя столь солидный отрезок времени, картина произошедшего тогда стоит перед глазами так, слово это было час назад! Или вчера. В сознании навечно отпечатались каждая её деталь, каждое слово или звук, сопровождавшие эту картину. И потрясение от происходящего!!! И в первую очередь потрясение от реакции солдат. Обыкновенных молодых ребят, только начинающих жизнь и имеющих за плечами 18-20 прожитых лет. Лишь очень малая часть из них, разменявшая третий год службы, имела 20-22 года. И они НЕ ШЕЛОХНУЛИСЬ от полученного приказа, сущность которого понял каждый и сразу!!! Не издали ни звука!!! А сущность приказа выражалась в словах командиров, произносимых иногда на разного рода занятиях: «Ваша задача – «стрельнуть». А потом у вас 30 минут на переодевание «в чистое»! Смысл сказанного расшифровывался так: даже если нас и «не держат на мушке», то после пуска ракеты её стартовая позиция будет однозначно раскрыта, и в течение получаса по ней будет нанесён ответный удар. А это означает конец всему... Все это знали, все понимали, осознавали и... и не шелохнулись!!! Все были готовы стоять насмерть, как их отцы и деды в Великую Отечественную, лишь бы не уронить солдатскую честь! Лишь бы выполнить боевой приказ! Это было потрясающим открытием!!! Потрясающим потому, что происходило у всех на глазах!

За прожитые годы я не раз задавал себе вопрос: как это могло произойти? Как могло быть достигнуто такое солдатское единение, когда сотни молодых людей выразили ОДНОЗНАЧНУЮ готовность умереть, но выполнить приказ Родины? И всегда приходил к одному и тому же выводу: мы были одной семьёй! Все!!! И солдаты, и наши командиры! Ведь мы стояли на БД. А боевое дежурство – это безотлучное нахождение всего коллектива дежурной смены в пределах жилой зоны дивизиона. И солдат, которые жили там в казармах, и их командиров, которые располагались в офицерском общежитии на всю неделю дежурства. И все всегда были вместе! В одном и том же городке.

Но это ещё не всё. Единение в несокрушимый воинский монолит создавали прежде всего старшие командиры. Вот уж о них-то надо сказать особо.

В первую очередь, это командир дивизиона – подполковник Максим Артёмович Куценко, которого мы иногда называли «Фантомас» за его суровый характер, сформированный ещё войной, которую он начал командиром орудия в 1942-м году. Он был настоящим хозяином дивизиона, не стеснявшимся залезать в самые потаённые его уголки, в том числе и на свинарник, где жила масса хрюшек, опекаемых ефрейтором Водолазским, по-настоящему влюблённым в своих подопечных и редко покидающим их жилище даже на ночлег. «Фантомаса» за его характер побаивались все, в том числе и командиры, но никто и никогда не мог припомнить хоть какого-то произвола с его стороны. Да, он был суров с провинившимися, но никто никогда не держал на него обид! Он просто был хозяином обширного дивизионного хозяйства, настоящим «батей» для всех его жителей и обитателей, хотя и суровым. И по-настоящему его «отцовская» сущность проявлялась в момент прощания с «дембелями». Их выстраивали перед штабом, начштаба выдавал все необходимые документы, и когда всё заканчивалось, к строю выходил «Фантомас». Без фуражки!!! Он подходил к каждому уходящему на «дембель» солдату и сначала крепко жал ему руку, а потом заключал в такие «отеческие» объятия, благодаря за совместно прожитые годы и сделанное дело, что даже оказавшись через несколько часов в поезде, «дембеля» ворочали плечами, вспоминая могучие руки своего командира! И ведь он же ещё и голову при прощании преклонял перед каждым! Преклонял и винился «за содеянное». И уж не важно было ли оно, нет ли – это самое «содеянное» – главное, что командир просил «не поминать лихом», и душа солдатская вычищалась от всего наносного мгновенно и навсегда! И никак иначе, кроме как «Батя» своего комдива уж больше никто не называл. И сцену такого душевного прощания видели все, кто хотел это видеть! И «салаги» в том числе! Видели и «мотали на ус»!

Командир полка – полковник Григорий Захарович Назаренко. Он начал боевой путь в 1943-м командиром огневого артиллерийского взвода, за четверть века дослужился до полковника, командира полка. Он не каждый день бывал в дивизионе, но его знали ничуть не хуже, чем «Батю». Будучи прямой противоположностью «Бати», никогда и нигде не замеченный подчинёнными в повышении на них голоса, он был в то же время образцово дисциплинирован и подтянут сам и неукоснительно требовал того же от своих подчинённых. Его бесконечно уважали за это качество все без исключения, но ещё больше уважали за удивительную душевность, скрытую до поры до времени от постороннего глаза. Мало того, что он ВСЕГДА отвечал на приветствие одиноко идущего солдата, так он ещё и знал семейные особенности тех из «старослужащих», у которых домашняя обстановка была неблагоприятной по тем или иным причинам. И знал их самих в лицо! И вот вы только представьте: увидит он на своём пути по военному городку такого «старичка», и не просто ответит на его приветствие, а подойдёт к нему, пожмёт руку и всегда спросит: «Ну, как?» Имеется в виду – как обстановка в доме солдата, которого ждут. Конечно, ответ солдатский всегда был откровенным! Да и как могло бы быть иначе? Как можно что-то сочинять или уклоняться за словесные ширмочки, если сам командир полка такой вопрос задаёт. И ведь не ради «профуры» какой-то задаёт, а потому что искренне переживает за ситуацию. Потому что от состояния подчинённых зависит качество и точность выполнения боевой задачи, которая поручена его полку. Важнейшей задачи по охране мира на Земле, если уж по большому счёту! И комполка безупречно исполнял свой долг командира и организатора боевого коллектива! Поговорят откровенно «с глазу на глаз» командир с солдатом, хлопает полковник рядового по плечу утешающее да поддерживающее – держись, дескать, немного осталось – да что тут неурядицы какие-то семейные после этого?! Да тут и горы-то готов свернуть солдат, если они на пути его появятся, да командир приказ на это отдаст!

Командир дивизии генерал-майор Бондаренко. К сожалению, не могу назвать его имя-отчество: редки были встречи – слишком обширна область ответственности генерала – много прошло времени, и повыветрилось кое-что из памяти. Но вот уважение?!.. Вот солдатское признание, – вот это в памяти останется до последнего вздоха. Только один пример, это поясняющий. Август. Самое начало. В окрестностях военного городка проходит первенство дивизии по кроссу. Жарко. Пить хочется, а воды нет. И отбежать в поисках её нет возможности – вот-вот старт забега. А рядом в сотне метров магазин военторга. А там вожделенный лимонад... Туда!!! Забегаю – очередь. Немного – человек пять-шесть – но есть. А я аж ногами перебираю от нетерпения – ведь старт же могут объявить вот-вот. Подошёл к «голове» стоящей людской цепочки, хотел уж попросить

бутылочку, глядь под ноги – а там полуботинки лакированные на одном из стоящих в очереди! Красота – глаз не оторвать! Поднимаю эти самые глаза на уровень лица – батюшки-светы: генерал Бондаренко!!! В «штатском», правда – воскресенье же – но я его узнал. И он меня! Не лично по имени, конечно, а просто понял, что я – солдат! Его подчинённый, пусть и в спортивном трико! И что у меня «напряг» со временем – ведь ясно же, что я участник соревнований. И только я, отошед от ошаления, хотел уж, было, извиниться перед генералом за проявленное нарушение порядка, как он, отшагнув назад на полшага, сделал отчётливый жест рукой, приглашая меня к прилавку сделать желанную покупку без очереди! Меня – «салагу», прослужившего всего-то три неполных месяца! Ведь всё же понял!!! Без всяких слов! И уступил... И я всё понял: кивнул благодарно головой, шагнул вперёд и молча сделал то, что хотел. Ну, и вот какая после этого может быть память о человеке?! Какое к нему отношение? Только абсолютная признательность, уважение и готовность к беспрекословному выполнению любого его приказа!

А ведь был ещё и майор Георгий Феодосьевич Зубко – замполит дивизиона, его настоящая «мамка» пусть и военная. Ведь совсем же не ощущались в откровенном разговоре с ним погоны на плечах! Без всякого стеснения душа открывалась на предел откровенности в общении с ним, не испытывая при этом никаких сомнений, что будет не понята или поругана! Вот такие отцы-командиры – всех просто не перечислить! – и создавали в дивизионе обстановку одной большой семьи, в которой у каждого свои обязанности, но все равны перед одним общим делом – охраной своей Родины!

А сама семья! Ведь нас же было несколько десятков(!) национальностей в одном лишь дивизионе!!! Говорят, что 38 в полку, но я не считал. Я просто видел своими глазами, что никто никогда не отделял в общении кого бы то ни было ни по «разрезу глаз», ни по форме лица, цвету волос или чему-то ещё. Все жили одной большой «многодетной» семьёй, выявляя при этом свои лучшие качества. Сержант Иса Самаев. Он был старшиной батареи, но в день своего рождения «проставлялся» лимонадом в солдатской чайной перед всей батареей, не разбирая ни срока службы подопечных, ни их наречия. Старший сержант Иван Сериков из города Торез – начальник клуба. В его тесной клубной «каптерке» по вечерам собирался, бывало, «третий интернационал» желающих, как послушать музыку, так и попеть самим. Грузин Гурами Читанава. Всегда удивлялся, глядя на его могучую фигуру: и как это он только помещается даже в кабине своего «КраЗА», таскавшего цистерну с ракетным топливом? Но ещё больше удивлялся и даже млел от его застенчивой и доброй улыбки. А чеченец Саша Джамуханов! Это его все так звали – Саша – потому что полное имя Саид-ахмед Махмуд-оглы было бы долго выговаривать. Он же и муху-то, по-моему, не обижал, если она его не кусала – настолько добрейшей души человек! И плечо помощи подставлял в любом деле безотказно. А молдаванин Жора Кобан – главный «химик» дивизиона. Как он про свою «виноградную» родину рассказывал – заслушаешься! То же и белорус Валера Касьяненко – командир мастерской спецвооружения, украинец Андриюшка Рудюк – главный «вычислитель» дивизиона, таджик Хусейн Расулов, обеспечивающий дивизион водой и с которым я общался как с одноклассником! А литовец Ионас Туминас из Лаздийского района Литвы! Сколько мы с ним километров намотали на тренировках по кроссу! О чём только не говорили на сборах после «трудового дня». Настоящий друг, а не какой-то «покерный» сослуживец!!! Украинец Мишка Муринчук, азербайджанец Назим Косаев, токарь Ваня Рузанов из центральной России... А сержант Ковалёв – Александр Иванович Ковалёв – «главный комсомолец» дивизиона! На всю жизнь запомню, как он, «салажьего» срока службы младший сержант, только что прибывший из «учебки», входил в роль командира отделения, где почти все были старше его по сроку службы. И он с первого дня нашёл с ними по-настоящему общий язык! Язык служебного взаимопонимания. Недаром же «главным-то комсомольцем» дивизиона ещё через полгода его избрали. Я даже адрес его тогдашний на всю жизнь запомнил: Брянская область, город Почеп, улица Суконно-фабричная, 78! Так ведь, Шурик? И ещё массу можно было бы таких примеров приводить! Не одну страницу фамилиями исписать, если всех вспомнить, ибо в таком мужском союзе каждая его деталь – символ! Символ единения и монолитности, кою не сокрушить уже ничем! И август – 68 со всей убедительностью это доказал!

...Но что же тогда было дальше? В ТОМ августе. А в том августе на позицию были поданы боевые головные части! Строго по графику! Я стоял с флажками регулировщика на главном перекрёстке перед позициями, обеспечивал безостановочность продвижения «головастиков» к «стартовикам», и всё происходившее было на «расстоянии вытянутой руки». Те же натужно гудящие «МАЗы», те же

«головастики» в кабинах, правда в ослепительно белой спецзащите, а, главное – те же «консервные банки» на платформах машин. Так они выглядели внешне, ничем, естественно, не отличаясь от учебных, но в каждой из них таилось «сто Хиросим»! Их даже брезентом не накрыли!!! Вытащили из спецхранилища, перегрузили на платформы «МАЗов» и – везите, ребята! Как будто воз дров! И, может быть, вот именно это – неприкрытые ничем боевые головки на платформах грузовиков, каждая по две с лишним мегатонны мощностью, головки абсолютно не отличающиеся от учебных – и стало тем самым «гвоздём по шляпку», поразившим глубины памяти до самого основания! Ведь «сто Хиросим»! Вернее, «четыре по сто»! И едут мимо, словно мусор на свалку!

Только не удивляйтесь и не думайте, что я тут что-то «раскрыл». Какую-то тайну. Их нет больше. Ни тех ракет, снятых с дежурства ещё на сходе семидесятых, уничтоженных ПУБЛИЧНО согласно Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, заключённого с Америкой ещё 30 лет назад, ни самих стартовых площадок – ничего нет! Хотели как лучше, а получилось..., а вот как получилось – это пусть решит каждый для себя самостоятельно и без подсказки, исходя из своего видения окружающего мира. Я же расскажу чем всё тогда закончилось.

...Замполит подскочил ко мне сразу же после прохода «головастиков».

«Бегом в радиоузел! – вот его команда. – Срывай все пломбы и лови хоть «Бю-бю-сю» хоть «Голоса», хоть чёрта с рожками, но узнай, почему стоим!»

И я побежал. Пломбы сорвал, весь эфир перебрал – ничего! Полнейшая тишина во всём мире! А у нас «сто Хиросим» на взводе! Как?! Почему?! Для чего?! И только один раз, где-то мельком проскочило сообщение, что на границах ФРГ и Чехословакии страны НАТО планируют учения под кодовым названием то ли «морской лев», то ли ещё какой-то «лев» – в общем, ничего интересного и запоминающегося. Пошёл докладывать замполиту «о проделанной работе».

«Ты что, с ума сошёл?!? – вот его реакция. – Мы в «полной» стоим, у нас готовность 30-секундная, а ты – «лев»!

В ответ на это я лишь плечами пожал: не знаю, дескать, товарищ майор!

И лишь месяцы спустя, когда всё, слава Богу, благополучно для планеты Земля закончилось, стало известно нам, что под прикрытием этого самого «льва» готовилось массированное вторжение войск НАТО на территорию Чехословакии. И дальнейшее их продвижение к границам СССР. Чтобы коридор, значит, пробить от НАТО до главного противника. Удобно же; Чехословакия одним торцом в ФРГ упёрлась, а другим с СССР граничит! Раз-два – и НАТО у самых границ основной помехи к мировому господству «янки»! И руководство чехословацкое вроде бы не против. Вот только руководство СССР «возражало». И «муху не словило», все намерения «западных партнёров» раскрыв! И массу войск стран Варшавского договора к высадке на территорию Чехословакии за лето подготовило. Хватит, дескать, «захватнических действий» на наш век. Одного Гитлеровского вторжения в мирную жизнь Европы достаточно. Но очень уж решительно настроены были «заокеанские господа»! Ведь это же подумать только: до января 66-го они КРУГЛЫЕ СУТКИ по четыре водородные бомбы на каждом из двух «В-52» над Чёрным морем НЕПРЕРЫВНО возили! У самых наших границ!!! Впритирку просто! Чтоб, если что – ррраз! – и они уже над Москвой! И ежели б не катастрофа при дозаправке над испанским Паломаресом 17 января 66-го, когда заправщик КС-135 и бомбардировщик В-52 столкнулись, и эти самые четыре бомбы полетели с высоты в 10 км на испанскую землю вместе с 16-ю реактивными двигателями и кучей обломков разлетевшихся на куски ещё в воздухе двух самолётов, то может быть возили б и сейчас. Ладно хоть тогда эти четыре бомбы «на предохранителях» стояли, так не взорвались «по полной», когда три из них на землю шлёпнулись, а только раскололись, хоть и создав обширное радиоактивное заражение местности. По полметра толщиной потом американцы слой земли испанской снимали да в Неваду через океан перевозили, пока не поняли – пустое! Всё равно всего не соскребёшь и не перевезёшь. А провинция пострадавшая пол-Европы помидорами кормила! И все помидоропроизводители в одночасье по миру пошли из-за невозможности сбыть выращенную продукцию! Кому охота прокажённое-то покупать?! Так вот дело-то было... Вот и решили «янки» «поменять тактику» – вырвать Чехословакию из-под влияния Москвы и по суше подойти к самым границам СССР. Ан – нет! Не вышло ничего. Вошли войска стран Варшавского договора на территорию Чехословакии, а чтоб уж совсем отбить охоту у «заокеанских властителей» к стремлению править миром в одиночку, поставили и все ракетные войска в полную боевую готовность. Дескать, попробуйте только!...

...Вспоминаю об этом сейчас, спустя полвека и думаю: как могло случиться, что людьми овладела такая дурь?! Чтобы несокрушимую громадину под названием СССР, где все чувствовали себя в полной безопасности взять – и развалить! А потом ещё и стравить между собой разваленные части! Это какой же охмурающей силой должны были обладать «нуландовские печенки», подаваемые киевлянам в сопровождении обольстительной улыбки заокеанской дамой в компании с такими же прихлебателями из Европы, чтобы украинцы позабыли откуда корни наши общие! Чтобы доверили власть предателям и своего народа, и всего мира! Ведь ясно же было на что расчёт. Коль не удаётся эту глыбину – Россию-СССР – стоящую на пути к мировому господству США, развалить извне, значит надо её подточить изнутри. Как Югославию, например, побомбив для пущей убедительности! И это на рубеже-то 21-го века!!! Где предел человеческого безумия? Алчности? Жадности власти?! Нет предела, как показали события! А если бы подобное – вот так относиться к своим кровным соседям – попробовали сделать в 68-м? На той же самой Украине, где стояли, охраняя мир на планете, «в полной боевой» ракетные войска? Да «Батя» бы пешком пошёл до Киева и лично морду бы набил продажным шкурам родного народа, стоило б ему лишь сообщить о их гнусных замыслах! Как и гитлеровским захватчикам бил, защищая нашу Родину от их нашествия! И никакой Кличко бы не помог, будь он хоть трижды чемпионом мира, потому что правда была бы на стороне «Бати»! Ведь только полный балбес не понимает ЧТО есть такое – держава под названием СССР! Это же абсолютная гарантия мира и будущего в нём! Ведь вот же существуют пятьдесят штатов Америки, словно пятьдесят государств, каждое со своими законами, но не разваливаются на отдельные куски, отдав часть властных полномочий в объединяющие государственные руки! А СССР-то чем от них отличился? Ведь те же штаты, если по большому счету! Если по устройству. Про территорию уж и говорить-то нечего! А хоть и тот же Евросоюз, созданный ПОСЛЕ развала СССР «по образу и подобию». Убрали границы, обобщили валюту, создали «штаб» по управлению, даже Гимн и Флаг придумали – чем не «соединённые штаты Европы»? И «состряпали»-то его сколь скоро! Год какой всего и прошёл-то после развала СССР, а уж – готово дело – новый союз на территории Европы! А всё дело, видать, в том, что «СШЕ» «под колпаком» у США, хоть и почти что вдвое больше по численности населения (про территорию и говорить нечего), а СССР – никогда «ни под кого не ложился»! Вот его и развалили... И тоже в августе этот развал фактически случился. Только почти четверть века спустя... Постарались «западные партнёры»! Поняли, что никак нельзя извне свалить такую глыбу. Вот и применили «ноу-хау»!

...А в голове всё равно память о «многолетней семье»! О солдатском братстве, которое столь ярко проявилось в августе 68-го! И никогда не поверю, чтобы Володя Герасимчук как-то нелестно отозвался о своих сослуживцах-«москалях». Или его партнёр по взводу связи Ваня Даниленко. Или сержант Галайда. Младший сержант Пищида, сержант Статун – главный «укротитель телевизоров» дивизиона.., – да что вы!!! Такое-то и в голову бы никому из них не зашло! Совсем недавно встретился с одним из жителей Украины (не стану упоминать его фамилию – дожили, однако! – дабы не навредить ничем). У него и мысли нет о каком-то непочтении к соседям по планете! Даже в зачатке нет!!! Уверен: он не одинок. Одинока и увечна власть, предавшая родной народ и посеявшая выгодную для «западных партнёров» смуту в ряды соплеменников. Напустившая муть в их головы. А в мутной воде, как известно, рыбка лучше ловится. Вот только какая она – эта рыбка? Кому на пользу? Уж точно не на пользу двум братским народам! Как и народам всей Земли вообще! Ведь всегда же можно договориться, если захотеть. И ведь договорились же руководители республик, пусть и натужно проведя в этих переговорах больше чем полгода, об обновлённом государственном устройстве к весне 91-го. И ведь подавляющее же большинство граждан великой державы сказали своё «ДА!» новому союзу на общенародном референдуме!!! Что-то вроде соединённых штатов Европы. И ведь подписали же в итоге на исходе года документ о создании обновлённого государственного образования все одиннадцать участников тяжёлых переговоров, заменив всего лишь одну букву в названии: вместо ССГ, как задумывалось на стыке 90-го и 91-го годов, стало СНГ. Ох как, поди-ко, «зачесалась репа»-то у «заокеанских господ»! Как же: из-под носа опять уплывает контроль над одной шестой частью суши! Опять союз, пусть и обновлённый! Ну, тут уж без «нуландовских печенок» не обойтись! И охмурили! Хоть часть народа Украины да охмурили, науськав-таки целое государство на своих соседей! Ничего не скажешь; плодотворно сработали! Вот только кому это на пользу?..

...А в августе 68-го на той же Украине у всех солдат и командиров, ставших «в последний бой» и мысли не было о каком-то разделении державы! У всех она была одна – их Родина – СССР, которую они призваны были защитить, и которая отдала им решительный и суровый приказ! Приказ, продиктованный обстановкой! И они победили!

Через денёк-два разрешили нам перейти в «повышенную». Это значит – топливо из ракетных баков слить, сами ракеты с пусковых столов снять и положить на тележки, рядом со столами расположенные. Уж чересчур широко «фонили» их головки, будучи поднятые на уровень дубовых верхушек. Ну, а я получил приказ от замполита – найти «хорошее кино». Киномехаником потому что был в дивизионе. «Хорошее» – это значит, чтоб за душу трогало. Чтоб запоминалось и смотрелось с интересом. И в нарушении всех приказов, дал мне замполит увольнительную «на все четыре стороны!» На «все четыре» – это значит: иди куда хочешь, в любую деревню или село, договаривайся с кем хочешь, но «кино» найди! Ну, я и пошёл...

И мне повезло: нужное «кино» я нашёл в селе, отстоящем от дивизиона всего-то километров на пяток. «Там, где цветут эдельвейсы» оно называлось. Про солдат-пограничников. Очень даже кстати; и сюжет острый и в тему солдатскую. Взвалил на плечи «банку» с семью частями, восьмую часть «под мышку» – и айда обратно в дивизион. И никаких проблем с местным киномехаником!!! Сказал: «Верну утром!» – он и не возразил ничего! Все слышали? Все поняли как он к НЕЗНАКОМОМУ солдату отнёсся?!?! Как к соседу по деревне!!! По-дружески! С полным пониманием и доверием!!! И никаких «москалей»!!! Чули, нынешние верховные правители Украины, как ваши соотечественники к своим согражданам по великой державе относились? Уж точно не так, как вы пыжались нынче впарить в мозги людские! По-человечески относились! По-братски! И дай им Бог за то здоровья! Муть-то ведь осядет рано или поздно, сознание-то людское просветлеет от всего наносного – это же надо не забывать. И где тогда будут нынешние вожди?... Вот именно!.. Именно там, где вы подумали, ибо другого места для предателей народа в мире нет!

А я в тот день, как стемнело, «передвижку» в охалку – и по батареям. Сначала в одной прокрутил «про эдельвейсы», потом в другой..., в третьей..., и обнаружил вдруг в одной из батарей массу зрителей, присоединившихся из вспомогательных подразделений. А с «посадочными»-то местами проблема... Под дубами же крутил-то. Глянул мельком в какой-то момент назад – туда, где ракета на тележке лежала – а там... А там, прямо на этой тележке, которая габаритом пошире, чем сама ракета, десятка полтора солдатиков-«стартовиков»! Сидят, как на лавке, и «чирикают» про меж собой о только что увиденном – «крутить»-то приходилось с перерывами на перезарядку частей фильма. А тележка-то не меньше метра над землёй возвысилась! Как воробушки на проводах, сидят – и ножки свесили!!! А двое так и вовсе лежамя лежат! Прямо на ракете!!! Как будто на диване или на русской печке! И грузины, и татары, и армяне, и молдаване, и украинцы, и прибалтийцы, и русские, конечно. И «чирикают» все на РУССКОМ!!! А за спиной «сто Хиросим»!... Вот так вот...

20 июня 2018-го года

P.S. А генерал Бондаренко мне в мае следующего года отпуск объявил! Сам лично! «Сыграли» нам очередную «учебку», и генерал приехал лично поглядеть как его подчинённые свою задачу выполняют. А я опять на том же перекрёстке «флажками махаю». Машин-то по тревоге сразу много подходит, у каждой свой номер прохода, и этот номер надо точно соблюдать, дабы скученность ненужную на стартовой позиции не создавать. Вот я и махал. Гляжу – «Волга» генеральская крадётся от КПП. Тихонько так, но видно, что «намерения имеет». А я на неё поглядываю искоса, покуда она «под ногами не путается» и жду, что дальше будет. Смотрю – идёт без остановки. И прямо на перекрёсток!!! На тот самый, который боевыми машинами загружен и где у каждой своя очередь прохода! Ну, уж нет, думаю! Не пройдёт этот номер, пока боевые машины не пройдут! Подкралась «Волга» сзади чуть ли не вплотную, я резко так к ней навстречу развернулся и флажок вверх решительно! «Стоять!» – дескать! И флажком тем же место на обочине, где встать можно, решительно указал. Повинилась «Волга». Знал, видать, её водитель ПДД. Ну, а я уже к ней спиной – да и за дело дальше. Малость погодя, слышу: хлопнула у «Волги» дверца закрываемая. Глаз скосил – точно генерал Бондаренко! Пешком идёт и ко мне приближается. А я ноль внимания на него – машины же прут к перекрёстку с трёх направлений! И лишь когда, скосив глаз в очередной раз, я увидел, что комдив уже поравнялся со мной, хоть и заходя за мою спину, я резко повернулся «кругом», замер

по стойке «смирно» и честь генералу отдал. Как положено по Уставу! Он скромненько отозвался на моё приветствие, а сам к кучке командиров, стоящих неподалёку от перекрёстка. А там и замполит, и командир полка, и «Батя» наш.

«Кто это тут у вас такой грозный?» – слышу генеральский вопрос.

«Регулировщик наш», – отвечает кто-то.

А близко до них было – десяток какой метров от силы; хоть и машины нет-нет да и проходят, но всё равно всё слышать.

«А как он служит?» – генерал спрашивает.

Что на это замполит ответил – точно не скажу, потому что машины пошли, да и ответ длинный был, а вот реакцию генерала на рассказ-пояснение замполита мне опять повезло услышать собственноручно.

«Отправьте его в отпуск! – это генерал сказал. – Завтра же!!! И от моего имени добавьте пять суток дополнительных! Меня ещё никто и нигде столь решительно не останавливал, как этот солдат!»

И смех всех собравшихся в ответ на услышанное. Ничего не скажешь; генерал – мужик с понятием! Осознал, что в очередности прохода боевых машин, поднятых по тревоге, «его номер шестнадцатый» и не полез без очереди; поставил свою «Волгу» в стороночке, а сам пешочком дальше. Такой вот был у нас командир дивизии!

А на утро перед строем всего дивизиона вызвали троих отличившихся на этой проверке боевой готовности, вручили отпускные документы, и мы поехали по домам. В отпуск!

Берега культуры и искусства

Станислав Зотов

Зотов Станислав Сергеевич родился 1 сентября 1961 года в городе Жуковском, Московской области, где и окончил среднюю школу в 1978 году. Работал на предприятиях авиационной промышленности. Участвовал в работе многих московских литобъединений. Публиковал рассказы и повести в московских изданиях. В 1997 году был принят в Союз писателей России. В 1999 году стал лауреатом Международной литературной премии им. Андрея Платонова. В 2001 поступил, а в 2003 году окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького в Москве. С 2003 года работает редактором в журнале писателей России «Наш современник». Живет в Подмоскovie, в посёлке Белоозёрский

Судьба русского режиссёра

Живёт на севере Москвы один старый русский человек. Живёт одиноко, в жизни у него не было ни жены, ни детей... Зато в его жизни были фильмы, была работа с выдающимися актёрами советского и российского кино, была великая русская литература, многие произведения которой ему удалось счастливо экранизировать. Зовут этого человека, классика отечественного кинематографа – Василий Степанович Панин. Прошлой осенью ему исполнилось 82 года. Он ещё полон сил и мог бы снять не один фильм, но в нынешней ситуации – где русскому режиссёру взять деньги на русский по духу и по чувствам фильм? Где те спонсоры и меценаты, что помогли бы русскому национальному киноискусству? Это ведь не фильмы о бандитах и криминальных дельцах, об извращенцах и монстрах, «дозорах» и позорах – для таких «шедевров» деньги всегда найдутся...

А Василий Степанович Панин один раз и на всю жизнь зарекомендовал себя, как певец русской души, русского сердца, русского простора и воли, сняв в 1986 году, в благословенное советское время, когда киноискусство добра было неотъемлемой частью жизни советского человека, свой самый значительный киношедевр – исторический фильм «Певучая Россия». Это была картина о создателе русского народного крестьянского хора, уроженце воронежской земли Митрофане Ефимовиче Пятницком. Фильм тогда, помнится, прошёл по широкому экрану, не раз показывался на телеэкране. В фильме снялись замечательные актёры, главную роль исполнил неповторимый Юрий Мефодьевич Соломин. А Любовь Соколова, Николай Гринько, Владимир Конкин, Иван Рыжов – созвездие русских талантов! Да и тема сама – русский хор, русская жизнь, русские песни... Где такую тему сейчас найдёшь на нашем теле- и кино-экране? И всё это снято с любовью, с душой, как говорили тогда. Русской душой, которую в наше паскудное «постперестроечное» (не выговоришь) время продали «за рупь с полтиной»...

Как возникла идея фильма? Режиссёр Панин вспоминает: «Хотелось прославить свой воронежский край. А что может прославить? – Песня. Я вспомнил годы хорошие, когда у нас дома собиралась родня: мама Мария, тётя Елена и тётя Анастасия. Пели, как сейчас помню, “Летят утки...” Я поехал в Воронеж, в театр им. Кольцова. И мне там сказали: “У нас Пашнев был рабочим сцены, а сейчас в Литинституте учится, кажется, пописывает”.

Так состоялась плодотворная встреча режиссёра Панина и писателя Эдуарда Ивановича Пашнева – уроженцев воронежской земли. Теперь надо немного отступить от рассказа о создании замечательного фильма и вспомнить жизненный путь Василия Степановича Панина. А жизненный путь его начинался, как у всякого простого русского человека – от родного села, от родной для Панина чернозёмной воронежской земли. Он родился в большом селе Хохол холодной осенью 1935 года. Его отец служил на Балтийском флоте, а к рождению сына вернулся домой и привёз единственное

богатство – кожаное пальто, заработанное за годы службы. Так и его отняли заезжие бандиты! Хорошо – не убили родителей и новорожденного. В наше время бы убили... Чуть наладилась жизнь – началась война и отца будущего режиссёра, краснофлотца Степана Ивановича Панина сразу призвали на Черноморский флот, оборонять Севастополь. Моряки тогда были нужны на суше, там и сражался Степан Панин, пока по приказу товарища Сталина летом 1942 года Севастополь не был оставлен, а не успевшие эвакуироваться солдаты и матросы дрались до последнего. Но многие попали в плен из-за безвыходного положения. Степан Панин вспоминал потом, как гнали советских военнопленных через безводную крымскую степь, а охранниками у них были крымские татары, которые особенно издевались над пленными, добивали их кольями, если кто-то отставал. Немцы были не в пример гуманнее... Потом довелось отцу режиссёра побывать и в лагере, и в бельгийских угольных шахтах, и поработать на немецкого хозяина – бауэра, словом, судьба его очень напоминает судьбу Андрея Соколова – героя рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека». Фильм Сергея Бондарчука, поставленный по этому рассказу, Василий Панин очень ценит, считает, что это и про его отца. Ведь и герой этого рассказа и фильма – тоже из Воронежа.

Но вернулся отец и, хоть жизнь послевоенная была нелегка, но рос Василий Панин в полной семье, что для тех времён было редкостью – сколько отцов семейств не вернулись с фронта! Однако получить образование было подвигом: ходил за семь километров в ближайшую школу, которая называлась Сталинской, располагалась она в колхозе имени Сталина, и школьник Василий ходил в эту школу босиком, переносил ботинки за плечом, потому что они у него были единственные. И вот ведь что удивительно: тяжело жилось тогда крестьянам, налоги платили большие, работали много, а ведь все плакали, когда товарищ Сталин умер, и это были искренние слёзы, никто людей плакать не заставлял. «Как мы с горя заплакали. Привыкли, что он есть. Я уже в десятом классе был», – вспоминает Панин.

Да, несмотря на все трудности тогдашней жизни, была у детей крестьян-колхозников реальная возможность выучиться и выбиться в люди. Поступить даже в московские вузы, даже в самые престижные – и это было обычное явление в то время. Вот и крестьянский сын Василий Панин из далёкого чернозёмного села поехал в Москву поступать, да не куда-нибудь, а напрямик во ВГИК, на курс прославленных Тамары Макаровой и Сергея Герасимова. На прослушивании читал стихи Маяковского, Кедрина. У него был опыт; ведь он уже играл в любительском сельском театре, прекрасно умел на публике, на выездных концертах читать стихи, к примеру, Сергея Есенина. Вот, кстати, опровержение ещё одной современной несправедливости, что Есенин в сталинское время был, якобы, запрещён... А стихи его читали даже с подмостков самодеятельных театров простые советские школьники! Были любительские хоры народной песни. Русские народные песни звучали тогда в программах Всесоюзного радио. Это сейчас они, фактически, под запретом. Давно вы слышали русскую народную песню на современном ТВ и радио? Убеждён – и не вспомните, когда такое было. Василий Панин помнит, что даже во время Великой Отечественной войны на фронтах выступал Воронежский хор. По сей день в его душе звучат их голоса... Таково было начало пути к фильму «Певучая Россия», но путь этот был сложен.

Сразу поступить в театральный вуз не получилось; он был слишком молод, и сама знаменитая Тамара Фёдоровна Макарова посоветовала ему подождать год. Ему не отказали, просто нужно было набраться жизненного опыта. Жизненного опыта Василий Панин набирался на Северном флоте, куда был призван в 1955 году. Служил на Белом море, в Соломбале, на судне размагничивания. Служба была не тяжёлая, будущий режиссёр в это время стал серьёзно заниматься спортом. Служили тогда на флоте 4 года, но их призыв сократили уже через два года службы, и молодой матрос сразу же поступил в Щепкинское театральное училище – старейший театральный вуз при Малом театре. Вспоминает Василий Степанович, что уже при поступлении его пригласил играть в студенческом спектакле сам Юрий Соломин, что как раз выпускался в это время. Его актёрский талант заметили, и вот он уже снимается в знаменитом фильме «Добровольцы» вместе с уже прославленным тогда Леонидом Быковым в одной сцене на подводной лодке, где герой Быкова отдаёт молодому подвоннику свой акваланг, чтобы тот мог покинуть затонувшую подлодку. Роль маленькая, но заметная, впереди Панина ждала киноизвестность. И тут – первая подножка судьбы, что иногда меняет всю жизнь художника. Немного на Новый год повздорили с другом из-за девушки. Забрали в милицию, потом отчитка на комсомольском собрании и отчисление из училища на год. Да, это могло бы сло-

мать всю жизнь будущего актёра, но крестьянский парень Василий Панин не из таковых, его не так-то просто было сломать. Он сам взялся строить свою судьбу.

Устроился работать в Дом культуры Воскресенского района. Это большой промышленный район Московской области, там крупные химические предприятия построены при Советской власти. Дома культуры были обеспечены всем необходимым за счёт богатых шефов. Культура, спорт, художественная самодеятельность – на высоте. Василий Панин выступал, вёл концерты, помогал молодёжи приобщаться к культуре. Но тянуло его в Москву, конечно, надо было заканчивать образование.

Перешёл на работу заместителем директора в ДК имени Чкалова. «Место престижное! – И кабинет сразу дали, и телефон, и служебную квартиру, – вспоминает Панин. – Дом культуры имени Чкалова гремел. Встречи проводил какие! Были живы ещё жена, сын, дочка Чкалова. Были Байдуков, Беляков, Водопьянов – прославленные лётчики. У нас работал бывший главный режиссёр Малого театра. Уровень высокий!»

Слушаешь Василия Панина, старого уже человека, пережившего эпохи и думаешь: куда же всё провалилось, в какую чёрную дыру перестройки или «катастрофы», или ещё какой-нибудь пакости, что устроили нам корыстные политики «демократического» разлива. А ведь стоит, к примеру, посмотреть фильм Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля» из тех времён, фильм, вроде бы, саркастический, призванный посмеяться над «совковыми» порядками, а ведь видишь, как там, в одном из тогдашних ДК, работает любительский театр вполне профессионального уровня, ставящий «Гамлет», а главный герой фильма – бескорыстный человек, который борется в меру своих сил за социальную справедливость. И это те самые «совки», над которыми так любит потешаться нынешняя погрязшая в пороках «либеральная» элита. Эти люди и создавали строй жизни тогдашнего общества, которое, несмотря на все трудности и материальные недостатки, с надеждой смотрело в будущее, чего в помине нет сейчас.

Работа в Домах культуры с любительскими коллективами художественной самодеятельности, чем так крепка была советская культура, многому научила Василия Панина. И не удивительно, что впоследствии он избрал в киноискусстве путь режиссуры, а не актёрства. Организаторская жилка в нём проснулась большая, а ведь режиссёр в кино – прежде всего организатор творческого процесса. Василий Степанович уже не возвращается в Щепкинское училище. Он заканчивает актёрский факультет ГИТИСа в 1965 году, а сразу после этого и Высшие режиссёрские курсы. Он уходит с очень хлебного поста зам. директора ДК им. Чкалова и переходит на работу в Союз кинематографистов СССР. Это дало ему возможность бывать за границей, знакомиться со многими выдающимися деятелями мирового кино. Пересмотреть всю киноклассику. Но впереди его ждала режиссёрская работа. По окончании Высших режиссёрских курсов его принимают на киностудию «Мосфильм», на должность второго режиссёра. Так начинается его творческая работа в советском кино.

Первая работа, что ему довелось делать в должности второго режиссёра, был фильм Игоря Ильинского «Старый знакомый», вышедший в 1969 году. Это ремейк, как принято сейчас говорить фильма «Карнавальная ночь» со всё тем же «старым знакомым» бюрократом Огурцовым, что так блестяще высмеял неподражаемый Игорь Ильинский в фильме Эльдара Рязанова. Теперь он сам захотел снять продолжение истории чинуши Огурцова, который становится директором парка культуры и отдыха. Съёмки проходили на прекрасных видах подмосковного Архангельского. Фильм вытянул на себе блистательный Игорь Ильинский, но ремейк – всегда слабее оригинала и фильм не запомнился, зато для Василия Панина это была хорошая школа режиссуры, вскоре он сам станет снимать свои фильмы.

Первая проба пера. Фильм «Море улыбнулось» 1975 года. Короткометражка. Всего полчаса времени, но забавный сюжет: молодая пара решила ехать на юг, на море, на своём автомобиле, но не доехала – всякие злоключения на дороге помешали им. Фильм запомнился тем, что в нём главным консультантом был сам начальник ГАИ Москвы. Но дело не в этом. Молодой режиссёр Василий Панин сразу подобрал первоклассных актёров: Наталью Варлей, Евгения Моргунова, Михаила Кокшенова. Они и вытянули фильм. Он прошёл с успехом по широкому экрану. Панин понял: в киноискусстве надо делать ставку на мастера. Если уж мужик – то талантливый, характерный артист, если женщина – то неопикуемой красоты и обаяния. Это всё по-русски, по-нашему – в России всё всегда должно быть на полном взводе, откровенно, до конца, с яростью и с любовью.

В 1976 году Василий Панин снимает фильм «Звёзды России» – чисто музыкальный видовой фильм о Воронежском народном хоре «Воронежские девчата», о русской народной песне, о той стихии, что всегда была близка Василию Панину, русскому человеку до мозга костей. Но и широкому художнику, многое принимающему, ни от чего не отворачивающемуся в изменчивых реалиях наших дней. В фильме снимались и Николай Сличенко, и Ирина Богачёва, и новая, тогда, звезда сама Алла Пугачёва! Вот кто вывел «примадонну» на большой экран – скромный русский мужик Василий Панин. Это уж потом был фильм «Женщина, которая поёт», утвердивший Аллу Пугачёву на эстрадном Олимпе, с которого она уже не сходит вплоть до наших дней!

Но по-настоящему русского кинорежиссёра из Василия Степановича Панина сделал фильм 1983 года «Человек на полустанке». Это тонкий психологический фильм о судьбе старого человека, ветерана войны, что работает на старости своих лет путевым обходчиком, где-то в глуши, на просторах России, на одной из бесконечных русских железных дорог. Это характер русского человека – скромного, прямого, честного, довольно колючего и грубоватого по жизни, но с добрым и отзывчивым русским сердцем. В главной роли снялся неповторимый Николай Крючков. Однажды его герой спасает мальчика, тонущего в озере. А тут прибегает его мать – её сыграла замечательная молодая актриса Елена Цыплакова. Весь фильм – это общение молодого со старым. Так по-русски. Ветеран рассказывает мальчику о войне, а у родителей мальчика своя жизнь. И всё это на фоне прекрасной русской природы, видов Подмосковья и Воронежской земли. Под песни Воронежского хора: «Под Воронежем у нас хороша земля. Под Воронежем у нас широки поля. Под Воронежем у нас степь раздольная. Под Воронежем у нас жизнь привольная!»

И вот мы, наконец, подходим к главному фильму Василия Панина. Картина «Певучая Россия». Замысел фильма складывался не сразу. Тут первая составляющая – русские народные песни. Это – основа основ. Вторая составляющая – судьба русского человека. Не только основателя крестьянского хора Митрофана Ефимовича Пятницкого в исполнении неподражаемого Юрия Мефодьевича Соломина, но каждого простого певца из его хора, каждого колоритного русского мужичка, одного из которых так прекрасно сыграл замечательный характерный русский актёр Иван Рыжов. «В фильме широко показан чернозёмный край, – говорит Василий Панин. – А там сцена была: мы ездили под Воронеж с хором. Там были деревни заброшенные, жители все уехали в Нововоронеж, там им квартиры дали. И они бросили эти поселения. И мы снимали там старую Русь. Снимали около года. Шёл параллельно монтаж. Музыки, песен много. Снимался хор Пятницкого где-то под Москвой. Снималась Мордасова Мария Николаевна. Воронежские актёры играли в эпизодах».

Так создавался этот удивительный фильм. Истинный шедевр русского духа, русского таланта, русской воли. Фильм, как только вышел, так сразу прошёл по широкому экрану, показывался по телевидению. Но то было советское время. А как наступила «перестроечная» эпоха, то всё русское исчезло с экранов отечественных кинотеатров и с телеэкранов. Последний раз фильм «Певучая Россия» (одно название какое!) показывали по центральным каналам отечественного телевидения 23 года тому назад... Видимо, кому-то, как кость в горле, стоит русская тема на телевидении. Истребить всё русское в средствах массового вещания – это чья-то главная задача.

В жизни режиссёра Василия Панина было много фильмов. После «Певучей России» он снимал картины по произведениям Валерия Брюсова и Бориса Савинкова. Борис Савинков – известный террорист и неплохой литератор, написал знаменитую повесть-исповедь «Конь блед». На самом переломе эпох Василий Панин экранизировал эту скандальную книгу. Фильм вышел в 1989 году. В роли главного террориста «исчадия ада» снялся знаменитый Георгий Тараторкин, Раскольников русского кино. В роли губернатора, которого вознамерился убить террорист, снялся великий актёр Кирилл Лавров. Фильм получился яростный, жестокий и красивый одновременно. И назван был соответственно: «Исчадие ада». Эпоха террора в России ещё не наступила, ведь существовал ещё могучий Советский Союз, но Василий Панин словно предсказал многое такое, что произошло с нами и со страной в 90-е годы, а во многом происходит и сейчас.

Из фильмов Василия Панина 90-х годов можно отметить картину «Господа артисты» по произведениям русского писателя В.А. Соллогуба, где в роли примадонны снялась очень красивая актриса Елена Костина. Фильм «Бульварный роман» по повести Валентина Пикуля «Ступай и не греши». Это история роковой любви, когда опять же очень красивая женщина Ольга Палем (история подлинная), а в фильме её роль сыграла очаровательная Анна Самохина, убивает своего эгоистичного

любовника. В своё время это происшествие наделало много шума в русском предреволюционном обществе, растерявшем перед роковыми потрясениями XX века свои нравственные идеалы. Не то же ли и происходит сейчас с нами?..

Картины Василия Степановича Панина всегда учили задуматься нас всех о призвании человека, существующего на земле не для того, чтобы только наслаждаться жизнью, но и быть ответственным за эту жизнь. Сильные чувства, сильные страсти, что так привлекательны для кинематографа – это лишь радужная кайма, обрамляющая душу человеческую и вот поиски этой души – и есть главная задача настоящего художника.

Самый пронзительный из последних фильмов, что довелось снять Василию Панину, был фильм о трагической судьбе великого русского поэта Алексея Кольцова. Фильм назывался «На заре туманной юности». Алексей Кольцов – уроженец воронежской земли, тонкий, одухотворённый поэт, живший в эпоху царствования императора Николая I. В крепостную эпоху. Его любимую девушку продали в крепостное рабство, сам он вынужден был по воле жестокого отца заниматься торговлей, а он хотел писать стихи... По жизни он был знаком и с Пушкиным, и с Жуковским, и с Белинским, которые высоко оценили его самобытный талант, но жестокая проза жизни сгубила молодого поэта, оставив нам пример русской души высокого полёта. Наверно, только Василий Панин, сам крестьянский сын и уроженец воронежской земли и смог бы снять такой необычайно поэтический и трагический фильм.

Россия... Её народ, её судьба – вот творческое поле русского режиссёра Василия Степановича Панина. Он одиноко доживает свой век в шумной и часто равнодушной Москве. Он мог бы снять ещё немало фильмов, у него в столе лежит сценарий картины «Юность Крамского», (автор Михаил Фёдоров) – тоже уроженца воронежского края. Пылится сценарий «Звенят родники Хохольские», (тоже автор Федоров). Но никто не даёт денег на работу над этой картиной. Не могут помочь старому художнику снять его последние картины. Не выходят на большой экран его старые фильмы. Глухая завеса молчания окружила русского режиссёра. Когда же прорвётся она?..

От автора: при написании статьи использованы материалы книги Михаила Фёдорова «Василий Панин», вышедшей в Воронеже в 2015 г.

Берега наследия

Геннадий Сазонов

«Нас поэзия связала...»

Беседа с Ольгой Беловой

Более полувека – 54 года – Ольга Сергеевна разделяла радости и горести совместной жизни с Василием Ивановичем Беловым. Была не только верной супругой, но и надёжной помощницей в творческих устремлениях – давала советы, вычитывала рукописи, находилась в «курсе» писательских забот. Когда мужа одолевали недуги, милосердно ухаживала за ним. Это благодаря и её инициативе «обитель» Беловых в доме на Октябрьской улице в центре Вологды превратилась в музей-квартиру писателя В.И.Белова. Здесь и состоялся наш разговор, а позже был продолжен в Москве.

– Расскажите, Ольга Сергеевна, о своей семье. Где Вы родились, какие Ваши корни?

– Я родилась в городе Грязовце. Родители у меня учителя. Мать – Чучнева Мария Васильевна – была учителем русского языка и литературы. Она с отцом не расписывалась. В те годы, в начале XX века, это считалось мещанством – скреплять официально брак.

– Прогрессивными, значит, были Ваши родители?

– Да, прогрессивные такие! (*Смеётся*). Отец – Забродин Сергей Дмитриевич, преподаватель истории, но занимался партийной деятельностью. Я – урождённая Забродина. Он был ещё совсем молодой и работал по комсомольской линии.

Моя мама – Чучнева Мария Васильевна, родилась в Петербурге в 1906 году. Помнила ещё какие-то эпизоды из предреволюционной эпохи. Няня выводила её гулять за ворота дома, где они жили. Однажды девочка увидела полицейского, в которого стреляли революционеры. Няня быстро увела её, но она надолго запомнила страшную сцену.

– Детская память очень цепкая!

– Да, запомнила, и мне, спустя годы, рассказывала. Она жила в Петербурге до 14 лет. После началась революция. В 1920-м или 1921-м году её отец, а мой дед, Василий Александрович Чучнев, стал собираться в отъезд из Петербурга. Он был человеком довольно обеспеченным, имел магазин мужской одежды около Невского проспекта, и, кроме того, входил в кампанию по продаже швейных машин «Зингер».

Вообще, корни моей родословной, если посмотреть внимательно, довольно интересные. Это всё не выдумка, мой двоюродный брат нашёл сведения в архиве в Москве. Мой прапрадед, а он был грязовецкий, служил в русской армии, участвовал в Бородинской битве, дошёл до Парижа. Он был ранен, имел царские награды. За все заслуги ему пожаловали дворянское звание. Имена предки не имели, но были дворянами. И дед мой этим гордился.

Но когда случились все эти события революционные, естественно, начались репрессии. И дед, чтобы скрыться и остаться целым и невредимым, поехал в места, где была его родина – в город Грязовец Вологодской губернии. Только он приехал в Грязовец, как заболел тифом и умер.

Вот такая невесёлая история.

У вдовы деда осталось четверо детей, мама моя, то есть Мария, была старшей. Да, они скрывали, что дворяне, очень скрывали.

– Тогда всё это нельзя было и говорить.

– Да, они молчали о дворянском звании, а также о том, что были зажиточными. Я только много лет спустя узнала от мамы об этом. Мама что сделала? Она вступила в комсомол, надела гимнастёрку, красную косыночку повязала, кобуру на пояс повесила, но кобура была пустой. Это для формы!

Конечно, она не стреляла в людей никогда. Василий Иванович даже исследовал «этот вопрос». Он мне как-то говорил: «Может, и твои крестьян раскулачивали?» Я ему ответила: «Хорошо, исследуй!»

Ольга Сергеевна и Василий Иванович Беловы

И когда он ездил и узнавал, как крестьяне репрессированные жили на Севере (тогда он писал роман «Час шестой»), то зашёл в архив в Ненецком автономном округе. Там отец мой около года работал первым секретарём окружка. Василий Иванович ничего компрометирующего моего отца не нашёл (*смеётся*).

Потому что, оказалось, они занимались субботниками всякими, лесосплавы всякие организовывали, а самое главное – боролись с неграмотностью. Это было их основной работой.

Отец у меня как-то быстро шёл в гору, делал карьеру в комсомоле. Он работал в Архангельске, был в Белоруссии, правда, там он служил политработником. Потом его снова взяли в Вологду – такая, в общем, история. Мы всё время переезжали. Мама всё время удивлялась, спрашивала отца: «Что, Сергей, опять переезжаем?»

Мои последние детские воспоминания связаны с тем, как мы жили уже в Саранске.

– **Так далеко от Вологды, в Саранске? Почему, Ольга Сергеевна, Вы там оказались?**

– Папу назначили первым секретарем обкома комсомола Мордовской республики, и мы приехали в столицу республики – Саранск. В то время «вездесущие люди» подобрались к Косареву, первому секретарю ЦК комсомола. С ним мой отец был хорошо знаком и, пожалуй, даже дружил. По ложным доносам первого секретаря Косарева расстреляли, а всю комсомольскую организацию страны, в том числе и Мордовской республики, объявили троцкистской, то есть получилось, что отец у меня «троцкист». Их уже всех прогнали из обкома комсомола.

– **Василий Иванович в беседе с Рональдом Аполлоновичем Нелепиным, которая проходила в Университете в Петербурге, как раз говорил, что его тесть пострадал из-за Косарева.**

– Рассказывал?

– **Да, я слушал запись этой беседы.**

– Тут мы всей семьей почувствовали, что дело серьезное. И отец уехал подальше, переждать, когда всё затихнет. Он уехал в село Шуйское, знаете такое село, не так далеко от Вологды?

– На реке Сухоне! Знаю, это райцентр. Село Шуйское связано с именем поэта Николая Рубцова, там жила его первая любовь. Он часто плавал туда на пароходе. Николай Рубцов дружил с Василием Ивановичем, но это было уже, конечно, гораздо позже...

– Да, так вот в это село отец и уехал. Он решил, что село Шуйское далеко, до него не доберутся, это глухой «медвежий угол», доехать туда не просто. Он уехал в Шуйское вместе с мамой. В райцентре папа устроился работать в средней школе учителем истории, ещё географию ему дали, а мама в этой же школе вела русский язык и литературу.

Но, к сожалению, укрыться им не удалось. В 1938 году ночью пришли к родителям в дом, и абсолютно без всякого суда и следствия взяли и увезли отца. Мама осталась со мной маленькой, а отцу дали восемь лет и отправили в ГУЛАГ.

Он строил Воркутинскую железную дорогу. Условия были тяжёлыми, кругом тайга, а дальше тундра. Папа простудился и сильно заболел. И чуть, было, не умер; весил он пятьдесят с небольшим килограммов. Там, в лагере, всё же попадались хорошие люди; они сжалились над ним, отправили в Няндому Архангельской области делопроизводителем в тюрьму – тем мой отец и спасся от смерти. Через восемь лет срок у него закончился. А мама так и работала в Шуйском, она была деловая, организатор хороший. Если в школе по коридору шла Мария Васильевна, все стихали. Литератор она была прекрасный. Вот от неё у меня любовь к литературе. И, может быть, это позже и свело меня с Василием Ивановичем.

Мама была очень увлечена литературой. Она ставила школьные спектакли, причём, ставила классику. Я очень хорошо помню, как «синили» платице Русалочки из поэмы Александра Пушкина «Русалка». Ещё помню, как искали какие-то старые платья к пьесе Островского «Свои люди – сочтёмся». Мы делали из наждачной бумаги статую Командора к маленькой трагедии Пушкина «Каменный гость» (*смеётся*).

– Из наждачной бумаги? Даже не могу себе представить!

– Костюмов не было, ничего не было, всё старались делать своими руками. У нас был школьный клуб. И когда спектакли ставили уже на сцене, то смотреть приходило все село Шуйское.

Дальше, стенгазеты были вот от одной стены и до другой, такие большие стенгазеты, старшеклассники писали стихи, прозу. Мама очень хорошо читала стихи, любила поэзию. Я забиралась на шкаф, потому что было холодно. Мама, закутавшись в платок, проверяла сочинения ребят, и говорила мне: «Оля, ты посмотри, как у Базарове написал Саша Ранцев! Ты только послушай!» А Оля и была-то всего во втором классе.

– Поделиться надо было Марии Васильевне впечатлениями от сочинений ребят?

– Да, поделиться хотелось. А Оля, то есть я, сидела маленькая в пальтишке, на шкафу, внизу в квартире копилка горела. Я писала «Былину о Сталине». Помню, рыжими чернилами, макала ручку и писала. То есть, какие-то позывы к творчеству у меня были уже с малых лет.

– Былину даже? Очень интересно! Можно узнать подробности.

– Да, даже былину. Всё – из книг. Мы все жили книгами, а в них я прочитала русские былины, и захотела свою посвятить Сталину. Мои представления об окружающем мире, в отличие от представлений Василия Ивановича (он шёл от жизни) были от книг, у меня было другое, я из книг начинала всё познавать.

Дальше вот что случилось. Мама поссорилась с директором школы, и не вышла на работу принципиально. У неё был характер волевой. Причину их ссоры я не знаю. Её вызвали в облоно – Областной отдел народного образования. Она вошла в кабинет заведующего и спросила: «Скажите, пожалуйста, сколько доминионов в Англии?» А он сидит, ничего не отвечает – он не знал (*смеётся*). «Вот и я, – сказала ему Мария Васильевна, – тоже не знаю, сколько доминионов, директриса, кроме литературы и русского языка, нагрузила меня ещё и географией». Заведующему облоно это... так понравилось, что он взял её на работу инспектором.

– За смелость?

– Да, за смелость. И у неё были подопечные районы – Грязовецкий и Великоустюгский. Она туда ездила. Однажды подруга мамы, у которой муж был энкавэдэшник, тихонько шепнула: «Маруся, поезжай в деревню, потому что твой Сергеевич вот-вот должен выйти из заключения, но снова будет волна арестов. Если он будет в городе, его заберут скорее».

Мама тогда всё бросила, пришла к заведующему облоно и попросила: «Отправьте меня директором школы в деревню». И её отправили в Погибловскую семилетнюю школу, от Грязовца в 16 кило-

метрах. Всё было сделано абсолютно правильно. Потому что, когда отец пришёл, даже в Грязовце забирали всех из бывших арестованных, а его не забрали, его эта участь миновала.

– **Иными словами, отпустили и снова забирали? А на каком основании, по каким причинам?**

– Разве кто-то искал основания, причины? Нет, не искал. Это были 1951-1952 годы, тяжёлое время, просто ужас какой-то. И отца, благодаря расторопности мамы, не взяли опять в тюрьму. И мама, конечно, приняла его к себе на работу в школу. Историю ему преподавать не разрешали – «врагу народа» нельзя преподавать историю – он вёл русский язык и литературу. После смилостивились, наконец, дали ему историю.

И мы некоторое время спокойно существовали в Погиблово. Мама была директором школы, боевая такая. Там живописнейшее место. Когда-то купцы питерские приезжали туда на отдых. От нас недалеко была усадьба Брянчаниновых, она даже видна была, за Юровом. Сама школа находилась в одном из купеческих домов.

Мы когда с Василием Ивановичем были во Франции, ездили смотреть замки по реке Луаре, нам показывают замок, а я говорю: «Так, это же наша школа!» Русский купец, когда строил, использовал какие-то западные архитектурные элементы, почти то же самое: веранды с цветными витражами, с цветными стёклами, расписные потолки. Я нигде не видела таких печей, инкрустированы изразцовыми плитами с позолоченными святыми ангелочками, с виноградом; это всё сохранилось, всё это было в нашей школе. Даже старые книги, даже Энциклопедия Эфрона и Брокгауза. И я опять попала в мир книг.

Я закончила Грязовецкую среднюю школу. Но некоторое время училась и в Вологде, мама отправила меня в «образцовую женскую школу».

– **Была такая школа?**

– Да, была такая «Образцовая 3-я женская школа». Тогда славились 8-я школа, 1-я школа и 3-я женская. Это как ехать к мосту 800-летия, сейчас там находится какое-то ведомство. Двухэтажное здание, принимали туда учениц немного, но, поскольку у мамы в Вологде связи ещё остались, она меня туда и устроила. Но были бытовые трудности, я жила в большом городе, естественно, одна, и мама взяла меня обратно, и я уже заканчивала обучение в Грязовецкой средней школе. Очень любила литературу, писала стихи, потом поступила на филфак института в Вологде.

– Я вообще-то, мечтала поступить в Литературный институт. Это у меня была голубая мечта. Я послала документы в Москву.

– **Вы стихи послали в Литературный институт?**

– Послала заявление и запрос. Они попросили прислать печатные работы. У меня печатных работ не было. Я ходила в творческий кружок в институте. Но не решалась подавать куда-то свои стихи печатать. И правильно сделала. Стихи были бездарные. Правильные, грамотные, но настолько неинтересные, совершенно не интересные. И вот тут я – умница, сумела понять, что поэтического дара нет, сама себя хвалю (*смеётся*).

Я уже кончала пединститут, когда родители переехали в Грязовец, у меня там вся родня, всё у меня связано с Грязовцем. Я каждое воскресенье ездила туда, у меня кавалеров было много. Я ходила тогда, естественно, без очков, не скажу, что я была красавица, но была нормальная девушка, как и все молодые девушки, со своим обаянием.

Дальше вот что случилось. В Вологде я открываю областную газету «Сталинская молодёжь», а там напечатана подборка «В добрый путь» – стихи Василия Белова из Грязовца. Меня стихи заинтересовали, даже сейчас помню их названия – «Ива», «Лыжница»... Стихи у Василия Белова были не такие, как мы писали о любви, о природе и прочее.

А тут я прочла: Господи, глубина-то какая!

Я удивилась: почему я его не знаю? Я в Грязовце живу и ничего не знаю, что такое?

У меня в Грязовце кавалер был. Я при встрече спросила его: «А ты знаешь Белова?» Он ответил: «Конечно, знаю». Ну, я его тогда попросила: «Познакомь меня с Беловым». Он пообещал мне это сделать.

Мы пришли на танцы. И он меня подвёл к Василию, или Василия ко мне – теперь я уже точно не помню. Но мы встретились на танцах.

– **А где танцы эти были?**

– В Грязовецком Доме культуры, где все танцевали – и простой работяга, и сын секретаря райкома. Вот кавалер и познакомил нас. Василий на меня – ноль внимания. «А, здравствуйте, здравствуйте,

Василий, Оля», и всё – побежал. Я про себя возмутилась. Такое отношение? Да сколько ребят ко мне не равнодушными были! А тут? Какой хам? Что такое?

– **Зацепил, значит, Василий Иванович Вас, взволновал с самой первой встречи?**

– Зацепил, да ещё как! Ещё больше, чем я думала. А после я перестала думать о нём, я же не всегда ездила в Грязовец, поскольку ещё доучивалась в институте. Потом всё сложилось так. Я практику проходила в средней школе, где я училась, была уже на четвёртом курсе. На практике попала к учительнице Зверевой, очень интересная женщина. Она хорошо преподавала литературу, а муж у неё тоже интересный был – диссидент, его выслали из Москвы, Липелис Александр. Выслали за какие-то нигилистические взгляды. Он преподавал в Грязовецкой вечерней школе рабочей молодёжи. А Василий пошёл учиться туда, они подружились. Однажды я прихожу с конспектом к Кате, а там сидит Вася, он беседовал с её мужем о поэзии.

– **Выходит, неожиданно случилась вторая Ваша встреча с Василием Беловым?**

– Да, встречи этой я не ожидала. После была третья, я ещё раз приходила. И всё – мы с ним подружились. И он ко мне потеплел. Была вначале дружба именно на почве поэзии. Мы с ним вели разговоры о стихах, о литературе. Нас поэзия связала. Мне с ним было всегда интересно. Что меня удивило? Сейчас очень многие говорят, что он был деревенский. И даже Виктор Иванович Лихоносов, который очень любил Васю, написал где-то, что он на всю жизнь остался «деревенским».

– **Ольга Сергеевна, Вы с такой оценкой Виктора Ивановича не согласны?**

– Не согласна, конечно. Какой он «деревенский»? Ничего подобного! Вася уже к тому времени, когда я с ним познакомилась, пожил и поработал в Ярославле, в Перми, в Ленинграде, ходил в этих городах во всякие объединения литературные. Когда он мне сказал, что он из деревни, я очень удивилась, потому что по нему этого нельзя было понять. Потом-то я выяснила, какие корни у него были. Поначалу ничего этого абсолютно не было, ни капельки этого не чувствовалось. С ним так было интересно говорить, причём, на поэзию, на литераторов у него были свои оригинальные взгляды, необычные просто, по крайней мере, для меня.

То, что говорят на лекциях – это одно, а Василий Иванович говорил совсем другое. Я удивилась тому, что некоторые положительные герои ему не нравились, отрицательные герои, наоборот, нравились.

– **То есть, у него был свой взгляд на литературу?**

– Да, буквально на всё. Вот этим он меня уже сразил. Ну, мы близко дружили, дружба перешла в любовь. И поскольку он человек очень решительный и быстрый, то довольно скоро сделал мне предложение выйти за него замуж.

– **Вы уже тогда преподавали в школе?**

– Нет, у меня всё ещё шла практика, она была долгая – полгода. Я как-то так неопределенно отнеслась к его предложению. И он как бы, вижу, обиделся. Родители мои жили ещё в деревне, это потом они переехали в Грязовец. Ну, вот ещё были в деревне, в Погиблове. И он отправился к ним, очаровал их совершенно, моих родителей (*смеётся*).

– **Молодец, Василий Иванович! Как звучало в песне Вашей молодости: «В любви надо действовать смело, задачи решать самому, и это серьёзное дело, нельзя доверять никому...».**

– Мать мне говорит: «Ты что? Ты что? Парни у тебя какие-то совершенно глупые, они же глупые все. А Вася Белов – это, действительно, человек серьёзный, человек глубокий. Ты почему не чувствуешь этого и не видишь?» Я, прямо скажу, не знала, что ей ответить. Она ещё более меня убедила в том, что мой избранник не случайный. Я дала ему согласие.

Тогда я была уже на 5 курсе, и вот в феврале в 1958 году мы поженились. Таким образом, я стала Ольгой Сергеевной Беловой.

– **Василий Иванович в то время работал в районной газете?**

– Да, он тогда был в газете. Но его быстро выдвинули в райком. После того, как он получил аттестат зрелости, его планировали направить в Высшую партийную школу, тем более, что Белов занимал должность первого секретаря райкома комсомола в Грязовце.

В общем, ему светила карьера партийного работника, ему уже прямо говорили об этом.

А вот то, что такого не произошло, – лично моя заслуга, вот как хотите! «Только, Вася, в литинститут! – говорила ему. – Это моя голубая мечта, и ты её должен осуществить. Причем, не заочно, а только очно! Потому что моя мама говорила, что заочно закончить институт, всё равно, что заочно пообедать. Поэтому лучше – очно!»

Я его, так сказать, благословила, и он со мной согласился.

Я смотрю, к нам в гости пришёл Александр Липелис. Вместе с Василием он стал отбирать его стихи в Литературный институт.

Вася отправил туда подборку, быстро пришёл ответ из Москвы: приезжайте сдавать экзамены. Я помню, что он очень боялся иностранного языка, но всё-таки сдал, а приняли его по стихам, по творчеству.

В газете «Московский комсомолец» появилась статья о Литературном институте, о том, что пришла новая плеяда людей, и среди них, говорилось в статье, очень талантливые поэты Иван Лысцов, Валентин Ермаков и Василий Белов. Самые талантливые поэты из того набора.

Ну, Василий Иванович поступил, а потом он, естественно, с Яшиным встретился, очень большую помощь ему в продвижении в литературную среду его стихов оказал Яшин, безусловно. Он сразу увидел талант Белова-прозаика, это заслуга Яшина.

Александр Яковлевич Яшин помог опубликовать повесть «Деревня Бердяйка», за которую Василия Ивановича приняли в Союз писателей, таких было мало в Литинституте – два-три человека, не больше. И Василий Иванович стал уже знаменитостью в институте.

– **На каком курсе его приняли в Союз писателей СССР?**

– На 2 курсе, по-моему. Он меня сразу забрал, ему дали путёвку в Крым, я ни разу не была в Крыму, и Вася ни разу не был, и мы вместе с ним поехали в Крым. Это я хорошо помню.

Дальше у него хорошо складывались дела, стали печатать, всё пошло нормально.

– **Мне, кажется, что период жизни в Грязовце можно назвать началом серьёзной творческой деятельности Белова. Эта повесть о комсомоле, работа в газете, очерки, стихи. Вы как считаете, Ольга Сергеевна?**

– Да, вне сомнения, это так. Потом там было литературное объединение при редакции газеты, и Вася очень активно в нём работал.

– **Он же написал повесть «Страшнее всего – тишина», которую напечатал журнал «Молодая гвардия».**

– Она была такая комсомольская повесть, потом была и поэма комсомольская. Комсомол на него очень хорошее влияние оказал. Ведь он в комсомоле на всё смотрел оптимистически, во всё верил, наивность эта...

– **Ольга Сергеевна, но ведь искренне всё было!**

– Искренняя вера была, искренняя. Стихи его были и о Ленине, и о комсомоле. Это всё было искренне, конечно. И потом ещё одно обстоятельство. Он, хотя и родился в деревне, по профессии был рабочим. Но тут познакомился с интеллигенцией, сближался с этой средой всё теснее и теснее. Счастливым это было время, безусловно.

Но с Липелисом он разошёлся. Наверное, по каким-то политическим взглядам, я это не комментирую, поскольку не знаю деталей.

– **Всё меняется, и взгляды меняются, и люди меняются.**

– Александр Липелис прекрасно к нему относился, помогал, это надо признать.

– **Вы когда поженились, жили в Грязовце вместе с родителями?**

– Нет, нет. Отдельно. Он стал первым секретарём райкома комсомола, нам дали квартиру, там мы и жили. Потом, когда он уехал, я с родителями жила, родители переехали в Грязовец, домик у них был. Вася, когда приезжал из Москвы, приходил в этот домик. Однажды к нам в домик приехали Романов, Викулов и, самое главное – Сергей Марков, я помню. Был прекрасный вечер, в центре вечера был Сергей Марков – старый интеллигент. Господи, какая у него была речь, как он много рассказывал о Горьком, о писателях, которых знал. Да, это был великолепный вечер.

– **Ольга Сергеевна, в самой первой книге Василия Белова, поэтическом сборнике «Деревенька моя лесная», изданном в Вологде в 1961 году, есть стихотворение «Соперники» с посвящением – Оле. Вне сомнения, посвящено это произведение Вам. Не могли бы Вы вспомнить его, так сказать, «предысторию»?**

– Как же, хорошо помню. Я после института некоторое время преподавала в Погибловской школе. Вася на каникулы из Литинститута приезжал ко мне. Какие роскошные стенные газеты он мне делал! И писал, и оформлял, как настоящий художник – просто диво! Приходил ко мне на уроки, слушал, иногда даже высказывал какие-то замечания. Вот из этих впечатлений, думаю, и родилось стихотворение.

После многих и долгих месяцев,
И с дороги небритый – пусть,
Поднимаюсь по школьной лестнице,
И к учительской тороплюсь.

Ты листаешь листки тетрадок,
Хмуришь брови при виде клякс.
И, тебя не окликнув, крадучись,
Прохожу в твой любимый класс.

Вот они в рубашонках ситцевых
Мальчуганы из деревень.
За ребячьими этими лицами
Вижу завтрашний светлый день.

Смотрят будущие «коперники»
Изучающе на меня.
Дорогие мои соперники,
Светлобровая ребятня!

Расскажите, чему же учит вас
Здесь учительница одна,
И заметно ли, что соскучилась
Хоть немного по мне она?

Впрочем, вам ещё не положено
Говорить о таких делах.
Но горит огонёк восторженный
У ребят в озорных глазах.

Хитрецы! И уже доверенно
Я киваю им. Вдруг звонок.
Тише! Ольга идёт Сергеевна,
Строгий шествует педагог.

– Некоторые читатели, я встречал их и в Грязовце, на основании последней строфы этого стихотворения уверяли, что Ольга Сергеевна учила Белова в школе рабочей молодёжи, там, мол, они и познакомились.

-Нет, этого не было, это всё фантазии читателей. Ко мне в класс он приходил – мой муж, а не ученик, и было это в Погиблове.

– Начиная с учёбы в Литературном институте, Василий Иванович практически всю свою жизнь был связан с Москвой, где Вы теперь живёте. Как он относился к столице?

– Это отдельная большая тема. Он Москву очень любил. Когда его спрашивали: «Вася, а ты почему так часто ездешь в Москву?», он обычно перед родственниками, перед друзьями, перед Александром Романовым оправдывался: «Да мне же надо, Москва меня кормит». И он, с одной стороны, был прав – в Москве его печатали в журналах, рукописи издавали в издательствах, всё так. Но, с другой стороны, я видела, что он хотел в Москву, его притягивали друзья, выставки, театры. «Ты знаешь, это такой тёплый город, – говорил он мне, – энергичный». Он очень ратовал за то, чтобы русский дух в Москве сохранился, полоскал одного градоначальника за пристрастие ко всему иностранному. И даже написал вот такие стихи:

Заросла ты, Москва, бузиной,
И тебя поделили по-братски
Атлантический холод ночной
И безжалостный зной азиатский.

Не боялась железных пантер,
У драконов не кланчила милость,

Отзовись, почему же теперь,
Золотому тельцу поклонилась?

Все заставы сгорели дотла,
Караульщики пьяные глухи,
И святые твои купола
Облепили зловещие духи.

Притомясь в поднебесной игре,
Опускаются с рёвом и писком
В тишину на Поклонной горе,
В суету на холме Боровицком.

Днём и ночью по жилам антен
Ядовитая влага струится...
Угодила в Египетский плен
Золотая моя столица!

– *Да, замечательное стихотворение, правдивое, сохранившее остроту и теперь. Ныне Москва выглядит как город, всеми силами противящийся русскому духу.*

– Я отмечу, что стихотворение написано в последние годы жизни, вот что удивительно!

– *Думаю, оно ещё раз подтверждает, что Василий Иванович начинал как поэт, и всю жизнь оставался поэтом.*

– Пожалуй, соглашусь, так оно и было! Возвращаясь к разговору о Москве, ещё скажу, что он очень любил литературные музеи. Когда мы приезжали в Москву, и у нас было свободное время, он тащил меня в какой-нибудь литературный музей, а уж я его оттуда и не могла вытащить. Это теперь обращают больше внимание на внешнее оформление, а раньше были очень содержательные витрины с письмами, рукописями. Васю невозможно было оторвать от экспонатов. «Вот Пушкин! Как он писал, – восхищался Белов. – Как переделывал всё!».

А я ему говорю: «Вася, пошли, всё, устали, да и музей скоро закроют». Вот почему, когда он ушёл из жизни, у меня и возникла мысль превратить квартиру на улице Октябрьской в Вологде в литературный музей, своего рода дань памяти любви Белова к музеям.

– *Ольга Сергеевна, не раз приходилось слышать от разных людей, что Василию Ивановичу «везло» на всякие приключения, в повседневности он часто попадал в экстремальные ситуации между жизнью и смертью. Так ли оно было, или это очередной миф его поклонников?*

– Трудно мне судить, в быту, в повседневности Василий Иванович был очень самостоятельным. В то же время – да, случались неприятные истории. Однажды он поехал на лодке на рыбалку на озеро, любил один рыбачить. Лодка стала тонуть, до берега далеко, до дна глубоко. Всё же он кое-как доплыл до части озера, где был сапропель, он его и спас. В деревню он буквально приполз, потерял столько сил, что не мог идти. Об этом он сам рассказывал.

А вот я была очевидцем другой ситуации. Дядя Василия Ивановича по материнской линии жил в Венесуэле. Как это получилось? Он воевал, был ранен, попал в плен; возвращаться на Родину не стал, потому что многих арестовывали. Он остался за границей, жил в Европе, потом уехал в Венесуэлу, и там долго жил. Но всё же решил вернуться на Родину, выбрал город Моздок и переехал туда. Он нас пригласил к себе в гости, и мы поехали.

Вечером мы пошли погулять на берег Терека. Душно было, Василий Иванович разделся, с ходу – бух в воду. Думал, что это как у нас речка, а там вода ледяная, Терек же горный. Его начало сводить. Пустынное место, никого нет, дядя плохо плавает, а я вообще не умею плавать. Ужас был какой-то! Всё же он выплыл из этих бурных вод Терека, выбравшись на берег, сказал: «Я чуть не утонул, ребята!».

– *Как Вы считаете, Ольга Сергеевна, может ли Грязовец претендовать на значимое местопребывание Василия Ивановича Белова, наряду с Тимонихой и Вологдой?*

– Однозначно! Здесь по-настоящему началось его творчество, здесь он создал семью, Грязовец дал ему путевку в Литературный институт, сохранились здания, которые помнят Белова. Так что дело за малым – увековечить память о нём и проложить сюда туристский маршрут.

– *Спасибо огромное за обстоятельную и интересную беседу.*

Липецкие берега

Александр Пономарёв. Андрей Новиков

Александр Пономарёв – писатель, драматург. Родился и живет в Липецке. Автор пяти книг прозы и драматургии: «За нас. За вас. За Северный Кавказ» (2008), «Хризантемы для Эммы» (2012), «Эпоха Водолея» (2015), «Бабкины сказки – дедкины подкаски» (2015), «Охота на призрак» (2015). Окончил филологический факультет Липецкого государственного педагогического института, Республиканский институт МВД России по специальности «практическая психология». Служил в органах внутренних дел РФ. Подполковник милиции в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе.

Член Союза писателей России (2011), Межрегионального Союза писателей Украины (2010), Конгресса литераторов Украины (2010), член-корреспондент Крымской литературной академии (2012), член Академии российской литературы (2017), Интернационального Союза писателей, драматургов и журналистов (2017). Лауреат национальных и международных литературных конкурсов.

Андрей Новиков родился в селе Алабузино Тверской области. Окончил Литературный институт им. Горького. После окончания института в 1990 году работал корреспондентом, ответственным секретарем в газетах «Липецкие известия», «Липецкая газета», «Провинциальный репортер», специальным корреспондентом РИА Новости по Липецкой области, главным редактором газеты «Город Лип». Автор 5 книг. Награжден почетной грамотой правления Союза писателей России, большой серебряной медалью Н. Гумилева, премией литературного журнала «Петровский мост», VI открытой Международной Южно-Уральской литературной премией. С апреля 2015 года возглавил региональное отделение Союза писателей России. С февраля 2018 г. – Секретарь Союза писателей России.

Литературный автопробег «Великая Россия»

Путевые заметки

В честь десятилетия литературного журнала «Петровский мост» липецкие писатели Андрей Новиков и Александр Пономарёв совершили литературный автопробег из Липецка на Сахалин и обратно, преодолев на отечественных «Жигулях» седьмой модели – детище советского автопрома – без малого 20 тысяч километров

По великой России

Ездить по России советовал литераторам великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь именно для того, чтобы понять и узнать страну. Бунину приписывается афоризм: «Человека делают счастливым три вещи: любовь, интересная работа и возможность путешествовать». А знаменитое хождение Максима Горького по Руси или трудное и долгое путешествие Чехова на Сахалин? Традицию путешествий писателей продолжили и в Советском Союзе Ильф и Петров.

Заново восстановить контакты, узнать, чем дышит Россия – это и было одной из главных задач автопутешественников. Они встречались с главными редакторами литературных журналов, выступали в библиотеках, были в жюри литературных региональных конкурсов. Акция получилась выверенной и глубоко осмысленной. Их сопровождала чудотворная икона Святых Архангелов Михаила и Гавриила, которой протоиерей, писатель Геннадий Рязанцев-Седогин.

Долгие дороги

Для Андрея Новикова и Александра Пономарёва познание России началось с путешествия в Крым в 2015 году, Затем в 2017 году было долгое путешествие через весь Донбасс – почти три тысячи километров пути, далее – Приднестровье.

И вот двадцать тысяч километров на вазовской «семёрке», полтора месяца пути – с 4 апреля по 20 мая – по пятнадцати регионам страны. Ни одного казённого рубля на это путешествие не потрачено. Поездка состоялась за счёт частных спонсоров – средства не пожалели предприниматели Андрей Пономарёв, галерист Александр Назаров, писатель Олег Севрюков.

Пятнадцать литературных встреч с читателями, местными писателями, творческой интеллигенцией, автопутешественникам помогали с питанием и проживанием – писательское братство всё-таки существует.

От памятника Пушкину

Стартовали литераторы в Липецке от памятника Пушкину. Первая остановка – была сделана в дачно-усадебном комплексе Михаила Юрьевича Лермонтова в Тарханах. Холодный апрельский день поразил своим умиротворением, музейный комплекс в этот период года оказался малолюден, дом бабушки Лермонтова оказался небольшим и уютным, казалось, что поместье она обустроила исключительно для любимого внука, в доме в котором сохранились предметы быта и уникальные артефакты, принадлежавшие поэту. В усыпальнице семьи наши литераторы отдали дань последнему пристанищу Лермонтова.

Следующей остановкой участников автопробега стал город Пенза. Липецкие литераторы встретились с главным редактором пензенского литературного журнала «Сура» Борисом Шигиным. Затем состоялся «круглый стол» с сотрудниками редакции и членами регионального писательского союза СПР.

А 7-го и 9-го апреля липецких писателей встречали ещё два российских региона: Самара и столица Республики Башкортостан город Уфа. Первую остановку наши писатели сделали в Самаре, где их встречала председатель правления Самарской региональной организации Российского Союза профессиональных литераторов, главный редактор литературного журнала «Параллели» Ольга Борисова.

В Самарской областной юношеской библиотеке прошла творческая встреча, куда пришли литераторы, издатели, представители творческой интеллигенции Самары и Самарской области. Липчане рассказали о липецкой писательской организации и литературной истории нашего края. В процессе встречи перед собравшимися выступила лауреат национальных и международных фестивалей и конкурсов, сопрано Надежда Сорокина, по многочисленным просьбам слушателей Андрей Новиков прочитал свои стихи. Далее председатель правления Самарской областной организации СПР Александр Громов, пригласил наших писателей в Дом журналиста и литератора, где был проведён «круглый стол» с обсуждением совместной дальнейшей работы и современные тенденции развития региональной литературы. После чего краевед, литературовед, кандидат филологических наук, доцент Самарского института культуры Алексей Молько провёл для липецких писателей обширную пешую экскурсию по историческим и культурным местам Самары. В довершение всего литераторы прокатились на трамвае, который своим маршрутом охватывал весь исторический центр Самары.

На следующий день автомобиль с липецкими писателями прибыл в Уфу. В Национальном издательском Доме была проведена встреча с членами правления СПР Республики Башкортостан и главным редактором республиканской газеты «Истоки» Айдаром Хусаиновым. Литераторы поделились друг с другом опытом работы писательских организаций. Примечательно, что православную пасху липчанам пришлось встречать в мусульманской Уфе и с местным колоритом – кумысом и бешбармаком.

Из Европы в Азию

Завершая своё автопутешествие по Южному Уралу, Андрей Новиков и Александр Пономарёв посетили Челябинск и Курган. Путь через Уральский хребет оказался достаточно долгим – три часа. Пришлось проехать два уральских перевала – Сим и Юрюзанский. За Юрюзанским перевалом, в 16 км от г. Златоуста литераторы остановились у знаменитой стелы – знака, который делит нашу страну на два континента – Европу и Азию.

В Челябинске наших литераторов встретили председатель правления Челябинской областной организации СПР Олег Павлов и секретарь Союза писателей России Нина Ягодинцева, после чего в Центральной городской библиотеке им. Пушкина состоялась творческая встреча.

Наши земляки были приглашены в писательскую организацию Челябинска, где состоялся «круглый стол» о путях развития региональной литературы. Здесь липчан ждало знакомство с журналистом Челябинска – Павлом Большаковым. И поверьте – Челябинский Арбат лучше московского!

Покинув гостеприимный Челябинск, 12-го апреля А.Новиков и А.Пономарёв были уже в Кургане, где их встретил председатель правления Курганской организации СПР Владимир Филимонов.

В Кургане также состоялась творческая встреча в стенах областной библиотеки им. Маяковского. В подарок библиотеке гости привезли книги липецких и московских авторов, а также литературный журнал «Петровский мост» – это один из немногих журналов, который до сих пор издается в рамках традиционных русских альманахов. После липецкие писатели посетили уникальный литературно-исторический музей в с. Каширском, что в 20 км. от Кургана, а затем посмотрели экспозицию в Музее декабристов, в историческом здании, принадлежавшем декабристу М. М. Нарышкину, где бывали В. Жуковский и В. Кюхельбеккер.

Впереди была Сибирь!

Первым на пути литераторов по Сибири стал город Омск. Встречала гостей из Липецка председатель правления омской областной организации СПР Валентина Ерофеева-Тверская. Липчане были приглашены в омскую областную библиотеку им. Пушкина. Освоившись в городе, липчане прогулялись по «омскому Арбату». Так называют пешеходную улицу имени знаменитого ученого Чохана Валиханова. А пересечение улиц Ленина и Карла Либкнехта около Омского государственного медицинского университета украшает памятник ...слесарю Степаньчу. Это, по сути, единственный в России случай, когда был увековечен не какой-то выдающийся политик, военачальник или деятель искусства, а самый простой работага, без которого, тем не менее, жизнь современного человека довольно скоро превратилась бы в настоящий ад. Интересной достопримечательностью Омска, с которой познакомились отважные путешественники, стал музей микроминиаюр уникального художника Анатолия Коненко. Современный «Левша» изготавливает книги, часть из которых можно изучить только при помощи микроскопа.

Вечером 17-го апреля липецкие писатели прибыли в негласную столицу Сибири г. Новосибирск, где их встречали сотрудники редакции литературного журнала «Сибирские огни» Дмитрий Рябов, Кристина Кармалита и советник пресс-службы губернатора Новосибирской области Павел Куравский.

А. Новиков и А. Пономарёв были приглашены в Мошковскую центральную библиотеку районного центра Мошково Новосибирской области, где гостей попросили стать членами жюри областного поэтического турнира «Сибирские горизонты», после чего в Новосибирском отделении СПР состоялась встреча с председателем правления Новосибирской организации СПР Анатолием Шалиным. Завершился день в редакции литературного журнала «Сибирские огни» творческой беседой с главным редактором Михаилом Щукиным. Трассу Омск – Новосибирск участники автопробега однозначно отметили, как лучшую из всего пути от Липецка.

Сердце Кузбасса

Затем на пути липецких литераторов стала столица Кузбасса город Кемерово, посещение которого липчане начали с возложения цветов к стихийному мемориалу погибшим в трагедии ТРЦ «Зимняя Вишня».

В Кемерово А. Новикова и А. Пономарёва встречали главный редактор журнала «Огни Кузбасса» Сергей Донбай, его заместитель Дмитрий Мурзин и руководитель литературно-исторического проекта «Достоевский в Сибири» Эдуард Вестерман. Литераторы осмотрели музей-заповедник «Красная Горка». В Кемерово путешественники спустились в самую первую шахту города. Были и интересные совпадения – обедали в ресторане «Сергей Есенин», а обслуживала липчан официантка... Зинаида Райх.

После чего были приглашены в Кузбасский центр искусств на памятный вечер, посвящённый 100-летию со дня рождения известного поэта Василия Фёдорова, где липчане провели презентацию журнала «Петровский Мост».

На родине Виктора Астафьева

Далее путь наших автопутешественников лежал в Красноярск, где их уже ждали Михаил Тарковский – поэт, прозаик, главный редактор литературного альманаха «Енисей», известный широкой публике, как кинорежиссёр лент «Сильные люди» и «Замороженное время». Михаил Тарковский даже выехал перед Красноярском на трассу, чтобы лично встретить «семерку» с липецкими литератора-

ми. А в самом Красноярске липчан уже ждал председатель правления Красноярского отделения СПР Владимир Замышляев – профессор, преподаватель Красноярского авиатехнического университета.

Красноярцы провели липецким писателям экскурсию по историческим и литературным местам города. Затем организовали поездку в с. Овсянка, на родину великого русского писателя Виктора Астафьева, где литераторы посетили библиотеку им. Астафьева, памятник астафьевской «Царь-рыбе». А.Новиков и А.Пономарёв были приглашены принять участие во Всероссийском литературном фестивале «КУБ» (Книга. Ум. Будущее), где нашим писателям дали возможность выступить перед аудиторией фестиваля. Красноярск оказался географической точкой, которая обозначила середину автопробега до острова Сахалин. Теперь их путь лежал на Байкал!

24 апреля «Жигули» писателей достигли берегов Байкала. Первым на пути стал город Иркутск, где в Доме литератора нас уже ждали главный редактор литературного журнала «Сибирь» Анатолий Байбородин, секретарь правления Союза писателей России, советник губернатора Иркутской области Владимир Скиф и председатель правления СП Иркутской области Юрий Баранов. В процессе дискуссии к нам присоединился Сергей Распутин – сын великого русского писателя Валентина Распутина.

На следующий день липчане в поселке Листвянка, в 60 км от Иркутска любовались священным Байкалом и истоком реки Ангары. Здесь они остановились у памятной стелы на месте гибели драматурга Александра Вампилова, после чего, вернувшись в город, прошли по туристическому пешеходному маршруту Иркутска от памятника бабру– мистический зверь, который запечатлён в гербе города. В этом крупном сибирском городе наших писателей ждал неожиданный литературный сюрприз. В Иркутске тоже есть памятник Пушкину, вернее скульптурная композиция, где великий поэт читает знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье» жене Наталье Гончаровой. Памятник этот давно стал предметом шуток, ибо это стихотворение Пушкин посвятил не жене, а Анне Керн. Здесь же писатели не удержались от того, чтобы посетить рыбный рынок города, где попробовали, наверное, все виды северных рыб.

Покидая гостеприимный Иркутск, машина наших литераторов миновала сложный Култукский перевал, знаменитый посёлок Слюдянка, где снимался известный советский фильм «У озера» и через несколько часов достигла столицы Республики Бурятия.

В Улан-Удэ липецких писателей встречали Председатель правления литературного союза Бурятии Баяр Жигмытов и редактор литературного журнала «Байкал» Булат Аюшеев. Вместе с бурятскими коллегами липчане посетили буддийский Дацан Ринпоче Багша, откуда открывается завораживающая панорама на всю столицу Бурятии и реку Селенга.

Местный историк и краевед Виктор Харитонов провел гостям большую экскурсию по историческому центру Улан-Уде, после чего состоялась творческая встреча с редакцией журнала «Байкал». Вечером гостей из Липецка ждали в Национальной библиотеке республики Бурятии.

По диким степям Забайкалья

После Бурятии на пути А. Новикова и Пономарёва была далекая Чита, забайкальский край, растянувшийся в своих просторах на добрую тысячу километров. Здесь липчане в полную силу ощутили просторы степей, ландшафт, напоминающий, скорее близкую здесь Монголию.

С председателем правления Забайкальского отделения СПР Аллой Озорниной липчане обсудили вопросы современной литературы и сотрудничества. В каждом городе через Интернет, в социальных группах «Литературный пробег «Великая Россия», липецкие писатели вели репортажи о своей поездке. Липчанам удалось наладить живой диалог со зрителями и читателями. Многих интересовало качество дорог, стоимость бензина в разных регионах, погода, не было ли поломок у автомобиля. За автопробегом наблюдали не только в России, но и в Нидерландах, Канаде, Израиле, Украине, Грузии, США, Великобритании, Франции. Многие просили передать свои приветствия из-за рубежа своим землякам. Кроме того, липчане заметили, что у россиян появился невероятный интерес к чтению литературы. И что особенно радует – молодёжь потянулась к книгам.

Первомай встретили в Китае

Добравшись 30 апреля до Благовещенска, липецкие писатели приняли решение отпраздновать Первомай в стране победившего социализма – Китайской Народной Республике. Благо, что китай-

ский город Хэйхэ находится напротив Благовещенска через Амур. Андрей Новиков и Александр Пономарёв оставили свой автомобиль на нашем берегу и переправились в Хэйхэ на судне с воздушной подушкой – «Пума», потому, что на Амуре был ледоход. Китай встретил россиян празднично. На местном «Арбате» – большой пешеходной улице в центре Хэйхэ липчанам неожиданно удалось найти памятник Пушкину, которого, кстати, до сих пор нет в Благовещенске. Писатели обратили внимание, что в Китае сохраняется интерес к печатной книге, прямо на улицах города встречались книжные развалы, и цены на книги были минимальные, 30-45 рублей на наши деньги.

Следующий день после Первомая липецкие писатели посвятили Благовещенску. Руководитель литературно-драматической части Амурского областного драматического театра Нина Дьякова провела для липецких писателей пешеходную экскурсию по историческим местам Благовещенска. На набережной Амура состоялась творческая беседа с главным режиссером театра Павлом Рукавицыным. Уже 3-его мая А. Новикова и А. Пономарёва встречала столица Еврейской автономной области г. Биробиджан. Руководитель местного литературного музея Тамара Сафарова провела обширную экскурсию, в ходе которой наши литераторы посетили редакцию газеты «Штерн», еврейский культурный центр «Фрейд» и областную библиотеку им. Шолом-Алейхема. После чего в редакции газеты «Ди Вох» (Неделя) ответили на вопросы журналистов о целях и задачах автопробега. Впереди участников автопробега ждал Хабаровск.

Через Татарский пролив

В Хабаровске 5-го мая липчан радушно встречали их дальневосточные коллеги. В ЦГБ им. поэта Петра Степановича Комарова за круглым столом собрались писатели и поэты: Наталья Костюк, Виталий Краснер, Елена Неменко, Ирина Комар. Виктор Буря, Константин Кураленя, Владимир Иванов-Ардашев. Тепло поприветствовала собравшихся директор Централизованной системы массовых библиотек г. Хабаровска Людмила Лементович. Писатели поделились своими успехами, обсудили проблемы. Жили липчане в поселке Осиновая Роща под Хабаровском у писателя Константина Куролени, по дороге к этому поселку находилось известное место «Заимка», где после второй мировой войны находился в нашем плену последний китайский император Пу-И и где его именем названа даже улица, на которой сейчас всего два дома...

К сожалению, переправить автомобиль на Сахалин через переправу Ванино-Холмск у писателей не получилось. С Владивостока на Сахалин обрушился мощный циклон со штормом в Татарском проливе и обильным снегом на острове. Впрочем, говорить о том, что липецкие писатели не преодолели это расстояние не приходится. С учетом заезда в крупные города, а например, Благовещенск находится в 126 км от федеральной трассы «Амур», стало быть, только в этот город туда и обратно уже будет свыше 250 км, писатели «переехали» фактическое расстояние от Липецка до Сахалина на 400 км. Но именно из-за погоды и графика запланированных выступлений на острове, А. Новикову и А. Пономареву пришлось срочно пересесть на самолет и, вылетев из Хабаровска, приземлиться в Южно-Сахалинске, где их встречал председатель правления сахалинского отделения Союза писателей Николай Тарасов.

Первое мая путешественники встречали в Китае, а Девятое – день, когда вояж достиг пиковой точки – оказались на острове Сахалин. Стало быть, победили!

В Сахалинской областной универсальной научной библиотеке состоялась встреча с писателями и творческой интеллигенцией Сахалина. После чего гости посетили Сахалинский областной театр кукол, где руководитель литературно-драматической части Ольга Селезнёва провела экскурсию по цехам театра и пригласила гостей посмотреть спектакль «Уроки памяти. Помним», посвященный Дню Великой Победы. Вернувшись в Хабаровск, 11 мая А. Новиков и А. Пономарев отправились на «Жигулях» в обратный путь, уже не заезжая в крупные города и ночуя в придорожных мотелях. Путь домой занял 8 дней. Последний рывок был самый сложный, в 6 утра они выехали с Юрюзанского перевала (Уральский хребет) и за один день проехали 1389 км до Липецка, проведя в машине 21 час.

...А в мечтах у Андрея и Александра уже новое путешествие – на Русский Север, через славный город Мурманск, посещение Соловецких островов и Валаама, первой столицы древней Руси – Старой Ладogi. Будущий автопробег будет именоваться «Русь изначальная». Надеемся, что и это приключение станет захватывающим.

Берега истории

Княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская

О российской трагедии XX века. До и после 1917 года (1903 Санкт-Петербург — 1921 София)

Продолжаем публиковать фрагменты¹ воспоминаний княгини Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской (1870–1943), урождённой Калиновской, бабушки известного общественного деятеля, коллекционера, мецената Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Ранее текст никогда не был опубликован на русском языке. Здесь представлены извлечения из глав № 7 «Мать»; № 8 «Наваждение»; № 9 «Смутные дни в деревне»; № 10 «Переезд в город»; № 11 «Возвращение детей к Рождеству 1918 г.»; № 12 «Луч света в уездной жизни. Быт. Арест мужа — 1918 г.»

МУТЬ

А война, тем временем, разгоралась всё сильнее и сильнее, и всем становилось уже ясно, что в два-три месяца она не окончится. К зиме я проводила детей на работу по уходу за ранеными. Королева эллинов, Ольга Константиновна², приняла их в отряд своего имени. Она не забыла предупредить старшую сестру о приезде моих дочерей и поручила их её заботам. Дети мне писали потом с Западного фронта как об этом, так и о чрезвычайно сердечном отношении к ним всего персонала...

В таких переживаниях прошёл пятнадцатый год и начался шестнадцатый. В это время мы уже покинули Одессу и частью жили, а частью проводили лето на хуторе Захарино, при селе Тихом. Оно было приобретено из-за отличного нового дома. Захаринскому же было около двухсот лет, и потому зала и гостиные его подпирались в последнее время балками.

Ксения и Лена³ одновременно приехали ко мне на двухнедельные побывки. Я была бесконечно счастлива увидеть моих дочерей, хотя и попеременно. Казалось, что им не хватало дня, чтобы рассказать мне все свои впечатления. Часто, уже вечером, Лена приходила ко мне в комнату, садилась на кровать и, откинув свои золотистые косы, с жаром передавала мне всё, что приходилось ей пережить. Когда она вспоминала о свежих могилах, ясные голубые глаза её потухали и из них лились слёзы. Они вновь оживали, когда, опять одушевляясь, она рассказывала о красотах природы, о светлой заутрене в сосновом бору при отдалённых раскатах снарядов, о заброшенных усадьбах в гористой Галиции, о прелестных садах без хозяев, но в цвету, о геройстве и других дивных качествах нашего солдата. Бывало, только в час или в два часа ночи мне удавалось отправить её спать. Эти рассказы были описанием картин, из которых одна была поэтичнее другой. Её глаза видели то, чем жила душа.

Характер передаваемого Ксенией был иной: я слушала зрелый пересказ тяжёлых обстоятельств затяжной войны, вместе с нею переживала горе беженцев в Волынских лесах, их истощение, их тяжёлую долю, переживала и наше наступление в Галиции, и отступление, и много всяких других военных событий. Её быстрый взор схватывал сразу всю обстановку дела и видел как хорошие стороны, так и недочёты. Она, кажется, хотела бы всюду стремительно помочь и всё исправить своей несокрушимой энергией. Среди других бумаг у меня хранились полученные ею письма от солдат. Более трогательной благодарности мне не приходилось читать. Они все называли её матерью, наказывали даже своим жёнам и детям, у кого таковые имелись, до конца жизни на молитве поминать спасшую им жизнь сестрицу. Военное начальство четыре раза представляло её к военной награде

¹ Публикатор Н.Д. Лобанов-Ростовский; примечания к данному изданию Лилии Умновой и Екатерины Федоровой.

² Великая княжна Ольга Константиновна (1851–1926) — дочь Великого князя Константина Николаевича, внучка императора Николая I. Замужем (1867) за Королем Греции Георгом I (убит в марте 1913 г.). Широко занималась благотворительностью, среди ее начинаний создание военно-морского госпиталя в Пирее, где находилась база российского флота, и медицинских курсов для женщин, на которых училась и она сама. С начала Первой мировой войны находилась в России, работая в госпиталях.

³ «Ксения» старшая дочь автора, княжна Ольга Николаевна Лобанова-Ростовская; «Лена» — «сгинувшая в Совдепии» младшая дочь, княжна Лобанова-Ростовская, подлинное имя пока не восстановлено.

«за храбрость». Немало было рассказов и о разных сватовствах. Обращались и ко мне, прося руки то одной, то другой дочери, но я неизменно откладывала всё это до конца войны, как желала этого Ксения и как, я думала, будет лучше для Лены при её крайней молодости и неопытности...

«Тыл может в последний момент погубить Россию...»

Только успела я проводить моих девочек, как дня через два приехал к нам в деревню в последний раз из лагеря и Никита¹; ему не пришлось на этот раз увидеть ни сестёр, ни отца. Это был стройный, высокий и ловкий юноша, казалось – прирождённый кавалерист. Нервный, патриотически настроенный, он рвался на войну. Думалось, что он не может пережить этих нескольких месяцев, которые отделяют его от времени отправки на фронт. Он описывал мне все сражения, не видев их, обрисовывал с точки зрения стратега все положения и передавал соображения тех высших знатоков дела, которые во время лекций разъясняли им, слушателям, как частичные результаты военных действий, так и общие возможные выводы из накапливающегося опыта мировой войны. Но Никита не был простым пересказчиком; он проявлял много инициативы в обсуждении разных положений. Живые глаза его загорались внутренним огнём, и дорогая родина всегда выходила у него в конечном итоге победительницей.

Княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская. София

«Нехорошо, что били, нехорошо, что есть человек, которого всем хочется бить...»

Затрагивал он и большие вопросы столицы.

– Нехорошо в Петрограде. Осенью приедешь, сама увидишь, мама. Тыл может в последний момент погубить Россию. Я тебе не рассказывал раньше, как прошлым летом пажи и несколько офицеров, напившись для храбрости, били Распутина² в ресторане мёртвым боем, перебили ему холодным оружием несколько рёбер, а когда он упал – топтали его, надеясь добить ногами; но увидев, что он ещё дышит, раскачали что есть духу и выбросили со второго этажа на улицу...

Меня ведь уговаривали тоже участвовать в этом, но мне это показалось отвратительным, и я наотрез отказался. А как он оказался живуч: отлежался ведь в Царскосельском госпитале и опять безобразничает. Интересно, что полиция никого из пажей и офицеров даже не тронула! Но ведь Распутин через неделю, когда пришёл в себя, должен же был вспомнить фамилии своих истязателей! И бить-то пошли на подбор из таких семейств, чтобы и взыскивать-то было труднее... Не тронули, не посмели... А почему он жив остался? Ведь доктора говорили, что от половины таких ран и повреждений другой бы на тот свет отправился.

Безнаказанность этого преступления показывает, что царствует уже не прежняя сильная власть, а общественное мнение... Нехорошо всё это. Нехорошо, что били, нехорошо, что есть человек, которого всем хочется бить. Если бы ты знала, что я вижу и слышу от товарищей, в их семьях и у знакомых! А ведь всё это сливки сливок Петроградского общества. Аристократия из-за Распутина отвернулась от Престола. Мама, это к добру не приведёт. Иной раз мне хочется, пока я молод, умереть в бою за Родину, – прости, что я тебе это говорю, но так лучше, чем смотреть на петроградскую гниль.

Мама, это крупнейшая ошибка: почему они этого мужика-конокрада не прогонят? Ведь ты помнишь – недалеко ходить – у нас в Рукавишникове Мария Синягина не хуже кровь заговаривала. Пом-

¹ Князь Никита Иванович Лобанов-Ростовский (1898–1921); подлинное имя сохранено.

² Распутин (Новых) Григорий Ефимович (ок. 1864 (или 1872) – 1916), крестьянин с. Покровского Тобольской губ. Приобретя славу старца, с 1905 г. приблизился к семье Императора Николая II. Обладая способностью останавливать мучительные приступы гемофилии у Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, пользовался неограниченным доверием Императрицы Александры Федоровны. Убит заговорщиками, считавшими влияние Распутина губительным для монархии.

*Великая княжна Ольга Константиновна,
королева Эллинов*

*«Ксения»,
княжна Ольга Николаевна Лобанова-
Ростовская. София*

нишь, как Серёжа¹ разбился, и как ты испугалась, когда он весь кровью залился? А она вмиг рану промыла, прочла молитву, что-то пошептала, подула, и кровь стала в ране, как в озере, побежать не смела; через час она сгустилась и образовалась плёнка. Ведь в народе эта сила заговора есть, нашли бы другого..., не возились бы с этим ужасным мужиком: сраму то сколько, и у себя, а главное – за границую! Мама, ну а ты что думаешь?

– Деточка моя дорогая, я свою думу думаю, непохожую на петроградскую. Вот что я тебе скажу: меня одно время смущали эти разговоры, шедшие даже от лиц, которым, вследствие большой близости их ко двору, нельзя было не доверять, – потому я и склонна была кое-что допустить.

Но мне пришлось однажды, совсем ещё недавно, видеть Распутина и хорошо к нему приглядеться, и у меня создалось непосредственное впечатление, а для суждения это уже известный фонд. Также мне пришлось видеть недавно и Императрицу в московском дворце, и довольно долго с глазу на глаз разговаривать с нею по делу.

Видела я Императрицу много раз и раньше – на коронации, на приёмах, на балах и парадах... Когда взоры тысяч людей были на неё устремлены – она это чувствовала и ей это было очень тяжело, вызывало с её стороны сильное напряжение воли, чтобы не высказывать своего смущения, так как по характеру своему она очень скромна и даже застенчива. При таких обстоятельствах трудно было наблюдать за внутренним её человеком. Но в обстановке полного *relachement*², когда при непринуждённом обмене мыслей и полном отсутствии ужасного чувства, что все насторожились и вас слушают – с яркостью проявляются все качества души и дают возможность опытному человеку получить данные для дальнейших суждений. На основании как этого, так и собранных мнений серьёзных людей, которым я вполне могу доверять, я пришла к заключению о многих качествах Императрицы Александры Фёдоровны.

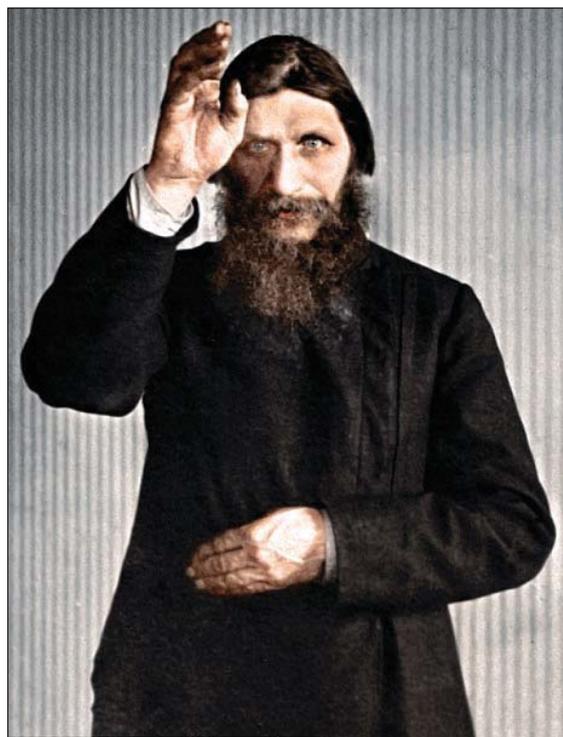
Но раньше я скажу тебе несколько слов о Григории: это умный и в высшей степени одарённый человек, но находящийся во власти тёмных сил, – потому его дары не помогают ему, а, наоборот, придают только яркость его моральному падению. Прибавь к этому полное отсутствие в нём культуры и элементарного образования, которые бы сдерживали хоть несколько разнузданный, бесшабашный разгул этого зазнавшегося хама.

¹ «Серёжа» князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский (1900– после 1952?)

² Расслабление (фр.)

Явление Божией Матери преподобному Серафиму Саровскому в день Благовещения 1831 года. Монахиня Серафима (Петракова). Ок. 1901.

Григорий Распутин (Новых)

Рассказ о преподобном

Чтобы объяснить тебе, о каком таланте и о каких дарованиях я говорю, приведу пример человека, не загубившего их в себе, а развившего в течение земной жизни. Во второй половине восемнадцатого столетия родился в Курске, в мещанской семье, мальчик Прохор Мошнин¹.

К семнадцати годам он обратился в чрезвычайно красивого, богатырски сложенного юношу, обладавшего величайшим даром любви к Господу и ближним, одарённого большим умом и волею. Зная направление своих чувств, он ушёл туда, где мог их совершенствовать. И действительно, в течение сорока восьми лет школою его подвига была Саратовская обитель и небесная церковь, которую он себе приблизил бездонною к ней любовью и непоколебимой верой.

И когда Прохор обратился в иеросхимонаха Серафима и вступил, по особому разрешению Пресвятой Богородицы, в чьём водительство он всегда находился, на путь открытого старчества, – ему было уже шестьдесят пять лет². Его прозорливость, его дары, его чудотворения, его многообразные исцеления душ и телес страждущих давно уже признали за ним право называться величайшим святым нашего времени, имя которого редкий русский человек не произносит без внутреннего трепета и умиления.

Что Распутин сделал с великими дарами?

Посмотри теперь на Распутина: во второй половине девятнадцатого столетия в Сибири жил крестьянский юноша Григорий, обладавший даром острого ума, предвидения, исцеления и остановки крови. Что же он сделал с этими великими дарами? Стал ли он приумножать их в духе пророка

¹ Прохор Исидорович Мошнин — мирское имя преподобного Серафима Саровского. Родился 19 июля (1 августа) 1754 г.

² Краткая хронология монашеского пути прп. Серафима такова: 20.11.1778 он поступил в Саровскую пустынь; 13.08.1786 пострижен в монашество с именем Серафим; в том же году рукоположен в иеродиакона; 2.09.1793 рукоположен в иеромонаха; через год переселился на жительство в Дальнюю пустыньку в Саровском лесу; 8.05.1810 переселился в монастырскую келью и ушел в затвор, неся подвиг безмолвия; в сентябре 1815 г. по повелению явившейся ему Божией Матери начал принимать посетителей и давать советы; 25.11.1825 по повелению Божией Матери вышел из затвора и принял непрестанное попечение о Дивеевской общине; 2/15 января 1833 г. отошел ко Господу в коленопреклоненной молитве перед образом Пресвятой Богородицы «Умиление».

Мошнина или в духе мирского, но мудрого человека? Да нет же, он просто вместо того, чтобы силою воли направить их на добро, употребил их во зло и, быв по фамилии Новых, получил прозвище Распутина. Он безобразничал, дрался, пил, не просвещал своего ума.

Но вот и у него наступил момент просветления. Григорий стал послушником одного из монастырей. Тогда-то многие из наших чтимых иерархов, встречаясь с ним, были поражены его дарами. Оставив монастырь так же легко, как и всякое другое из своих увлечений и попав в среду, ему непривычную, он при первом успехе потерял голову. Тут-то дьявол окончательно и овладел им. Хам вышел наружу, и Григорий с тех пор не щадил ни двора, ни себя.

А силы Григория большие и удивительные, лицо его замечательно и ужасно: на тебя глядят точно режущие, совершенно светлые небольшие глаза, сидящие в громадной орбите абсолютно чёрного цвета. Смотреть на него нельзя без внутреннего содрогания – из таких людей выходят деревенские колдуны. Вспомни действительно бывший случай, рассказанный так талантливо М.В. Лодыженским в его книге «Невидимые волны»¹.

Да опять-таки: у нас в деревне, недалеко от Рукавишниково жил колдун, который в церковь никогда не ходил и никогда не приобщался². Он мог наводить мор на скот, отводить людей от их долга, внушать недолжную привязанность и всячески за мзду продавал свою совесть. К нему шли гонимые страстью или потерявшие равновесие несчастные люди. В прошлом году он умер.

Наш батюшка мне рассказывал, что это была лютая смерть: в течение четырёх суток душа его никак не могла отделиться от грешного тела³. Он кричал, молил его убить, судороги сводили его лицо, руки и всё тело. Он всё повторял, или, скорее, рычал, что сатана со своими слугами начал его истязать уже при жизни. Руки и ноги колдуна были так сведены в момент смерти, что их пришлось сломать, чтобы положить его в гроб, а смрад от него шёл такой, что, несмотря на зиму и немедленные похороны, никто, кроме духовенства, не мог остаться в храме, хотя и много любопытных набралось к этому отпеванию. Одним словом, батюшка был не в состоянии передать без чувства содрогания всех подробностей этой ужасной смерти.

«Старчество в лице Распутина будет осмеяно, а главное, опошлено...»

Ведь дары требуют или небесного воспитания, то есть подвига, или земного, – то есть шлифовки при помощи специально знающих своё дело людей. Иначе таланты и дары, как особый груз, будут непосильны человеку и могут раздавить его духовно. Григорий на подвиг не пошёл, воспитания не получил, и вот – земля его исковеркала.

Но моменты у него были замечательные, показывающие, чем бы он мог быть, имей он другие тяготения и другой характер! Наша обида и огорчение двойные: и в России мы тужим из-за Григория, да и за границей стыда немало терпим. Ведь там этих тонкостей не понимают не потому, что не могут, – их культура так высока, что они всё могут понять, всякую тень тени; но вследствие того, что они не могут постичь непонятную для их реалистического ума духовную сторону этих явлений.

Они пишут и рассказывают, что при Русском Дворе находится его злой гений – скверный монах, или, что ещё хуже – сибирский старец. Кто возьмёт на себя труд доказать, что это неправда и ложь, которую мы чувствуем и знаем, потому нам это так и больно!⁴ Здесь явное поношение самого драго-

¹ У Лодыженского весьма реалистично и в соответствии с этнографическими записями и представлениями этнографов данного времени описывается колдовство деревенского колдуна Ивана Батогино, которого склоняют употребить свои силы и магические знания на безнравственное дело — отнять деньги ворожкой у «никому не нужной» и богатой «святоши и ханжи», старухи-помещицы (некоторая «перекличка» с «Преступлением и наказанием»). «И сила у него по заговору большая. Только вот насчет молитвы он плох; этого не может. Во святых ему не быть... – пояснил Никитка. – Не старец он а, значит, колдун... Креста боится... Вы, бары и офицеры там разные, этого не понимаете... не понимаете, как в молчанку можно разговаривать и приказания давать, а мы знаем, что такое дух, какая в человеке сила...» Заговор не удается потому, что в момент колдовства он видит помещицу молящейся и пугается креста. (Гл. VII-IX).

² Т.е. не причащался Святых Христовых Таин в церкви после исповеди для очищения души и прощения грехов.

³ По многочисленным этнографическим записям колдун не может «уйти», не передав своего черного умения кому-либо из живущих, и страшно мучается перед смертью.

⁴ Этот труд взяли на себя русские люди: писатели, государственные и военные деятели, – поставившие цель обличить клевету и засвидетельствовать правду о царствовании последнего Государя и опубликовавшие в изданиях Русского Зарубежья в 1920-х годах свои документальные свидетельства. Большое место в этих публикациях занимают размышления о роли Распутина в русской катастрофе. См.: *Н. Обручев. Подлинный облик Царя-мученика как человека, христиана-*

*Князь
Никита Иванович Лобанов-Ростовский*

*Императрица
Александра Фёдоровна*

ценного, самого прекрасного явления нашей русской жизни, поношение тонкое и преднамеренное, известно, откуда исходящее. Небольшую баснею могу пояснить тебе мою мысль: в какой-то стране приказано было убивать волков, а через границу её перебежал заяц. Когда его спросили о причине его бегства, он ответил: когда меня убьют, я не в состоянии буду доказать, что я заяц, а не волк. Вывод понятен: после того, как старчество в лице Распутина будет осмеяно, а главное, опошлено, трудно станет восстановить понимание всего величия этого явления нашей жизни.

Государыня Александра Федоровна не в силах разобраться...

Теперь перейду к другому лицу нашей русской трагедии. Государыня хорошая, не фальшивая и даже подчас слишком прямая женщина, прекрасных и благих намерений, сильной воли, огромной энергии и трудолюбия, но не в её силах было разобраться в создавшейся тогда обстановке, что мало принимается в расчёт при суждении о ней. Своих прелестных детей она воспитывает в духе труда, не позволяя им предаваться праздности и подавая пример не терять драгоценного времени напрасно, будучи всегда занятой с утра до вечера каким-нибудь делом. Как женщина, она, повторяю, очень скромна, красотой своею никогда не кичилась, искренне и всем существом своим полюбила Россию, искренне стала православною, искренне же восхищалась русским искусством, стараясь повсюду разыскать его проявление.

Она основала для этого школу в Петербурге¹. Там, шаг за шагом, по затерянным лоскуткам и образчикам восстановилась целая отрасль старинного русского производства, которая иначе могла

нина и монарха; князь Д. Оболенский. Император Николоай II и его царствование; Н.А. Павлов. Его Величество Государь Николай II; Н.М. Тихменев. Духовный облик Императора Николая II и др. // Царь и Россия. Размышления о Государе Императоре Николае II / сост. П. Белоусов. М.: Отчий дом, 2017.

¹ Школа народных ремесел (затем «Школа Народного Искусства ея Великой Государыни Императрицы Александры Федоровны»). В 1915 г. место для нее подобрал Император Николай II. Здание (наб. Екатерининского канала, 2) было построено по проекту архитекторов Н.Е.Лансере, Л.Н.Бенуа и И.Ф.Безпалова. Школа существовала до 1918 г. А. И. Бенуа назвал ее «женским университетом фольклора». В 1919 г. была реформирована в «Техникум кустарной промышленности».

совершенно исчезнуть. Там ткнут ковры, которые можно было найти только у наших бабушек, и полотно, и скатерти уже исчезающего качества и узора; там шьют, вышивают, плетут и восстанавливают русские красоты.

Эта школа русского искусства не рекламируется, о ней знает очень мало людей, и надо преклоняться перед её вдохновительницей. Я была в этой школе лично, приносила туда образчики старинных узоров и производства, которые перешли мне от матери и бабушки, и могу судить о прекрасной и серьёзной постановке её, проводимой всё тою же Императрицею, которую упрекают в недостатке любви к России.

«Ради исцеления сына, не разгадав истинный мрачный облик...»

Но не надо забывать, что и при высоте своего положения она всё же остаётся и сиротою, и одинокою. Матери и отца у неё давно нет, а приближение каких-либо лиц рождает общественные и дворцовые толки. Для исцеления её сына, болезнь которого не поддаётся лечению докторов, ей указали однажды на Григория. Повторные исцеления вызвали её бесконечную благодарность, а его дар предвидения поразил её. Вскоре лица, в своё время удивлённые способностями Распутина, разгадав его истинный мрачный облик, стали указывать на это последнее обстоятельство Императрице, но было уже поздно: побороть влияние Распутина оказалось невозможно.

Императрица, ничего подобного не видевшая у себя на родине, была поражена всем этим, а как мать – и бесконечно признательна ему. Таким образом, она привязалась своим верным и благородным сердцем к человеку, исцелившему её сына.

Но этот человек оказался проходимцем, пачкающим повсюду её чистое имя. В этом явлении трагедия её жизни. Кроме тревоги матери, у неё на сердце есть и тревоги в связи со своим высоким положением. Кому об этом сказать, на кого опереться? В лоне церкви можно было бы найти такого человека в лице Патриарха, но его нет, и все интриги клонятся к тому, чтобы его и не было.

***«...старчество прячется и зреет в обстановке,
не имеющей ничего общего с большою дорогою жизни...»***

Между тем, высшим иерархам, по многим соображениям, трудно было выдвинуть старца, а общество не указало ей на это явление, потому что и само, в своей массе, никогда не искало его и для себя. Старца надо разыскивать, старчество прячется и зреет в обстановке, не имеющей ничего общего с большою дорогою жизни. Кроме того, старчество очень разнится и по силе, и по особенным качествам отпущенных даров.

Как тут было разобраться Императрице во всех этих оттенках и тонкостях, когда и коренные русские люди не все с ними знакомы. А вместе с тем, земной её путь очень труден. Видя сеть интриг и недоброжелательства вокруг себя, она ещё больше запутывается, цепляется за предполагаемую опору и с упорною экзальтацией отстаивает Григория, предполагая удержать в нём дух одухотворённого и одарённого человека себе на помощь.

«...душа её требует постоянных чудес...»

К тому же, когда она прикоснулась к явлениям сверхъестественного порядка, то всё остальное уже побледнело для неё, и душа её требует постоянных чудес. Таким образом, и в этом отношении она вступила на неправильный духовный путь – на желание постоянных знамений, этого редкого подарка с неба, даже при общении со старцами.

Если бы русское общество сознавало величие старчества и привыкло бы черпать духовные силы у его представителей, то не подпала бы несчастная Императрица-иностранка в руки пройдохи. Мы стали плохи и сами виноваты в своём посрамлении у себя и за границею. Так-то, моя дорогая деточка.

«тут какой-то рок...»

– Мама, тебя слушая, чувствую, что ты права, а как приедешь в Петроград, то снова подпадаешь под влияние тамошних разговоров. Почему Государь не уступит и не прогонит эту мразь? Он ещё больше после этого владел бы сердцами людей. Ему достаточно один раз поговорить с человеком, чтобы приковать к себе его сердце на всю жизнь, его обаяние бесконечно, а поступки бывают так идеально красивы, что забыть их невозможно. Почему же в этом вопросе они оба слепы? Их с детства обучают такту – почему же они не видят, как все мучаются от близости к ним Распутина?

– Тут какой-то рок: пути Господни неисповедимы, а я всё же счастлива, что ты не истязал Григория!

– Но ты будешь довольна, мама, если кто-либо другой его убьёт? – Это клубок противоречий. Но помни, мама, я тебе одной всё рассказываю, ты понимаешь, – это вопросы чести, а за выдачу товарища отвечают своей жизнью.

– Не повторяй мне этого: твоя честь есть и моя тоже. Нельзя жить, не открывая никому своей души. Мать не продаст и не изменит. Я могу предполагать имена действующих лиц, но ты в сущности никого ведь и не называл, так что и тревожиться не о чем. Я старше тебя и рада помочь разобраться в запутанных клубках жизни. Теперешний – особенно тяжёл. Вот Саша всё повторяет: «On se joue de la dynastie»¹.

Я боюсь его предчувствий, а ты – кому присягал, тому и оставайся верен. Господь разберёт – Его святая воля, а не наше дело.

– Все пажи, мама, верны. Среди нас никто не изменил престолу и родине, – сказал он с чувством гордости за свой корпус.

Я хотела поправить, сказав, что и другие корпуса и учебные заведения дали бесконечное количество героев, но подумала – пусть гордится своей родной школой, это только ему на пользу – и, промолчав, поцеловала его. Наша беседа на этом и кончилась.

Скоро истёк отпуск Никиты и он уехал в Петроград...

«...всё переменялось в России...»

Да, действительно, всё переменялось в России, если безнаказанно, в зале, полном полиции, можно было призывать к кровавым действиям свой народ. Не хочется даже вспоминать имена лиц, слова и поступки коих были столь роковыми для нас, русских...

Пред нами вставали воспоминания Оптины, старцев, дорогих Елены Александровны и Сергея Александровича, – его предчувствия о грядущем наказании России, его рассказы о предупреждениях преподобного Серафима и всего русского старчества. Мы чуяли, что надвигается что-то жуткое и страшное, но что именно – мы не в состоянии были облечь в реальную форму. Государь не сумел или не мог пред любимую женою поступиться Распутиным, этою сатанинскою карикатурою старчества, петербургское общество не хотело или не могло ждать конца войны и нести свой крест с терпением. А злые силы нашёптывали, лгали, работали, издевались и клеветали. Уже открыто в обществе, на железной дороге, на улицах поносили Двор и Распутина.

Государь был на редкость обаятельным человеком, до войны Россия достигла при нём небывалого развития во всех отраслях; она шла к полному своему расцвету шагами гиганта, и надо же случиться такой нелепой истории, как распутиновщина, чтобы отшатнуть высший класс государства от Царя и этим, в сущности, произнести приговор над ним. Не отвернись общество, будь Патриарх – не было бы и революции.

Ни для кого не является тайной, что в марте 1917 года, вследствие всего этого, готовился дворцовый переворот, а потому, боясь его, силы другого лагеря поторопились провести свою февральскую «бескровную» революцию, затопив в крови и Двор, и всю Россию. Таким образом, то, что было произведено два года спустя кучкою отбросов и палачей в Екатеринбурге², было лишь следствием окончательного разрыва общества со своим Государем в шестнадцатом году.

¹ Династия поставлена на карту [*прим. автора*]

² В Екатеринбурге, в доме Ипатьева, в ночь с 16 на 17 июля 1918 года Император Николай II, его семья — Императрица Александра Феодоровна, юные Великие княжны Ольга, Татиана, Мария, Анастасия и Цесаревич Алексей, — а также четверо верных слуг были зверски убиты большевиками.

Я шаг за шагом следила, в бессильном оцепенении, за этой трагедией. Раздражение было сильнейшее, смена министров стала уже почти неприличным явлением, нервозность обеих сторон была максимальная, сдержанная у Государя и не сдерживаемая в обществе¹. Духовный разрыв Петрограда с престолом произошёл окончательно, а репрессии после смерти Распутина ещё сильнее распалили страсти².

Катастрофа февраля 1917-го и побег в деревню

Двадцать седьмого февраля 1917 года разыгралась всем известная трагедия. Окна моей квартиры выходили на Литейный проспект, и здесь, более чем где-либо, можно было видеть отвратительное зрелище разбушевавшегося в человеке зверя. Ревели орудия, шла стрельба, стучали пулемёты, падали люди. Наискось от наших окон застрелился офицер, почти мальчик, когда взвод отказался ему повиноваться. Тело оттащили к ближним воротам, а лужу крови запорошило снегом.

Проносились осёдланные лошади без седоков. Жуткое зрелище! Вот умный конь остановился на мгновение на перекрёстке улиц – отовсюду стреляют. Куда бежать и где искать спасения? ... взор ищет выхода, голова поднята, грива развеивается на ветру и, не находя помощи, конь бросается карьером вперёд...

А всюду и везде снуют какие-то темноватые, непонятного вида люди. Тяжко и страшно на душе! Под окнами уже проходит ликующая и одуревшая толпа, которая особенно жутка ночью, на фоне зарева от горящего Окружного суда.

День за днём положение делается всё серьёзнее. Сердце сжимается при мысли о судьбе Царя и его, да и нашей собственной, разбросанной семьи. Где и как они проводят эти ужасные дни? Тяжело нам, но каково должно быть Государю³! Началось то, что мы, дети Оптиной⁴, давно ожидали! Мы

¹ Эта «нервозность» усиливалась распространением мифов о Распутине («конокрад», «хлыст», «старец», «обладающий неограниченной силой и влиянием на государственные дела»), с одной стороны, и чудовищной клеветы на Императрицу и всю Царскую семью, – с другой. «Каждое новое появление Распутина в столице неизменно сопровождалось возобновлением старых и появлением новых интриг. Из интимной переписки Государя Императора с Государыней Императрицей явствует, что когда Государыня сообщала Государю о советах или просьбах Распутина, Государь в своих ответных письмах неоднократно отвечал лаконической фразой решительного отказа: “Наш друг в этих делах ничего не понимает” или: “Наш друг дает весьма странные советы”. Иногда, в очень редких случаях, эти советы или просьбы Распутина независимо от него совпадали с собственными пожеланиями Государя» (Н Обручев в кн.: Царь и Россия. М.: Отчий дом, 2017. С. 39). Более подробный и конкретный рассказ о смене министров см. в воспоминаниях князя Дмитрия Оболенского (Там же. С. 152 – 154).

² Более подробно о роли Распутина и развитии переворота см., напр., в воспоминаниях Н. Обручева: «...эксплуатировалось самое большое несчастье в жизни Царской семьи <болезнь Наследника>, а из Распутина создавалась какая-то фантастическая политическая величина, имевшая неограниченное влияние на весь ход государственных дел России. Клевета же делала свое дело, и в конце концов из Распутина был создан жупел, которым широко пользовались для своей пропаганды Государственная Дума, безответственные подрывные революционные элементы и Немецкий Генеральный штаб. Этот распутинский фантом был окончательно зафиксирован его убийством – ненужным, гнусным и отвратительным преступлением, совершенным 16 декабря 1916 года, и был, собственно говоря, первым толчком к дворцовому перевороту, немедленно превратившемся, с падением единственного государственного авторитета, каким был Царь-мученик для всего населения России, в тот “жестокий и бессмысленный бунт”, который постепенно захватывал народные массы России на том основании, что народ пришел к заключению, “что, раз баре Царя сбросили, теперь все можно”. Эту фразу можно было слышать по всей России, и стала она лейтмотивом того отвратительного явления, обильно политого кровью лучших русских людей, которое Керенский и его соумышленники и сотрудники по уничтожению России называли “великим, бескровным Февралем”» (Царь и Россия. М.: Отчий дом, 2017. С. 39).

³ В марте 1917 г. оппозиция и революционеры осуществили свои планы по свержению Русского Государя. Используя своих сторонников в Ставке, заговорщики захватили царский поезд и блокировали Государя в Пскове. Одновременно в Петрограде было свергнуто законное правительство и провозглашено «Временное» во главе с Керенским. В газетах был опубликован «Манифест» Николая II от 2 марта 1917 г. об отречении от престола. В этот день Государь записал в своем дневнике: «Кругом измена и трусость и обман!» Царь и его Семья были арестованы.

⁴ «Дети Оптиной» — духовные чада преподобных Оптинских старцев. В Оптиной пустыни бывали В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.А. Ахматова. Количество посетителей здесь не перечислить, оно огромно, это и Гоголь, Жуковский, Тургенев, Хомяковы, Аксаков, Тютчев, А.П. Толстой, братья Чайковские, Рубинштейн, Вел.Кн. Константин Константинович и его дети, убитые в Алапаевске, Поселянин, С.М. Соловьев, Есенин и мн. др. Последний настоятель Оптиной пустыни – преподобномученик архим. *Исаакий II* (Бобраков) был расстрелян большевиками в 1928 г. Его предшественник – старец иеромонах *Никон* (Беляев) претерпел мучения и скончался в изгнании в 1931 г., как исповедник. В эпоху Большого террора несколько лет на территории Пустыни был концлагерь «Козельск-1». Преподобные оптинские старцы официально канонизированы РПЦ в 2000 г. Многие из насельников Оптиной пустыни были замучены большевиками и канонизированы в чине новомучеников. Монастырь восстановлен в 1987 г.

знали, что как только народ русский пойдёт против Царя – всякие бедствия начнутся на Руси, и реки крови покроют её. И только ради веры и святости избранных не даст Господь окончательно погибнуть Державе Российской.

Мысль о том, как бы собрать семью – не покидала меня. Скоро приехал с фронта Костя, чтобы никогда больше туда не возвращаться. Как его ни удерживали корпусной и дивизионный генералы, сколько благодарностей у него ни было от них, он считал, что его работа, при начавшемся разложении войск, будет бесполезна, а потому и оставаться дольше на фронте смысла нет. Сдав заместителю всё имущество и дела, двадцать четвёртого марта он приехал в Петроград. Между тем, город готовился к очередной нелепости – торжественным похоронам жертв революции.

Костя остановился у брата, дом которого был гораздо ближе к Варшавскому вокзалу, чем моё помещение на Литейном. И только днём ему удалось меня навестить. Мы сговорились съехаться на следующий день на Николаевский вокзал к отходу определённого поезда. Однако это легче было сказать, чем сделать: особым распоряжением всякая езда по городу в этот день была запрещена. А на моём попечении было пять оставленных детьми довольно крупных вещей, которые я должна была отвезти в деревню. Особенно смущал меня своим объёмом Сашин сундук. Долго я придумывала выход. Наконец, решила сложить детские вещи и мой небольшой багаж на дворничьи салазки для дров и при помощи двух горничных повезла всё это на вокзал. Девушки тянули, я сзади подталкивала. Снегу было очень мало, и полозья визжали на камнях. Везти было очень трудно. На наше счастье, какой-то растерзанный солдат, встретившийся на бывшей Малой Итальянской, предложил быть коренником.

– Хорошо, помогай, но больше пяти рублей дать не могу.

– Ладно. Ну, пристяжные¹, не отставай!

С шутками и прибаутками служивый с горничными домчали сани до вокзала. Я почти бежала за борзым коренником.

Костя ждал меня у вокзала, он с ужасом наблюдал за этой дикой картиной. Но всё кончилось благополучно, солдат вещей не присвоил, я расплатилась с ним и отпустила девушек, которые остались при квартире. Носильщик забрал багаж.

– Костя, как же ты-то добрался до вокзала?

– Мой способ едва ли был лучше твоего: два дворника на шестах, как на коромыслах, несли мой багаж.

Поезд опаздывал, и нам пришлось довольно долго ожидать в неузнаваемой зале первого класса. Вся оплёванная, затрёпанная, она была полна «товарищами». Вагоны оказались уже значительно загрязнёнными, первый класс был жалким подобием прежнего; однако пускали в него ещё по оплаченным билетам соответствующего назначения, потому он был, как и всегда, полупустым². Мы радовались поездке, мечтая начать собирать расплывшуюся семью и надеясь, что в деревне всё же будет лучше, чем в Петрограде, откуда гниль, по нашему предположению, должна была, но всё же с некоторою постепенностью, распространиться по России.

Праздник прошёл тихо и как-то нерадостно; жизнь в деревне со дня на день становилась всё

Великая княгиня
Анастасия Николаевна Черногорская

¹ Имеется в виду старинная русская запряжка трех лошадей для быстрой езды в санях: в центр запрягается *коренник* – самая сильная лошадь, которая идет размашистой рысью; к ней с двух сторон пристегиваются *пристяжные* лошади, скачущие галопом.

² Стоимость билетов в 1 классе стоила в полтора раза больше, чем во 2-ом, а во 2-ом – в полтора раза дороже, чем в первом. Зеленый вагоны 3-го класса обычно перевозили «простой народ», желтые 2-го оказывались востребованными обеспеченными слоями общества, синий же 1 класс, как правило, оставался полупустым из-за дороговизны билетов.

тяжелее. В конце мая появился из училища Серёжа, который привёз невесёлые вести: всяк, кто мог, – бежал из Петрограда. Вести о Царе и о его семье немало угнетали всех¹.

Мы ехали с тревожными думами на сердце, понимая, что русская неразбериха может закончиться только пугачёвщиной. Что предпринять? Где спастись? От Лены пред моим отъездом была получена тревожная телеграмма, которой она запрашивала меня, как ей поступить. Приехав к месту своей новой службы, дочь не застала там Великой княгини Анастасии Николаевны², в распоряжение которой должна была поступить. Мои телеграммы, видимо, не доходили, а письма, даже заказные, пропадали бесследно...

Встреча с послушницей

Зато пришло одно письмо, которое меня очень обрадовало: оно было от Маши³. Она писала из своего монастыря и, со свойственной ей аккуратностью, точно указывала день и час своего приезда к нам в деревню на месяц. Накануне этого дня Саша⁴ уехал гостить в соседнюю губернию к своему приятелю, и кучер остался дожидать мать Марию.

Как я счастлива была, наконец, её увидеть! Что за чудесная мысль осенила её – навестить нас именно в такое время! О чём только мы не говорили с нею и что только не вспоминали... Обсуждали теперешнее положение России, Церкви, положение Царской семьи и всех нас, задумывались над будущим, прикасались к дорогому прошлому. Сколько незабвенных воспоминаний соединяло нас: наша молодость, моя свадьба, первые годы моей замужней жизни и всё остальное, уже известное читателю. Обменивались мы впечатлениями об Оптиной, о старцах, о чудной семье Нилус⁵; много говорили о детях – о Кирилле, о Васе.

Маша рассказывала и о себе; лицом она совсем не постарела, наоборот, утончилась духом и словно помолодела. Она была уже в рясофоре, и я чувствовала, что только по смирению отодвигала день пострига и получения мантии⁶. Монашеское одеяние удивительно ей шло. Она вся была тишина и скромность, а глаза её были полны доброты и кротости. Мать Мария много рассказывала про свою обитель, про грядущего хама⁷, уже и туда протягивавшего свои отвратительные лапы...

Видение послушницы о будущем России

– Снилось мне, что я царская дочь, а отец мой вместе с тем и Царь Вселенной. Ему предстоит судить какую-то прекрасную собой и величественную женщину. На суд в назначенное время были приглашены иностранные представители, наши и прочие знатные лица. В великолепном дворце Царя, в одной из зал, стояло возвышение, на котором лежала на спине, будто спала, женщина необыкновенной величины, дивной красоты и в драгоценной одежде. Все приглашённые так же, как и я, стояли вокруг и смотрели на неё. Среди полной тишины вдруг послышался голос: «Царь идёт!» Двери распахнулись, и вошёл во всё своём могуществе и великолепии, при общем благоговейном молчании, мой отец, Он же Царь Вселенной. Трепет любви, восторга и поклонения объял меня,

¹ До августа 1917 г. Временное правительство содержало Царскую семью под арестом в Царском селе. Затем пленники были переправлены в Тобольск.

² Видимо, *Вел. княгиня Анастасия Николаевна Черногорская*.

³ *Мать Мария*, бывшая горничная княгини Маша, Марихен, духовно близкий ей человек; в описываемое время монахиня *Дугиненской обители*, в 45 километрах от Калуги, игуменьей которой была София (Гринева), подлинное имя героини сохранено.

⁴ «Саша» князь *Николай Иванович Лобанов-Ростовский* (1891–1969), старший сын княгини.

⁵ *Сергей Александрович Нилус* (1862–1929) религиозный писатель, несколько лет живший с семьёй в Оптиной пустыни.

⁶ Существуют три степени монашеского пострига: *рясофор*, *мантия* (малая схима) и *схима* (великая схима). Рясофорный монах (монахиня), или «инок» (инокия), облачается в рясу и клобук; он не произносит монашеских обетов, но даёт обещание Богу вести непорочную иноческую жизнь. При постриге в мантию дают монашеские обеты: безбрачия, послушания и нестяжания; постригаемый нарекается новым именем, облачается в мантию; его называют «мантийным монахом» или просто «монахом». Постригаемому в схиму нарекается новое имя, он облачается в схиму (куколь), его называют «схимником», или «схимонахом».

⁷ «*Грядущий хам*», СПб, 1906 — Сборник, составленный Д.С. Мережковским, где в его одноименной статье было предсказано скорое появление сил, уничтожающих русскую и мировую культуру, — «хама», питаемого мешанством, пошлостью, хулиганством, атеизмом и пр.

глядя на неопишемую красоту и величие Царя. Он подошёл к лежащей спящей красавице, положил свою правую руку под её затылок и вмиг, точно деревянную трость, переложил её лицом вниз. О, ужас! Открылась её нагота и позор! Она оказалась совершенно без одежды. Я стала сры- вать с себя, что могла, чтобы покрыть её, но это было напрасно, так как женщина была слишком велика. Вдруг слышу громкий голос моего отца: «Принесите орудия казни!» Я затрепетала от ужаса и открыла глаза. Видение кончилось.

– Это Россия, Маша. И её судьба. И это как бы дополнение к моему сну о кровавом млечном пути. Это наказание России за то, что она перестала быть Святою Русью: она выпьет чашу позора пред всем светом. Замечательный сон, Маша; вы сама, верно, чувствуете, что он принадлежит к разряду «зрений» – так, по крайней мере, думается мне, и всё, до мельчайших подробностей, должно исполниться в нём.

– Вот и я так полагала, но как это ужасно... А я всё же уверена, что не до конца прогневался Господь на Россию!

Много раз мы ещё обсуждали Машин сон, как и всё, совершающееся кругом, а время летело, и месяц пребывания у нас прошёл незаметно. Как грустно, как тяжело было мне расставаться с нею, точно с её отъездом отрывался кусочек моей души. Мне казалось, что сама она вступает на крестный путь. Будущее монастырей и обитателей виднелось мне в тяжёлом тумане. Мы все вышли провожать Машу. Я долго смотрела ей вслед. Приведёт ли Господь ещё нам свидеться с нею на земле? Милая, дорогая Маша, выдержит ли её здоровье суровые условия постоянного недоедания и нескончаемые тревоги за судьбы родины, которую она любила также сильно и верно, как верна и крепка была её душа?! Она всё боялась, что при слабости здоровья может наступить время, когда она станет бесполезной для обители. И это предположение настолько мучило Машу, что ей уже хотелось поскорее отойти к Господу, чтобы не быть в тягость монастырю в дни лихолетья.

«...Всё становилось плохо: и люди, и товары»

Всё становилось плохо: и люди, и товары. Я не могла, например, достать подходящую обувь для Кирилла¹. Можно было только найти залежавшиеся третьекачественные башмаки с острыми носами, совсем не подходящие для ребёнка. Не долго задумываясь над этим, я сама, урывая время между укладкою вещей и занятиями с Кириллом, сшила ему пару башмаков. За неимением кожи взяла чёрную плотную материю, выкроила из неё заготовку, приладила кожаный носок из перчатки, устроила шнуровку и приделала верёвочные подошвы. На моё счастье, я когда-то изучила два ремесла – делать башмаки и шляпы. И как мне это пригодилось!

Каждая страна производит свою плетёную обувь,сообразно материалам, которые в ней имеются. У нас в России дошли в этом отношении до виртуозности. Я видела бальные туфли (а потом и сама научилась изготавливать подобные), сделанные в монастыре, из голубой парчи с модным обтяжным каблуком и с заплетённой шпагатом подошвою. Это было настолько красиво и элегантно, что трудно придумать что-нибудь лучшее. Отсутствие кожи и её дороговизна стали выдвигать в России, с семнадцатого года, все виды верёвочного башмачного производства, кормившего многие семьи. Кирилл, к счастью, не смущался своею обувью, а, наоборот, даже щеголял ею, так как ему было приятно, что это было сделано мною...

*«Кирилл»,
князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский*

¹ «Кирилл» князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1907–1948), отец Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

В октябре в Москве «палили по святыням и куда попало»

В октябре я решила ехать в Москву и Петроград, надеясь ликвидировать квартиру и спасти, что было возможно. Однако выбор времени выезда оказался неудачен, и я попала в Москву ко дню её бомбардировки. Пробраться к родным мне не удалось: езда по городу почти прекратилась, палили по святыням и куда попало¹.

Руководили действиями не только большевистские заправилы, но частенько и немцы – из засад можно было услышать их команду: «Feuer!»²

Я тут же поспешила обратно на вокзал, пройдя не больше нескольких кварталов. Даже пешеходам путь часто преграждался: ходить по улицам было тяжело, жутко и опасно. Однако поезда шли безостановочно. К Петрограду я подъезжала, когда велись военные действия близ Царского Села, откуда доносился далёкий гул снарядов.

По приезду я немедленно же ликвидировала квартиру, но ничего не смогла ни спасти, ни достать. Новая власть уже наложила на всё свою порочную руку. Кто мог, из родных и знакомых, в панике от всего происходящего бежал, спасаясь и от голода, и от большевиков. Саша тоже уже решил бежать на юг, советовал это и нам. Таким образом, мне ничего не оставалось больше делать, как выехать обратно в Москву. Я попала туда в страшные и роковые дни, когда власть переходила к большевикам. Остановилась я у родных, буквально терроризированных всем происходящим. Трудно было узнать Москву: жизнь в ней стала скорее лагерной, чем городской. Всюду видна была неопишуемая грязь, город был наполнен растерзанными солдатами и всяким тёмным людом. Я оставалась в Москве не больше трёх-четырёх дней...

«Какая-то сила угнетала всех и вся...»

Спеша домой, я ужасалась от мысли ехать по железной дороге. Действительно, вагоны первого класса стали неузнаваемы: их коридоры и уборные были полны солдатами-дезертирами, мешочниками и всякими проходимцами, которым страшно было попасться на глаза. Я села в пустое купе. Через полчаса после отхода поезда какой-то парень уже орал в коридоре на мой счёт, подбивая своих товарищей:

– Да ты чего сумлеваешься, несознательный ты, а мне видать, что буржуйка, нечего с нею канителиться, швырк её через окно на рельсы, и была такова...

Притаив дыхание, я сидела в купе, ожидая худшего. К счастью, Господь послал мне на следующей станции двух приличных пассажиров, и хулиган замолк.

Погром и грабеж

Дома я застала тоже нерадостную картину: с водворением новой власти волна погромов усилилась. Разъезды казаков не успевали спасать усадьбы. Молодёжь из класса землевладельцев и городской интеллигенции большей частью находилась ещё на фронте, а оставшиеся в городе совершенно не были организованы, да и чувствовалось полное отсутствие у них подъёма и энергии: какая-то сила угнетала всех и вся.

В конце октября стояла невылазная грязь и слякоть. Управляющий по несколько раз в день телефонирует нам, предупреждая, что не может больше отвечать за вещи, если казаки немедленно же не придут.

Первого ноября, в семь часов утра, вновь послышался тревожный телефонный звонок. Я накинула халат и из спальни поспешила в залу. Управляющий взволнованным голосом убеждал немедленно прислать казаков:

– Дом мой окружён бабами, их около полтораста. Хоть мужиков и не больше пятнадцати, но меня всё же не выпустят живым, если я не отдам им вещи. Сегодня ночью и на усадьбе уже кое-что вы-

¹ В ходе Московского вооружённого восстания (с 25 октября / 7 ноября по 2(15) ноября) большевиками были совершены варварские артобстрелы Кремля. Святыни Кремля серьезно пострадали от бомбардировки: были повреждены Успенский, Благовещенский соборы, собор 12 апостолов, колокольня Ивана Великого, Патриаршая ризница. Пострадали кремлевские башни, часы на Спасской башне остановились, надвратный образ святителя Николая на Никольских воротах был разрушен.

² «Огонь!» (нем.)

кralи, – они там и стёкла высадили. Бабы от меня теперь не отойдут: они порешили начать с этих сундуков и разобрать себе всё на наряды. Они же подстрекают мужиков и застрашали солдат, которые потому сговорились охранять только спирт. Умоляю помочь.

Я отошла от телефона в сознании полного бессилия: мы вызывали казаков все предшествующие дни и разговаривали с их старшим. Он имел приказ защищать достояние казны – спирт, на винокуренном заводе в другом конце уезда. К тому же казаки не спали уже две ночи, а им нужно было во что бы то ни стало отстоять цистерну. Он боялся, что от пьянства начнутся эксцессы ещё худшего порядка, как то было именно в соседнем уезде, где одна деревня пошла на другую, лилась кровь, и крестьяне тонули в водке. Нам от этого было не легче. Через полчаса опять послышался звонок по телефону, и я подошла вновь:

– Дольше держаться не могу, меня пришли предупредить, что бабы возьмут дом силой, если я не впущу их сам. Вот послушайте...

Управляющий перестал говорить, слышался стук, крики, грохот, упало разбитое стекло...

– Началось, началось! – крикнул в отчаянии управляющий и бросил трубку на стол.

Я продолжала слушать происходившее: падали стёкла, слышался глухой шум, как от потока воды, возня, отвратительные вопли, всё яснее и громче, но затем всё смешалось в один протяжный гул и стук от разбиваемых ящиков и замков, от крика и от топота. Над всем этим стоял как бы торжествующий вой. Я бросила телефон, ужас наполнил душу. Точно произошло святотатство. Ведь там находились образа: и благословение тата с её надписью и заветом мне на жизнь: «На любовь и верность», чудотворный образ Божьей Матери в золотой ризе, – фамильная драгоценность, которую я, из-за её ценности, боялась взять с собой в город. Были там и вещи моего мальчика, – и до них дотронулись воровские руки, и их они ворошили... о всём другом я уже и не помышляла, раз самое дорогое уже было расхищено

Костя перенёс это событие стоически: всеобщность участи если не смягчала, то притупляла печаль.

Вскоре после этого произошёл погром и всей экономии. Управляющий Тихого¹ готовил документы о причинённых убытках, а я составляла по нашей инвентарной книге опись всего разграбленного в доме, поторопившись закрепить происшедшее у бывшего члена Окружного Суда обеспечением доказательств погрома. Кроме ценных вещей у нас были и музейные экземпляры – память о них хотелось закрепить судебным актом. День формальностей был и последним днём, когда священник ещё имел законное право, то есть, не отменённое декретом, приводить свидетелей к присяге, и они могли подтвердить свои показания целованием Креста и Евангелия. Уже тогда, опасаясь разгона, мы у судьи прислушивались к каждому стуку, выглядывали на улицу из-за плотно натянутых занавесок, чтобы следить за проходящими. Но, к счастью, всё обошлось благополучно, без инцидентов, и я вскоре же получила на руки судебный документ.

Между тем, подходила зима с её холодом и снегом...

Возвращение детей к Рождеству 1918 г.

Тысячи и тысячи солдат бежали с фронта, и только крайняя необходимость могла заставить ехать с ними вместе. Беда была попасть в эту разбушевавшуюся стихию – их разговоры, брань и общее поведение нельзя было даже описать словами. Сама Ксения была очень худа и изнурена; только вследствие её нервного подъёма мы не сразу это заметили. Накормив её и согрев, я поспешила поскорее уложить её отдыхать. Она спала, с перерывом для еды, около суток, но зато встала совершенно освежённой и бодрой. Опять пошли нескончаемые рассказы об ужасах бегства, о солдатах, об обнажении фронта, о различных моментах развала нашей, когда-то лучшей в мире, армии². Теперь картина этой трагедии

¹ *Тихое* условное наименование одного из имений Лобановых-Ростовских.

² Первым и самым важным толчком к развалу армии стал Приказ № 1 по Петроградскому гарнизону о демократизации армии, изданный 1 марта 1917 г. В первом пункте приказа было сказано: «Во всех ротах, батальонах, полках немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов». Выборные солдатские комитеты получили право осуществлять контроль над действиями командования. Положения приказа были вскоре распространены на всю армию. Следствием этого приказа стало резкое снижение ее боеспособности — падала дисциплина, исчезала координация между армейскими соединениями, армия превращалась в инструмент политической борьбы. Один из авторов приказа, меньшевик Иосиф Гольденберг, говорил в марте 1917: «Приказ номер один — не ошибка, а необходимость. В день, когда мы “сделали революцию”, мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили — я смело утверждаю это — надлежащее средство».

всем доподлинно уже известна, но тогда, за неимением газет, устные рассказы были единственно более или менее верными сведениями, доходившими до нас. Мы не могли считать советские «Известия» за газеты, так как их безудержное и отвратительное враньё всем было очевидно...

«Беда попасть в разбушевавшуюся стихию ...»

Перед Новым Годом опять случилась у нас неожиданная радость: пришла телеграмма из Орши от Никиты, извещавшего о скором своём приезде, а через день он уже был с нами. Тонкое лицо его подёргивалось, углы рта сжимались, глаза горели нервным огнём. Четверо суток он не спал и не ел, а из вещей у него осталось только то, что было на нём. Но он был жив и находился с нами – тогдашнее счастье наше по этому поводу трудно теперь и описать. Приезд Никиты домой ознаменовался, прежде всего, генеральным мытьём и дезинфекцией его платья. Орудовала Ксения, ловко и быстро. Затем мы принялись отпаивать и откармливать Никиту. Какое счастье было, что у нас оказалось тогда своё молоко, хлеб, яйца, картофель и капуста! Мы придумывали всё, что только было возможно, лишь бы укрепить питанием силы прибывшего сына.

Никита бежал из Смоленской губернии, где его эскадрон, как и в Калужской губернии, участвовал в удержании местного населения от погромов. Полк, забыв традиции и былую доблесть, стал понемногу разлагаться, захватывать казённое имущество и офицерские вьюки. У Никиты было и очень хорошее бельё, и прочие вещи, которыми тоже завладели солдаты. Тогда вахмистр Будённый, желая, видимо, помочь офицеру, почти мальчику, предложил ему выкупить их у солдат за двести рублей. Никита отказался пойти на компромисс и потребовал возвращения как своих вещей, так и казённого имущества. Конечно, это разъярило и без того возбуждённых солдат, и они ему пригрозили самосудом. Всё происходило во дворе, где стоял эскадрон и откуда должен был выехать на станцию за командиром, тут же стоявший, готовый уже автомобиль. Никита бросился в него, выхватил два заряженных револьвера, бывшие всегда при нём, и, направив один на солдат, а другой на шофёра, приказал ему немедленно ехать на станцию. Шофёр со страху покотил, толпа солдат оторопела, прошло мгновение, момент был упущен, Никита быстро удалялся от них, держа всё время револьвер наготове. Когда он прибыл на вокзал, поезд уже пришёл – оказалось, что командир благоразумно не приехал. Никита бросил шофёру единственную, оставшуюся у него бумажку в пятьсот рублей, и прыгнул в вагон. До размена ли было тут при таком возбуждении, когда поезд уже отходил! Он был спасён, но какою ценою и каким нервным подъёмом! ...

О развале всей армии Никита рассказывал всё то же, что и Ксения...

Вскоре Никита освоился со своею новою жизнью и вошёл в тесные сношения с несколькими дружившими с нами семьями. Единение молодёжи было тогда особенно необходимо, ввиду надвигавшихся вражеских сил. Всё уже предвещало их скорое прибытие: из Москвы приехали агенты большевиков для организации своих учреждений и подыскания себе в ускоренном и им свойственном порядке, помещений. Хамом запахло давно, а теперь должны были воцариться и его сатанинские слуги...

Помощь потерпевшим от нового строя — благотворительный бал

В городе, тем временем, шло постепенное обеднение, а в некоторых случаях и обнищание многих его обывателей. Ввиду того, что единоличную помощь мало кто уже мог оказать, образовался комитет под моим председательством, имевший целью отыскание средств для поддержания лиц, потерпевших от изменившегося строя. К этим лицам принадлежали и подвергнувшиеся гонениям священники – преподавание Закона Божьего было отменено; и судьи – суд был распущен; и обнищавшие, не успевшие ничего вывезти помещики и купечество – частная торговля замирала; и потерявшие свои места чиновники; представители бывшей полиции и прочие и прочие теснимые люди.

Для образования первого крупного фонда мы решились на конец апреля, на Пасхальной неделе, дать спектакль-концерт с буфетом, лотереей, а затем и танцами, которые бы привлекли местную молодёжь. Сейчас же нами были выбраны лица, заведовавшие отделами увеселений, а также приглашены и аристократические силы. Пошли приготовления и репетиции.

Для первого пополнения кассы нашего благотворительного общества я начала давать групповые уроки в доме у одной из наших знакомых, на долю которой выпало заведовать буфетом и лотереей на будущем вечере. Преподавала я шляпное искусство и башмачное ремесло. Все очень интересовались последним; привлекала возможность научиться делать верёвочные подошвы, так как кожа очень вздорожала. В особенности это необходимо было многодетным, семейным людям. За уроки вносили плату казначею общества и каждую неделю нуждающимся раздавали собранную сумму.

Провал тайной организации

Между тем, незаметно, одна за другой проходили недели великого поста, вступила в свои права весна, вернулся и мой Никита, но невесёлый. Петербургский период их работы кончился ничем. Задание заключалось в том, чтобы выхватить из рук большевиков петроградскую казну и вывезти её на восток, но измена погубила дело. Пойманные были расстреляны, а остальные расплылись. Однако от этого организация не распалась, и Никите вменялось в обязанность вернуться домой и вести на месте разведывательную работу, но, в случае новой необходимости, немедленно же явиться опять по условному вызову к обозначенному месту. Кроме того, к моему неопишуемому ужасу, мой сын уже числился красноармейцем в отпуску и владел соответствующим документом, который и был ему вручён организацией.

Как-то в начале апреля выпал тёплый день. Мы сидели с Никитой в зале у открытого окна, обсуждая его новое социальное положение.

– Ты не так на это смотришь, мама, – говорил сын, – враг наш такого свойства, что мы должны работать и явно, и тайно. Если теперь в Петербурге наше дело не удалось, это не причина падать духом. Когда явится необходимость, я буду вызван и на открытую работу. Но как на поездку туда, так и для проживания здесь, мне нужен документ, тебя столь оскорбляющий. Наша работа сложна и направлена против ужасного врага. Его тайной организации мы должны противопоставить такую же и у себя. Ведь создатели и инициаторы революции скрываются, как змеи в норах, а бушует натравленная грубая озверевшая масса...

Только изворотливость и ловкость поможет в минуты трудностей и опасностей

Слова Никиты были прерваны криком и шумом, доносившимся со двора. Мы поспешили вниз. Какой-то красноармеец, переругиваясь с нашим австрийцем, лез в конюшню. Мы спросили, в чём дело. «Товарищ» стал возбуждённо доказывать, что с нас довольно и водовозки, а ему нужен шарабан и вторая лошадь.

– Как вам не стыдно так вести себя и врывать в чужой дом, чтобы обирать жителей, Бога побойтесь, – сказала я ему.

– А вам не стыдно столько годов нашу кровушку пить, да чужим трудом жить: побарствовали и будя.

После слов красноармейца Никита побледнел, лицо его стало словно известковая маска, но он мгновенно сдержался и ответил:

– Вы не тревожьтесь, я живу в этом же доме, служу там же, где и вы, и знаю, что эта лошадь и шарабан предназначены для высшего начальства, для которого они и хранятся здесь. Может быть, вы имеете мандат? – Тогда кучер передаст вам всё по принадлежности.

Мандата, конечно, не оказалось.

– Очень сожалею, но ничего в таком случае сделать для вас не могу, – сказал Никита.

Посрамлённый красноармеец поспешил уйти.

– Вот, дорогая мама, подтверждение моих слов, – говорил Никита, когда мы возвращались с ним в дом, – скажи он ещё хоть одну грубость, я должен был бы с ним поступить по-военному. Последствием этого был бы разгром всего дома, уже не говоря о моей личной участи. С ними нельзя никогда вступать в пререкания. Предположим, что ты бы ему ответила: «Я вас никогда не видела и крови вашей не пила», и прочее, что говорят в таких случаях. Ну, к чему бы это привело? Никогда не борись, мама, негодными средствами: у тебя ведь есть над подобными лицами громадное преиму-

щество – его и употребляй, как средство борьбы, но не действуй убеждениями, ибо в наше время в наших руках это гнилое средство. Ты видишь, как мы быстро отделились от него, ответив ему тем, что привели его в состояние трепета и уважения. Имей в виду, что мандата ему никогда не получить: у большевиков своя аристократия, которая себе всё и добывает, но она жадна, гнусна, жестока.

Всё это было правда, но как печально было слышать подобные речи от девятнадцатилетнего юноши! Необходимо было принять к сведению, что только изворотами и ловкостью, но отнюдь не прямою, ещё можно было помочь себе в минуты трудностей и опасностей.

Предсказание болящего Иоанна-прозорливца

Пасхальная неделя проходила, а от Саши и Лены всё не было писем. Эта неизвестность особенно была тяжела в такие дни. В субботу на Святой приехала нас проведать и поздравить милая старушка Мария Павловна. Она будто сияла какой-то внутренней собранностью, и видно было, что все заботы и тревоги не могли заглушить в ней этого настроения.

– А вы, слава Богу, хорошо выглядите, Мария Павловна, никто не даст вам ваших лет.

– Э, матушка, Ваше сиятельство, это меня так старичок наш, болящий Иоанн подправил; ведь я к нему ездила с одною женщиною из нашего села, в четверг только вернулась, а сегодня с учительницею нашей прибыла в город вас повидать, с Праздником поздравить, да про свою поездку рассказать. Много я утешена беседою с батюшкою. Ведь я стара, а сироты мои малы: боюсь, не доведу их до дела, да и времена настали лихие, не прожить без Божьего человека.

Он меня поддержал, приказал не сомневаться в промысле Божьем, а потом, как кончил со всеми моими делами, да и говорит: «А ты, старая, не плачь, не тужи, а лучше поезжай к своей княгинюшке, да и скажи ей от меня: кланяется, мол, Болящий, да не велит ни об сыне, ни об дочери убиваться, а чрез две недели пусть, мол, ждёт весточку».

– Да кто это, Мария Павловна, болящий Иоанн? Откуда он меня знает?

– Да Вы, матушка, Ваше сиятельство, почитай, двадцать годков в Захарине не жила, всё в Рукавишникове, да в Рукавишникове, а тем временем здесь старичок объявился. Он живёт в женской Крестовоздвиженской обители, что пониже по нашей же речке, только в другой, Алтуховской губернии, – ведь мы, почитай, на рубеже живём.

Батюшка сам из крестьян, тихий он уродился, да богомольный, хорошо грамоте был обучен в школе, а как минуло ему девятнадцать годков, как-то неловко он упал и стал болеть, а потом и движения лишился. Посетил его Господь, но и не без милостей: год от году болезнь крепчала, да милость Божья прибывала. Да вот съездите к нему, ваше сиятельство, сами увидите, что за прозорливец! У него, почитай, сотни в день человек пребывают, одно наше здесь и утешение. Вот он, Болящий, ведь духом о вас провидел, да и велел мне передать его слова. А там, матушка, увидите, сами судить будете, – правду ли старая сказала. Беседовала я с ним в эту среду, значит, и вам чрез две среды надо ждать весточку...

Сукова была природа — бушевали и люди

Несмотря на май месяц, Фомина неделя принесла возврат холодов и сильных заморозков. Сукова была не одна природа, бушевали и люди. Вскоре из соседней губернии пришли известия о начавшихся там истязаниях, пытках и убийствах. Первой жертвой пал всеми любимый председатель одной из уездных управ: он закопан был живым в землю. В нашем городе забили тревогу. В столицах начались террористические акты. У нас заработала «чека», давно уже открытая в доме бежавшего купца. Там же жили и лёгчики, отношения которых с этими главными представителями большевиков с каждым днём ухудшались. Пошли аресты, и мы стали готовиться к худшему. По вечерам ещё плотнее закрывали драпировками окна залы, прислушиваясь к каждому стуку... Тяжело нам с Ксенией было готовить мешок с вещами первой необходимости, на случай ареста одного из членов семьи. Часто забегал кто-либо из знакомых и оповещал о новой травле и новых бедах, постигших то одно, то другое семейство...

Арест мужа

Как-то вечером, когда Никиты не было дома, зашёл к нам сосед по квартире, Захар Иванович Потапов и, отводя у нас душу, засиделся до одиннадцати часов. Служа в полиции, он дошёл до генеральских чинов, а затем был директором банка, в коей должности и оставался до последнего времени, так как большевики не подозревали о его прежней деятельности.

Вдруг у нашего дома, на улице, послышались шаги и голова, а затем раздался сильный стук прикладом ружья в дверь. Встревоженная Анна Семёновна бросилась в переднюю.

– Кто там?

Грубый голос ответил:

– Отворяй, тебе говорят – из Чрезвычайной Комиссии. Здесь живёт бывший князь Захарин¹?

Сомнения не было – это арест.

– Откройте! – послышался с верхней площадки спокойный голос моего мужа и, обратившись к нам, он сказал:

– Прошу вас, не делайте ни малейших демонстраций.

По лестнице поднималась ватага «товарищей».

– Что вам нужно? – тем же спокойным голосом спросил их Костя.

– Вот мандат на арест бывшего князя Захарина, где он тут?

– Это я.

– Собирайтесь, товарищ, можете со своими проститься и кое-что с собою взять.

Ксения пошла за приготовленным мешком. Костя отправился в соседнюю комнату, перекрестил спавших детей, простился с нами, надел пальто и немедленно двинулся с «товарищами» вниз по лестнице. Прислуга стала запирает за ним дверь, а мы вернулись в залу. На диване полулежал в сердечном припадке наш сосед. Ксения бросилась ему помогать, и это дало другое направление нашим возбуждённым нервам. Когда Захар Иванович пришёл в себя, выпил воды и спокойно стал дышать, то сказал со смущением:

– Простите, пожалуйста, моё поведение, моё поведение, не выдержало моё сердце, никогда не видел, чтобы арест и прощание происходили бы при таком абсолютном спокойствии и тишине. Это именно и подействовало на меня. Господи, что за тихий ужас! Не прислать ли жену и дочь посидеть с вами?

– Нет, помилуйте, Захар Иванович, теперь всем нам нужны силы. Мы с дочерью давно переболели душою... когда готовили дорожный мешок, – может быть, было ещё тяжелее. Теперь надо всем идти спать, потому что и на завтра нужны силы: необходимо будет ходить по разным учреждениям и хлопотать об освобождении.

Послышался звонок, вбежал Никита с тревогою во взоре.

– Мандат на арест папа уже выдан, это произойдёт сегодня ночью. Где папа?

– Его уже арестовали.

– Негодяи! – только и мог он произнести и присел на стул, блее снега.

Чрез мгновение Захар Иванович стал прощаться.

– Помогите вам, господа, – уходя, подавленным голосом сказал он.

Никита вышел его проводить. Чрез минуту он вернулся и сообщил нам об аресте нашего предводителя дворянства и прочих помещиков.

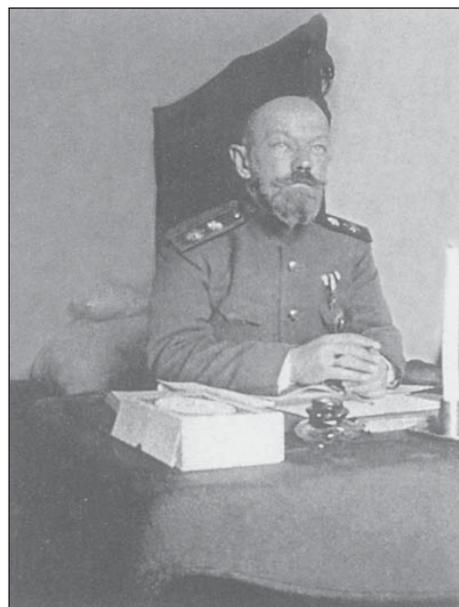
– У нас есть сведения, что берут заложников. Надо обдумать, как завтра действовать.

Мы начали совещаться и не заметили, как бежало время. Пробило час ночи.

– Дети, пойдёмте спать, на завтра нужны силы.

В это время у парадного крыльца послышался стук и мы бросились вниз:

– Кто тут?

«Князь Захарин», «Костя», князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский

¹ «Бывший князь Захарин», «Костя» князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский (1866-1947), супруг Веры Дмитриевны, дед Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

– Отворите, это я! – послышался голос Кости. Мы с радостью бросились открывать дверь

– Какими судьбами тебя отпустили?

– Сам не знаю. Я долго ждал очереди в душной накуренной комнате, но, когда меня повели на допрос, то я очутился пред совершенно незнакомым мне лицом, по-видимому, из приезжих. Он записал все нужные сведения, взял с меня подписку о невыезде и сказал, что я пока свободен. Вот идти обратно, в совершенной темноте, было трудно. Нет ли чего-нибудь выпить?

Ксения принесла отцу стакан молока и кусок чёрного хлеба. Я видела, как Косте необходимо было хоть чем-нибудь подкрепить нервную систему, и жалела, что ничего горячего под рукой не оказалось. Лицо Никиты просветлело, и мы, успокоенные хоть на время, скоро разошлись по нашим комнатам. Долго ещё, раздеваясь, мы шёпотом говорили с Ксениею о том, как надо благодарить Господа за такую к нам Его милость.

– Какой сегодня день, Ксения?

– Да вот среда пошла, бьёт два часа ночи, – отвечала она слабеющим голосом.

– Да, думалось мне, вот две недели, что Мария Павловна со старцем говорила, и зачем только она его слова передавала, – всё это пустое...

Берега истории

Екатерина Фёдорова

Истинные пружины революции

Три новых книги, на наш взгляд, говорят, что заложена база для того, чтобы отношение россиян к личности и правлению Императора Николая II, к событиям российской катастрофы столетней давности, а также понимание их реальных пружин аргументировано менялось.

«Царь и Россия»

Одним из указанных открытий в мире литературы о них является фундаментальное собрание публицистических, историко-культурных произведений «Царь и Россия. Размышление о Государе Императоре Николае II»¹. Большинство статей сборника, впервые опубликованных в Русском Зарубежье в 1920-1960-х годах, ранее были неизвестны российскому читателю. Редактор сборника Лилия Коротенко ясно обозначает направленность сборника: «доказательное, фактологическое разоблачение чудовищной сатанинской лжи вокруг Государя и его семьи»; его цель — показать пути к осознанию, «почему произошла русская революция», «для чего Господь допустил её. Авторы вынужденно жили вне родины, их сочинения, казалось бы, похоронены в эмигрантской прессе. Собранные воедино, со всем кругом доказательств, свидетельств, документов, они представляют собой мощное поле исторических открытий и прозрений о том, что же на самом деле происходило в стране столетие назад.

Итак, факты. «Надо быть слепым, чтобы не видеть той резкой перемены, которая произошла в состоянии мира после ухода Царя-мученика от власти,.. он переживает невероятный по своей остроте моральный, политический и экономический кризис. Политическая карта мира перекраивается чуть ли не ежегодно. Сотни миллионов людей гибнут от мятежей и войн, от террора и жестокостей властей, от голода. Никакие конституции, никакие парламенты, никакие лиги народов и наций не препятствуют победоносному шествию в мире Зла. Уверенности в безопасности и стабильности завтрашнего дня нигде и ни у кого нет». [Обручев, 6] Подготовкой к убийству Императора была, в частности, систематически организованная клевета на Царскую семью, но вот сколь задолго исподволь она готовилась, и факт, о котором не догадывались читатели советских учебников по истории: Керенского и Ленина «связывали узы личной дружбы, общие революционные убеждения и общая работа по разрушению России»; приход к власти Ленина и Троцкого «был подготовлен и обеспечен именно Керенским, который к тому времени занимал половину всех министерских постов Временного правительства, от которого он получил диктаторские полномочия». Его изворотливая догадка «революция может удался только... во время войны, когда народ вооружен», предопределила следующие действия большевиков, роковые для России. Керенский всеми силами содействовал прибытию известного пломбированного вагона из Германии, везущего Ленина с «товарищами»; в очерке приводится высказывание У. Черчилля: «немецкие вожди употребили самое ужасное из всех оружия. Подобно чумной заразе, они перевезли Ленина в запломбированном вагоне из Швейцарии в Россию». Знаменателен и документ – секретный рапорт начальника Разведывательного отделения Американских экспедиционных сил в Сибири М. Шуйлера своему правительству, сообщающий, что к апрелю 1919 г. только из США в Россию прибыло 264 большевика. И таких документов, откровенно обличающих иностранный экспорт «революции» в Россию, представлен совершенно достаточный для самого объективного историка объем. И вывод: «Керенский в октябре, если бы он только пожелал, мог легко не допустить большевиков к власти», но он «определенно этого не желал» [Обручев,8,9,10,13]. Доказательно рисуя положительный образ Царя-правителя, Обручев, в частности, приводит данные из исследования Д.И. Менделеева «К познанию России» 1906 г., о том,

¹ «Отчий дом», М., 2017. Составитель П. Белоусов, редактор Л. Коротенко.

Князь
Дмитрий Дмитриевич Оболенский

что прирост населения в ту эпоху составляет 1,81 %, и Россия стоит здесь впереди развитых стран. Автор сопоставляет эту цифру с достаточно благополучным периодом СССР, 1967 г. Цифра прироста оказывается 1,11 %. И в целом количество населения меньше на 125 миллионов, нежели предсказал Менделеев, опираясь на логику дореволюционного благополучного развития России. «Вот «дефицит» в населении России,.. подлинный итог, во что обошлась русскому народу революция и «достижения» советской власти» [Обручев, 81,82]. Как бы ни относиться к системе взглядов автора, но приводимые Обручевым факты отныне становятся достоянием российского читателя.

Публицист князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский в исследовании «Император Николай II и его царствование», с привлечением многочисленных подробностей, последовательно опровергает ложный тезис: «Николай II прекрасный человек, но плохой Царь». Так, в эпоху его правления совершенно исчезает голод, изредка наблюдавшийся до этого в связи с неурожайными годами; совершенна доставка помощи населению, пострадавшего от неурожая; в целом благосостояние народа сильно повышается (так, сумма вкладов в сберегательные кассы с 1894 к 1917 году выросла от

300 млн. рублей до 5 225 млн. рублей!); рост промышленности и торговли (налоги с них увеличиваются в эти годы с 30 млн. рублей – до 150 млн. рублей); выгода от вывоз хлеба за границу перед Первой Мировой составляет до 750 млн. рублей золотом; даже во время войны Россия увеличивала свое производство [Оболенский, 132-134]. Мы коснулись лишь одного аспекта исследований Оболенского. Не менее убедителен он в представлении доказательств улучшения жизни населения России при Николае II и в других аспектах, приглашаем читателя подробнее познакомиться с текстом. Оправданным видится вывод писателя «Революция отбросила Россию на два столетия назад» [Оболенский, 137].

В очерке Николая Алексеевича Павлова «Его Величество Государь Николай II» рассматриваются механизмы клеветы на Государя и демонстрируется их несостоятельность; писатель разворачивает доказательство идеи, как «монархия уживалась с подлинным сельским социализмом», и как невольно стала разрушаться эта целостность при Государе Александре III, который «встал на опасный путь. Одной рукой он дал Витте вводить капитализм, другой думал укрепить против него заставу земельного тягла и общины». Нити разрушения России автор протягивает дальше Керенского, описывая *заговор*, который формируется с 1904 года и «организован придворными, титулованными, с ведома бюрократии»; «победа и слава Царя были *страшны* обществу, рвущемуся к власти над народом» [Павлов, 173, 174, 195, 236]. О том же готовящемся дворцовом перевороте скажет княгиня Вера Лобанова-Ростовская, о прозе которой речь ниже.

Лишь отметим, что в сборнике предлагаются сочинения и система доводов таких интересных мыслителей, как востоковед, генерал-лейтенант Николай Тихменев; офицер Военно-морского флота Австралии, выходец из офицерской белоэмигрантской семьи, историк Георгий Некрасов; сенатор и литератор Петр Стремоухов; упорный и бесстрашный беглец от большевиков, журналист Иван Солоневич. Духовное осмысление русской катастрофы представлены в трудах и проповедях священнослужителей РПЦЗ и РПЦ: святителей Тихона (Беллавина) и Иоанна (Максимовича), архиепископов Аверкия (Таушева) и Серафима (Иванова), митрополита Анастасия (Грибановского), архимандрита Константина (Зайцева) и других достойнейших авторов.

Никогда ранее у российского читателя не бывало в руках такого обширного и разнообразного свода сочинений, стремящихся доказательно и бескорыстно развенчать ложь, столетие насаждаемую вокруг Императора. Мы коснулись лишь малого объема сочинений, вместе собранных в этом

замечательном историческом труде для того, чтобы читатель получил не голословные утверждения или лозунги о положительной роли последнего Императора России, о подлинном смысле октябрьских событий и им предшествовавших, а объективную детальную картину. Предвидя возражения, недоумения по поводу неслыханно «новых» для несведущих, до сих пор «смелых» фактов и документов, скажем. Возражать представленному фонду доказательств, боюсь, возьмутся не ищущие исторической правды, а разве лишь упорствующие в злобе или безотчетно не умеющие вырваться из плена навязанных советских представлений о ходе российской истории столетие назад.

Президент Франции Жак Ширак вручает Николаю Васильевичу Вырубову орден

Русский герой Французского Сопротивления об Императоре Николае I

Рожденные и воспитанные в России, люди разных взглядов и убеждений, оторванные от родины, без малейшей надежды когда-нибудь вернуться, проявляли колоссальное мужество и отдали свои жизни, сражаясь с нацизмом в странах Европы. Подвижничество русских эмигрантов во время Второй мировой войны, этот исторический феномен, к сожалению, ещё не вписан в общий корпус российской истории, но пока является как бы отдельно изучаемым явлением. Героем Французского Сопротивления стал Николай Васильевич Вырубов (1915-2009), потомок древнего русского дворянского рода, ведущего свою историю с XV в. Переживший ужасы гражданской войны в России, «выкупленный» родственниками из большевистской России, он до конца жизни ощущал себя русским и на закате жизни предложил такое соображение парижскому журналисту: «Знаете, за что я невзлюбил большевиков? Нет, не из-за политических или идеологических разногласий, а потому что мне пришлось жить здесь, а не на моей Родине».

Известно, что Генерал де Голль очень ценил русских у себя в войсках, — «десятым добровольцем, записавшимся в Лондоне 18 июня, в день призыва де Голля, был русский: Н.В. Вырубов, геройски проделавший впоследствии все кампании Войск свободной Франции, был тяжело ранен, награжден Крестом освобождения и Военным крестом...» [Алексинский, 91]. Позже Вырубов стал кавалером всех военных орденов Франции. В присутствии президента страны его с почётом отпели в главном католическом соборе Франции — по православному обряду, из уважения к Николаю Васильевичу, ибо он так завещал.

«Я был несколько раз ранен, — говорит Николай Васильевич. — Когда ранен, невольно думаешь, что дело кончено... Конечно, о родине думаешь, но не какая она там советская или большевистская, а просто так... Родина — это та, которой ты принадлежишь, а не которая тебе принадлежит. Если вы принадлежите своей родине и вчера она была монархической, а сегодня ещё какая-нибудь, то это можно любить или не любить, но поделаться с этим ничего нельзя, она останется на всю жизнь. Как мать» [Вырубов, 1993; 110].

Посвященный Н.В. Вырубову сборник «Русский барин — герой Франции» увидел свет в Москве в 2017 г. (публикатор Н.Д. Лобанов-Ростовский, племянник героя Сопротивления). Здесь мы находим ценнейшие воспоминания очевидца событий вокруг Императора Николая II (он сын В.В. Вырубова, «товарища», т.е. заместителя министра внутренних дел князя Львова во Временном правительстве), изнутри своей среды осведомленного о многих фактах, до сих пор мало или почти неизвестных историкам¹.

«...во время Октябрьской революции, мой отец служил при Начальнике Штаба Верховного главнокомандующего в Ставке, отвечая за гражданские дела. А когда Ленин отдал приказ генералу Духонину вступить в контакт с немцами для переговоров о перемирии, генерал, ссылаясь на то, что

¹ Участник освобождения. Беседа с Паскалем Майосом. Перевод с франц. Николая Алексеевича Федорова. с. 9–79.

вопрос перемирия имеет гражданское и политическое значение, перенёс на моего отца ответственность за его решение. В результате под отказом, который был сообщен Ленину телеграммой, стояло имя Вырубов, и это будет стоить моему отцу недоброжелательства Ленина: отец оказался одним из первых, вызвавших его гнев» [Вырубов, 2017; 11].

Важной нам кажется концепция Н.В. Вырубова *Царь-народ* и описанная им закономерность последствий, когда рухнуло самое основание российской жизни: «Для русского, дворянин он или нет, Царь — это национальный символ, как Бог для верующего. Всякий раз, когда происходит встреча с Императором, крестьянин говорит ему «ты», в то время как другие говорят ему «Вы», потому что они уже внутренне изменились... Русский — это всегда монархист и в течение столетий жил для Бога и Царя — это какая-то мистика... Крестьянин говорит «ты» своему землевладельцу, но не его знакомцам, приходящим к нему в гости, не всем людям; «ты» — своему хозяину, и «ты» — Царю, потому что он воспринимает его в какой-то мере как отца. Русский разделяет понятие «Царь» и понятие «государство», как он разделяет понятия «Бог» и «Церковь». Это очень важная личная преданность, но, как показывает само слово, преданность личности по отношению к личности, и может относиться только к личности, а вовсе не к институциям» [Вырубов, 2017; 28]. Указывая на либеральные принципы отца, Н.В. Вырубов утверждает, что и эта «крайне западная» группа аристократии не видела Россию вне монархии, пусть и модернизированной: «Мой отец был либеральных воззрений, хотя я терпеть не могу это слово, поскольку за ним может скрываться всё, что угодно, и оно может ни о чем не говорить. Князь Львов также имел либеральные воззрения. Живя в стране, находящейся под властью абсолютной монархии, они думали не о революции, а о конституционной монархии, такого типа, какой существует в Великобритании — с парламентом и выборами» [Вырубов, 2017; 17].

Характеризуя фигуру Керенского, Н.В. Вырубов отмечает то важнейшее и отрицательно сказавшееся свойство, мимо которого прошло множество исследователей: «С приходом Керенского Алексеев не захотел быть Главнокомандующим, поскольку фигуру Керенского очень плохо воспринимали, главным образом, военные. Керенский — социалист-революционер, который *не был представителем какой-либо среды*. Отец его был учителем, дедушка — священник-расстрига. Таким образом, в глазах русских он не принадлежал никакой конкретной среде. Он был умён, образован, он был адвокатом и хитрецом; он был одержим политикой, и политика вознесла его... Так как Керенский не принадлежал никакой среде, он, увлекшись социализмом, отправился во Францию как адвокат по политическим делам и приобрёл друзей из французской социалистической партии. Во Франции по традиции социалисты принадлежали масонской ложе Великого Востока. Они побудили Керенского развивать в России это учение, которое абсолютно не соответствовало русскому менталитету» [Вырубов, 2017; 18, 23].

Колоссальный кризис России, парализовавший все властные структуры и расчистивший дорогу большевикам, полагает Н.В. Вырубов, случился от того, что вне логики деятельности Императора в России логика действия любых властных органов бессмысленна и абсурдна: «В день отречения Императора обрушивается именно система... Больше нет никого, буквально никого, поскольку правительство, которое назначил Император, распадается. Никого больше нет потому, что Император отрёкся. Всё государственное устройство, которое строилось на принципе монархизма, исчезает вместе с монархом. Политическая деятельность, находящаяся в полной беспомощности, в разгар кризиса доказывает свою неспособность. Утрачивается доверие к управлению. Что такое это Временное правительство? Временное правительство — это некоторое количество депутатов Думы, которые говорят: «ну, надо же, чтобы кто-то отдавал приказы», — и они привлекают людей, до сих пор непричастных к управлению государством... И с этого момента нет больше власти в России. Эта огромная государственная машина с армией, с полицией — без управления... недостает главного элемента — Царя. Временное правительство состояло из пятнадцати гражданских лиц, абсолютно неизвестных стране. Князь Львов... управляет группой гражданских лиц и просит их помочь ему восстановить порядок, остановить революцию, от имени кого? от имени чего? Умирать во имя этого нелегко. У целой нации произошла утрата интереса к властям, тем более что революция 1905 года совершалась не против монарха, а против властей. Следовательно, нужно было раскалить добела людей против власти. Итак, временное правительство — власть наличествует, но не имеет никакого влияния... Страна была ещё монархической, ... в то время как временное

правительство никоим образом не соотносилось с этой системой. Следовательно, преданности к Временному правительству не возникает» [Вырубов, 2017; 25,26, 28].

Путем таких рассуждений Н.В. Вырубов делает свой логически вытекающий вывод о том, почему революция «расползлась» и укрепилась в недавно монархической России: «Император кристаллизировал в своей личности все национальные устремления. Это символично. Русское дворянство не ощущало себя участником в деятельности власти и в делах государства. Оно видело в монархе гаранта своего благосостояния и идентифицировало его с народом, а не с государством. После отречения общество не сумело перенести свой настрой верности Царю на Временное правительство. В момент кризиса правящего класса обнаружилось его полное безразличие. Главная причина успеха революции — решительность одних и инертность других» [Вырубов, 2017; 27].

Существенный вопрос Н.В. Вырубов для себя оставляет нерешаемым: почему «ни одно подразделение этой огромной монархической регулярной армии, со всем, что включает в себя это понятие и что Вы могли прочесть о ней, не стремилось отправиться в Царское Село, вызволить Царя и его семью и перевести их в леса Финляндии» [Вырубов, 2017; 33]. Отчасти предлагает следующее объяснение: «Император совершенно изолирован своим окружением, которое, в свою очередь, тоже изолировано и хочет спасти себя, когда он внезапно уходит со сцены» [Вырубов, 2017; 34].

Н.В. Вырубову удалось по-своему живописать сложность и противоречивость успеха и власти Распутина при дворе: «Распутин, если попытаться рассмотреть его беспристрастно, не был плохим человеком, и если бы его не убили, он, может быть, смог бы повлиять на Императора в пользу окончания войны... Убийство Распутина... это сведение счетов внутри двора, но скажем даже, и внутри российского общества. Люди были очень возмущены поведением Распутина. Я был знаком с людьми, видевшими его, и они говорили, что это было отвратительное существо. Многие из них были потрясены, что этот бородатый омерзительный мужик, неряшливо жрущий и много пьющий — советник Императрицы, она же сама — советница Императора. Юсупов, большой эстет, человек очень красивый, даже женственный, должен был страдать больше, чем кто бы то ни было, общаясь с ним. По сути, Распутин запятнал собою двор. По-моему, именно это было существенно». Вырубов выделяет главную причину устойчивого положения Распутина при дворе, столь его компрометирующего: «Можно говорить о том, что поначалу именно болезнь ребенка заставила Императрицу искать любые средства, как его вылечить. Живя в совершенно искусственном мире, без контактов с нормальными людьми и с реальной жизнью, она очень откликнулась на то, что кто-то мог бы спасти сына. Я полагаю, можно сказать, что это — именно то, из чего вытекает всё остальное...». Отмечен и другой аспект, «народность», которая присутствовала необходимым элементом при дворе, и носителем которой воспринимался Распутин: «Но, есть ещё другое. Императрица — мистик. Её окружение, Анна Вырубова в том числе, мистики. Всем известно, в России были странники, обычно простые люди, ходившие из деревни в деревню и носившие на шее некий ящичек, в который народ клал пожертвования на Церковь. Когда они останавливались, люди выходили, давали им кусок хлеба. Они нигде не квартировали. Это были, обычно, пожилые люди с длинными волосами и большими бородами. Этих людей, в сущности, чтили как Божьих посланцев. Не следует забывать, что любое русское общество — когда я говорю об обществе, я подразумеваю русское дворянство — всегда принимало к себе крестьянок... Эта няня — представительница народа. Необходимо, чтобы в каждой семье, даже в больших русских семьях, которые живут с множеством домочадцев, помня о традициях и этикете, необходимо, чтобы жил человек из народа. Эта женщина знает сказки, рассказывает о крестьянских обычаях, говорит, как выращивать овощи, как собирать яблоки или грибы. В конце концов, она знает всё, что знают крестьяне. В русской литературе няня является ключевой фигурой... Для двора и Императорской семьи Распутин символизирует присутствие народа во дворце... В России существует две формы обращения детей к отцу и матери. Люди, скажем, моего положения говорят отцу и матери: мамá и папá, — не склоняя это слово... В то время, как крестьяне говорят мáма и пáпа, склоняя эти слова... И вот, я обнаружил, что дети Императора называли своих родителей как крестьяне, а не как в высшем обществе. Это мелочь, но показывает, что в русской жизни, в русской литературе ещё есть потребность прислушиваться к народной речи. Я считаю, что эту народность представлял Распутин» [Вырубов, 2017; 34-37].

«Трагедия России» княгини Веры Лобановой-Ростовской.

Книга ныне готовится к публикации, журнал «Берега» 2018 год посвящает публикации её фрагментов¹. Повторим, что княгиня Вера Дмитриевна, как и другие «Оптины дети», т.е. духовные чада Оптинских старцев, благодаря постоянной духовной практике и перенесённым страданиям, предчувствовала и ощущала близость обрыва русской культуры. Читаем:

«Пугачёвщина не изжита и воскресает с ужасающей силой» (Гл. 20).

Княгиня предлагает читателю свое видение причин роковых событий:

«Подполье напрягало все усилия, чтобы приблизить катастрофу: подкапывало, расшатывало и подпиливало устои нашего отечества, толкая его в страшную пропасть... Ни для кого не является тайной, что в марте 1917 года... готовился дворцовый переворот, а потому, боясь его, силы другого лагеря поторопились провести свою февральскую «бескровную» революцию, затопив в крови и двор, и всю Россию. Таким образом, то, что было произведено два года спустя кучкою отбросов и палачей в Екатеринбурге, было лишь следствием окончательного разрыва общества со своим Государем в шестнадцатом году. Я шаг за шагом следила, в бессильном оцепенении, за этой трагедией. Раздражение было сильнейшее, смена министров стала уже почти неприличным явлением, нервозность обеих сторон была максимальная, сдержанная у Государя и не сдерживаемая в обществе. Духовный разрыв Петрограда с престолом произошёл окончательно, а репрессии после смерти Распутина ещё сильнее распалили страсти» (Гл. 8; курсив мой – Е.Ф.).

В постоянном соприкосновении с Оптинскими старцами автор вырабатывает осмысление роли Григория Распутина как «карикатуру на старчество», «подделку», не распознав которую Дом Романовых понес роковые потери, и это не могло не отразиться на всем ходе российской катастрофы. Анализ существа и действий Распутина представлен Верой Дмитриевной читателю как бы изнутри понимаемого русского старчества.

Оптинские старцы и на расстоянии мысленно поддерживают и направляют княгиню. А жизнь, как будто оценив могучую натуру русской женщины, испытывает её, кажется, всевозможными испытаниями, и большими и мелкими (но оттого не менее ужасными), всеми видами человеческой злобы. Неумело утопленный на её глазах котенок, которого она спасает, вылечивает, а соседи позже выбрасывают из окна; злобно вырванные цветы, которые посадил её младший сын, лишённый всех радостей, необходимых в детстве. Это ранит навсегда. Но это не тот ужас, который она переживала в течение 1919-1920 гг. в Одессе в разгар красного террора и который может лишить человека рассудка. В особняке, где Вера Дмитриевна живёт с детьми и старой матерью, ежедневно расстреливают людей:

«Я ходила две недели по человеческой крови, мои подошвы туфель и каблуки были окрашены в красный цвет...» (Гл. 25).

Бежать, чтобы выжить. Для огромного количества русских людей это стало вынужденным путем спасения. И им был «горек хлеб чужбины», и Россия потеряла своих сыновей и дочерей, а также их потомство. Как известно, последствия этой потери сказываются и сегодня. Вот итог активизации негативных сил общества, где действовало «подполье», и предатели при Дворе последнего Императора, и Распутин. Лавина зла прорвала плотину, всему укладу российской жизни был нанесён чудовищный удар. По образному выражению автора:

«Направо огонь, налево вода, впереди стена, а сзади пропасть» (Гл. 24).

Имена многих реальных исторических фигур зашифрованы псевдонимами, условные наименования даны и основным местам действия документального романа. Вера Дмитриевна следовала этому правилу там, где боялась принести невольный вред своим героям. Начало возможной исследовательской работы в этом направлении положено консультантом готовящегося издания. После долгих поисков и сопоставлений восстановлена топография имения «Захарино». Реальное место действия романа — село Лобаново Ефремовского уезда Тульской губернии. Убедительно дешифровано имя Иван Иванович Бунев — это писатель Иван Алексеевич Бунин, как известно, любивший посещать Лобаново, близкий приятель князя Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского, мужа героини. А также восстановлено имя Дмитрия Дмитриевича Хрустова — это Евгений Дмитриевич Хлюстин (1880-1952), посвятим ему несколько строк. Потомок князей Горчаковых, предводитель дворянства

¹ «Берега», 2018, № 2 (26), Калининград, с. 128-160; 2018 № 3(27), с. 128-148.

ефремовского уезда в 1912–1916 гг. Деятельный благотворитель, во время I Мировой войны «открыл в Ефремове два лазарета для раненых, снабжал армию продовольствием и обмундированием». В гражданскую — «в Добровольческой армии участвовал в продовольственном комитете». Эмигрировав в Югославию, служил в министерстве финансов. Умер, как и многие эмигранты в Старческом доме¹. Полагаем, что и под другими вымышленными именами скрыты значительные фигуры российской истории. Следовательно, в дальнейшем в сопоставлении с имеющимися историческими данными возможно исследование и установление и других персонажей, о которых повествуется в романе. Важно, что автором в Предисловии указано: подлинные имена отмечены звездочкой. Очевидно, роман откроет нам ещё много тайн, занесённых песками истории.

Подобно конкретным судьбам казаков «Тихого Дона», которые вырастают в символические образы эпохи, такого же эффекта достигают и истории жизни молодых князей, сыновей писательницы, попавших в круговорот «кровоавой бойни». Подлинное имя князя Никиты Ивановича Лобанова-Ростовского сохранено в романе, поскольку ко времени написания текста его уже не было на этом свете. Белый офицер Никита неоднократно спасался там, где, казалось, спасение невозможно, благодаря личному мужеству, чуду, молитвам родных. Но спасение оказалось лишь «отсрочкой», последствия гражданской войны догнали его три года спустя, оборвав его молодую жизнь.

«Три года он провёл в кровавой бане, многократно был ранен, несколько раз находился в плену у большевиков, столько же раз стоял у «стенки» и, хотя каждый раз и бывал чудесно спасаем, но потрясений всё же не избежал. Болел он и сыпным тифом; ещё не долеченный, пошёл в бой, страдал последствием отмороженных ног после того, как красные гнали его без сапог на расстрел по снегу, когда, уже падая от изнеможения, он был отбит подоспевшим отрядом белых. И опять: кровь, кровь и кровь! Вот какую сплошную мукою была жизнь моего сына с девятнадцати до двадцати двух лет. Результатом этого стал припадок бурного умоисступления и гибель Никиты в августе 1921 года... И сколько ещё жертв дала эта бойня белых и красных... Одни погибали вскоре же после Никиты, другие протомились дольше, а многие томятся и по сей день, измученные туберкулёзом, неврастенией, полной инвалидностью и прочими недугами. Число этих страстотерпцев нам не перечесть» (*Эпизод*).

Подтверждением характерности, эпохальности образов является и дальнейшая судьба младшего сына князя Ивана Ивановича, в романе «Васи», наиболее чуткого к неправде и несправедливости, умеющему сострадать всему живому. За «границами романа» о нём известно, что «в одной из парижских газет промелькнуло сообщение о группе белоэмигрантов, пытавшихся перейти советскую границу. Среди убитых в перестрелке упоминается имя Ивана Лобанова-Ростовского». После перестройки нашёлся и документ пресловутой «Тройки» ГПУ, по приговорам которой были расстреляны тысячи тысяч без суда и следствия, о расстреле Ивана Ивановича 3 ноября 1932 г. Удивительно то, что существует и документ о его реабилитации в 1989 г.²

Знал ли Набоков конкретно о князе Лобанове, не знал ли, думаем, что круг белоэмиграции узок, и предположим, что скорее знал. Жажду вернуться на родину, свои ощущения и чувства многих его «товарищей по судьбе» Набоков с высокой эмоциональной достоверностью выразил в романе «Подвиг». Название своей прямолинейностью не характерно для писателя. Он мучительно, шаг за шагом прошёл за своим героем этот путь возвращения в Россию, ибо сам терзался этим желанием и отдал дань глубокого почтения тому, кто наяву решился на это. А сам Набоков в 1927 г., в стихотворении «Расстрел», как бы гениально предугадывая события, писал:

Бывают ночи: только лягу, в Россию поплывёт кровать;
и вот ведут меня к оврагу, ведут к оврагу убивать...

Оцепенелого сознания коснётся тиканье часов,
благополучного изгнания я снова чувствую покров.

Но, сердце, как бы ты хотело, чтоб это вправду было так:
Россия, звёзды, ночь расстрела и весь в черемухе овраг!

¹ Георгиевская Т.В. Петрова М.В. Синодики Тульской губернии. Ефремовский уезд (1605–2012). Тула, Гриф и К, 2013, с.881.

² Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. М., Русский путь, 2010, с. 389.

Продолжением лихорадочной тяги к покинутой родине, неотступность мыслей о воображаемом возвращении вылилась в прозаическое повествование «Подвиг», завершённое, заметим, в 1932 году! По мнению Ивана Толстого¹ один из прообразов Мартына – будущий герой Французского Сопротивления, поэт и ученый Борис Владимирович Вильде, который, по некоторым сведениям, проник в Россию в начале 30-х, вернулся невредимым, был расстрелян нацистами в 1942 г. Одно не противоречит другому. В собирательном образе Мартына – мечты самого Набокова и целого поколения белоэмигрантов. Подчеркнем здесь свойство прозы Веры Дмитриевны — семейная хроника приобретает черты трагической национальной эпопеи, неизбежно перекликаясь с темами крупных писателей того времени. Из глухих, но вполне очевидных современному читателю, упоминаний Веры Дмитриевны о боевой белогвардейской организации *Азбука* (по первым двум буквам церковнославянского алфавита), организованной В.В. Шульгиным, каждый член которой был зашифрован под буквой алфавита, понятно, что и она, и члены её семьи были причастны к её деятельности. Возможно, продолжили её и в эмиграции. А также теперь известно, что такого рода организации за границей тотально были «засвечены» внедренными шпионами из ЧК-ГПУ-НКВД, а также предателями из среды белогвардейцев, которым доверяли «свои», а они их передавали, продавали и даже убивали. Исход похода Ивана Ивановича был предreshён. Но вот что важно: мать, наверное, знала, в какое путешествие провожает сына. И тут, «за скобками романа», в так называемом пространстве интертекста, трагедия матери встаёт во весь рост.

Старший сын автора, князь Николай Иванович (в романе — «Саша») перенёс, быть может, ещё более горькие испытания, ибо неизмеримо длительные. В России карьера его начиналась блестяще. Окончив лицей 19-ти лет, он был принят на службу в Министерство иностранных дел и сразу был назначен «атташе миссии в одной из стран, находящихся на пути чрез Средиземное море» (Гл. 6). Попав в эмиграцию, этот образованный и скромный человек, большой знаток французской культуры, долгие годы работал библиотекарем во Французском институте (*Alliance Francaise*) в Софии. А в 1944 г. оказался в лагере на острове Белене на Дунае и в течение десятилетия подвергался ежедневным издевательствам и избиениям. «Из лагеря он вышел больным человеком. Я вызвал его во Францию, поместил в Русский инвалидный дом... на юге Франции близ Тулона. Там он и умер», пишет его племянник, Н.Д. Лобанов-Ростовский².

Приходится удивляться его прозорливости грядущего. Вот что сказано им в 1919 г.:

«Храбрецы, как брат Никита и ему подобные, в благородном порыве жертвуют жизнью совершенно напрасно. Рубят щупальца у гидры, а на их месте вырастают новые, и ещё более сильные. Уезжать надо, пока момент благоприятный и подходящий, чтобы не быть застигнутым врасплох, как это случилось с нами в прошлый раз. Видал я все цвета большевистской радуги и знаю, что, при лицемерных вздохах Европы, большее неминуемо проглотит меньшее, и на много лет. А вот поумнеем, да научимся работать и единодушно отстаивать Родину, тогда другое дело, – а тем временем большевистский орех будет раскушен и внутри окажется гниль. Только Россия к тому времени будет в развалинах и придётся строить её вновь» (Гл. 22).

Мы встречаем ряд большевиков — от Фрунзе до неизвестных ныне, нерасшифрованных персонажей. Узнаём неведомые доселе эпизоды, как, например, личная встреча героини с Фрунзе. Роман открывает нам факты, которых до сих пор мы не встречали ни в каких документальных свидетельствах. Так, описан конец страшного монстра революции — «товарища Розы», палача Киевского ЧК начала 1920-х. О её страшных поступках сегодня известно довольно много, однако только Вера Дмитриевна открывает тайну её закономерной гибели.

Важно и то, что мы видим не только широкую историческую панораму, но детальные исторические уточнения с конкретными цифрами, данными, датами, например:

«Крестьяне смотрели в то время на царские деньги, как на единственную ценную валюту: они клали её в бутылки, смолили и закапывали. Французский франк уже котировался в тысячу советских рублей. За два с половиной года моего пребывания в Одессе рубль обесценился в тысячу раз» (Гл. 27).

Глубина суждений в романе-эпопее, многогранность и детальность отражённых событий, бесспорно, ставят это произведение в первом ряду вновь открытой «неизвестной русской прозы».

¹ Двойник Мартына. / «Книги с ключом». Исторические путешествия Ивана Толстого на канале «Культура».

² Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. с. 383.

Берега истории

Владислав Краснов

Д-р Владислав Краснов, бывший профессор и глава Русского отдела Монтерейского Института Международных Исследований, возглавляет ассоциацию американцев за дружбу с Россией RAGA (www.raga.org). Автор книги «Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению»

Император Михаил II в Доме Солженицына

Вступление

1 ноября 2017 в Доме Русского Зарубежья им. Солженицына была представлена книга-альбом историка Виталия Шитова «Дом Ипатьева. Летописная хроника в документах и фотографиях 1877–1977 гг.». В фокусе были проблемы 100-летия Октябрьской революции, выходящие далеко за пределы Дома Ипатьева. Дискуссию вёл Алексей Казаков, издатель-литературовед из Челябинска. Среди участников д-р исторических наук Людмила Лыкова, главный специалист Российского Государственного Архива Социально-Политической Истории (РГАСПИ); Алина Чадаева, писатель из Москвы, и я. Внизу подробнее из того, что мне удалось представить в докладе только пунктирно.

Мне было приятно выступить именно в этом Доме. С Александром Исаевичем меня связывает многолетняя дружба и общение в переписке и по телефону. Моя докторская диссертация 1974 г. о полифонии романа «В Круге Первом» была одной из первых в США, посвящённых Солженицыну. Позднее я расширил свой анализ на «Раковый корпус» и «Август Четырнадцатого», и в 1979 опубликовал книгу *Solzhenitsyn and Dostoevsky: A Study in the Polyphonic Novel*. В 2012 она вышла в русском переводе как «Солженицын и Достоевский: искусство полифонического романа». Её можно скачать на сайте Пермского Университета.

В годы перестройки, когда писал книгу о реформах в СССР, я перенёс сформулированный Михаилом Бахтиным полифонический метод из литературоведения к обзору нового мышления в СССР. В пику западным советологам, поощрявшим Горбачёва на «реформированный коммунизм», я представил в книге своего рода хрестоматию голосов гласности, звавших не к перестройке коммунизма, а к возрождению корневой системы досоветской России и преобразению страны на новых основах. И успел как раз вовремя. Книга под названием *Russia Beyond Communism: A Chronicle of National Rebirth* вышла в 1991, ещё до распада СССР. Свежий экземпляр я подарил Б. Н. Ельцину на Первом Конгрессе Соотечественников в Москве, сразу после того как он объявил о замене красного флага коммунизма национальным трехцветным. В 2014 книга вышла в русском переводе *Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению*.

Помнится, вскоре после прибытия в США в 1974 г. Солженицын обратился к русским эмигрантам с призывом посылать ему все памятники и артефакты царской России, которые помогли бы воссоздать объективную картину русской истории, скрытую, замолчанную, извращённую и просто уничтоженную советскими властями. Стало ясно, что он не только великий писатель русской земли, но и первый летописец нашей искорёженной истории. Не обладая артефактами царской эпохи, я счёл за честь приглашение передать мои американские бумаги в Дом Русского Зарубежья имени Солженицына. Мой архив сейчас в растаможивании.

При всём уважении к А. Л. Казакову, пригласившему меня выступить, я должен перенести внимание с Екатеринбурга на Пермь: с несуществующего Дома Ипатьева на кое-как существующее здание, известное в Перми как «Королевские номера».

Построенное незадолго до революции купцом Королёвым в качестве фешенебельной гостиницы, это здание известно в народе как Королевские номера потому, что в нём некогда проживал Великий Князь Михаил Александрович Романов, рангом не ниже королевского. Он был младшим братом царя Николая, отрекшегося от престола в его пользу.

Некоторые историки называют его даже императором Михаилом II де-юре, хотя «правил» он меньше суток и коронован не был. Именно из этого здания Михаил и его секретарь Жонсон (Джонсон по первой версии) были выкрадены группой местных чекистов в ночь с 12 на 13 июня 1918 года и, вероятно, расстреляны.

Никаких останков до сих пор не найдено. Это злодеяние в Перми, происшедшее за пять недель до расправы в Ектеринбурге, повлекло за собой расправы над «монархистами» в Перми и по всей России. И открыло серию падений монархий не только в России, но и в Австро-Венгрии, Германии, Османской империи, Италии, а позднее и в Испании. Спусковой крючок из Перми рассыпал домино монархий, определявших ранее «цивилизованный» миропорядок. В Перми испытывалась тактика большевиков не только ужаснуть и запугать своих противников, но и замести все следы.

«Живая карта» Михаила

Большевики чётко сознавали, что отрекшийся Николай был битая карта. Михаил же, от престола не отрекшийся, а уповавший на решение Учредительного Собрания (далее УС), был картой живой. На него противники большевизма могли сделать ставку и выиграть игру. Большевики насильно разогнали УС в январе 1918, но многие россияне к лету 1918 г. помнили, что на выборах в УС большевики потерпели сокрушительное поражение, набрав лишь около четверти голосов на самых демократических выборах того времени где-либо. Они помнили, что разгон УС привёл к массовым демонстрациям трудового народа, как их ярко описал Буревестник Революции Максим Горький, решительно осудивший разгон. Они понимали, что против них могли выступить не только монархисты и кадеты, но и эсеры и сионисты, совокупно имевшие гораздо больше делегатов.

Останков ни Михаила, ни Жонсона до сих пор не найдено и ничего не делается на государственном уровне, чтобы их найти. Можно сказать, что большевики преуспели в тактике отвлечения внимания от потенциального царя-демократа. Спустя 27 лет после бесславного конца тоталитарного государства в 1991 году, ими созданного, их клеветы продолжают темнить и запутывать общество.

Для меня тема Михаила имеет личностное значение. Я родился в паре кварталов от Королевских номеров. И одним из самых ярких воспоминаний детства был запрет на вход в это «страшное и зловещее» здание. Запрещено было и спрашивать, что здесь случилось. Попытки убить на корню детскую любознательность сыграли свою роль в моём решении отправиться за тридевять земель, чтобы узнать правду.

Когда я вернулся в родную Пермь через двадцать девять лет, я знал, ЧТО здесь произошло. Собрав группу родственников и знакомых, в сентябре 1991 г. я прибил памятный венок на стену гостиницы на ул. Карла Маркса 5. В присутствии нескольких бывших лагерников и журналистов, акция была освящена священником, сыном моего детского товарища, прошедшего через ГУЛАГ.

Через пару месяцев я уполномочил родных повесить на здании мемориальную доску памяти «*невинно убиенных без суда и следствия Михаила Романова и Брайана Джонсона*».

С тех пор в Перми идёт движение за почитание памяти невинно убиенных. Сначала восстановили историческое название улицы: не Карла Маркса, а Сибирская, ибо это и есть главная магистраль России на просторы Сибири. Потом был опубликован сборник архивных материалов и другие книги, снят фильм, воздвигнут мемориальный крест, ежегодно проводились форумы, с 2007-го проходят ежегодные крестные ходы. По запросу Пермского краевого ВООПИКа, Михаил был официально реабилитирован в 2009 г., на год позже Николая II.

Сам я выступал на форумах в Москве, Петербурге, Кронштадте, Мурманске и Варзуге, Локти и Брянске, Пскове, Шарье и в Крыму. Выступал и по-английски в Русском Культурном Центре при посольстве РФ в Вашингтоне. В 2011 опубликовал сборник «Пермский крест: Михаил Романов» с целью показать, что почитание памяти Михаила – не местное «пермское чудачество», а поиск исторической правды, без которой не устоит никакая вертикаль власти.

Пользуюсь случаем поблагодарить выступавших здесь Алексея Казакова, Людмилу Лыкову и Алину Чадаеву, а также десятки активистов Перми и других городов, которые добровольно выполняют эту государственную миссию. Ресурсы наши очень ограничены. Власти Перми до сих пор не озаботились создать не то, что музей, а хотя бы комнатку со штатным работником, чтобы вести учёт исследованиям и находкам, связанным с памятью последнего законного правителя царской России. К счастью, Вячеслав Димов, учитель интернета гимназии имени Сергея Дягилева, создал и самоотверженно ведёт Виртуальный Музей Михаила Романова, в котором собраны материалы движения с начала 1990-х.

Встреча монархистов в Сологубовке 16 марта 2017

В марте 2017 мне довелось участвовать во встрече монархически настроенных активистов страны, организованной Анатолием Степановым – главным редактором патриотического сайта Русская Народная Линия (РНЛ), на котором публиковались и мои статьи. Народ собрался достойный, в том числе несколько моих друзей, людей образованных и пекущихся о судьбе страны. Встреча проходила именно 16 марта (3 марта ст. ст.), то есть день в день через сто лет ответа Михаила на неожиданное отречение Николая в его пользу.

Увы, из всех собравшихся в церковном здании в Сологубовке – а их была добрая сотня – Михаила почти никто и не вспомнил. Преобладающий тон был, что никакого отречения царя Николая не было, а было его отрешение от престола через заговор генералов. Об ответном Манифесте Михаила как бы и не стоило говорить.

В своём выступлении я напомнил некоторые факты, которые нынешние заядлые монархисты умудряются игнорировать, стараясь переиграть исторические события задним числом и задним умом. Ссылаясь на слова Николая «кругом измена, трусость и обман», они уверились в «заговоре генералов». Эта версия теперь тиражируется на ТВ «Культура». *Но забывают, что сам царь назначал людей, которые этим порокам якобы предавались.* Или ему это только казалось? Ведь каждый из пяти генералов, рекомендовавших отречение, был погружён в ту же атмосферу измены, трусости и обмана среди своих подчинённых. Неумелое ведение ненужной войны и – умелая антивоенная пропаганда большевиков – привели к такому повальному недоверию к власти, что «измена, трусость и обман» были повсеместны и повседневны. Или мерещились из-за каждого угла? СМУТА в умах привела к СМУТЕ в стране. Генералы же стремились к благу России не меньше, чем царь.

Стоит процитировать из *«Размышлений о Февральской революции»* Солженицына: *«Не материально подался трон – гораздо раньше подался дух, и его и правительства... Февральская революция была проиграна со стороны власти ещё до начала самой революции».*

«Вехи» не замечены, уроки 1905 не выучены

Солженицын прав, выводя кризис самодержавия в феврале 1917 из революции 1905 года, а то и раньше. Самые чуткие интеллектуалы революции, ужаснувшись жестокостью и нелепостью уличных боёв, спохватились и в 1909 г. опубликовали сборник «Вехи». Увы, уроки «Вех» не были усвоены интеллигенцией. Ставка на насилие, как быстрейший способ добиться благополучия в стране, продолжала расти. В 1911 г премьер министр Петр Столыпин был убит террористом Мордко Богровым.

Помню, как после опубликования «Августа 1914» в США разразилась кампания против Солженицына с обвинениями в «антисемитизме» из-за того только, что он изобразил Богрова евреем. На конференции славистов в Вашингтоне я выступил с защитой Солженицына против клеветы, тем более что в его романе есть и положительные образы евреев. Особая нелепость теракта Богрова была в том, что как раз Столыпин делал много для облегчения правового статуса евреев, несмотря на сопротивление самодержца.

Монархисты в Сологубовке плохо знают историю России, если думают, что революция 1917 г. не случилась бы, если б не «предательство» нескольких генералов. Такие бездоказательные обвинения

оскорбительны для чести героев белых армий, многие из которых стояли за *непредрешенчество* и, подобно Михаилу, уповали на УС или какой-либо другой демократический процесс, чтобы добиться примирения в обществе после победы над большевиками.

По крайней мере, один белый генерал, Владимир Каппель, сражался в войсках Самарского КОМУЧа, Комитета Учредительного Собрания. Чуть ли не единственным белым генералом, поднявшим монархический флаг, был генерал Унгерн фон Штернберг, воевавший в Сибири и в Монголии. Человек он был храбрый и энергичный, но жестокий и взбалмошный. Но и у него хватило политического чутья, чтобы поднять на флаге имя Михаила, а не Николая. При всём уважении к мученической смерти Николая II и его семьи, белые генералы сознавали, что карта самодержавия была бита.

Нынешние ревизионисты забывают, что *ураган антимонархизма в Первой Мировой Войне* смёл не только самодержавие в России, но и Кайзера Германии, Императора Австро-Венгрии и Султана Османской Империи, а потом и монархии в Италии и Испании. На смену пришла эпоха пролетарских вождей, дуче, фюреров, каудильо и президентов.

Романовы гордятся Михаилом

В отличие от наших доморощенных монархистов-неофитов, те люди, которые имеют реальные основания считать себя монархистами и даже наследниками престола, объявить себя жертвами большевиков и предъявлять иски на компенсацию и восстановление доброго имени, эти люди воспринимают свой жребий как судьбу России. Они ведут себя с достоинством и с верой, что русский народ способен выбрать форму государственного устройства, оптимальную для нашего и будущих поколений.

Статья 4-я, пункт 2 их Устава гласит:

2. *«Члены Объединения членов рода Романовых согласны с тем, что все вопросы, касающиеся формы правления в России и... все вопросы династического характера могут решаться только великим русским народом в ходе «всеобщего, прямого, равного и тайного голосования» в соответствии с Манифестом великого князя Михаила Александровича, подписанного после отречения от престола императора Николая II».*

Как бы ни относиться к Манифесту Михаила, он был основным законом страны в течение почти девяти месяцев до разгона УС большевиками в январе 1918 г. В это время страна жила по «Слову Государеву» надеждой на народовластие. В церквах с благословения Святейшего Синода пели осанну «благочестивому Временному правительству». Образно говоря, Михаил законно зачал «чадо» русской демократии. Увы, как только младенец появился на свет в январе 1918 и закричал не то, на что надеялись большевики, его задушили. Потом в течение 73 лет мощью государственного аппарата старались скрыть государственное детоубийство, затемнить или высмеять его значимость. См. мою статью «Вклад Михаила Александровича в развитие конституционной системы в России» в журнале ГД РФ *«Представительная власть»*.

Мой ранний отклик на «Размышления» Солженицына

Мне уже доводилось выступать о Михаиле в Доме Русского Зарубежья. Откликнулся я и на эссе Солженицына «Размышления о Февральской революции», когда **«Российская газета»** напечатала его к 90-ой годовщине Февральской революции в 2007 г. Тогда я написал статью «Революция революции рознь», которая появилась в 2008 в журнале «Москва», где редактором был Леонид Бородин, диссидент и бывший узник лагеря «Пермь 36».

Мой упор был на солидарность с Солженицыным в оценке революционного процесса с 1905 по 1917 год. Но было и несогласие с ним в оценке личности Михаила и его роли в истории России. Позволю себе привести мой аргумент:

«Медлительность царского правительства в первые дни беспорядков привела к их эскалации. Ситуация ещё больше усугубилась мятежом военных частей, расквартированных в Петрограде. Уже через пару дней уличного самосуда стало ясно, что это – революция. И подавить её можно было только армией, рискуя развязать гражданскую войну. На такой риск царь Николай не мог

пойти, будь то в силу своих убеждений или осознания потери авторитета среди военачальников. Поэтому он и отрекся от престола в пользу младшего брата Михаила, чей авторитет в армии был гораздо выше. Он явно рассчитывал на решительные военные меры со стороны Михаила.

Но плохо знал царь своего брата. Михаил был не менее совестлив. Неизбежное пролитие русской крови в условиях внешней войны претило ему не меньше, чем Николаю. (Он) знал, что самодержавие не может быть спасено. Почему же он не объявил себя конституционным монархом, как ему советовали некоторые думцы? Не должен ли он был спасти династию? Этот вариант был реален несколько дней назад. Но Николай упустил его и для себя, и для сына, и для Михаила. Принимая решение 3-го марта 1917 года, Михаил понимал, что не только самодержавие, но и конституционная монархия не могут быть спасены. Единственный шанс для победы над внешним врагом он видел в примирении с теми, кто вчера требовал отмены самодержавия, а сегодня и монархии вообще».

Подписав Манифест о передаче власти Временному Правительству с тем, чтобы оно подготовило выборы в УС для решения вопроса о форме государственного устройства, Михаил «поставил интересы страны выше интересов династии и своих собственных. Единственную надежду для Романовых он видел в добровольном возвращении их суверенной власти к её источнику. В 1613-ом они были возведены на престол народной волей Земского Собора. В 1917-ом они могли вернуть себе власть через суд народной воли в УС ... Приняв шапку Мономаха из рук самодержца, Михаил не увенчал ею свою голову, но и не отрёкся от престола. Он вернул её к своему источнику. Подписав манифест о не восхождении на престол до решения Учредительного Собрания о форме правления, Михаил дал стране шанс для победы над внешним врагом».

Сейчас пришло время заострить внимание на моём расхождении с Солженицыным по Михаилу. При чтении эссе надо помнить, что оно писалось в 1980–1983, на основе источников Института Гувера в США. Источниковедческая база Солженицына была весьма ограниченной, не по его вине. Это особенно касается Михаила, ибо большинство материалов о нём не было доступно и к 1995 году, когда эссе было впервые опубликовано в России, ни даже к 2007, когда оно тиражировалось «Российской газетой».

Начнём с двух важных источников, неизвестных Солженицыну. Это – сборник «От престола до Голгофы: Скорбный путь Михаила Романова», вышедший в Перми в 1996 году при участии выступавшей здесь Людмилы Лыковой, и фундаментальная книга супружеской пары из Великобритании Дональда и Розмэри Крофорд под названием *Michael and Natasha: The Life and Love Of Michael II: The Last of The Romanov Tsars*.

Книга была написана на изучении архивных материалов Петербурга, Москвы, Перми, Австрии и Великобритании, где Михаил пребывал в ссылке с 1912 по 1914. Вышедшая в Англии в 1997, книга Крофордов была переведена на европейские языки, но на русском издана лишь в 2008 году.

Упрёки Солженицына Николаю и Михаилу

Солженицын в том эссе признавал, что «В ночь с 1 на 2 марта Петроград проиграл саму Россию – и больше чем на семьдесят пять лет». Что же тогда можно было ожидать от Михаила утром 3 марта, то есть после того, как всё было проиграно, по признанию самого Солженицына? Ведь лавина революции продолжала нарастать с каждым часом. Речь шла уже не столько о престолонаследии, сколько об угрозе гражданской войны. Россию надо было спасать не только от смуты гражданской войны, но и от наступающего внешнего врага. И Михаил сделал всё, что было в его силах, и – что позволила ему его христианская совесть. Своим манифестом Не-Отречения, Михаилу удалось сразу же остановить раскат революции и предотвратить гражданскую войну до Октябрьского переворота.

Как только Манифест вышел, все партии, включая большевиков, выразили поддержку идее Учредительного Собрания, и стрельба на улицах Петрограда прекратилась.

Это вынужден был признать и Николай в дневнике о событиях 16 марта (3 марта ст.ст.): «(Начальник штаба) Алексеев пришёл с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрёкся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились – лишь бы так продолжалось дальше».

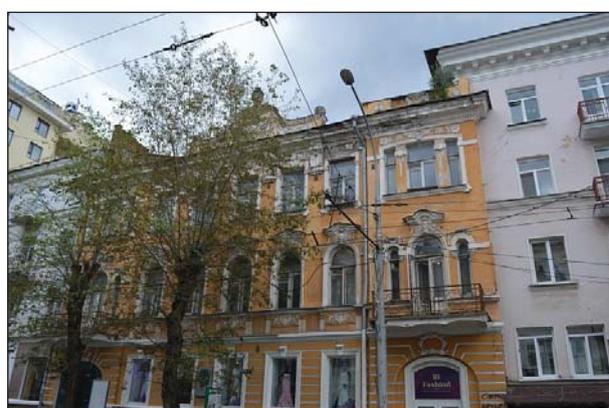
*Автор статьи прибывает первый венок
в сентябре 1991 г.*

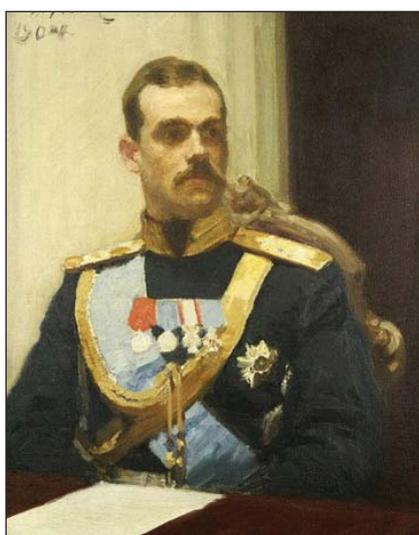
*Перед первой доской памяти Михаила и Джонсона
на здании «Королевских номеров» по улице К. Маркса
№ 5 (теперь снова Сибирской) в начале 1992 г.*

*Игумен Варфоломей освящает покаянный крест
Михаилу в Перми 12 июня 2010 г.*

«Королевские номера», г. Пермь

*Великий князь
Михаил Александрович Романов
(22.11/(5.12) 1878 г. — 12.06 1918 г.)
Портрет Михаила кисти Репина*

*Памятник бойцам ингушского полка Дикой Дивизии
в Назрани*

Николаю не понравилось, что выборы в УС пройдут на самой широкой основе. Но обещание «*Всеобщего, прямого, равного и тайного голосования*» было в духе времени. Михаил чутко уловил настроение образованного фрондирующего общества в пользу *четырёххвостки*. Будь на то его воля, он не стал бы проводить выборы до конца войны, ибо хаос даёт преимущество анархистам и радикалам. Кавалерийский военачальник знал, что лошадей на переправе не меняют. Но он также знал, что надо срочно остановить – не подавить! – мятеж в столице. Если бы Михаил не подписал эту «гадость», то лишил бы брата удовольствия написать: «*В Петрограде беспорядки прекратились*» и надеяться: «*лишь бы так продолжалось дальше*».

Увы, на Манифест Михаила, опубликованный в тот же день в одном газетном развороте с Манифестом Николая, левoliberalная печать, задававшая тон в стране, тотчас наклеила тот же ярлык «отречение». Ярлык был лживый: ибо, если это и было «отречение», то было оно строго условным. Михаил сразу же затормозил рвение большевиков к революции и гражданской войне и тем самым увеличил шансы России выйти из войны победоносно. А когда через пару недель США объявили войну Центральным державам, исход войны в пользу Антанты был предрешён.

Однако, поддержав на словах идею выборов в УС, большевики не сняли лозунга «*Превратить войну империалистическую в войну гражданскую!*». А Временное Правительство, которое Михаил уполномочил управлять страной до решения УС – быть ли России самодержавной, или ограниченной монархией, или республикой – потеряло бразды правления почти сразу же.

Во-первых, оно не сумело (или не захотело) аннулировать Приказ № 1 Петроградского Совета о контроле солдат над офицерами, изданного за два дня до встречи на Миллионной. Именно этот приказ привёл к Двоевластию в стране, окончательно разложил армию и поощрил большевиков к попыткам переворота с целью развязать гражданскую войну и подстегнуть мировую революцию. Этой цели они добились Октябрьским переворотом и разгоном УС в январе 1918. Во-вторых, вопреки духу Манифеста Михаила, Временное правительство стало устранять с постов монархически настроенных командиров, в том числе и генерал-инспектора кавалерии Михаила. Тем самым были подорваны все шансы на победу.

Но идея УС была настолько популярна, что Керенский не отменил её. Провозгласив Россию республикой в сентябре 1917, он полагался на антимонархические настроения фрондирующей интеллигенции, но считал эту меру временной вплоть до проведения выборов в УС.

Большевики тоже, даже после захвата власти в Октябре, не решились на отмену выборов в УС, ибо жили иллюзией популярности на избирательных участках. Но убедившись в январе 1918, что потерпели сокрушительное поражение, решились на разгон УС. Когда же питерцы вышли на демонстрацию протеста, большевистские боевики расстреляли их. Так, в надежде на мировую революцию, Ленин добился долгожданного повода к гражданской войне в России.

Солженицын неправоммерно объединяет двух братьев в одну упряжку некомпетентности, нерешительности и слабости. Упрекнув сначала Николая в неспособности управлять ни страной, ни армией, Солженицын добавляет, что и Михаил проявил «*ту же душевную слабость и то же стремление ОСВОБОДИТЬСЯ самому... побыть с женой между двумя служебными должностями*». Этот вывод несправедлив по отношению к Михаилу. ***Далеко не все источники были доступны Солженицыну, и он полагался скорее на интуицию и сложившиеся трафареты, чем на факты.***

Это особенно касается источников по Михаилу. В 2006 я несколько дней внимательно изучал дневники и переписку Михаила в Главном Архиве Российской Федерации (ГАРФ). У меня осталось самое благоприятное впечатление о нём как о личности, полководце и государственном деятеле.

Я говорю это при всём уважении к Солженицыну не только, как литератору, но и историку. Он сделал смелую попытку воссоздать трагедию России в эпоху революции, внешней войны и войны гражданской в его цикле «*Красное Колесо*». В то время советские историки были зашорены марксизмом – ленинизмом, ограничены цензурой и просто боялись.

Я восхищаюсь его главой о Петре Столыпине, как о государственном деятеле и герое, стремившемся – с постоянным риском для жизни – к замирению внутри страны и с соседями. Он ввёл эту главу в «*Август Четырнадцатого*» задним числом. Историческое чутьё ему подсказало, что революций 1917-го не понять без анализа революции 1905-го и героической попытки Столыпина вывести страну из революционной лихорадки. Недаром большевики так ненавидели его. Солженицын же в США мог полагаться на архивы Института Гувера, недоступные тогда в СССР. Создав образ

Столыпина, он показал, что у России был другой эволюционный путь развития—более продуманный, взвешенный: справедливый внутри страны и миролюбивый во внешней политике.

А вот отношение Солженицына к Михаилу сложилось предвзятым и внутренне противоречивым. С одной стороны он пишет: *«Если надо выбрать в русской истории роковую ночь, если была такая одна, сгустившая в несколько ночных часов всю судьбу страны, сразу несколько революций, – то это была ночь с 1 на 2 марта 1917 года».*

Но тут же противоречит себе: *«Концом монархии стало отречение Михаила. Он – хуже, чем отрекся: он загородил и всем другим возможным престолонаследникам, он передал власть аморфной олигархии. Его отречение и превратило смену монарха в революцию...»* Если судьба страны была решена в ночь с 1 на 2 марта, как же можно говорить, что *«Концом монархии стало отречение Михаила»* 3-го марта?

Солженицын о «душевной слабости» Михаила

Дальше – хуже: *«В отречении Михаила мы наблюдаем ту же душевную слабость и то же стремление ОСВОБОДИТЬСЯ самому. Даже внешне похожи действия братьев: почти в тех же часах, как сорвался Николай в путешествие к супруге, – пустился и Михаил в Петроград ... И так же, как Николай во Пскове, Михаил на петроградской квартире лишился свободы движения. И так же в западне был вынужден к отречению – да отчасти, чтоб и скорей повидать любимую умницу жену».*

Эти нападки – не историография. Солженицын упрекает Михаила в мелочном эгоизме и отсутствии патриотизма в роковой час не только для династии, но и для России. Думаю, для историка это неприемлемо. Моё восхищение писателем заставляет принципиально не согласиться с ним по этому вопросу.

Несомненно, что львиную долю ответственности за кризисную ситуацию в стране несёт Николай. Из этой кризисной ситуации мог вывести только смелый политический маневр. *Отречение Николая было такой попыткой, но оно фатально запоздало.* Всё-таки, в отличие от монархистов в Сологубовке, я считаю, *Николай заслуживает похвалы за то, что, повинувшись христианской совести, подавив в себе тщеславие и обиду, пошёл на уничижительное отречение.* Увы, его отречение, сначала в пользу больного сына Алексея, потом в пользу брата Михаила запоздало, по крайней мере, на пару дней, и не смогло остановить революции, угрожавшей перерасти в гражданскую войну.

Задача остановить раскат революции выпала на долю Михаила. И он справился с ней. Но ему пришлось передать судьбу монархии на *«волю великого народа нашего»*, которому он доверил определить форму управления страной через своих представителей, выбранных всенародным, прямым, равным и тайным голосованием.

Владимир Хрусталёв

Как бы в ответ Солженицыну, Владимир Хрусталёв, кандидат исторических наук и главный специалист Государственного Архива РФ (ГАРФ) в книге *«Великий князь Михаил Александрович»*, вышедшей в 2008 г., отзывается о Михаиле гораздо более лестно.

«Волей обстоятельств и случая Михаил II оказался формально последним императором на Российском Престоле, если считать временем его царствования неполные сутки со 2 на 3 марта 1917 г.», пишет Хрусталёв. *«Даже после «отречения» от «восприятия верховной власти» он сохранил реальные шансы на таковую»* (с. 5).

Насчёт личности Михаила, Хрусталёв приводит несколько отзывов в другой книге, которой он был составителем и редактором, *«Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича. 1915–1918»*, вышедшей в 2012 г. Вот мнение полковника А.А. Мордвинова, который был адъютантом Михаила с 1904 по 1912 гг. и мог лучше, чем кто-либо, наблюдать за поведением своего начальника.

«Высокий, стройный, сильный, с правильными чертами лица, с удивительно красивыми, лучистыми, немного задумчивыми, большими глазами, он сразу останавливал на себе внимание, а его

застенчивая, добрая улыбка, простота обращения и чувствуемая во всем его существе юношеская искренность и прямота невольно привлекали к нему всех тех, кому приходилось с ним соприкасаться. Он был один из немногих людей нашего времени, кому удавалось сохранить до зрелых лет, в полной неприкосновенности, всю целомудренную чистоту своего тела, как и помыслов...».

«В жизни он следовал бессознательно, из-за какой-то внутренней потребности, завету— Будьте как дети! — и вероятно, несмотря на все позднейшие, выпавшие на его долю испытания, он в основных чертах своего характера остался бы таким же, дожив до седых волос».

«Он действительно не любил (главным образом из деликатности) настаивать на своём мнении, которое у него всегда всё же было, и из-за этого чувства такта стеснялся и противоречить. Но в тех поступках, которые он считал — правильно или нет — исполнением своего нравственного долга, он проявлял обычно настойчивость, меня поражающую».

Другой сослуживец великого князя, генерал-лейтенант А.А. Мосолов, пишет, что Михаил «отличался исключительной добротой и доверчивостью... Смелый, физически сильный, великий князь выказал себя способным начальником». Согласно Мосолову, граф Сергей Юльевич Витте (1843–1915), видный государственный деятель, преподававший царственным братьям, «всюду хвалил способности Михаила Александровича, которому он давал уроки политической экономии. Он подчёркивал его правдивость и откровенность...», а его брата похвалил только за воспитанность, ибо «умственными способностями Николай II не блистал».

Напряжение физических и нравственных сил в условиях войны, когда ежечасно стоит вопрос о жизни и смерти, заставляет человека по-новому взглянуть на мир. Вот что особенно привлекло моё внимание, когда в феврале 2007 года я работал несколько дней в библиотеке ГАРФа. Из архива я заказал папку с перепиской Михаила с женой Натальей. В длинном письме с фронта, датированном 22–23 января 1915 г. из деревни Ломна, Михаил пишет: «Я благодарен судьбе, что благодаря тому, что попал в не (совсем) нормальные условия жизни, я прозрел и вижу настоящую жизнь и настоящее отношение к нам людей... Война и весь этот огромный ужас, который она за собой влечёт, поневоле наводит каждого здравомыслящего человека на самые грустные мысли...»

Михаил доверительно поясняет: «я чувствую большое озлобление к людям вообще, а главным образом к тем, которые стоят наверху, во главе, и допускают весь этот ужас».

Читая об озлоблении Михаила к верхам, к которым он сам принадлежал, как тут не вспомнить о письмах капитана Солженицына своему фронтовому другу Николаю Виткевичу, в которых он, согласно Википедии, нелестно высказывался о руководстве «Пахана», «сравнивал сталинские порядки с крепостным правом и говорил о создании после войны «организации» для восстановления так называемых «ленинских» норм». Как известно, за такое инакомыслие, хотя и в рамках официальной идеологии «ленинизма», Солженицын был арестован на передовой, чтобы начать восхождение по всем ступеням сталинского ада в тылу.

Михаил же продолжал излагать Наташе своё прозрение: «Если бы вопрос войны решался исключительно народом, в таком случае я бы не так горячо восставал против этого большого бедствия, но ведь дело то в том, что вопрос быть войне или не быть всегда решает правительство и, в общем, никто и никогда не спрашивает мнение у страны, у своего народа, как они желали бы поступить?»

Поскольку ход войны вскоре обратился не в пользу России, Наташе тоже пришлось сделать свой вклад в тылу и превратить их дворец в Петрограде в санитарный лазарет. А Михаил продолжает: «Мне бывает даже совестно перед людьми, т.е. перед солдатами и офицерами; в особенности, я это чувствую при посещении лазаретов, когда видишь столько страданий, — и могут подумать, что ты сам виновник в войне, стоишь так высоко и не мог предупредить и оградить свою страну от такого бедствия».

Да, по сравнению с Солженицыным, Михаил стоял «высоко», но не настолько, чтобы хоть как-то повлиять на вопрос о войне и мире. Но когда война началась, он не стал отсиживаться за границей, куда был сослан волей самодержца из-за его морганатического брака с Натальей, не стал выискивать какую-либо дипломатическую должность по поставке России продовольствия или оружия из-за границы, но просил брата простить его прегрешение и позволить ему служить отечеству на передовой. Что царь и сделал, поручив Михаилу весьма неординарную миссию командовать «Дикой дивизией», которая только начинала формироваться.

И Михаил показал себя храбрым воином и умелым военачальником, дослужившись до командования кавалерийским корпусом и должности генерал-инспектора кавалерии. При этом Николай отнюдь не давал поблажек брату. Но что особенно сближает русского генерала кавалерии Первой Мировой войны с капитаном артиллерии Второй мировой, это стремление выполнить свой воинский долг перед родиной, но при этом сохранить свою совесть, здравый смысл и заботу командира о сбережении народа.

Роберт Мэсси

Хрусталёв цитирует также книгу Роберта Мэсси «*Николай и Александра*», по которой я некогда учился английскому языку: «*Отречение Николая и Алексея сделало царём великого князя Михаила. В народе существовало старинное поверье: когда на трон взойдёт Михаил, Россия достигнет своей многовековой цели – присоединит Константинополь... Если бы Михаил взошёл на трон, а союзные армии выиграли войну, создались бы необходимые предпосылки для того, чтобы народное поверье стало действительностью*».

Новинка Натальи Чернышовой-Мельник

А вот и новинка. Знающая и упорная радетельница памяти Михаила, участница форумов в Перми и Петербурге, Наталья Чернышова-Мельник только что опубликовала уже вторую книгу, посвящённую Михаилу. Книга так и называется «*Последний Император: Жизнь и любовь Михаила Романова*». Я не успел книгу прочесть, но её название и описание от издателя говорят сами за себя: «*де-юре последний русский император*», отрешившийся от престола «*с верой в Учредительное собрание и русский народ. И в этом была огромная нравственная сила миротворца и первого гражданина свободной России, призвавшего соотечественников выполнить свой общественный долг участием в демократических выборах. И не его вина, что — не сбылось...*».

Репортёр в Дикой дивизии

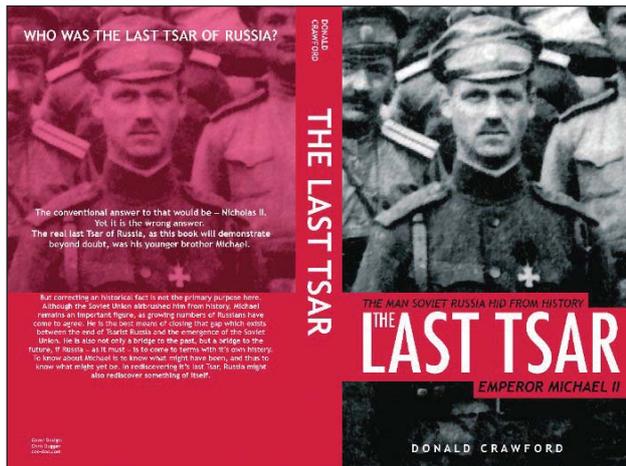
Создавая образ Михаила в «*Размышлениях*», Солженицын даже не упоминает о его выдающейся и даже уникальной роли в качестве отважного командира легендарной «*Дикой дивизии*». За умелое командование Михаил был возведён в командиры кавалерийского корпуса и в январе 1917 назначен генерал-инспектором кавалерии. И – что особенно важно для многоэтничной России – Михаил показал себя виртуозом в общении с мусульманами, другими иноверцами и людьми самых различных культур. Солженицын просто не знал ни о книгах Хрусталёва, ни о книге Олега Опрышко «*Кавказская конная дивизия*», которая вышла в 2007 году.

Вот что писал о Михаиле газетный репортёр, посетивший Дикую Дивизию в 1915 г на линии фронта:

«Такая открытая лучистость взгляда – свойство высоких, кристально-чистых натур. Изучая его взгляд, начинаешь понимать обаяние, внушаемое В.Кн. Михаилом всем тем, кто хоть однажды видел его близко. В чём же секрет такого властного очарования? Душа благородная, прекрасная, угадывается во всём, в каждой фразе, в каждом взгляде, жесте. Этот человек – сама олицетворённая искренность, так гармонично переплетающаяся с царственной простотой. (Он) не только любимый всеми начальник, покрывший славою себя самого и дивизию, но и отважный, не знающий страха солдат».

Не только воинская доблесть и дружелюбие отличали командира: «*В.Кн. трогателен скромной и простой любовью – он весь в этой чарующей простоте – любить Россию и всё русское. ..И в религиозности В. Кн. что-то напоминающее древнюю васнецовскую Москву, которая, к слову сказать, всегда так по сердцу Его Величеству. (Он) не пропускает ни одной обедни, и храм так гармонирует со всем его обликом. Прихожане – толпа наших серых героев. Впереди – высокий, стройный и гибкий стоит В. Кн., ушедший целиком в молитву».*

Дивизия состояла из шести полков народов Северного Кавказа: кабардинцев, черкесов, ингушей, чеченцев, дагестанцев и татар. Все служили добровольно, ибо не подлежали воинской повинности.

Обложка последней книги Дональда Крофорда «Последний царь», переведённой на русский коллективом учеников старших классов Пермских школ

19 мая 2010 г. игумен Митрофан ведёт литию перед зданием на Миллионной 12, где Михаил подписал Манифест

«Горцы, высоко ценящие личную отвагу, с каким-то чисто мусульманским фанатизмом боготворят своего вождя. Между собою любовно называют В. Кн. «наш Михайло» и пишут восторженные письма в свои далёкие горные аулы».

Казачий офицер Дикой Дивизии Сергей Курнаков вспоминает о знакомстве с Михаилом: «*Мне никогда раньше не приходилось встречаться с великими князьями. Этот был одно обаяние. Чистые голубые глаза излучали доверие. Осанка прямая и стройная, но не высокомерная. И тело римского гладиатора*». Курнаков заключает: «*Как было бы хорошо отдать жизнь за такого человека. Не зря кавказцы обожают его*».

Американский репортёр Стэнли Уошберн (Stanley Washburn) увидел брата царя в 1915 г. на фронте в форме без броских знаков отличия, но со Святым Георгием на груди. И записал: «*Более простого и демократического человека трудно себе представить*». «*(Живя) так же просто в грязной деревне на переднем крае русского фронта*» (как окопные воины), Михаил «*излучал тот самый непреклонный оптимизм, которым русская армия отличалась везде*».

О полководческих талантах Михаила высоко отзывались генералы Алексей Брусиков, Пётр Краснов и командир Кавалерийского корпуса, в который входила Дикая Дивизия, генерал Гусейн хан Нахичеванский, тоже расстрелянный большевиками в 1919.

Посол Франции Морис Палеолог записал в своём дневнике впечатление одного из участников встречи на Миллионной: «*В продолжение всех этих долгих и тяжёлых споров великий князь ни на мгновение не терял своего спокойствия и своего достоинства... В этот исторический момент он был трогателен по патриотизму, благородству и самоотвержению*».

Принимая Манифест из рук Михаила, Керенский воскликнул: «*Вы великодушно доверили нам сосуд Вашей власти. Я клянусь Вам, что мы передадим его Учредительному Собранию, не пролив из него ни одной капли*».

Не вина Михаила, что ни Керенский, ни Временное правительство не сдержали клятву, отдав «сосуд власти» на поругание большевикам.

«*Вы можете указать хоть одну сильную группу работников или умов государственного направления, на которую можно опереться*», вопрошал Михаил своего адвоката Н.Н. Иванова ещё до отречения Николая. И сам отвечал: «*Я не вижу. Одни штыки кругом. Штыки и клинки*».

Не вина Михаила, что не было в стране ни одной общественной силы, искавшей мирного, ненасильственного преодоления смуты. Иванов вспоминает разговор с ним после отречения, когда, вероятно, поползли упреки, дескать, смалодушничал, не оправдал царского доверия, не решился пролить малую кровь подавления мятежа, чтобы предотвратить большую кровь революции. «*Ну, пожмёте ли Вы мне руку?*», спрашивал Михаил. И отвечал: «*Я поступил правильно. Я счастлив, что я частное лицо. Я и отказался, чтоб не было никаких поводов проливать кровь*».

ТакнебудемжеупрекатьМихаилаза«безволие», «политическую слепоту» и «наивность». НебудемивысмеиватьегоМанифест, какнадиктованный«жидо-масонами»и агентами нетоГермании, не

то Англии. Михаил внимательно прочёл составленный юристами текст, сделал поправки и добавил самое существенное: что он обращается к русскому народу, «*призывая благословение Божие*». Он поступил в гармонии с его христианской совестью. Не ставил Манифест на голосование. Подписал *самодержавно* своим именем. *Это была героическая попытка вывести Россию из состояния смуты, не поступившись ни здравым смыслом, ни христианской совестью, ни прерогативой монарха.*

Михаил шёл по стопам своего небесного покровителя Святого благоверного князя Михаил Тверского. Тот пожертвовал собой, сдавшись на милость Хана Золотой Орды во избежание междоусобной войны с князем Московским Юрием Даниловичем. К часовне Михаила Тверского пермяки ежегодно, начиная с 12 июня 2007, совершают крестный ход в память о бессудном убиении Михаила Александровича и его секретаря Джонсона сто лет назад.

По мирским понятиям, попытка Михаила Александровича не удалась. Не удалось ни предотвратить поражения России в Мировой войне, ни удержать её от войны гражданской. Но увенчалась его восхождением на Голгофу Пермского креста. Вместе с ним на Голгофу взошла и вся совестливая Россия.

Крофорд о Михаиле

Выступая на конференции в Перми 12–13 июня 2008 г., почивший в 2017 г. Дональд Крофорд сказал: *«Мы никогда не сможем до конца осознать, что было потеряно вместе с его трагически оборванной жизнью. Но то, что мы знаем о нём, заслуживает вечной памяти и высокой чести. Все народы нуждаются в цельной исторической памяти. Если есть человек, который мог бы послужить мостом через пропасть, отделяющую царскую Россию от России новой, это, несомненно, Михаил, наиболее цельная и непротиворечивая личность из последних Романовых, единственный, кто до сих пор заслуживает всеобщего внимания и уважения».*

Житие Михаила Александровича?

Англичанину Крофорду вторит русский автор. *«Мы помним, что в своё время живший в пермской ссылке Михаил Александрович беспокоил большевистских вождей, несомненно, больше, чем Николай. Это был реальный император, с реальным авторитетом в войсках. Потому Михаил II должен был быть уничтожен как можно скорее».* Так пишет в книге *«Икона Великого Князя»* игумен Митрофан Баданин, ныне возведённый в Епископа Умбского и Североморского.

Он повествует об иконе Казанской Божьей Матери, подаренной Михаилу в память о чудесном спасении семьи императора Александра III при крушении императорского поезда на станции Борки в 1888 г. На форуме памяти Михаила в его бывшем дворце на Английской набережной в Петербурге в мае 2010, игумен рассказал, как его дед спас эту икону от разграбления дворца во время революции. С риском для жизни дед сохранил её через самые суровые годы советских гонений. А в 2012-ом на форуме в Мурманске игумен Митрофан одарил участников книгой, которую читаешь как житие святого. Михаил был канонизирован Русской Православной Церковью За рубежом (РПЦЗ) ещё в 1981 году.

«Думается, что если бы Михаил Александрович имел время и возможность оставить нам свои прощальные наставления», пишет Игумен на с. 150, *«то он повторил бы слова своего венценосного брата-страстотерпца Николая Александровича, записанные Великой Княгиней Ольгой: Отец просил передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет ещё сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь...»*

В недавнем интервью Епископ Митрофан подтвердил, что хотел *«показать духовный облик Михаила Александровича как одного из лучших представителей той, увы, исчезнувшей России».* И выразил готовность добиваться канонизации Михаила и для этого *«изучать документы».* Увы, *«До последнего времени мы имели такую возможность, но сейчас, как известно, архивы закрыты на сто лет».* Поэтому *«возобновить работу по прославлению мучеников в полной мере сейчас трудно».*

Мир без границ

Берега Парижа

Александр Трубецкой

Мой отец, Князь Александр Евгеньевич Трубецкой, после ускоренных офицерских курсов и Николаевского Кавалерийского Училища, служил с 1915 года офицером Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка. В конце 1917 года он вступил в одну из офицерских организаций против большевиков. В начале 1918 года участвовал в одной из попыток спасения царской семьи (их было несколько). После неудачи с освобождением Царя и его семьи он пробрался на юг России, служил в Добровольческой армии генерала Деникина и затем генерала Врангеля. В 1920 году он покинул Россию из Крыма. Жил во Франции. В 1930-х годах Александр Евгеньевич рассказал об этой экспедиции в журнале «Часовой», который издавался в эмиграции во Франции.

Князь Александр Александрович Трубецкой

Как пытались спасти Царскую Семью

Свидетельство участника ...

Было, как известно, несколько планов и попыток спасти Государя Императора Николая II с семьей из рук большевиков.

В одной из таких попыток мне пришлось участвовать не в роли инициатора или организатора, а в скромной роли рядового исполнителя. Обстоятельства, равно как и несовершенство плана, не позволили привести его в исполнение. Важен, однако, самый факт, что план такой был, что он начал приводиться в исполнение, что на него откликнулись многие, как из военных, так и из штатских, что нашлись люди, готовые на все, чтобы спасти своего Государя и согласно присяге послужить Царю и Родине.

Не их вина, что их надеждам не суждено было исполниться, а труды и риск пропали даром.

Конечно, даже когда выяснилась неосуществимость плана, и дело пришлось оставить, все мы, участники, были связаны тайной, малейшая неосторожность в слове могла не только повредить нам самим, но и стоить жизни царской семье, во всяком случае, ухудшить условия её заключения и затруднить другие попытки её спасения. После же гибели царской семьи тайна должна была быть сохранена ради нашей собственной безопасности. Даже теперь, спустя 14 лет, о многом нельзя ещё писать, нельзя называть многих лиц, участвовавших в этом деле или имевших отношение к нему, так как один находится в пределах СССР, другие имеют там родственников. В то же время многое начинает изглаживаться из памяти: забываются главным образом даты, места, в которых приходилось побывать тем или иным участникам, роль и работа каждого, последовательность действий.

Многие, как из участвовавших, так и из слышавших о нашей попытке, не раз убеждали меня написать, пока не поздно, воспоминания о нашей поездке в Сибирь и об организации дела.

Вот я и приступаю к описанию того, чему сам был свидетелем, и того, о чём слышал.

Я не первый пишу об этом. В «Архиве русской революции» (т. XVII, с. 280–292) есть статья К. Соколова — «Попытка освобождения царской семьи». Из неё узнаем, что в декабре 1917-го — феврале 1918-го ротмистр Соколов с двумя офицерами был командирован в Тобольск для разведки, подготовки освобождения и вывоза царской семьи. Он описывает главным образом свою работу. Я же принадлежал к другой группе, у нас были другие задания, и действовать приходилось в других местах.

Итак, в конце сентября 1917 года на фронте мои подчинённые выразили мне доверие, и я, покинув свой родной Лейб-Гвардии Конно-Гренадёрский полк, поехал в Москву. Там меня застало выступление большевиков, и, добровольно явившись в Александровское военное училище, я участвовал в городских боях с ними.

Тогда в Москве стали формироваться и конспиративные офицерские организации для борьбы с большевиками. Была довольно развитая, насчитывающая много членов организация Бориса Савинкова, в которую входили офицеры всевозможных политических оттенков, не исключая и монархистов, не всегда знавших, кто их возглавляет. Была и организация чисто монархическая: впоследствии она вошла в связь с Добровольческой армией на юге России. Меня туда привлёк мой большой друг Ротмистр Сумского полка М. Лопухин, расстрелянный большевиками летом 1918 года. Хотя по личному доверию ко мне он назвал имена некоторых лиц (генералов), возглавлявших организацию, но по условиям конспирации я был подчинён непосредственно лишь Лопухину. От него я получил задачу завербовать группу офицеров-монархистов, заслуживающих полного доверия, и быть начальником этой группы. Впоследствии — уже после описываемой поездки в Сибирь — организация стала делиться на десятки, пять десятков сводились в отряд и каждый рядовой член организации знал лишь свой десяток и начальника своего отряда. Я командовал десятком. Но в описываемый период организация, помнится, ещё не оформилась в правильные единицы. В моей группе было около 10 человек. Работы не было никакой, но мы держали связь и готовы были выступить при первой же возможности по приказанию начальника.

В начале января 1918-го ко мне пришёл Лопухин и объявил, что существует план вывоза из Тобольска Государя, Наследника и всей царской семьи. Государь дал свое согласие на вывоз семьи, во всяком случае, отрекается от престола, но не хочет покидать пределы России и не желает расстаться с Наследником. Оба они должны быть скрыты в самой России, а Государыня и Великие Княжны будут вывезены за границу, в Японию.

Инициатива этого плана исходила не от военной организации, в которую мы входили. Инициатором был присяжный поверенный Полянский. Он будто бы заручился поддержкой видных государственных деятелей и французского посла, также обещавшего поддержку — как моральную, так и материальную.

План же действия был таков. Отряду гардемарин, состоящему в организации, предстояло прибыть в Тобольск с подложными бумагами якобы на смену караулу при царской семье. Если караул откажется смениться, гардемаринам следует применить силу. Затем Государыню и Великих Княжон увозят на восток, в Японию, а Государя и Наследника на лошадях доставляют в Троицк, в область Оренбургского Казачьего войска. Они едут туда инкогнито: Государь — бритый, в качестве французского гувернёра при мальчике из богатой семьи.

Троицк согласно этому плану считался верным местом. Оренбургское Казачье войско большевиков якобы никогда не признает и не пустит — настроено оно монархически. Но при Государе и Наследнике всё же должна состоять негласная охрана из верных офицеров в числе 10-12 человек. Роль этой охраны поручалась Лопухину, а он предложил уже мне выбрать из моей группы 5 человек (другие пять выбирались из другой группы). Ввиду того, что план спасения царской семьи исходил не от нашей военной организации, участие каждого из нас не считалось обязательным. О плане нам сообщили лишь в самых общих чертах, и каждый должен был решить по совести — верит он в это дело или нет, а также считает ли себя на него способным.

Надо сказать, что ответственность в таком решении была огромна. С одной стороны, естественно сомнение: не является ли весь этот план провокацией, легкомысленной авантюрой, которая без всякой пользы для дела может стоить жизни не только каждому из нас, но и тем, кого предстояло спасти, уберечь. С другой стороны, понятно, что каждый из нас, рядовых участников, только и мог принять на веру слова своих непосредственных начальников, понимая важность конспирации.

Выезжать нам предстояло через три дня, 10 января, и я тотчас же приступил к вербовке офицеров из своей группы. Говорил с каждым совершенно откровенно, предупредил как об ответственности решения, так и о личной опасности, которая могла грозить. И вот группа в сборе — вместе со мной шесть человек. Для большей осторожности ехать решено было в разные дни и разными маршрутами. Четверо со мной выезжали 10 января, а двое — 11-го. Наш маршрут — через Вятку, Пермь, Екатеринбург, Челябинск. А Лопухин с группой ехали через Уфу и Оренбург. Он снаб-

дил нас чистыми отпускными удостоверениями с печатями от двух воинских частей — осталось только вписать имена, фамилии и вымышленные подписи командира да адъютанта части. Чины большевиками были отменены, но на удостоверениях в ходу были звания — «бывший поручик», «бывший капитан» и т. д. Офицерские чины тогда скрывать ещё не приходилось, да и трудно было бы их скрывать — внешний вид ещё резко отделял нас от «товарищей».

Отправление состоялось 10 января с Ярославского вокзала. Классных вагонов не было. Мы забрались в теплушку и поехали бесплатно. Помню, нам удалось занять места на верхних нарах — там и теплей, и лежать можно было. К отходу поезда набрался полный вагон солдат и мужиков, так что внизу была страшная давка.

Понятно, к нам нарастало недружелюбное отношение: «Буржуи эти как наверху устроились. Вторую ночь дрыхнут, а нам не то, чтоб вытянуться, а и сидеть тесно», «Тащи их за ноги оттуда». Один уже, было, схватился за сапог кого-то из нас, и дело могло обернуться нехорошо, но выручил случай. Кто-то вступился за нас: «Брось, землю мы у них отобрали, так уж пусть дрыхнут...» «А может, у этих и земли никакой не было?» — уже неуверенно откликнулся зачинщик и, потеряв задор, успокоился. Мы были спасены. К нашему привилегированному положению привыкли, а на третью и следующие ночи места уже были крепко за нами — по праву давности. Вошли мы и в общую жизнь теплушки: несли дежурства по погрузке дров, топке. Справки у железнодорожников о времени стоянки и о надежде на получение паровоза тоже лежали на нас. От Москвы до Екатеринбурга мы ехали не то пять, не то шесть дней, от Екатеринбурга до Челябинска — ещё день и ночь. На железных дорогах царствовал невероятный беспорядок. Поезда, идущие на восток, были забиты. Не хватало ни исправных паровозов, ни железнодорожного персонала. На иных станциях в ожидании паровоза приходилось стоять часами.

И вот рано утром, кажется, 17 января мы прибыли в Челябинск. Отсюда было совсем недалеко до Троицка — места нашего назначения, и мы рассчитывали, что там уже не будет большевиков. Но на вокзале из случайного разговора узнали, что и Троицк ещё в день Рождества взят большевиками. Казаки перепились, местные же большевики этим воспользовались, обезоружили их и захватили власть.

Такое вот было то верное место, где хотели укрыть Государя и Наследника. Ясно, что весь план рухнул. В то время непосредственной опасности для жизни царской семьи ещё не было, но такая легкомысленная попытка её спасения повела бы к верной её гибели. Предстояло остановить исполнение плана. В то же время основываться на одном случайном разговоре, хотя и весьма правдоподобном, судя по окружающей нас обстановке, мы не могли. Поэтому, подумав, решили ехать до станции Полетаево, от которой отходила ветка на Троицк. По прибытии туда у нас уже не могло оставаться никакого сомнения по поводу большевиков: всюду царила советская власть, а о Казаках Дутова и не слышно было. Пришлось дать в Москву телеграмму: «Цены изменились, сделка состояться не может».

Нам было известно, что в Троицк ещё задолго до нас поехали два квартирьера, чтобы всё наладить к нашему приезду и к приезду Государя и Наследника. Надо было выйти с ними на связь, сообщить о нашем прибытии, но никто из нас не знал квартирьеров в лицо. Кроме того, требовалось встретить офицеров — Сумских Гусар, тоже мне лично незнакомых. Они ехали группами по три человека и в Полетаево должны были пересаживаться.

Просидев на вокзале целый день, вечером я вышел к поезду и увидел трех офицеров в одинаковых защитных полушубках кавалерийского образца. Сразу решил — они. Подхожу и спрашиваю: «Простите, вы не с Лопухиным?» «А вы не Князь Трубецкой?» — последовал ответ. Один из вновь прибывших сменил меня на станции для встречи членов своей группы, а мы поехали в Челябинск, где и разместились по гостиницам. Хорошо, что ЧК в то время была только в зачатке и не обладала ещё всеведением и всевидением. На нас никто не обращал внимания. Наши дежурства на вокзале проходили совершенно незамеченными, да и некому было за этим смотреть.

Не помню, через день или через два все собрались в Челябинске. Приехал и Лопухин, и мы принялись выработать дальнейший план действия. Если старый план провалился, то это ещё не значило, что от спасения царской семьи следовало совсем отказаться. После некоторых раздумий и прикидок решено было снять квартиры в разных городах Сибири и северной России, где временно, конечно инкогнито, могли быть скрыты Государь и Наследник. Мы надеялись, что впоследствии всё

же удастся уговорить Государя выехать за границу или, как думал Лопухин, скрыть его в сибирских старообрядческих скитах.

Но пока что нужно было отыскать членов нашей организации, находившихся в Тюмени и Тобольске. В Тобольске были три офицера Сумского Гусарского полка вместе с Ротмистром Соколовым, а в Тюмень, незадолго до нашего отъезда из Москвы, выехал В. С. Трубецкой, но он скрывался под вымышленной фамилией — Чистов. С ним для поручений и доставки донесений следовал 16-летний вольноопределяющийся Н. Г. Лермонтов. В задачу Чистова входила встреча Государя и царской семьи после её освобождения. Затем он должен был снабдить паспортами и сопровождать до Троицка Государя и Наследника.

Квартиру в Перми мы нашли без труда, и меня вызвали в Тюмень. Там собралось немало наших. Лермонтова, правда, я уже не застал — он уехал в Москву с донесениями от Чистова и Лопатина. И вот было решено одного из нас направить в Ялуторовск для снятия квартиры в том местечке. Безопаснее всего было бы везти царскую семью в направлении на Ялуторовск, пустив для отвода глаз несколько троек по направлению к Тюмени. От Ялуторовска на лошадях предполагалось ехать в Курган, так как поиски в первую очередь, естественно, начали бы вести по северной ветке Сибирского пути. Вот эти конные тракты нам и нужно было исследовать.

С весьма интересными рассказами вернулся из Тобольска Чистов. Он отыскал Соколова с его товарищами, которые уже долго жили в Тобольске и многое знали как об условиях жизни царской семьи, так и об их карауле. Они считали, что внезапное нападение на караул могло иметь все шансы на успех и что одновременно, уничтожив телеграф, можно было бы задержать тревогу, погоню и поиски. Чистов ходил к дому, где жила царская семья, через забор видел Наследника, Великих Княжон, катавшихся с ледяной горки. Перед отъездом он решил ещё раз встретиться с Соколовым, но на квартире у него застал караул: офицеры были арестованы, и караул задерживал всех приходивших к ним. Чистова допросили, по какой причине он явился, но он сразу нашёлся, что ответить. Из Тобольска в Тюмень регулярных рейсов не было, одному же нанимать ямских лошадей было дорого — вот ехавшие обычно и подбирали попутчиков. Чистов и сослался на эту легенду. Ему, в свою очередь, придумали не менее увлекательную историю о его предполагаемых попутчиках: они якобы ограбили женский монастырь, а потому и арестованы. Так что всё обошлось. Чистова благополучно отпустили, и вскоре он тоже уехал с донесением Лопатина и личным докладом в Москву.

В то время в Тобольске городом правил Совет рабочих и солдатских депутатов, а охрана при царской семье была прежняя, назначенная Временным правительством. Когда на смену им прибыла новая охрана, в городе шла борьба между старой и новой властью. Этой анархией арестованные воспользовались, им удалось привлечь на свою сторону большевицкие элементы, и во второй половине февраля они были освобождены и благополучно вернулись в Москву.

Не имело смысла оставаться в Тюмени и нам. Наше там пребывание, в конце концов, могло обратиться на себя внимание. Так что в ожидании приказаний из Москвы мы переехали в Екатеринбург.

За время нашей поездки в гостиницах, а иногда и на вокзалах мы неоднократно подвергались обыскам. Красногвардейские патрули искали и отбирали у проезжих оружие, но обыски те велись крайне примитивно. В Челябинске, например, мы сидели в буфете по ту и другую сторону длинного стола, а чемоданы лежали под столом, у наших ног. Пока патруль производил осмотр с одной стороны, ногами мы передвигали чемоданы на другую сторону, затем ту же операцию проделывали обратно. Изобрели мы и новый способ хранения оружия. Во всей Сибири тогда было изобилие хлеба, продавали его огромными караваемми. Вот мы и решили хранить револьверы в хлебе. В корке, обыкновенно снизу, делался вырез, мякоть вынималась из середины, и туда прятался револьвер, а вырезанная корка прилаживалась на место. Этот способ давал блестящие результаты. В том же Челябинске, в гостинице, в Тюмени и в Екатеринбурге нас не раз обыскивали по ночам, но никому, конечно, не приходило в голову трогать хлеб.

Не помню точно числа, но в середине февраля из Москвы пришла телеграмма, отзывающая нас обратно. При сложившейся обстановке и тех средствах, которыми располагала организация, задача освобождения царской семьи оказалась неосуществимой и миссия наша считалась оконченной. Мы тронулись в обратный путь. Так безрезультатно окончилось задуманное предприятие.

Да, бесплодна была та поездка, но не наша тому вина. При основательной и правильной постановке дела — я и сейчас в этом уверен — спасение царской семьи было бы вполне осуществимым.

Освобождение её и вывоз из Тобольска представлял и не самую трудную часть задачи. Главная трудность заключалась в том, как скрыть и сохранить спасённых. Для этого нужна была, конечно, более солидная организация, большая подготовительная работа, хорошая осведомленность, а главное, как правильно указывал в своей статье ротмистр К.Соколов, деньги, деньги и деньги. В рядовых исполнителях задачи недостатка не было.

Увы, результатов мы не достигли. И всё-таки у всех осталось хорошее воспоминание о пережитом подъеме духа и сознание того, что мы на деле проявили готовность послужить своему Государю и остались верными данной ему присяге.

Князь А.Е. Трубецкой

Мир без границ

Берега Варшавы

Барбара Кригер

Барбара Кригер – философ, культуролог. Выпускница Краковского Ягеллонского Университета, в прошлом научный сотрудник и преподаватель Академии наук и Института истории культур. С 1990 года активный деятель Славянского Движения, участница 1-го Учредительного Всеславянского Собора. Автор более 90 работ в области славяноведения, экологии, охраны окружающей среды. Член Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения, член Международной Славянской Академии

В информационной ловушке

Всё, что мы видим, слышим и чувствуем, проникает в нас и влияет на нашу жизнь. Эта, казалось бы, банальная истина нами зачастую вообще игнорируется. Мы смирились с накрывающими нас потоками негативных сообщений, отталкивающих образов и громких звуков. Мы не защищаем от них наших родных, близких и даже детей.

Куда делся наш инстинкт самосохранения? А ведь речь идёт о самом важном — о нашем здоровье и жизни. Мы согласились со всем этим потому, что считаем (ведь нас так учили!), будто существует некая всемогущая «объективная» реальность, на которую мы не влияем, а потому вынуждены её терпеть. Только что это имеет общего с провозглашённой и столь желанной «свободой», и как это связано с так называемой «свободой слова»? Найдется ли место нашему личному выбору, если мы не осознаем, под влияние какой власти мы попали.

Вал антикультуротворческой информации

Между тем, мы оказались в туманном хаосе наваливающейся отовсюду информации, истинная «информационная ценность» которой сомнительна, так как не является достоверным описанием условий окружающей действительности. Это, скорее, тиражируемый электронным способом дисгармоничный шум, создающий видимость реальности. Этот информационный меланж часто называют «виртуальной реальностью». Она имеет мало общего с природой реальности и фактическими условиями и событиями, происходящими в мире. Образы и слова продаются, как обычные товары. Это означает отрицание роли информации как культуротворческого фактора в организации социума. Можно сказать, что мы не заметили, когда циркулирующая в социальной системе информация перестала выполнять свою естественную, конструктивную роль, оторвалась от жизни и начала действовать «автономно», как сказочный «Джинн, выпущенный из бутылки», представляя угрозу цивилизации.

С чем же мы имеем дело? С бурным развитием всех СМИ, то есть средств создания, хранения и передачи информации с применением высокой микропроцессорной техники (high-tech), обладающей немислимыми возможностями её компактирования и тиражирования. Одновременно происходит постоянный рост объёмов информации. Постоянно увеличивается число всевозможных публикаций. Уже в конце прошлого века было подсчитано, что если количество новой информации в области науки и техники удвоится, то одновременно общее число публикаций увеличится в тридцать раз. Причём прогноз этот не затрагивал Интернета, генерирующего огромное количество данных, так что данный прогнозируемый рост был сильно занижен. Сегодня мы имеем дело с информационной техникой, не сравнимой ни с чем, что было раньше. Например, в 2008 году человечеством было произведено 300 миллиардов гигабайт данных — это больше, чем за предыдущие 40 тысяч лет существования нашей цивилизации. («Фокус» № 05/272, 2018)

Вся эта информационная технология применяется в настоящее время при создании разнообразных благ. Она также широко доступна каждому гражданину для частного пользования. Вопрос только в

том, умеет ли он обращаться с ней так, чтобы она приносила ему пользу, а не вред. И несёт ли он ответственность за сообщения, которые сам создаёт и запускает в сеть? К сожалению, жизнь даёт нам примеры, что это не так: во время избирательной кампании на пост президента США, мир облетела весть, что папа римский Франциск выразил свою поддержку Дональду Трампу. При попытке проверить, откуда взялась эта информация, оказалось, что новость придумали молодые люди из Македонии, создавшие сайт информационного агентства. Когда их спросили, свой поступок они мотивировали тем, что информация «хорошо продавалась». Подобных случаев становится всё больше и больше.

«Смещение миров»

Это колоссальное изменение в сфере социальной циркуляции информации, в сфере её создания, передачи и приёма, никогда не имевшие прецедента. При этом оно связано с производством и потреблением всеобщих социальных благ, как в материальной, так и ментальной сфере. Это изменение настолько принципиальное, что за ним не успевает индивидуальное развитие восприятия, распознавания и оценки этих продуктов, потому что общество не подготовлено соответствующей системой образования. Она до сих пор не сформирована. Всё это ведёт напрямую к нарастанию информационного хаоса, своеобразному смещению миров: мира реального и мира виртуального. И уже нельзя продолжать делать вид, будто мы не видим, как в этом хаосе теряются действующие прежде нормы, расшатываются ценности и размываются принципы жизни сообщества. Именно это мы переживаем сейчас. И решить эту проблему предстоит нам, людям, живущим «здесь и сейчас».

Основной причиной социальной дезориентации является именно информационный хаос, вызванный проникновением через средства массовой информации в информационный обиход неадекватной информации, а вернее дезинформации. Заключается это, в частности, в выборочной подаче фактов, намеренном их составлении так, чтобы у воспринимающего возникали запланированные отправителем ассоциации. Речь идёт также и об интерпретации событий, подчиненной целям пропаганды. В результате этого большинство населения воспринимает реальность искажённо, но при этом абсолютно убеждено, что он видит мир правильно. Ведь эта картина соответствует полученной информации! Мало кто задумывается над тем, является ли информация достоверной. Такое положение вещей чаще всего не является случайным, а соответствует замыслам центров управления, генерирующих выбранную для их целей информацию. Особенно чётко это видно, когда мы сравниваем информационные схемы якобы независимых средств массовой информации в различных странах ЕС, в которых идентично освещаются политические события, что указывает на общий источник этих сообщений. Эта идентичность, однако, не является показателем повсеместной точной интерпретации «фактов». Оказывается, что очевидцы и участники этих событий зачастую воспринимают их совершенно по-разному. И, как следствие, люди реагируют не на подлинные события и реальные процессы, а на полученную информацию. На заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 2015г. один из представителей во время дискуссии на тему создания информации заметил: «то, как воспринимается реальность, важнее самой реальности!». И, по сути, система СМИ весьма часто навязывает адресату способ восприятия событий, вместо того, чтобы предоставлять достоверную информацию о ходе событий.

В соответствии с особенностями наших нейронных систем и их функции восприятия, реакция на фальшивый образ и ложную информацию является такой же, как если бы она была истинной. Особенно когда информация пробуждает и поддерживает в людях сильные эмоциональные ассоциации, уходящие в бессознательное. В последние двадцать лет неоднократно в информационном пространстве появлялись ложные, постановочные картины, призванные возбудить аудиторию и вызвать чувство протеста, особенно в контексте продолжающихся войн. Также в качестве подлинной подавалась и ложная статистика, например, о количестве убитых и раненых.

Всё это складывается в гигантскую информационную мистификацию и влечёт за собой серьёзные психологические последствия, усиливая патологию социальной жизни. Это провоцирует также у каждого из нас большой дискомфорт в жизни. Когда принимаемые за чистую монету недостоверные сведения вызывают у нас неверную реакцию, мы теряем веру в свои способности понимания и собственные навыки адаптации в определенных жизненных ситуациях и в целом в обществе. Нам трудно функционировать в семье, школе, на работе. В случае ложной информации возникает дисфункция восприятия и реакции. В результате усиливается чувство хаоса, потерянности и бессмысленности.

Общеизвестно, что в современную эпоху мы имеем дело с многочисленными изменениями во всех сферах жизни, которые мы воспринимаем как значительное ускорение темпа жизни. Это требует от нас большей гибкости в действиях. Суть в том, чтобы эти изменения осознанно воспринимались, в соответствии с реальным ходом событий. Только тогда может появиться адекватная реакция на происходящее. Даже если мы имеем дело с достоверной, не сфальсифицированной информацией, которая поступает к нам из окружающей среды, необходим достаточно большой труд, чтобы её проанализировать, обработать и выбрать наиболее выгодное адаптивное поведение. В случае же её хаотического избытка и искажений, ориентация почти невозможна. Между тем, информация, которой насыщается сфера общественной жизни через официально функционирующую систему средств массовой информации, является, по меньшей мере, неадекватной по отношению к происходящим событиям и естественным процессам, а зачастую совершенно оторванной от реальности и концептуально искусственной. Благодаря неограниченному тиражированию и распространению, использованию новых технических средств, образ реальности изменен до такой степени, что человеческие адаптационные реакции становятся совершенно неадекватными и приводят к личным и социальным катастрофам. Без преувеличения можно сказать, что возникает опасность для выживания нашего вида. Никогда ещё в истории многократно приумноженная ложь не была столь угрожающей в последствиях, как в наше время.

Почему же нет соответствующей сильной реакции общества на эту серьезную угрозу?

Потому что так же, как мы не задумываемся о том, почему мы дышим и как это делаем, мы не задумываемся над тем, как воспринимаем информацию из окружающей среды и как на неё подсознательно реагируем. Между тем, и дыхание, и восприятие информации из окружающей среды — это основные условия нашего существования, выживания и адаптации к окружающей среде. Именно так мы живем в природной и социальной среде, мы объединены в «единое целое», в постоянном процессе адаптации.

В соответствии с нашими антропологическими знаниями, человек, взаимодействуя с изменяющейся окружающей средой, постоянно усваивает информацию об организации этой среды и обрабатывает её в поведенческих и репродуктивных целях. Информация же производит стимуляцию участков мозга, отвечающих за эмоции, вызывающих соответствующую реакцию. Например, когда мы получаем информацию об угрозе, нашими реакциями в этой ситуации бессознательно управляет миндалевидное тело мозга, минуя мышление и рациональное принятие решений, нашему телу оно посылает сообщение: защищайся или беги! Иными словами, оно стимулирует мышечную систему к действию, заставляя её находиться в движении.

В настоящее время ситуация выглядит тревожно, потому что современная сеть средств массовой информации, постоянно воздействующих на массового адресата, представляет **угрозу для дальнейшей нервно-психической эволюции человека** из-за следующих последствий (по данным антрополога А. Верчиньского): «— обилие разнородной информации в поле осознанной её обработки, — дестабилизация понятийной интуиции, смысловая размытость, вербальная и визуальная диссоциация, вызывающие когнитивный диссонанс, т. е. состояние напряжения, появляющиеся тогда, когда между познавательными установками (знаниями, взглядами, убеждениями) происходит разрыв и не хватает связанности, — регресс функции организации информации в особые, компактные системы в полях визуальной и понятийной гнозии в коре головного мозга, — регресс естественной функции сознательной памяти в результате её постоянной разгрузки посредством технических средств записи.»

Созидательная сила слова

Поэтому мы должны понимать и помнить, как мы функционируем. Тем более, что именно в нашу эпоху, как писал профессор А. Кемпиньский, эволюция человека касается, прежде всего, его функциональных форм. А из функциональных форм развиваются в первую очередь те, которые касаются обмена информации с окружающей средой, то есть так называемого информационного метаболизма. (Кемпиньский А.: Ритм жизни, 1994). Поэтому мы постоянно принимаем информацию из окружающей среды, причём в социальном окружении она имеет преимущественно языковой характер, а значит,

строится на слове. Слово же через ассоциации вызывает образы и эмоции. Речь, печатное слово, а также другие средства символической коммуникации связывают людей и «побуждают» их к действиям, чаще всего не полностью осознаваемым. Из этого следует неопровержимый вывод, что именно СЛОВО управляет делом. Оно запускает у нас процесс появления ассоциаций и всего, что потом проявится в нашей реакции. Мы должны об этом хорошо знать, потому что во всех умных культурных текстах, начиная с древних времен, говорится во многих местах о значении СЛОВА, о его движущей силе и необходимой ответственности в использовании слова. Например, в Библии неоднократно говорится о созидательной силе СЛОВА: «В начале было СЛОВО, и СЛОВО было у Бога и СЛОВО было Бог [...] Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.» А из десяти заповедей, мы знаем, что одинаково тяжело мы можем грешить «мыслью, СЛОВИЩЕМ и поступком». Вообще мы знаем, что плохое СЛОВО может причинить вред — разрушить здоровье и жизнь другого человека. «... Злым СЛОВИЩЕМ ты убиваешь так же, как и ножом», — это фрагмент песни Немена «Этот странный мир». ИСОКРАТ — древнегреческий философ и педагог, придававший большое значение СЛОВУ и подчинявший его нравственным критериям, сказал: «Сила СЛОВА настолько велика, что способна большое сделать малым, малое представить огромным, вещь, давно всем известную, выразить по-другому, а вещи новые представить на старый лад».

Между тем, мы позволили, чтобы «СЛОВО» в нашей социальной жизни «вышло из-под контроля» и как бы стало функционировать автономно. Часто трудно определить, кто отвечает за слово, рождающееся в потоке событий и попадающее в социальный обиход. А ведь именно это слово предопределяет то, как мы видим наш мир, и влияет на формирование настроений и общественного мнения. Сегодня, когда это становится всё более заметным, из-за неправильного, неадекватного мышления и злоупотребления словом нарастает хаос, который ведёт к деградации всех социальных структур, начиная с семьи, включая государство и вплоть до мирового порядка.

Существует, таким образом, всё увеличивающаяся опасность разрушения, но в то же время не появляются выраженные защитные реакции и усилия по выходу из ситуации информационного кризиса. Это означает, что явление это не осознаётся, не распознаётся и, соответствующим образом не диагностируется. Необходим рост осознания в ответ на угрозу распространения полного хаоса, ведущего к обременительному дискомфорту для каждого из нас и всех вместе взятых. Невежество может нас погубить. Доминирующая функция циркуляции информации в нашу эпоху должна привести к увеличению ответственности за создание и распространение информации, то есть к уважению истины. Провозглашаемый «идеал свободы слова» давно уже стал пустым звуком и служит исключительно для манипуляции. Вновь необходимо задуматься, о какой свободе здесь идёт речь и можно ли вообще говорить о «свободе слова» без ответственности за слово. Если же информация из СМИ часто управляет нашими реакциями, за пределами нашего сознания, то как вообще можно говорить о свободе? Где здесь место выбору сознательной реакции? Выбор может быть свободным, только тогда, когда он является осознанным.

Итак, мы приходим к выводу, что без знаний нашей собственной природы и без сознания, как мы функционируем в информационном окружении, мы можем получить только иллюзию свободы, потому что, как было указано выше, не мы осознанно управляем нашими реакциями. Они очень часто намеренно вызываются навязанной информацией, минуя наше мышление и сознательно принятые решения. Выход из этой гнетущей ситуации возможен только путем роста общественного и индивидуального сознания каждого члена общества.

Подводя итог...

Обмен информацией с окружающей средой является основной нашей жизненной функцией, как и дыхание. Вся информация, которую мы принимаем, влияет на наше поведение и мышление. В настоящее время — в информационную эпоху — очень важно, какую информацию мы принимаем. Поэтому мы должны приложить усилия, чтобы повлиять на качество средств массовой информации и научиться выныривать из потока информации в случае необходимости. Нужно требовать от журналистики этической, высококачественной работы, потому что это общественно значимая профессия. В значительной степени от неё зависит качество нашей жизни и благополучие социальных структур. Постоянно нужно всячески напоминать о достоверности и правдивости информации, а прежде всего, об ответственности за слово.

Мир без границ

Берега славянства

Болеслав Тейковский

Заместитель Председателя Международного славянского комитета, Председатель Польского славянского комитета

Единство Славянства – защита Славянских народов и государств

Братья-славяне!

Польская делегация благодарит за приглашение на Всеславянские юбилейные торжества по случаю 20-ой годовщины VII Всеславянского Съезда и 170-ой годовщины I Всеславянского Съезда в Праге. Эти важные для Славянства съезды стали, в основном, плодом деятельности чешских и словацких активистов, осуществлявших миссию славянского единения. За эти большие заслуги в сплочении славян – Честь Вам и Хвала, чехи и словаки!

Как тогда, так и сейчас наиболее важным вопросом является единство Славянского мира, как защита всех Славянских народов и государств. Без этого славянского единства, без этой, как говорят чехи, славянской взаимности Славянские народы и государства будут стравливаться и противопоставляться друг другу, будут находиться под угрозой утраты национального богатства, национальной идентичности и государственного суверенитета, будут сдерживаться в цивилизационном развитии.

Необходимое для славянской безопасности и развития единство Славянских народов и государств – это естественное явление. Оно вытекает из их общего происхождения, этнического и культурного родства, из феномена общей славянской духовности, общей древней славянской цивилизации и зарождающейся на наших глазах новой славянской цивилизации. Многонациональное Славянство – это одно единое целое, это одно цивилизационное, геополитическое и геостратегическое пространство, это естественное наднациональное сообщество родственных, обладающих близкой духовностью и творческим потенциалом Народов, черпающих из чувства цивилизационного единства силу развития. Это естественное славянское единство создает удобные условия для сотрудничества и заключение союзов между Славянскими государствами.

Этому естественному славянскому единству противостоят всегда те государства, которые стремятся к мировой гегемонии. Ибо они считают Славянство самым большим препятствием в достижении господства над Миром. Действительно, Славянство является силой, сводящей на нет стремления к мировому господству. Поэтому нацистская Германия начала свое завоевание Мира со стравливания Славянских народов и государств, например Польши и Чехословакии, и недопущения их объединения, а затем осуществляла план уничтожения всех славян. Вопреки попыткам стравить славян, Славянский мир во время Второй мировой войны объединился вокруг Советского Союза и стал основной силой, не позволившей нацистской Германии покорить Мир. Воинам и мирным жителям всех сплотившихся Славянских народов, которые одержали Великую Победу в мае 1945 года, да будет незабываемая Вечная Честь и Слава!

Достигнутое в то время единство Славянства, поддерживавшееся после войны в рамках социалистического лагеря, могло и должно было сохраниться в рамках системной трансформации на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века. Все Славянские государства могли вместе проводить реформы. Однако США вместе с Западной Европой использовали трансформацию для разрушения единства Славянства, как важнейшего препятствия в стремлении к американскому господству над Миром. Славянский мир был разбит, стравлен, покорён и ограблен Западом, который частично взял под свой контроль и частично уничтожил экономику Славянских государств, в том числе и Советского Союза. Запад расчленил Чехословакию и Югославию на отдельные государства. Он не остановился на ликвидации Советского Союза путем деления его на отдельные Государства. Он предпринял

также попытку ликвидировать саму Россию, разделив и её на несколько государств. США и Запад в целом стремились лишить Россию естественных славянских союзников и превратить их во врагов России. Западно- и Южнославянские государства были в основном подчинены Западу, объединены в НАТО и ЕС и противопоставлены России. Объединиться с Западом должна была русская, по своей этнокультурной сущности, Украина, отделённая от России и противопоставленная России. Уникальным проявлением агрессивности США было намерение превратить Крым в базу НАТО и вызвать кровавый конфликт на Украине.

Самой антиславянской формой подчинения Соединёнными Штатами Южно- и Западнославянских государств является их втягивание в антироссийское НАТО и размещение на их территории американских войск. Это присутствие иностранной армии ложно оправдывается якобы растущей угрозой этим странам, всей Европе и Миру со стороны России. Россия по своим идейным и программным принципам никому не угрожает. Она признаёт необходимость существования важных для многополюсного развития Мира, суверенных национальных Государств, способных к самостоятельному мирному сотрудничеству. На этом принципе был создан БРИКС, объединивший мирно сотрудничающие суверенные Государства – Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южно-Африканскую Республику. В отличие от этого конструктивного, гражданского, мирного союза, агрессивно-военный альянс НАТО имеет захватнический и разрушительный характер.

НАТО создано не для обороны, а для агрессии, о чём свидетельствует, в частности, преступная агрессия против мирной Югославии. НАТО создано для контроля со стороны США натовских государств, прежде всего европейских, а в последнее время и славянских, для использования их в случае вмешательства американских вооружённых сил по всему Миру, в том числе в случае возможной агрессии против России. США и НАТО всё больше угрожают России. Об этом свидетельствует постоянное увеличение численности армии США в Европе и приближение баз НАТО к российским границам. Неевропейские США – прикидывающиеся защитником Европы от европейской России – это, в сущности, жандарм Европы, стравливающий Западную и Центральную Европу с Восточной Европой, то есть с Россией. США намерены удалить Россию из Европы, удалить российское культурное, экономическое и политическое присутствие с контролируемого ими европейского пространства. Служит этому и западная провокация в Великобритании, где России приписывается отравление российского офицера военной разведки, который предал Россию и перешёл на службу в британскую разведку, а так же его дочери. Провокаторам пришлось постараться, чтобы слегка потравить, но не отравить этого имеющего заслуги перед Великобританией и Западом банального предателя. Эта провокация должна была обосновать разрыв Европейскими государствами дипломатических контактов и экономических связей с Россией и расширение таких контактов с США, то есть необходимость дальнейшего вытеснения России из Европы и вхождение в Европу США, с всё большей по численности армией.

Особенно важным для американского господства в Славянском мире и во всей Европе является присутствие войск США и НАТО в расположенной в центре Европы Польше, которая, как и прежде, видится Западу воротами в Россию, удобной базой для нападения на Белоруссию и Россию. Полякам, стремящимся жить без иностранных войск, их присутствие на Польской Земле объясняется необходимостью защиты от России, как главного врага Польши, которая, якобы, планирует завоевать нашу страну. В действительности присутствие войск США и НАТО имеет целью держать поляков в готовности к возможной агрессии против России, должно быть фактором непрерывного стравливания поляков с русскими, не допустить славянского согласия, примирения и союза Польши с Россией. Это дальнейшая реализация антиславянской прусско-немецкой доктрины XIX века, предписывающей, в германских интересах, любой ценой не допустить межславянского соглашения поляков с русскими и сделать всё для сталкивания Польши с Россией. Эту антиславянскую доктрину сознательно реализуют в настоящее время США, а также Израиль, Германия и необандеровская, хотя и славянская, в сущности, Украина. Поэтому по американскому запросу поляков воспитывают в любви к США и ненависти к России. Этому служит и лживая пропаганда о готовности России напасть на Польшу. Этому служит и антироссийская атмосфера вокруг выяснения причин катастрофы польского президентского самолёта под Смоленском. Этому служит и закон о «декоммунизации», согласно которому сносятся достойные уважения памятники советским воинам, освободившим Польшу из-под гнёта немецкой оккупации, но называемым в настоящее время «оккупантами Польши». Так, оскорбляя

воевавших и погибших за свободу Польши солдат, намеренно оскорбляют русских и стравливают их с поляками. Эта культивируемая США, Израилем, Германией и необандеровской славянской Украиной ненависть к России имеет целью навсегда разрушить славянское единство в польско-русском пространстве, подготовить поляков к возможной агрессии против России. Наша любимая Польша стала инструментом США и Германии для борьбы с братской Россией!

Разрушение славянского единства, стравливание, подчинение и эксплуатация Славянства – это извечная тенденция в политике Запада, а в настоящее время в политике США и некоторых государств Западной Европы. Нашим ответом должно быть упорное стремление к единству Славянского мира как к необходимой защите вовлечённых в сферу НАТО и Европейского Союза Славянских народов. Им грозит потеря славянской самобытности, а затем и утрата национальной идентичности. Поэтому следует, прежде всего, развивать славянское самосознание, сознание принадлежности к многонациональному, цивилизационно однородному Славянству. Без славянского самосознания не будет чувства славянского единства.

Задачей международного славянского движения является убеждение Южно– и Западнославянских Народов и их государственных органов в необходимости стремления к полному суверенитету своих национальных Государств, которые будут способны противостоять антиславянской политике Запада, особенно отчетливо видимой во враждебном отношении к России. Наши Государства, настроенные Западом против России, должны проявить суверенную волю примирения с Россией, союза с Россией. Они должны рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего членства в НАТО и ЕС, дальнейшего выслуживания перед США и Западной Европой в антирусской политике вопреки собственным национальным интересам. Примирение и союз Южно– и Западнославянских государств с Россией обеспечат им безопасность и развитие, укрепят славянское единство, изменят к лучшему судьбу Славянства и всей Европы, возродят Дух Европы суверенных национальных Государств, мирно сотрудничающих между собой!

Нашим историческим славянским предназначением является укрепление славянского самосознания, достижение единства Славянства, создание новой славянской цивилизации, создание нового общественного строя, основанного на национальной идентичности, государственном суверенитете, социальной справедливости и мирном международном сотрудничестве. Это славянское предложение для Мира – славянский концептуальный ответ предложенному США гегемонистскому, антинациональному глобализму, ведущему к конфликтам и войнам. Это подтверждают недавние угрозы США осуществить вооруженную агрессию против Северной Кореи. Доказывает это попирающий принципы суверенитета Государств гангстерский налет США на Сирию. Объединённое Славянство — это великая мировая сила, противостоящая войнам, препятствующая господству над Миром, ускоряющая построение мирного, справедливого мирового порядка!

Осуществление нашего великого славянского предназначения требует от обычных славян, от всех славян простого человеческого чувства славянской дружбы, славянского братства. Попытку пробудить эти человеческие чувства в пространстве польско-русских отношений предприняли в 2012 году русская Православная Церковь и польский Католический Костёл в совместном Послании, побуждающем к примирению России и Польши, Польского Народа, Русского Народа, русских и поляков, призывающем, «чтобы каждый поляк в каждом русском и каждый русский в каждом поляке видел друга и брата». Вот и мы на Всеславянских Юбилейных Торжествах в чешской славянской Праге призываем, чтобы каждый славянин в каждом славянине видел друга и брата!

В сердечном чувстве дружбы и братства мы исполняем наше славянское предназначение, веря непоколебимо, что духовное, творческое, мирное Славянство несёт благо всем Государствам и Народам и является надеждой для Европы и Мира!

Прага, 7-10 июня 2018 года

Мир без границ

Берега Вильнюса

Эляна Суодене. Владимир Кольцов-Навроцкий

Эляна Суодене. Доктор гуманитарных наук. Автор идеи и организатор традиционного ежегодного международного фестиваля духовной поэзии «Покрова» г. Каунас и один из организаторов фестиваля «Многоречивая Виляя» г. Вильнюс. Автор пятнадцати поэтических сборников. Руководитель поэтической студии «Поэтоград» и клуба «Надежда» г. Каунас.

Владимир Кольцов-Навроцкий. Печатался в литовской и российской периодической печати, сборниках и альманахах. Издана книга «Православные храмы Литвы. Заметки паломника на проездных билетах» (2005). Один из составителей сборника поэзии «Зов Вильны» (2017) и организаторов международных фестивалей поэзии «Многоречивая Виляя». Председатель литературного объединения «Логос».

Присутствие Непостижимой Силы

На излёте апреля в Вильнюсском доме национальных общин состоялось знаменательное событие для культурной жизни Литвы, касающееся глубинных вопросов человеческой духовной жизни, а потому значимое для всех религиозных конфессий – презентация международного альманаха духовной поэзии «Присутствие Непостижимой Силы», изданного по благословию митрополита Виленского и Литовского Иннокентия, и посвящённого 700-летию установления православной митрополии в Литве.

Известная русская поэтесса Эльвира Поздня, выступавшая в роли ведущей, первой предоставила слово составительнице альманаха, доктору гуманитарных наук Эляне Суодене (Каунас).

Предваряя своё выступление строками из поэзии Вячеслава Иванова, Суодене остановилась на словах из «Чтений о Богочеловечестве», напомнив о 165-летию Владимира Соловьёва и утверждая, что настоящее издание несёт в себе заряд божественных вечных истин, назвав его Боговдохновенным. Далее она обратилась к истории создания книги и рассказала, что основу той части альманаха, которую представляют современные авторы, составляет творчество поэтов, прозвучавшее на фестивалях духовной поэзии «Покрова», проводимых ею с благословения настоятеля каунасской Благовещенской церкви о. Николая Мурашова и при содействии православной общины Литвы и ближнего и дальнего зарубежья в пятый раз. Стихи участников помещены в рижских изданиях «Oceanus Sarmaticus» (главный редактор Альберт Снегирёв).

Далее выступил доктор гуманитарных наук, доцент, заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета Павел Лавринец: «В первой половине XIX века в Вильно выходило чрезвычайно мало книг на русском языке. Среди этих немногих книг была одна, которую можно считать предшественником «Присутствия непостижимой силы». Её составил и издал Иван Лобойко, профессор российской словесности императорского Виленского университета в 1822–1832 годах. В 1827 году он выпустил в Вильно капитальную антологию «В пользу юношества, воспитываемого в учебном округе императорского Виленского университета». Том на вид толще, чем встречаемое нами сегодня издание, – желтоватая рыхлая бумага позапрошлого века была толще, чем нынешняя, хотя по объёму меньше «Присутствия непостижимой силы»: том в 400 страниц включал в себя переложения псалмов и стихи на религиозную тему 22 русских поэтов от Ломоносова до современников Лобойко, включая Пушкина и Тютчева. Это говорит о том, что русская литературная традиция в Литве так или иначе обращается к своим прецедентным образцам, даже

если создатели нынешнего сборника не знали о своем первопроходце. Книга «Присутствия непостижимой силы» охватывает большой хронологический период, начиная с Симеона Полоцкого, в каком-то смысле самого старого, и заканчивая современными поэтами, среди которых можно отметить, наверное, самую молодую – Алину Борзенкайте, студентку Вильнюсского университета. В книгу включены и стихотворения таких поэтов, произведения которых в сборнике духовной поэзии весьма нетривиально. Например, имя Даниила Хармса вряд ли пришло бы на ум многим, если бы понадобилось искать стихи религиозной тематики. И такой подбор текстов и авторов говорит о высокой квалификации составителей».

Закончил Лавринец благодарностью тем, кто оказал материальную и финансовую поддержку изданию, и «пожелания чтения не только приятного, но и душеспасительного».

Одна из присутствующих редакторов книги «Присутствие Непостижимой Силы» Людмила Рябенко выразила сожаление в отсутствии Евы Ахтаевой и поздравила весь творческий коллектив с выходом книги к столь значимому для Православия юбилею – 700-летию установления митрополии, появившейся в острокризисный момент, когда издания такого характера служат противоядием нашей искажённой реальности. Она охарактеризовала уникальность сборника как «масштабной книги, демонстрирующей единство духовной мощи и силы художественного выражения, представленного в ней творчества. Пальму первенства в складывании православного направления в культуре русских Литвы следует признать за доктором гуманитарных наук Эляной Суодене, посвятившей себя созданию ряда поэтических сборников религиозного характера и организации международных фестивалей духовной поэзии «Покрова», количественно и качественно всё более расширявшихся и углублявшихся. Это движение, подхваченное литературным объединением «Логос» и другими организациями в Литве и увенчалось созданием труда, заслугу в появлении которого следует отнести подвижнической деятельности председателя «Логоса» Владимира Кольцова-Навроцкого. Книга появилась на свет по благословию митрополита Виленского и Литовского Иннокентия, а значит, отвечает высокой духовной миссии и воспринимается как обетование. Издательская удача книги – органичная переключка поэтических и живописных творений, дополняющих друг друга. Отраднo, что использованы художественные опыты нашей подрастающей смены, что придаёт сборнику свежее дыхание при всей его строгой традиции. Что касается поэтического качества, то в различных стихах, как классических, но более современных, присутствие «Непостижимой Силы» сказывается в различной степени, но зачастую именно тогда, когда поэт отождествлён с этой силой. Например, в стихотворении Б. Пастернака «В больнице» приведён, казалось бы, поначалу бытовой эпизод, но в ходе стихотворения раскрывается мощное бытие Божественной силы, осознание её присутствия в человеческой жизни. Радует то, что среди творений наших современников, живущих среди нас, есть истинно-глубокие личности, способные с этой силой сливаться и её воплощать и тогда читатель, обогащённый духовно, идет за автором, испытывая потребность в духовном совершенствовании.

Останавливает внимание обилие в сборнике «Молитв». Следует отметить, что если это не чисто обрядовые повторения, то такие стихи рождаются из глубины души, в которой живет Бог, а это и есть осязаемое и наглядное доказательство присутствия «Непостижимой Силы», уже не требующее рассудочных аргументов. И те поэты, и читатели, у кого присутствует в душе это чувство, не ощутят себя одинокими или отчужденными, ибо они в «соборе» людей, на твёрдой духовной почве, с осознанием смысла своего существования.

В целом, при восприятии сборника, складывается несомненное ощущение присутствия «Бога Живаго», т.к. оно соткано из искренней и чистосердечной обращенности к Богу и своей душе, просветляемой этим Божественным Светом. Оно несёт радость духовного обновления, а это лучшее свидетельство того, что сборник состоялся и ему предстоит достойная судьба.»

Автор одной из вступительных статей, доктор гуманитарных наук Лина Ляпарскяне (Lina Leparskienė) отметила в выступлении: «Наследие православия для Литвы является очень важным фактором, ибо без него невозможно было бы представить себе высокую культуру, существовавшую при дворе правителей в Великом княжестве Литовском, так же, как без башен и куполов церквей невообразим Вильнюс. Однако, вчитываясь в строки представляемой книги, невольно задумаешься о том, как мало мы литовцы знаем о русских, живущих в Литве, ведь большинство представителей этой нации исповедует православие, хотя немалая часть белорусов и литовцев также являются православными.

Опубликованные в книге «Присутствие Непостижимой Силы» краткие биографии некоторых поэтов рассказывают нам, какими разными путями, на короткий срок или надолго оказались они в Литве. Выдают связи авторов с нашей страной и некоторые стихотворения, посвящённые особым местам: Пажайслису, Ефросиньевскому кладбищу, собору Успения Божьей Матери. А икона Божьей Матери Острой Браны, которая любима как католиками, так и православными! Любовь Турбина в стихотворении «Остробрамское» передаёт особый культурный дух этой иконы, назвав её не по-русски, а как принято среди поляков и белорусов Вильнюса «Матка Боска» – Божья Матерь. Таким образом, автор стихотворения показывает, что ей не чужд дух Вильнюса, в котором переплетается столько языков, народов и верований.

Листая страницу за страницей, чувствуешь, что эта книга рассказывает о святых праздниках. Не случайно встречаются стихи, посвящённые Рождеству – празднику, который два тысячелетия назад стал отправной точкой новой эры и дорог многим авторам. Так много поэтических строк, посвящено рождению Христа скорее всего потому, что позволяет человеку испытать счастье поверить в чудо, а через него утешение. Далее находим стихи, посвящённые Крещению, Сретению, Прощальному воскресенью, Благовещению, Великому Посту, Покрову. Читая книгу, незаметно путешествуешь по церковному календарю от праздника к празднику по следам богатого литургического опыта, всё заново испытывая воздействие сакрального времени, в котором происходит встреча с Богом. Это время освещает любую землю, на которой живет верующий человек».

Одна из консультантов издания, доктор гуманитарных наук Наталья Алексеева на презентации отметила: «В годовщину, когда в Литве широко отмечалось 700-летие учреждения православной митрополии в Литовском государстве, наконец, увидела свет эта своеобразная антология Православия, приуроченная этой дате. Антология ценна не только стихами 198 авторов, но и краткими биографическими сведениями. На наш взгляд, сборник «Присутствие Непостижимой Силы» представляет собой как научную, так и практическую ценность для современного человека. Нам хотелось бы отметить тот неисчерпаемый духовный материал, который может почерпнуть учитель-словесник при проведении интегрированных уроков в современной школе, имеются в виду уроки литературы, истории, музыки, изобразительного искусства, религии и т. п.

Мы, вслед за игуменом Антонием (Гуриновичем), приветствуем выход в свет этой антологии духовной поэзии Православия и надеемся, что данное издание благотворно послужит читателю Литвы.

После поздравлений от коллег из других литературных организаций с заключительным словом выступил автор проекта, председатель вильнюсского литературного объединения «Логос» Владимир Кольцов-Навроцкий, поблагодаривший коллектив единомышленников за проделанную работу и Вильнюсское городское самоуправление, а также ассоциацию «Русское собрание Литвы» за оказание изданию финансовой поддержки, отметив: «в книге подготовленной по благословию Митрополита Виленского и Литовского Иннокентия, наряду с духовной поэзией, в качестве иллюстраций имели возможность представить свои работы современные иконописцы и художники живущие в Литве. Раздел «Господи – это же Ты!» начинается с иконы «Спас Нерукотворный» иконописца Александра Осина, предваряет раздел «Всякое дыхание да хвалит Господа» рисунок «Богородица с Младенцем» Лизы Евдокимовой (11 лет) из художественной студии просветительского центра имени Св. Андрея Рублева, в г. Клайпеда, (руководитель искусствовед, иконописец Маргарита Артамонова). В книге читатель имеет возможность познакомиться с иконами протоиерея Владимира Артамонова, Ольги Бейта, Владимира Подгорного, Ольги Кириченко и др. украсивших своим трудом храмы Литвы.

Раздел стихов современных авторов дополнен лучшей «изящной словесностью» участников одноименного международного поэтического конкурса, в котором приняли участие поэты из России, Беларуси, Латвии, Дании, Болгарии и США, литературный материал дополнен детскими рисунками юных художников из Вильнюса, Клайпеды и Лентвариса, принявших активное участие в одноименном Республиканском конкурсе.

В завершении выступающий подчеркнул, что издание литературным [V1] [V2] объединением «Логос» за счёт государственных средств одновременно двух книг «Зов Вильны» и «Присутствие Непостижимой Силы», лишней раз доказывает что литовское государство поддерживает русскую диаспору без всякого намёка на дискриминацию.

Мир без границ

Берега Латгалии

Ольга Орс

Живет в Латвии, в городе Резекне, который называют сердцем Латгалии. Автор десяти сборников стихов и прозы, составитель двадцати литературно-художественных альманахов «Резекне». Создатель и редактор литературного сайта: Almanah-rezekne.lv

Бессменный руководитель Латгальского отделения Международной ассоциации писателей, член Московского регионального общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч». Член-корреспондент Академии поэзии России, Российского союза писателей. Почетный гражданин города Резекне.

* * *

Мой милый край, моя Латгалия –
Наивно-скромная Розалия,
Марии, Анны и Люсии
К себе вниманья не просили:
В заботах тяжких жизнь прошла,
И вас беда, обида жгла –
Растут песчаные погосты,
А в них родные сердцу кости.
Пустеет родина моя,
Благословенные края
Сыны оставили, и внуки
Чужой земле подарят муки
Тоски сердечной и тебя
Забудут. Но Латгалия
Их долго будет вспоминать –
Детей так провожает мать
И ждёт их, ждёт. Господь, внемли,
Не забывать родной земли
Их научи, ведь близок час,
И призовёшь к себе Ты нас.
Кому останется тогда
Моя Латгалия?

* * *

Синеокий задумчивый купол
Укрывает земную юдоль.
Оставляя уютные дупла,
Вылетают синички – изволь
Зимним днём непрестанно трудиться,
Добывая свой жизненный корм,
Всё сейчас для них в пищу годится,
Не до изысков, это потом...

Так и люди – бывают минуты,
Когда трудности ходят вокруг,
Бесконечны заботы и круты,
Молчалив озадаченный друг.
Но струится извечной лазури
Наполняющей силы поток,
И смиряются грозные бури,
И с надеждой алеет восток.

* * *

Земля моя, царица среди планет,
Тебя прекрасней не было и нет,
Ведь только здесь Бог поселил людей,
Нетленный образ Личности своей.
Так будь достойна вешнего пути,
С веленьем сил небесных не шути,
Не допускай, чтоб весь вселенский мир
Смеялся над тобой, и чтобы пир
Не траурный справляли зло и тьма,
Земля для вечной жизни не тюрьма.
Храни, оберегай весь божий род,
Прости свой расшалившийся народ.

* * *

Вихрятся звёздные потоки,
Несут нам мудрой веры дар,
Иных миров и жизней сроки –
Земной о них не знает шар.
И в это вечное познание
Душа моя вовлечена,
Лишь ощущая подсознанием,
Какая в нём величина.

Но, погружаясь в глубь вселенной,
Забыв о логике вещей,
Воспринимаю дух нетленный,
И не подвластен он ничьей
Ни воле, ни души запросам,
Ни мысли цепкой и живой,
Но есть ответ в нём всем вопросам,
Конфликтам сердца с головой.
И, наполняя всё святое
Магической силой, он
Рождает правило простое:
Любовь – единственный закон!

* * *

Плывут земной тревоги звуки,
Теряясь в бездне тех миров,
Где исчезают сердца муки,
Где у Вселенной Божий кров.
И связь обратная струится
С небес внимательных, их цвет
При солнце ярком серебрится,
Нам посылая свой совет –
Живите, люди, мирно, дружно,
Делить вам нечего, ваш путь
Давно известен небу, нужно
Лишь с той дороги не свернуть,
Что предначертана веками
Вселенской мудростью, где Бог
В земных делах всегда был с вами
И помогал, чем только мог..
И снова Божий день встречая,
К душе прислушайтесь своей –
Святых небес не огорчая,
Не огорчайте и людей!

* * *

«Один из вас предаст Меня», –
Гласят в веках уста живые
И страсти гасят огневые,
Презренно алчущих браня:
«Один из вас предаст Меня», –
И отголоски полетели,
Крик в изуродованном теле
И ныне жжётся без огня:
«Один из вас предаст Меня» –
Зло соблазнительно и жадно,
Но совесть, совесть беспощадно
Казнит, молчание храня:
«Один из вас предаст Меня...»

Предупреждение порока,
Всечеловеческого рока,
От низости людской брони:
«Один из вас предаст Меня».

* * *

Седая вечность, ночь, молчанье,
Миров беспечность, их блистанье.
И я; что я на этом фоне –
Пылинка, капелька. Затронет,
Разбудит чувства светлый миг,
И цепкий ум взволнует крик
Ночной пугливой, громкой птицы,
И долго, долго будет биться
В тревоге сердце. Бытия
В минуты звёздного дождя
Картину редкую неволить,
Стремясь из вечности присвоить
Звезды сверкнувшей славы горсть,
Не стану я. Бросая кость
Судьбы нечаянной в былое,
Отвергну праздное и злое,
Что было некогда. В ответ
Скажу своё скупое «Нет!»
Миров извечному блистанью
И поклонюсь души страданью
Здесь, на Земле, среди друзей
В познание жизненных идей.

* * *

Красиво лебеди летят,
Красиво!
Глаза с волнением следят –
Счастливо!
Достойной парюю кружат
Над домом,
Степенно, вольно, не спешат
С ведомым,
Подросшим выводком своим,
С семьёю.
Путь дальний стелет ветер им
Струёю.
А звон упругого крыла
Всё дальше,
Дорога к югу повела
Их маршем.
Уходит дружная семья
Красиво,
С улыбкой вслед шепчу им я –
Спасибо!
Спасибо!

Мир без границ

Берега Риги

Ираида Кельмелене

Ираида Алексеевна Кельмелене родилась в Риге в 1952 году. Образование средне-техническое. В 1982 году окончила Даугавпилсский техникум железнодорожного транспорта по специальности техник-эксплуатационник. Стаж работы на железной дороге – 44 года. С 2004 года по настоящее время печатается в отраслевой газете «Latvijas dzelzceļnieks». Автор двух книг.

В 2013 году вышла книга «Душевная струна», в 2016 году вышла вторая книга « Благо дарю Вам». Член МАП, Член Пушкинского общества Латвии, член общества Кришьяна Барона, координатор клуба поэзии, музыки и живописи « Созвездие».

* * *

Тайна творческого прозрения.
Глубина человеческих чувств –
Чередой несут поколения
Эту правду Божественных уст.
Что дано – возвратится сторицей.
Не пристало рубить сплеча.
Стая аистов над криницей,
А в окошке горит свеча.
И пылят дороги не новы,
Через тернии – неспроста.
Над крестами светлые головы,
Как за пазухой у Христа.
Кто запомнится, кто забудется,
Время выправит колею.
И для всех поколений сбудется
Слово-ключ от дверей в Раю.

* * *

Могу ли мысль свою, Творец,
Наполнить силой убежденья?
Для неокрепших душ, сердец
Оставить Истины знаменья.
Иль вторить эхом не резон?
Есть Библия и свод канонов,
И крест, и до земли поклон
Под сенью колокольных звонов.
Услышь меня, не обессудь.
Я – дочь Земли и дочь Неба.
Твою божественную суть
Приемлю я, как данность хлеба.
В нём соль молитвы и покой,

В котором сердце не остынет.
Поддай душе мотив простой,
В нём истина – Твоя отныне.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Страдания души всем напоказ.
Немного смелости.
Приятно выслушать наказ
Своей незрелости.
От серой, будничной тоски
Ум изощряется.
Кем установлены тиски?
И что прощается?
В какие чаши заведут
Души пророчества?
На свете нет надёжней пут,
Чем жажда творчества.
А посему, впрягайся в плуг
На зорьке утренней.
И пусть страдания души
Ведут к заутрене.

* * *

Многообразье форм и цвета,
Шлейф запахов, сверканье росы –
Таков покров Земли в лучах рассвета,
За гранью отведённой полосы.
Как в красоте такой могла родиться
Убийственная мрачность Бытия?
И почему израненною птицей
Душа вернётся на круги своя?

Выходит, лишь познав горнило страсти,
Строптивости и горечи потерь,
Возможно, получить частицу счастья
Без всяких дополнительных затей.
Таков удел. И обречённость свыше
Дана Земле по правилу венца.
И ропот обречённых тише, тише...
И всё яснее замысел Творца.
В нём Новь и Явь, в клубок Любви сплетаясь,
Палитру жизни создают в размах
Лишь для того, чтоб душ людских касаясь,
Краса Земли не превратилась в прах!

А.С. ПУШКИНУ

«Души моей обитель»
А.С.Пушкин

Я вышел рано поутру.
Родным пенатам поклонился.
Неспешно подошёл к пруду,
Где островок уединился.

Утиной дружною семьёй
Покой рассвета был нарушен.
Я встал за белою скамьёй
И листопада шелест слушал.

Невольник чести – вспомнил я
О днях изгнания и разлуки,
Как маялась душа моя
Без верной, дружеской поруки.

В аллеях парка видел я,
Как мимолётное виденье –
Проходит молодость моя
В порыве страстного томленья.

Я с ним по пойменным лугам,
Одной любовью окрылённый,
Летел в Тригорское, а там
Кружился, вальсом упоённый.

И к милой ручке наклоняясь,
Оставив всякие сомненья,
Я отдавал себя во власть
И божества, и вдохновенья.

Воспоминаний сладкий сон
Осенней грустью оживило.
Пора уж возвращаться в дом.
Всё, что прошло, то будет мило.

А.С. ПУШКИНУ.

Мотив старинный, свечи да псалтырь,
И нянюшка рассказывает сказки.
Они, как настоящий поводырь,
Мальчишку в мир уводят, без опаски.
А за окном осенний листопад,
А то пурга соломою играет.
И светлой жизни мнится водопад,
Лучом надежды юношу питает.
Промчались годы в круговерти дней.
Поэт стоит, тоскуя у окошка.
Сирень, фонарь. Ах, только бы скорей
В лесу созрела вкусная морошка.
Михайловское – вотчина, стезя.
И сила слова, и порыв, и страсти –
Всё воедино. И забыть нельзя
Рожденье поэтической напасти.
Долой печали! Резвый мчится конь
Туда, где жжёнка ромовая пьётся.
Из деревень доносится гармонь,
И нежный голос Анны льётся, льётся...
Всё мило сердцу, но судьбы спираль
Сжимается, и выстрелить готова.
Наташа, Петербург, кольцо, вуаль.
В сетях Любви лишь призрачность улова.
И вот столетия сложились вмиг.
Нам не забыть истории уроки.
Поэт стихами памятник воздвиг,
Прощая недругам их жалкие упрёки.

ВСТРЕЧА В МИХАЙЛОВСКОМ

Н.Н.Пушкиной

Наталья Николаевна, простите,
Что за собой не ведая вины,
Мы праздно посещаем дом-обитель.
Где жил Ваш муж и где бывали Вы.

Мы с удовольствием и даже восхищеньем
Аллею Керн запечатлеть спешим,
А Ваше имя предаём забвенью,
Не думая, что этим и грешим.

Как плач, известна доля жён поэтов,
А Вам не позавидуешь вдвойне.
Погиб он от коварства и наветов,
Уж лучше бы на праведной войне.

Уж лучше бы... Теперь мы можем смело
Перебирать промчавшиеся дни.
Кипели страсти, и погребло дело.
Вы душу для бессмертья сберегли.

Молитвами и вечным покаяньем,
Всей жизнью по заветам и детьми
Вы освятили тягость расставанья
С ним, с Пушкиным – иначе не могли.

Вы в душах детских поселили свято
Отцовское тепло и дара свет.
Пусть он ушёл так рано, безвозвратно,
Но лучше Пушкина у нас поэта нет.

И дело даже не в стихах и прозе.
Не Ангел он, а просто человек,
В жестокий век не скрывшийся в обозе
И искренно любивший Вас вовек.

Простите нас за суету в передней,
За смятую травинку у крыльца.
Пусть наша встреча будет не последней.
У Пушкина второго нет кольца.

* * *

Памяти В.Высоцкого

Напишите правду обо мне.
Я по правде жил и умирал.
В этом очищающем огне,
Чтобы меня каждый узнавал.
Я решился выйти за флажки
И душе уставшей дать покой.
Жил бы дольше – умер бы с тоски
От непробиваемости той.
Верил, что остались на земле
И любовь, и верные друзья.
Только невозможно жить в петле,
Не дыша, любить никак нельзя.
Соберите пепел от костра,
Горькой чаркой обнесите круг.
Правда на язык всегда остра,
Головой поникнет только друг.
Он кичиться не готов родством
Посиделок кухонных со мной.
Тихо скажет: «Был он молодцом,
И добавит: Эх, Володя, спой».
И июль с надрывом зазвучит,
Отзываясь в душах серебром.
Моя правда в двери постучит,
Чтоб любовь заполнила ваш дом.

2.

Мой июль, закручивая звенья
На гранитный упадёт причал.
Я оставил вам свои творенья,
Чтоб Господь вас чаще замечал.

НАВАЖДЕНИЕ

Марине Влади

Время встречи – и Ты.
Время встречи – Войди.
Как тогда, отзываюсь на стук.
Столько было всего без тебя впереди,
Как менялся друзей наших круг.
Ты возьмёшь мои руки в ладони свои,
Нежным взглядом уймёшь мою дрожь.
Тихо скажешь: «Любимая, поговорим.
Знаю, верю, меня ты поймёшь.
Я давно не пишу, благодарен судьбе,
Но мятежной души не унял.
Я, родная, скажу по секрету тебе,
Гласу Бога я так и не внял.
Я и «Там» не мирюсь, если черти в Аду
Замышляют коварство и зло.
Я и «Там» с мракобесием яростно бьюсь.
Уж такое моё ремесло.
Всей душою внимая, боялась вспугнуть:
Наваждение, явь или сон.
Наших рук единение не разомкнуть,
И биенья сердец в унисон.
Над землёю звучал колокольный хорал,
И уже занималась заря.
Растворяясь в рассвете, ты тихо сказал:
«Я люблю тебя. Ты – это Я»

МАРИНЕ ВЛАДИ

«Не плачь, ещё не время»

В.С.Высоцкий

Ты у ног моих сидишь
Преданно и смело.
Я не плачу, ты молчишь.
Время пролетело.

Хриплый голос твой живёт,
Отзываясь эхом.
Иногда мне душу рвёт
Иль голубит смехом.

Ты сумел меня увлечь
Серых глаз сияньем.
И мотивом наших встреч,
Сердца покаяньем.

Горький юмор, глубина,
В каждом слове клятва.
Чаша выпита до дна
И настала жатва.

ВАГАНЬКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

На Ваганьковском кладбище ставят кресты,
Здесь родных и друзей поминают.
С настоящего в прошлое ладят мосты,
Чарку горькой по кругу пускают.

Здесь не место для митингов, громких речей,
Для общения душ нет запрета.
Лишь от ветра колышется пламя свечей,
Что сгорают ещё до рассвета.

Здесь судьба на судьбе, в три и пять этажей
И прописка бессрочная – Вечность.
И уходит молитва лучом витражей,
Куполами церквей в бесконечность.

Кто в бессмертье шагнул, кто пропал за пятак,
От любого исхода – седины.
И давно на Земле всё вершится не так,
Но для Бога все души едины.

Здесь цветы и деревья. И в шелесте лип
Вдруг почудится голос покрепче.
Встрепенётся душа, отзываясь на хрип,
И знакомым мотивом зашепчет.

ПРОГУЛКА ПО СТАРОМУ ГОРОДУ

Рижских улиц древние страницы.
У порталов сомкнуты уста.
Гроздь винограда, чьи-то лица,
А в домах мирская суета.
По приметам старины и флёра
Составляю Бытия портрет.
Чёрный кот мякнул у забора,
Посылая дружеский привет.
И шаги, впечатывая в камень
Мостовых, что гул веков хранят,
Погасить в душе пытаюсь пламень,
Вспоминая твой серьёзный взгляд.
Подхожу к художнику с мольбертом.
Он мгновенья ловит не таясь.
Увлечённо говорит об этом.
Слушаю, смущаясь и смеясь.
На картине, что художник пишет,
Есть портал и чёрный кот со мной.
Видно, что картина жизнью дышит,
С рижской благородной сединой.
А по площадям гуляет ветер,
Разметавший ливские костры.
Рига – лучший город на планете!
И со мной согласны все коты!

Мир без границ

Лидия Довыденко

Русская Рига

Музей личных коллекций живописи Владимира Рыбакова в Юрмале

Поселок Асари в Юрмале, утопающий в зелени и цветах. Владимир Антонович Рыбаков ждал нас у ворот дома с чудными витражами в окнах, где и находится его музей «Неллия».

Предчувствие необычного, насыщенного духовными вибрациями дня, наполняющей душу встречи не обмануло меня. Мои прекрасные русские друзья в Риге: прозаик Сергей Воробьев и поэт Иван Кунцевич, – пока мы ехали в машине, – рассказали о страстном собирателе и коллекционере Владимире Рыбакове, о том, что целые делегации и одиночки со всех уголков планеты приезжают посмотреть выставку живописных работ русских художников, где собраны полотна мастеров, начиная от 19-го века и заканчивая работами современников.

Стоило переступить порог дома вместе с подъехавшим на электричке Вячеславом Евгеньевичем Алтуховым, Председателем Думы Русской общины Латвии, и Инной Харлановой, журналистом портала «Вести Сегодня», как возникло ощущение счастья от царства Света, любви и пережитых страданий, в то же время свежести и остроты восприятия искусства, понимания, с какой тщательностью собраны работы мастеров кисти и цвета, как они скомпонованы, не по принципу: «И так сойдет», а по законам гармонии и внутреннего тончайшего слуха на созвучие художников. Более 500 полотен и в отдельном зале – 70 икон различных русских школ иконописи.

От одних имён художников тебя пробирает волнение до каждой клеточки: Илья Репин, Иван Айвазовский, Иван Шишкин, Валентин Серов...

А вот 20-й век: Казимир Малевич, Наталья Гончарова, Надежда Удальцова, Александра Экстер, Ольга Розанова, Лев Бакст, Борис Кустодиев.

Владимир приготовился к встрече гостей. За просторным журнальным столиком нас ждал ароматный кофе, конфеты, хороший коньяк. И Владимир показал нам видеофильм о его галерее, где звучали его стихи об искусстве, в частности – живописи и отдельных художниках. В стихах столько страсти и торжества творений именитых художников, что хочется никогда не покидать этот дом, а только жить в нём и сутками, не уставая, разгадывать или пытаться разгадать тайны «души изменчивой примет», отображённые на полотне. И думаешь о Владимире, что в его жизни нет без пользы прожитых дней или лет, что его коллекция – уникальный подарок человечеству и отдельному человеку, заглянувшему случайно или целенаправленно в наполненную светом глаз героев бессмертных картин галерею.

Сразу всё богатство галереи не охватить взглядом, не вместить в душе, и мы несколько часов проводим в этом храме живописи, чтобы навсегда наполниться внутренней лучезарностью и вселенским солнечным светом, в этом поистине храме света и цвета, благородных идей и их воплощений.

Владимир Антонович начинает фокусировать наше внимание на работы Александра Бенуа, Константина Коровина, Михаила Нестерова, Павла Филонова, Максима Белогрудова, современного художника Александра Шилова, Юрия Арсенюка и Никоса Сафронова, русских живописцев из Латвии: Ивана Пустошкина, Людмилы Перец, Георгия Шелкового и других сыновей своего народа, своей земли и своего времени, сумевших создать поэтический мир в красках, выразить свою связь и своё тяготение к духовному постижению жизни. Цветы Подмосковья, Рязанской земли, подсолнух под ураганом, как бессмертный символ негибкости духа. Автор «Подсолнуха» и также ещё 11 работ – художник Юрий Арсенюк.

Приковывают внимание работы русского художника, живущего в Латвии, Олега Баусова в технике энкастики – восковой темперы. Четыре картины, на которых в женских образах бушуют четыре стихии: «Огонь», «Вода», «Земля», «Воздух». Это древнейшая техника, используемая художником,

известна со времён Древнего Египта, а затем Древней Греции. Она очень трудоёмка, но стоит того, так как краски, смешанные с воском, в разогретом виде наносятся множеством слоёв и требуют долгого высыхания под лампой, у печи, на солнце, но зато с годами не выгорают, а становятся ярче. Его работы называют медовыми из-за золотисто-коричневатой палитры. И их существование в жизни – это борьба с хаосом и энтропией, трепетность и изящество. Владимир Антонович относит художника к живым гениям.

Гордость коллекции – картина «Белые ночи. Белые корабли» Александра Ивановича Мисюрёва. Очень хотела купить эту работу Третьяковская галерея, но не смог Владимир Антонович с ней расстаться, как и с акварелями Мисюрёва.

Привлекает внимание синевой детских глаз картина Игоря Майкова «Рассвет», хорошо известная в Европе. Светлый малыш в панамке поражает огромными синими глазами, так доверчиво глядящими на нас.

Яркая керамика художника Петра Худобчёнка. Стиль лубок помогает ему создавать картины быта, например, триптих «Девушка, олигарх и студент». Тончайший, лёгкий оттенок юмора. Объёмная живопись и скульптура одновременно. В ярких фигурках мы слышим мотивы пушкинских сказок, евангельские сюжеты и образы русских святых, эпизоды их жития.

Владимир Антонович с любовью смотрит на картины, чувствуется, что художники для него – целители души. Он ценит поэзию в живописи, в каждой картине чувствует изюминку. Он направляет наш взгляд на автопортрет Зинаиды Серебряковой. Чистота взгляда, милое лицо, нежность, энергия молодости, понимание, что в мире так много страданий, мысли о счастье и невозможности его.

Фёдор Фёдорович Федоровский, русский театральный художник, работавший для Русских сезонов, оформлявший великие спектакли: «Борис Годунов» Мусоргского, «Князь Игорь» Бородина, «Садко» Римского-Корсакова в Государственном академическом Большом театре и многие другие исторические спектакли. В галерее «Неллия» 24 работы Федоровского: «Старый замок», «Индийский гость» и другие.

Мы всматриваемся в картины белого безмолвия – это художник Александр Алексеевич Борисов – первый художник Арктики, её живописец, поэт, «русский Нансен» по выражению Ильи Репина, с глубокими тонами северной свежести – поистине художественная слава России.

В центре галереи в антресоли находится работа академика Андрея Мунтяна. Он подарил «Неллии» это огромное полотно на библейскую тему. Эта версия распятия Христа потрясает!

Ещё когда пили кофе внизу, Вячеслав Евгеньевич Алтухов рассказал о том впечатлении, какое всегда производит на него коллекция работ в технике интарсии. И вот перед нами предстаёт русская история в портретах царей и полководцев. За каждой личностью целая эпоха. Автор работ – Юрий Данилович Вовк, создававший этот цикл пять лет. Действительно, сильнейшее эмоциональное воздействие.

Четыре картины из цикла «Сотворение Вселенной» Владимира Клёсова. Их цветовые плоскости и ритмические вибрации лучатся с потолка галереи, насыщая новыми смысловыми ощущениями зрителя.

Особый зал с 70 иконами разных русских школ иконописи. Владимир Антонович говорит, что некоторые посетители просят разрешения побыть немного одному в этом зале. Он разрешает. Понятно желание пришедшего.

Вот Псковская школа, московская, там палехская. Икона «Троица» конца 17 века. Святые каждого месяца. Художник Андрей Северетников, его картина с изображением Новодевичьего монастыря. Икона «Знамение» художника Белогрудова. Есть очень редкие ценные иконы, например, Святая Великомученица Улита, Иверская Божья Матерь.

Встречаешься глазами со святыми образами, и душа наполняется большими чувствами и величием непознаваемого.

Глубинную значимость Галереи Владимира Рыбакова высоко оценил известный искусствовед, прежний генеральный директор Третьяковской галереи Валентин Родионов. Не скрывает своего восхищения член Директората Третьяковской галереи Олег Иванов, галерее дал прекрасную оценку профессор Латвийской Академии художеств Владимир Козин. Огромную лепту в собрание картин и оценку их внесла знаток и ценитель искусства Светлана Хаенко – доктор искусствоведения, член Союза художников Латвии, работавшая при жизни в Балтийской Международной Академии

«Я «Неллию» пою!
Искусство, возрождающее мир,
Любовь и власть,
Божественность и веру»,

– это строки Юрия Максимова из посвящения в день юбилея Владимиру Рыбакову – дань признательности известному меценату.

Огромный смысл деятельности собирателя – противостоять хаосу и пустоте, создавая красоту.

Восхищён и потрясён музеем личных коллекций депутат Европейского парламента Мирослав Митрофанов: «Русская община Латвии обрела свой художественный музей благодаря самоотверженному многолетнему труду Владимира Антоновича Рыбакова. Он сумел реализовать сложнейший проект от идеи до реализации. Не будет большим преувеличением назвать Владимира Антоновича министром культуры русской Латвии, а созданный им музей – Министерством духа! Желаю ему новых свершений и воодушевляющих идей».

Жаль покидать прекрасное собрание произведений живописи, где нет казённости, а составлена многоплановая композиция с огромной любовью в атмосфере добра. Благодарность и поклон самоотверженному и преданному культуре человеку, немало вынесшему в Латвии за преданность искусству России, приверженность и верность её великим живописцам. Галерея – это передача знаний и открытие людям благородного и величественного понимания мира красоты и гармонии. Владимир Антонович не навязывает своего мнения, но его взгляд на искусство, наполненный чувством уважения и любви, неизменно убедителен высоким устремлением. Он подарил радость общения, очень естественно создавая вокруг себя творческую среду служения прекрасному и общему Благу.

Моё умственное и эмоциональное состояние хочется охарактеризовать словами Александра Блока: «В моей душе лежит сокровище». Вселенский свет русских художников наполняет мою душу энергией всех стихий, четырёх сторон Света, тем, что есть прекрасного в цветах и травах, в глазах одухотворённых людей, во взаимоотношениях мужчины и женщины. Спасибо, что я причастилась к этому великому собранию великолепных художников, к Дням русской культуры в Риге!

Критика

Людмила Яцкевич

Людмила Григорьевна Яцкевич (Калачёва) родилась в г. Череповце Вологодской области. Доктор филологических наук, профессор. Работала в Гомельском университете в Белоруссии, затем в Вологодском университете. Автор научных публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе десяти книг: «Структура поэтического текста», «Поэтическое слово Николая Клюева», «На золотом пороге немеркнущих времён: Имена собственные в поэзии Н.А. Клюева», «Народное слово в произведениях В.И. Белова», «Слово о родной деревне», «Квасюнинская поговорочка: язык малых жанров фольклора» и др. Участвовала в составлении «Словаря вологодских говоров», «Поэтического словаря Николая Клюева». Автор сборника рассказов «Вологодская нива», на который В.И. Белов откликнулся рецензией «Книга с вологодским характером».

Образы и символы соборности в творчестве вологодских писателей

ЧАСТЬ 1.

Начало. Продолжение в следующем номере

Во времена буйства «прав человека», которые уничтожают человека как Божие творение, давайте вспомним слово **соборность**, которое обозначает единство людей по своему естеству и в Боге. Оно проявляется во взаимопонимании, в сочувствии, в умении человека жить не только в себе, но и в других так же, как в себе. На соборности основаны семья, церковь, государство. Литературное творчество человека возможно только благодаря остаткам в нём древней соборности в её высшей грани. К сожалению, *соборность* нынче начинают подменять *толерантностью*, то есть терпимостью, снисходительностью к кому-либо другому, как определяется значение этого слова в словаре. Всего лишь терпимость и снисходительность к неравным себе! Разве это можно сравнить, например, с тем чувством тёплого единения и взаимопонимания с родными, которое испытывает ребёнок, носитель соборности, в дружной семье!

Соборность как православный и русский национальный символ имеет свою историю и традиции употребления. Образовано оно от прилагательного *соборный*, а то, в свою очередь, от отглагольного существительного *собор* ← *собирать(ся)*. Оба исходных слова в старославянском и церковнославянском языках (*сьборъ*, *сьборьнь*) были многозначными, о чём свидетельствуют переводы церковной литературы с греческого на славянский, в которых эти слова использовались в самых различных контекстах и могли обозначать различные реалии. При этом они всегда сохраняли своё исходное значение, связанное с идеей собирания в единое целое. Например, слова *сьборъ*, *соборъ* имели значения: 'собрание' 'общество, компания', 'собрание епископов', 'храм, в котором служат несколько священников' [ПЦСС, с. 627; СС, с. 638]. Прилагательное *сьборьнь* уже в старославянском и церковнославянском имело оценочные (концептуальные) значения – 'совместный, всеобщий', 'вселенский' [СС, с. 638]; *соборный* – 'общий, ко всем относящийся' [ПЦСС, с. 627]. Заметим, что в последнее время в публицистике это слово употребляется только православными авторами, а в либеральной печати вытеснено не только исконно русское православное слово *соборный*, но даже и такие более нейтральные слова, как *всенародный* и *всеобщий*. Их заменило иностранное слово *тотальный*, которое вошло в моду. Даже диктант по русскому языку для всех, желающих его написать, именуется *тотальным*. Наши предки были умнее: они умели использовать богатые смысловые возможности родного слова и не заимствовали слепо чужие слова, а находили в своём родном языке им соответствия. Достаточно посмотреть, например, в «Полном словаре церковно-славянского языка» про-

тоиерея Григория Дьяченко и убедиться, что словом *соборъ* переводили с греческого значения очень многих иноязычных слов, в том числе и такого, как греческое *δημος*, которое звучит как *демос* и значит – *народ* [ПЩСС, с. 627].

Известно, слово *соборность* как идеологический термин, обозначающий духовное единство русского народа на основе Православия и общей исторической судьбы, стал использоваться в первой трети XIX века славянофилами, прежде всего, А.С. Хомяковым. Слово это, выражающее национальную русскую идею, шельмуется либералами, революционерами и просто ненавистниками русской культуры уже около двухсот лет. Однако эта идея жива, живо и слово *соборность*. Историческое обоснование их жизненной силе дают многие современные мыслители.

М.М. Пришвин, православный писатель, считал соборность универсальной основой мироздания: «Вселенная по замыслу Божию есть соборность существ, в которой раскрывается Бог. <...> Эта соборность строится не хаотически, а по Божьему плану, в котором всякому существу указано свое место: и земле, и небу, и траве, и деревьям, и рыбам, и человеку. Соборность эта держится через взаимную связь входящих в неё существ» [10].

По мнению известного современного историка профессора И.Я. Фроянова, «русский этнос, русские славяне во времена Киевской Руси прошли замечательную школу коллективизма и соборной демократии, которая возникла благодаря крещению Руси. <...> Православная вера, православная церковь как нельзя более соответствовали и соответствуют глубинным качествам и свойствам русского этноса. Соборность ведь – та же коллективность, так что одно соединилось с другим. И если русский коллективизм до принятия христианства имел больше бытовой характер, то с принятием христианства он приобрёл метафизический, мистический, сакральный характер. С поры крещения Руси русская соборная церковь и русский православный люд, живущий на коллективистских началах, сошлись в гармонии, которая, между прочим, не поколеблена ещё и до сих пор» [16].

К соборности русской литературы в разные эпохи ее существования обратились и современные литературоведы. Так И.А. Есаулов рассматривает в этом ключе древнерусскую и классическую литературу, а также отдельные произведения современных писателей [3].

Таким образом, старинное слово *соборность* в наше время возрождается заново, так как обозначаемая им идея живёт в народе и даёт силы в борьбе за единство русского мира. У этой идеи в русском языке много и других слов-символов, близких по смыслу к её главному словесному обозначению. Все они отражают разные грани соборности, которая по-прежнему, вслед за А.С. Хомяковым, традиционно понимается как свободное и органическое единство людей на основе любви к Богу и взаимной любви верующих друг к другу.

Наблюдая за мыслями вологодских писателей в их поэтических и прозаических произведениях, мы постоянно встречаем слова и образы, кровно связанные с русской православной идеей духовного единства народа.

«Наше великое крестьянское родство»

Мы не сможем обрести себя без духовного единения с народом, с его самосознанием в прошлом и настоящем. Стихотворение в прозе Александра Александровича Романова так и называется – «Обретение себя»:

«Я вскинул взгляд в надвратное пространство алтаря и замер от пронзившего меня взора Богородицы. Огромные глаза, таившие счастье и муку материнства, казалось, вопрошали с высоты: понимаю ли я жертвенную благодать жизни? И неотступно ширясь передо мной и во мне, эти глаза видели всю мою потайную сущность, и я, может, впервые так тревожно цепенел, стоя перед неотвратимым ясновидением.

И белые блики, всё более сиявшие из глубины тёмных зрачков, и задумчивая молитвенность лица, обрамлённого лиловым хитонем и склонённого с живым участием ко мне, как и к любому, входящему в храм – вся эта озарённость Богородицы с младенцем Иисусом на руках была пронизана тёплыми кругами восходившей во мне радости.

И я жарко перекрестился. И сразу услышал голос моей покойной матери, словно бы очутился вблизи неё. Я оглянулся вокруг себя на молящихся женщин и понял, что все истово молящиеся

*страдалицы похожи на мою бедную мать. И лицо её пригожее, чистое, сиявшее от молитв, которые я слышал с детства, из памяти обернулось как будто въявь, и я увидел свою мать, стоящую перед иконой Божьей Матери с зажжённой свечкой в руках. И воскрес во мне её голос, и слышал я, как она поминала всю нашу родню – начиная с моего отца, убиенного на Отечественной войне, родителей своих, и всё шире и далее охватывала поимённо **наше великое крестьянское родство ...***

Так смала я запомнил свою молящуюся мать, от неё запали мне в душу и в сознание родственные имена вплоть до третьего колена с отцовской и материнской стороны.

И любо мне было чувствовать себя в таком широком и добром круге родства. И сам с годами, и мои сыновья, а теперь и внуки – все мы обретаем в нём своё место [12, с. 158].

Мысль о духовном родстве людей пронзила сердце писателя в храме. Такое случается в храме со всеми, кто пришёл туда с чистой душой. И это не случайно. Как писал выдающийся богослов Е.Н. Трубецкой, храм «выражает собой тот новый мировой порядок и лад, где прекращается кровавая борьба за существование и вся тварь с человечеством во главе собирается во храм <...> Мысль эта развивается во множестве архитектурных и иконописных изображений, которые не оставляют сомнения в том, что **древнерусский храм в идее являет собой не только собор святых и ангелов, но собор всей твари**» [14, с. 210].

На осознание духовного единения настраивают в храме не только его архитектура и иконы, но и церковное пение. В.И. Белов в книге «Невозвратные годы» об этом писал так: «*Оно пеленало, оно окутывало как вновь крещаемых, так и готовящихся отойти к Богу. Тепло, уютно становилось душе человека от этого пения. Тут и жалость, и сострадание для обиженных и увечных, тут и надежда, тут и сдерживающее увещевание для слишком нетерпеливых, непоседливых, рвущихся в бой или на повседневный труд ради хлеба насущного*» [2, с. 63].

Без духовного единства с народом и любви к Отечеству невозможно разобраться в себе. Как и А.А. Романов (см. выше), к этой мысли обращался в своём стихотворении его друг поэт Виктор Вениаминович Коротаев [7]:

*Какая даль лежала предо мной ...
Я, чувствуя причастность к ней и гордость,
Смотрел в неё и знал, что за спиной
Не менее прекрасная простёрлась.
Светило солнце светом поздних сил,
Леса роняли медленно убранство,
И белый храм, как облако, парил
И озарял дремавшее пространство.
«Россия! Как легко с тобой вдвоём» –
Шептал я и взывал к кому-то: «**Братцы,
Пока мы эту землю не поймём,
Нам до конца в себе не разобраться.**»*

В современную эпоху разорения деревни и крестьянской культуры поэты считают своим главным поэтическим долгом напомнить об исконном соборном единстве русского крестьянства и стать его хранителями. Поэтому тема духовного родства является для них самой главной. А.А. Романов прямо об этом заявляет в своём стихотворении «Тыщи лет» [12]:

*Я – писец опустевшей деревни,
Но лари моих дней не пусты.
Чем древнее слова, тем согревней,
И стихи ткуются, будто холсты.
**Я искатель своих родословий
И туда сквозь века проберусь,
Где на пашне Микула весёлый
Обнимал краснощёкую Русь.**
И в земле неторёной, раздольной,
Петухами ещё не воспет.
Воссиял из мужицких ладоней
Над холмами тесовый рассвет.*

*Я в пути с тех времён и доселе –
Тыщи лет моя память жива.
И в лукошке моём для посева
Золотого отбора слова.*

[12, с. 71]

А.А. Романов считал, что беды XX века в России связаны с тем, что крестьяне утратили «вековую власть мужицкого родства» [12]:

Раздумья

над романом Василия Белова «Год великого перелома»

*Оглянусь и знобко стыну:
Век двадцатый позади...
Мне, земли российской сыну,
Брать ли поприще судьи?
Упрекать ли Русь родную
За её разбитый путь?
С ней беду перебудую,
Не сбегу куда-нибудь.
Память родины нетленна!..
Широко у нас росло
И до третьего колена
В семьях правило родство.
Девок сватали не с ходу –
Не за голый батожок,
А к значительному роду
И на хлебный бережок.
**А, случись, беда какая,
То с надеждой на Христа,
Выручала вековая
Власть мужицкого родства.**
...Эти древние уставы
Мы, отступники, сожгли.
Мы предателями стали
Святоотческой земли.
И чужая власть и нежить
Всю Россию растрясла...
Где же Родина? И где же
Колесо того родства?
А оно, попав под выброс,
Выбилось из борозды
И, ломаясь, покатилося
Мимо поля и избы.
Покатилося с громом, с треском
Из родимых палестин
В причитанье деревенском
В раскулаченную стынь...
**И поныне те злодеи
Рвутся к власти неспроста.
Что ж мы в горе холодеем?
Встанем,
Встанем в круг родства!***

Услышит ли этот призыв поэта нынешнее поколение? Будет ли для них дорога соборность, основанная на православном единстве русского народа и его любви к Отечеству? Та соборность, о которой говорили А.А. Романов и В.И. Белов и которую горячо защищал поэт В.В. Коротаев в своем творчестве [7]:

«Не принимайте близко к сердцу
Любое горе
И печаль...»

Что ж, поделиться
 Иноверцу
 Расхожей мудростью не жаль.
 Его религия – как мета
 Над подвернувшейся строкой:
 Сегодня – та,
 А завтра – эта,
 А можно –
 Вовсе никакой.
 Но как же быть
 Единоверцу,
 Что землю всю
 И небосвод
 Не просто
 Принимает к сердцу,
 А в сердце
 Собственном
 Несёт?..

Лад

Русский народ издавна традиционную соборность своего жизненного уклада называл словом *лад* и высоко ценил его. Неслучайно в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» отмечена старинная поговорка: «*На что клад, коли в семье лад*» [СРЯ XI – XVII вв., вып. 8, с. 160]. Василий Иванович Белов талантливо раскрыл суть *лада* крестьянской жизни в своих художественных произведениях и посвятил ему специальный труд – книгу «Лад. Очерки о народной эстетике». В предисловии он пишет: «*Всё было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось своё место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию*» [1, с. 8]. К этой последней мысли Белов возвращается и в заключительной части своей книги: «*Да нет, не бывает абсолютно одинаковых, другими словами, совсем бездарных людей! Каждый рождается в мир с печатью какого-либо таланта*» [1, с. 288].

Соборное сознание русского крестьянина было основано на единстве православной веры и традиционного быта, крестьянского труда и русской природы. Для всех этих сфер свойствен определённый ритм, определённая цикличность. В.И. Белов считает ритм необходимым условием сохранения лада в народной жизни: «*Ритм – одно из условий жизни. И жизнь моих предков, северных русских крестьян, в основе своей и в частности была ритмичной. Любое нарушение этого ритма – война, мор, неурожай – лихорадило весь народ, всё государство. Перебои в ритме семейной жизни (болезнь или преждевременная смерть, пожар, супружеская измена, развод, кража, арест члена семьи, гибель коня, рекрутство) не только разрушали семью, но сказывались на жизни и всей деревни*» [1, с. 8]. Православный годовой цикл праздников соответствовал годовому циклу в природе и в сельскохозяйственных работах крестьян. Как считает В.И. Белов, «*русское православие в своем народном выражении очень терпимо относилось к языческим бытовым элементам, официальная церковь также в основном избегала антагонизма. Христианство на русском Севере не противопоставляло себя язычеству, без тщеславия приспособлялось к существовавшей до него народной культуре, и они взаимно влияли друг на друга*» [1, с. 201]. К сожалению, современные неоязычники нередко настроены воинственно к Православию, что разрушает принцип русской соборности. Причина заключается в том, что, если дохристианское язычество было, по образному выражению отца Павла Флоренского, «зарёй, предвещающей восход солнца – Христианства», то современное язычество, как и любой постмодернизм, носит деструктивный характер. Конечно, многих таких людей томит тоска по вере, по истинно родному и святому, но нет у них пока духовных сил подняться до понимания Православной веры – главной хранительницы русской земли.

Центром того мира, где царят лад, любовь и Бог, всегда была православная семья. Об этом пишет в своем стихотворении Юрий Максин [8]:

*В стенах родительского дома,
 в их тишине*

душа к былым годам влекома,
к былой стране.
И к праздникам былым и датам
рождений,
к тем,
кто сделал первый шаг когда-то
на радость всем.
За первым шагом было много
Путей-дорог...
**Но привела опять дорога
сюда, где Бог.**

**Где Он затеплил в поколениях
любви огонь,
соединив, как цепи звенья,
ладонь в ладонь.**

Лик

Слово *лик* – праславянского происхождения и первоначально имело значение ‘вид, форма, образ’ [ЭССЯ, в. 15, с. 77], и лишь позднее оно получило значения ‘лицо’ и ‘икона’. Это слово в богословской литературе и в поэзии сохранило своё первоначальное значение, преобразованное в символическое – духовный образ чего-либо. В русской культуре XX века мысль о том, что в соборности проявляется лик народа, то есть его дух, высказывалась талантливым богословом отцом Павлом Флоренским: «В соборном, через непрерывное соборование и непрерывное собирание, живущем духовном самосознании народа» проявляется его *лик*. «Под ликом мы разумеем чистейшее явление духовной формы, освобожденное от всех наслоений и временных оболочек, ото всякой шелухи, ото всего полуживого и застывшего чистые, проработанные линии ее» [15, с. 354].

К мысли о соборности как духовном образе русского народа, его лике, постоянно обращался в своей поэзии и певец Русского Севера Николай Алексеевич Клюев:

*Я помню лик... О Боже, Боже!
С апрельскою березкой схожий
Или с полосынькой льняной
Под платом куколя и мяты ...*
[5, с. 22]

*Над Сахарою смугло-золот
Прозябнет **России** лик.*
[4, с. 410]

*О, кто Ты: Женщина? **Россия?**
В годину чёрную собрат!
Поведай тайное сомненье
Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?*
[4, с. 125]

*Задонск — Богоневесты роза,
Саров с Дивеева канвой,
Где **лик России**, львы и козы
Расшиты ангельской рукой.*
[6, 95]

Для Н.А. Клюева соборность русской жизни всегда связана с Православной Верой:

*Свете тихий от народного лика
Опочил на моих запятых и точках.*
[4, с. 395]

*Ростов — Неугасимая лампадка
Пред ликом дедов и отцов.*

[6, с. 96]

В «Песни о Великой Матери» поэт с сердечной болью сожалеет о насильственном разрушении православной соборности русского народа в революционное лихолетье XX века [5: 5]:

*И у русского народа
Меж бровей не прыщут рыси!
Ах, обожжен лик иконный
Гарью адских перепутий,
И славянских глаз затоны
Лось волшебный не замутит!*

Однако русская литература свидетельствует, что идея соборности жива в народном сознании до сих пор.

В стихотворении Николая Михайловича Рубцова «О Московском Кремле» символом единства русского народа стал «лик священного Кремля» – сакральный центр русской истории [13: 59-60]:

*Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе – о, русская земля! –
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было всё: смиренность и гордыня –
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!
<....>
Остановитесь тихо в день воскресный –
Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред нами, реет и горит?
И я молюсь – о, русская земля! –
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны*

Действительно, в 60–70 годы многие в России забыли об иконах, так как душа без Бога осиротела, но «лик священного Кремля» согревал сердца и объединял русских людей.

Хор

В древнерусском языке было ещё одно слово **ликъ**, которое имело такие значения – ‘собрание, сонм, множество’, ‘собрание поющих, хор’, ‘пение, пляски, радостные возгласы, ликование, торжество’ [СРЯ XI – XVII вв., вып. 8, с. 233]. Распространённое на Руси хоровое пение в церкви и в быту, было выражением соборного сознания народа. Митрополит Иоанн Снычёв особо отмечал соборность народных духовных песен, которые пелись нередко хором: «...народ пел от полноты сердечного чувства, созидая духовную поэзию как молитву, под благодатным покровом покаяния и умиления. Этим самым он свидетельствовал о богатстве своего соборного опыта, поднимавшегося в иные мгновения до вершин истинно святоотеческой чистоты и ясности» [9, с. 60-61].

В поэзии вологодских авторов слово **хор** и словосочетание **хоровое пение** создают поэтические образы единства, лада и соборности. Во-первых, это разнообразные звуки родной природы, приветствующие радостным хором лирического героя и выражающие тем самым любовное единство с ним. Вспомним знаменитое стихотворение В.В. Коротяева [7]:

*Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твоё появление приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрясь, небеса.*

*Пока озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя –
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Ещё и усы не подкручивал колос –
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе ручеёк предлагает свой голос,
А лён зацветающий дарит глаза.
Свой смех – колокольчик,
Роса – свои слёзы,
Причёску – густая волнистая рожь,
И статность тебе обещает берёза:
Когда пожелаешь,
Тогда и возьмёшь.
Спешит к тебе каждый
с особенным даром:
Бери, примеряй, запасайся, владей.
А плата ... какая?
Расти благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.*

Образ «согласного хора» природы, духовно единой с лирическим героем, есть и у Н.М. Рубцова, например, в стихотворении «Последний пароход» – прощальной песне, выражающей скорбь по ушедшему другу – поэту Александру Яшину [13: 174]:

*... Мы сразу стали тише и взрослей.
Одно поют своим согласным хором
И тёмный лес, и стаи журавлей
Над тем Бобринным дремлющим угором ...
<...>
В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, встречаемый народом ...
Скажите мне, кто в этом виноват,
Что пароход, где смех царил и лад,
Стал для него последним пароходом?
Что вдруг мы стали тише и взрослей,
Что грустно так поют суровым хором
И тёмный лес, и стаи журавлей
Над беспробудно дремлющим угором ...*

Как уже говорилось выше, в церковнославянском языке существует слово *ликъ*, которое является синонимом к современному слову *хор*. Слово *ликовать*, образованное от *ликъ*, первоначально имело значение ‘петь хором’, а потом уже приобрело значение ‘восторженно радоваться, торжествовать’. В стихотворении Н.М. Рубцова «Привет, Россия ...» глагол *ликовать* органически совмещает оба значения – старое и новое [13: 187]:

Привет Россия...

*Привет, Россия – родина моя!
Как под твоей мне радостно листвую!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое ...
<...>
Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!...*

В этом стихотворении Н.М. Рубцова единение лирического героя с родной природой и Россией символически выражено образами незримого хорового пения и ликования.

Духовный смысл соборного единства мира воплощен в поэзии Н.А. Клюева в образе небесного хора. Например, в стихотворении «Песнь похода», которое было написано сначала в 1911, а затем переработано в 1917 году, поэт воспевае подвиг невидимой брани с силами зла на земле и утешительное соборное единение людей с Творцом на небе после воскресения [4]:

*Братья-воины, держайте
Встречу вражеским полкам!
Пеплом кос не посыпайте,
Жёны, матери, по нам.
Наши груди – гор уступы,
Адаманты – рамена.
**Под смоковничные купы
Соберутся племена.**
Росы горние увлажят
Дня палящие лучи,
Братьям раны перевяжут
Среброкрылые врачи...
В светлом лагере победы,
Как рассветный ветер гор,
**Сокрушившего все беды
Воспоет небесный хор,–
Херувимы, Серафимы...**
**И, как с другом дорогим,
Жизни Царь Дориносимый
Вечерять воссядет с ним.**
Винограда вкусит гроздий,
Для сыновних видим глаз...
Чем смертельней терн и гвозди,
Тем победы ближе час...
Дух животными крылами
Прикоснётся к мертвецам,
И завеса в пышном храме
Раздерётся пополам...
**Избежав могильной клетки,
Сопричастники живым,
Мы убийц своих приветим
Целованием святым,**
И враги, дрожа, тоскуя,
К нам на груди припадут...
**Аллилуя, аллилуя! –
Камни гор возопиют.***

Н.А. Клюев следовал библейской традиции, образам псалмов и церковных песнопений, (которые и в наши дни звучат в храмах), например, такому песнопению [14: 575-577]:

*Всякое дыхание да хвалит Господа.
Хвалите Господа с небес,
хвалите Его в вышних.
Тебе подобает песнь Богу.
Хвалите Его вси ангели Его,
хвалите Его вся силы Его.
Тебе подобает песнь Богу.*

Псалом 148

*Хвалите Господа с небес,
хвалите Его в вышних.
Хвалите Его, вси Ангели Его,
хвалите Его, вся силы Его.
Хвалите Его, солнце и луна,
хвалите Его, вся звезды и свет.
Хвалите Его, Небеса небес и вода,
яже превыше небес.*

*Да восхвалят имя Господне:
яко Той рече, и быша, Той повеле, и создашася.
Постави я в век и в век века, повеление положи,
и не мимо идет.
Хвалите Господа от земли, змиеве и вся бездны:
огнь, град, снег, голоть, дух бурен, творящая слово Его,
горы и вси холми, древа плодоносна и вси кедрь,
зверие и вси скоти, гади и птицы пернаты.
Царие земстии и вси людие, князи и вси судии земстии,
юноши и девы, старцы с юнотами,
Да восхвалят имя Господне, яко вознесеса
имя Того Единого, исповедание Его
на земли и на небеси.*

Удивительно, что поэт мечтал о райском единении людей и всякой творе в год крушения традиционной соборности русских людей, которое привело к Гражданской войне.

Литература

1. Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 293 с.
2. Белов В.И. Невозвратные годы. – СПб.: Политехника, 2005. – 192 с.
3. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995.
4. Клюев Н.А. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1977.
5. Клюев Н. Песнь о Великой Матери // Знамя. 1991. № 11.
6. Клюев Н. Каин // Наш современник. 1993. № 1.
7. Кортаев В.В. «Прекрасно однажды в России родиться...». – Вологда: Русский культурный центр, 2009. – 303 с.
8. Максин Ю. Плавающий берег. Стихотворения и поэмы. – Вологда: Литературный фонд России, Вологод. отделение, 2013. – 168 с.
9. Митрополит Иоанн Снычёв. Самодержавие духа. СПб., 1994.
10. Пришвина В. Д. Невидимый град. – М., 1962.
11. Псалтирь учебная. – М.: Изд-во «Правило веры», 2006. – 797 с.
12. Романов А.А. Последнее счастье. Поэзия. Проза. Думы. – Вологда, 2003. – 263 с.
13. Рубцов Н.М. Стихотворения. – М., 1978. – 299 с.
14. Трубецкой Е. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи (1916) // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. Антология. – М.: Прогресс, 1993. – 195-219.
15. Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Том 2. – М.: «Мысль», 1996. – С. 352-369.
16. Фроянов И., Богачёв А. «России нужны вера и правда» // Сайт «Русская народная линия». 28 сентября 2016.

Словари и их условные сокращения

- Полный церковнославянский словарь. Сост. Г. Дьяченко. – М.: «Посад», Издательский отдел Московской Патриархата, 1993. – 1120 с. – ПЦСС.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с. – СМ
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 8. – М.: Наука, 1981. – СРЯ XI–XVII вв.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1999. – 842 с. – СС.
- Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – Вып. 15. Москва: Наука, 1988. – ЭССЯ.

Критика

Людмила Воробьёва

Людмила Воробьёва – критик, член Союза писателей Беларуси

«Пробегала мимо жизнь...»

Песенно-романтические мотивы поэзии Татьяны Жилинской

Если в твоей душе осталась хоть
одна цветущая ветвь, на неё
всегда сядет поющая птица

Китайская пословица.

Многие великие умы пытались разгадать тайну поэзии, но окончательно дать полное определение всей её сути, как и значению любви, никому ещё не удавалось, ведь каждый поэт привносит в мир что-то свое, глубоко индивидуальное. Размышляя о современной поэзии, мы обращаем внимание и на изменившуюся информационную среду, которая активно переделывает человека, стремясь лишить его нравственных ориентиров.

Поэтические произведения Татьяны Жилинской как раз противостоят разрушительной лавине обесмысливания нашей жизни, потому что они отличаются высокой культурой воспитания чувств. Существует феномен инаковости, присущий отдельным авторам, который находит отражение в их особом отношении к жизни и творчеству. Вот и у Татьяны Жилинской нет прямых отголосков чужих мелодий, ты веришь её исповедальной искренности. Татьяна Геннадьевна автор поэтического сборника «Двое». Не секрет, что все создания в чём-то похожи на своих творцов. И энергетическая нить творчества ткёт удивительный узор на полях жизни, ускоряя её темп и высвечивая живой архетип художника слова:

*Пробегала мимо жизнь, подобрав подол... / С позабытых пустырей доносилось: «Гол»!
С позаброшенных дорог, резко пахла пыль / И торчал среди двора печки жжённый киль.*

Мгновенно увлекает ярчайшая образность и ритмичность, подобное «созидание прекрасного посредством ритма» привлекало и писателя Эдгара По, тяготеющего к романтизму. Стихи Татьяны Жилинской напоминают киноленту, образно воскрешающую забытые кадры былого:

*Две игрушки на скамье, кукла да медведь. / Польку мне не танцевать, песенки не петь.
Где-то детский голосок, в горле горький ком. / Пробегала мимо жизнь, просто босиком.*

Её поэзия располагает к стихотворно-песенному прочтению, открывая новые измерения искусства. Музыка и поэзия всегда были неразрывны. И для Татьяны Жилинской это великое единство двух сущностей – главная составляющая её творческой судьбы. Не могут не волновать динамичные строки, обаяние которых невозможно до конца вербализовать, такое в них невероятное жизнелюбие, такая изящная музыкальность:

*Три мелодии тоски – скомканный бемоль, / Диссонансом на полях жалкая триоль.
Ключ скрипичный, до диез, интервалов фарш, / Пробегала мимо жизнь, сочиняя марш.*

Жизнь и творчество, как по нотам, расписаны в этих стихах. И её лирическая героиня, эмоциональная, волевая и решительная, ненавязчиво напоминающая о своём присутствии, очень похожа на самого автора.

Татьяна Геннадьевна Жилинская дипломант и лауреат многочисленных международных фестивалей и конкурсов в области литературы. В 2017 году она стала победителем первого полуфинала фестивального движения «Осиянная Русь» в номинации «Песня». Ей удастся уникально сочетать многогранные таланты и поэта, и барда, и режиссёра, и актрисы, занимаясь при этом научной и преподавательской деятельностью в Белорусском государственном педагогическом университете.

Развивая жанр авторской песни, Татьяна Жилинская создаёт собственные литературно-музыкальные композиции, раскрывающие песенные возможности слова. Не будем забывать, что

поэзия – душа истинного искусства: музыки, живописи, скульптуры, пластического танца. Там, где нет её дуновения, искусство мертво. Поэзия охватывает все сферы нашего бытия, талантливо воссоздавая разнообразные виды искусства.

Особенно выразителен певучий голос поэтессы, когда она говорит о любви. Звучит прекрасное соло женской души, трепетной и нежной: *«Каждый день / Мучительно, несносно / Про себя твержу одну строку: / «Прислонись ко мне!» / Повсюду осень / На траву, на крыши, венценосно / По листку роняет, по листку»*. Сливаются властные стихи души и глагола, плавно переходящие в интенсивный рефрен, чувственный и повелевающий: *«Прислонись. / В манящем страстью теле, / Совладелец множества безделиц, / Ты ведущий, ведом и ведом. / Прислонись...»* Усиливается эмоциональное напряжение, будто идущее из далекой глубины веков, чтобы выплеснуться в заключительном аккорде: *«Прислонись ко мне... и все такое – / Крепостное, дикое, мужское... / Прислонись... / и вылечишь меня»*. На антитезе, контрастных парадоксах построено стихотворение «Солги мне правду»: *«Любимый мой, пожалуйста, солги мне. / По жалости и ласке – ностальгия. / И никому не верь, что время лечит... // Солги мне правду – / В правду я поверю»*. Ты принимаешь эти выстраданные строки, потому что они словно написаны о тебе и для тебя.

Пронзительны своей исповедью и стихи «Знаешь», так схожие с городским романсом. Лирическая героиня изливает любимому всю душу, и струятся лирико-философские признания, пронизанные таинственной романсовостью: *«Знаешь, и правда, десяток конфет шоколадных / Скушать спеша, да забыть, что февраль – бесконечен... / В разных накидках: досадных, парадных, нескладных – / Я торопилась, стремилась, спешила беспечно, / Вот и успела – сломать непостроенный мир... // Знаешь, прости за один непродуманный миг... // Знаешь... ты знаешь... ты всё обо мне слишком знаешь...»* В стиле песенной баллады написано проникновенное произведение «О них»: *«Не на день расставались – на миг, что зовётся жизнь...»* – этот миг бесконечности проходит через всю поэзию Татьяны Жилинской, преодолевая время и расстояние. Благодаря заданной высоте чувств, чёткой и выверенной поэтической тональности, личная жизнь здесь приобретает общечеловеческое звучание, когда история отдельной судьбы не опускается до мимолетной, проходящей ситуации, а без пафоса и надрыва возводится в ранг драматической исповеди. *«Не клялись, но смотрели ... Смотрели в одно родство... / Боже, Боже – за что Ты не дал им один порог? / Так – и тысячам братьев, сестёр ... не дано / любить...»* – извечная мольба или молитва всех влюблённых, обречённых на одиночество. Почему? За что? Возможно, испытания, что посылаются нам Свыше, должны укрепить в нас не только земную любовь, но и указать путь к любви вечной, где всё будет иначе? Кто знает... В Библейской книге Песнь Песней есть замечательные слова: «Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют её. Если бы кто давал всё богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презреньем» (Песн. 8:7). А в Новом Завете говорится так: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Иоана 4:8).

Многие стихи Татьяны Жилинской исполнены пленительного очарования, тёплого участия и ласки, их можно петь на одном дыхании, непринуждённо и задушевно. Произведение «Если ты меня забудешь» поражает противоречивостью и неожиданностью переживаемых ощущений: *«Если ты меня забудешь, что-то мы пропустим в жизни, / Что-то нас обгонит снова на доступном выраже... // Это время – будет нашим. Мы с тобой вдвоём узнаем / То, что с нами, вероятно, так и не произошло»*. Предмет любви заполняет тебя всего, и ты не спутаешь тонкий художественный почерк автора ни с каким другим, ведь в поэзии Татьяны Жилинской выразительно проявляется её артистичная женская натура, изысканная воля побеждать. И её «сумасшедшее «любить» поднимает нас над брэнностью бытия, придавая совершенно иную окраску осязаемой реальности. «Жизнь получает своё богатство от мира; цену даёт ей любовь», – мудро считал и Рабиндранат Тагор, веря ветхозаветным истинам.

Прародительницей всех времён является любовь. Песенные произведения Татьяны Жилинской, словно рифмуют любовную боль, а поэтическая партитура вбирает в себя невероятную концентрацию боли, как в стихах «Болель» и «Покаянное». Лирическая героиня выпевает извечную женскую тоску, безысходность, бездолье страстей, в её горестной мелодии слышится и народная мечта о счастье. Помните известный цветаевский бабий стон: «Мой милый, что тебе я сделала!» Метафорично и крайне неординарно представляет тему и Татьяна Жилинская: *«Извини, родимый мой, не смогла / Ни подшить подол, ни найти ключи... // Что теперь, растерянный, что теперь... / Извини, что го-*

лоса – не подам... / Ни найду ключи, ни открою дверь, / Не сошью наряд, а останусь там» («Игла»). В народных сказках игла олицетворяет неодолимые чары, «на конце иглы» затаилась смерть, но ещё игла означает и веру, победу над злыми силами. «Так зачем нашёл... Колько... извини... / Крепко в пальцах сжал, до чего – красив! / Прямо в сердце, знаю, теперь вонзишь / Из последних сил, из последних сил...» – таков финал этого своеобразного поединка, противоборства двух начал, у которого издревле не было победителей.

Обращается Татьяна Жилинская и к фольклорным традициям, в её стихах встречается отчётливая песенная рифма, характерная для частушки. «Я молилась мыслям умным, / А в итоге – грешная... // Я хотела песен честных – / А достались – вольные... // Я искала правды сладкой, / А нашла – лишь горькую... // Я спасала чью-то душу, / А свою – посеяла», – текст выстраивается на противопоставлениях, на абсолютно верной интонации, где героиня подчас отрывиста, даже резка («Я слова стелила тихо»). Есенин, к примеру, начинал писать первые стихи, подражая частушкам. А Белинский, говоря о русской народной песне, прежде всего выделял её музыкальное звучание, а отнюдь не содержание, когда песня в большинстве своем подчинена ритмам, мотивам. В основе лирического и музыкального произведения есть нечто общее – сильная эмоциональная составляющая. Впрочем, и Татьяна Жилинская отдаёт тексты во власть песенной стихии, порой не конкретизируя ясности высказываний, допуская некую смысловую незавершенность, а в некоторых моментах наоборот излишне детализирует многочисленные подробности, когда за внешним антуражем теряется внутренний мыслеобраз. Отсюда, видимо, и длинные стихотворные формы, к которым она тяготеет, хотя лирическое произведение должно быть по возможности кратко, что подтверждают и лучшие образцы поэтической классики.

Однако надо признать, поэтесса смело использует народное слово, всевозможные обороты речи, колоритные выражения, расширяя границы русского языка, иногда встречаются в её стихах и белорусизмы, как результат взаимного соприкосновения наших литератур. У Татьяны Жилинской свои точные интонационные ходы, свои сюжетные инсценировки, в чём-то напоминающие самобытные мини-этюды, поэтому написанное ею никогда не станет бесцветным, вялым. Насыщенными образами, сочными красками, мистерией озорства переполнена её «Шальная осень», щедро рассыпающая последние сокровища и торжествующая во всём «урожайном» блеске, осень, собирающая и дарящая божественные плоды, совсем не боясь, «процветь и умереть», как сказал когда-то известный поэт. Слепляющее изобилие образов, которое поглощает тебя всего, ты словно растворяешься в нём, заключают в себе и стихи «Простое желание», рисующие яркие приметы той земли, где прошло детство, светлые приметы малой Родины. Есенин, когда был увлечен имажинизмом, наполнял стихи множеством образов – прямых и переносных, – но потом понял, что надо писать так, как это гениально удавалось Пушкину, лаконично, просто и ясно.

Увертюра обострённого одиночества пронизывает стихи «Невстреча», отражающие взгляд современной женщины на окружающий мир и непосредственно на себя, которой не откажешь в утончённом артистическом чутье. «Сквозняки по переходам щекотали сонный город, / Просыпались банкоматы, глупо фыркало / метро. / Осторожно крались тени чьих-то вкрадчивых / эмоций, / Пряча лица, пряча взгляды, затихнув себя в / пальто...» – перед нами конкретная, узнаваемая действительность и одновременно какие-то таинственные, далёкие и отстранённые фантазии. Лирическая героиня Татьяны Жилинской сроднилась со своим городом, это тоже черта человека третьего тысячелетия, созвучного технократической эпохе. И поэтесса вписывает авторскую песню не только в литературный контекст, но и в архитектуру любимого города, вселяя и нам оптимистическое мироощущение. Тот или иной город проще понять именно через поэзию и песню, вдруг увидев его не только в привычном и обжитом пространстве, а представив и в пространстве вселенной:

Весна! Мой город окна моет, / Латает трещины по крышам...

Тебе идёт модельный галстук / Харизматичного проспекта.

Его ритмичность темпов, гам, стук... / Мой город, ты рождён поэтом!

Разбей бульвары на катрены, / Сложи бордюры в дифирамбы!

Диктуй дворцовые рефрены / Своим стеклобетонным ямбом!

Рифмуй театров страстный трепет / С целебным гулом перезвонов!

Родной мой, ты великолепен! / Весенний! Вымытый! Влюблённый!

Город – это тоже личность, и «нужно принимать город в имидже», это столица, вызывающая целую гамму невыразимых чувств, переполняющих каждого, кто обязан ей единственным счастьем.

Татьяна Жилинская, обладая исключительным художественным вкусом, постоянно находится в поиске новых идей и впечатлений, что помогает ей постигать не только день сегодняшней, но и скрытую природу вещей, предметов, ведь вещи могут поведать о человеке больше, чем он сам. Наши вещи всё помнят, потому что они живут гораздо дольше нас...

*Из-под сколов и обломков время вылезло наружу.
Беспокойной мелкой дрожью память ёжилась, ворчала.
Я всего лишь чищу кружку, я всего лишь мою кружку,
Допотопную жестянку, у которой нет начала.*

Как быстротечна жизнь! И как неповторимы люди! Во все века только незначительные, на первый взгляд, бесполезные вещи и были необходимы человеку больше всего! Обычная кружка дорога как память детства, она хранит родовое тепло очага, тепло маминых согревающих рук:

*Я её отчищу, всё же, подождёт посуды племя,
Вид для свалки, он абсурден в современной амплитуде.
Ведь по сколотой каемке здесь моё застыло время.
Я не знаю про начало, но при мне – конца не будет
(Кружка).*

Наше прошлое глядит нам в глаза, и в старой чашке отражается время, соединяя всё воедино, и мир предстает как целое, подчиняясь философским законам.

Татьяна Жилинская неподражаемый мастер сюжета. Ну что, казалось бы, могут значить обыкновенные, бессменные тапки, давно превратившиеся в повседневный и ритуальный атрибут наших будней? Автор создаёт психологичные миниатюры, навеянные социально-бытовыми мотивами, ведь иные вещи долговечней людей. В них сокрыта какая-то загадка, в них часть нас самих, нашей сущности: «Кто первый вставал – того и тапки. / И тапки тоже это знали. / Они повсюду успевали... // Горит свеча, то дело – капнет, / Как жизнь, весьма, непостоянна. / Заснула трепетная Анна, / Не спят истрепанные тапки...» Оригинальная повесть-спектакль разыгрывается и в произведении «Пружины», наполненном живыми звуками, где каждая мельчайшая деталь одушевлена, интимна. Не дают покоя ключевые слова-метафоры: «Пружины стонали, пружины скрипели...» – а ведь, наверняка, и в каждом из нас есть эдакая пружина, что натягивается, подобно гитарной струне, готовой порваться в любой момент, как рвутся нервы, от накала эмоций. Настоящие шекспировские страсти, когда можно, подняв октаву, дойти до трагико-драматической ноты, а снизив, получить комедию. Такова наша жизнь. Призрачны и нечетки её пограничные состояния.

Взаимосвязь явлений, тематические и событийные пересечения, сопряжённые с философским поиском истины, всегда волновали поэтов. «Время приходит, и... нет больше времени. / Грани размыты, обижены замыслы. / Прошлое тёплым дыханием греем мы: / Что-то осталось нам... Что там осталось нам...» – пытается постигнуть глубину нравственных категорий и Татьяна Жилинская («Тайной испуганы»). Человечество не пришло к высшей истине прозрения, а пока это не случилось, то неумолимы и слова Книги Экклесиаста. «Всему свое время, и время всякой вещи под небом. / Время рождаться, и время умирать... / Время разбрасывать камни и время собирать камни», – вот неизбежный итог бытия, повторяющийся в вечном круговороте вселенной и человека. И если поэт оставляет нам надежду, то библейский Проповедник преподносит лишь суровый и горький урок.

Натуралистичностью происходящего, мистической метафоричностью завораживают стихи «Тайна спасения», которые остро и зримо напоминают красочную образность поэзии Павла Васильева. И Татьяна Жилинская беспощадна даже к себе, потому что страшен «наследственный вопль творцу», и всё предсказуемо и неизбежно, судьба предрешена, когда «вывернув наизнанку и душу свою и плоть, / покличет тебя, как мамку, – одеться, подстричь, помочь...»

Автор стремится к широким философским обобщениям, настраивая камертон души на высокие звуки лиризма. Андрей Платонов был убеждён, что «писать нужно не талантом, а прямым чувством жизни». Вот именно такими и получились её волнующие и откровенные стихи «Баба Нина и баба Валя», задевающие живые струны души. «Побудьте со мной, отдохните немного. / С трудом добрались до земного порога. / Путь был непростым из-за облачной дали, / Скажи, баба Нина, скажи, баба Валя?»

– частные жизнь и судьба здесь приобретают всеобщие черты, и весь смысл в том, пока мы помним наших близких, мы вечны. И будто последним аккордом, «жемчужной росинкой» упали «слеза бабы Нины, слеза бабы Вали». Приходит невольно красивое сравнение: жизнь, как капля божьей росы.

«Прекрасное заключено лишь в правде», – говорил Фридрих Шиллер. В правде оставаться собой, не забывая свои истоки, не предавая кровных корней, видит внутреннюю суть человека и Татьяна Жилинская. Она возвращает нам давнее, забытое, подобный «Луг» был первой школой детства для многих из нас: *«Здравствуй, луг, благодарствуй за этот день, / За роскошный дизайн из твоих ковров! / За зеленую пристань, за аромат, / За привычку вкушать, сохраняя миг. / Знаешь, ты – удивительный дипломат / Очень многое в нас, дураках, постиг. / Ну, а как по-другому, придёт черед – / Мы в тебе прорастём муравой-травой... / И узнаем вселенной твоей полёт...»* – знакомые доверительные интонации ложатся на сердце. Поле, приволье, свобода, простор и безграничность времени, что отражается в медленно плывущих над лугом облаках. Бескрайние дали, когда время и пространство перетекают друг в друга... Возникает гармоничное чувство единства – природы и человека, – экологическое соединение их душ. «Широкое тело травы», словно вторя Татьяне Жилинской, воспевает и замечательный русский поэт Александр Образцов: *«Я нем, как валун, в этом многоголосье и тьме, / Я вижу рождение и тлен, так отчетливо вижу, / Что кажется, жизнь сновиденьем в воздушной тюрьме. / Но я возвращусь. И тогда я траву не обижу».* Неиссякаемую энергию творчества излучает поэзия, таящая в себе гениальную простоту и скромное совершенство, удивительным образом помогая каждому придумывать и свой мир, и свой рай на земле.

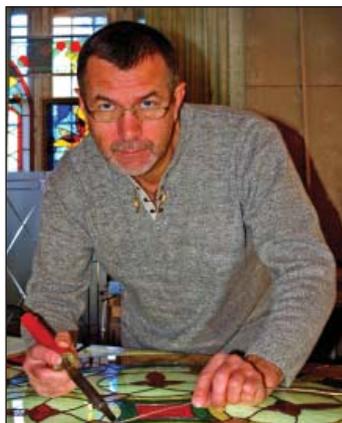
Набоковская «страстная энергия памяти», что заставляла звучать его «партитуру былого», не даёт и Татьяне Жилинской завершить начатый концерт, и она пишет его вновь и вновь, пишет чудные мелодии из собственной памяти и не только нотами, но и словами, порой не ожидая «больших гарантий» даже от песен, пишет неистово и обнажённо: *«На границе, там, где память правит правдою и ложью, / Между ноликом и точкой на истерзанной странице».* Её лирическая героиня балансирует на пограничье чувств, эмоций и страстей, на тонкой грани между придуманным и настоящим, где нет середины. Поэзия не терпит частых сравнений. *«Мне не нужна сестра по крови, / Я не приемлю жертв напрасных... / Смотрите – чёткий иероглиф... / Созвучье рифм, согласных, гласных... / Вот так рождаются поэты! / В среде великих несчастливых»*, – скажет Татьяна Жилинская в стихах «Рождение поэта. Автор иронична, иносказательна и в то же время за лёгкой иронией скрывается скромность, когда она озвучивает такие строки: *«Настроен самый трепетный регистр / Поэта, римфоплёта, графомана...»* Талант актера позволяет ей чередовать и мажорные и минорные ноты, и всё-таки основное её амплуа – утверждать возвышенное и прекрасное. Несмотря на музыкальный дар, всё явственней думается, что эстетическое предпочтение Татьяна Жилинская отдаёт поэзии. Сегодня она находится на пике творческого подъёма, талантливо сочетая в литературно-художественном искусстве различные стили и жанры, удивляя всех многомерностью поэтического видения.

Главное в поэзии, искусстве, культуре – мысль о человеке, его душе. Российский писатель и критик Нина Ягодинцева, выступая на одной из гуманитарных конференций, освещающих текущий литературный процесс, назвала свой доклад «Культура высокого напряжения». Данное определение очень точно и ёмко характеризует творчество Татьяны Жилинской, произведения которой в большинстве своём – нетипичны. «Спасительный яд творческих противоречий», сводивший когда-то с ума Марину Цветаеву, спустя более полувека, не покидает и её, и длится, длится этот восхитительный миг бесконечности, такой мучительный и сладостный:

*Нельзя её спасти – и падает в ладони
Бескрылым мотыльком наивная мечта.
Чуть-чуть знакомых нот в ранимом баритоне,
А дальше – лёгкий вздох...
И снова суета
Предвыборных столиц, пропущенных вокзалов,
Приличных пантомим и неприличных слов...
Её нельзя спасти, прости – она упала.
Оставив о себе обрывки сладких снов
.....
Притих внезапно мир простых противоречий,
Стремясь запомнить миг – падения мечты.*

Бережок

Александр Мамнев

Александр Васильевич Мамнев – моряк, художник, писатель, родился в 1954 году в Калининграде. Окончил Калининградское Высшее Инженерное Морское училище. Работал механиком на транспортных и промысловых судах. После краха рыбной отрасли СССР, уволился в должности старшего механика. Более 15 лет занимался изготовлением и реставрацией витражей из цветного стекла. Как живописец принял участие в выставках «40-летие Абриса», «Калининградский чемодан», провел несколько персональных выставок. Публиковал рассказы и сказки в журнале «Берега» и других

Сказка Золотой рыбки

Страшная

Привет! Зови меня бабушка. Вообще-то имя у меня есть. Так ведь забудешь, как скажу. А зовут кто как. Бабулей, бабуней, бабкой, баб тоже бывает. Представиться надо. Да и поговорить мне сейчас всё одно, кроме тебя, не с кем. Чего заскучал? Будет тебе и сказка, и рыбка, и страшное.

Подарила мне соседка рыбку золотую. Не то чтоб подарила, не то чтоб золотую. Уговорила забрать у нее рыбку из аквариума. Телескоп¹. «У тебя, – говорит, – за компанию ей будет веселее, чего она у меня одна плавает». И напоследок шёпотом добавила: «Не доверяю я ей, чего-то она за нами подсматривает». Ну, не знаю. Я сама сказочница, но соседке не поверила. И зря. Рыбка золотая – видимость одна. Я проверяла. Невода у меня нету, дедов носочек три раза в аквариум забрасывала, рыбку ловила, чего надо спрашивала – молчит. Как воды в рот набрала. Тут шучу, конечно. Но хороша сказочно. Чешуйки золотом отливают, хвостик, плавнички вуалевые – нарядные. А пучеглазаа, такая, чего и не было, увидит.

Пошёл дед к синему морю. Мой дед. Взял удочки и на пруд. Любил он это дело. Наловит карасей, мелких – с поплавок, откроет ножик перочинный, от чешуи их заголит, головы отрежет... Ужас, да? Потом пожарит и ест. Это я тебе страшного немного нагнать, чтобы потом не так вдруг было. А дед мне, когда молодой был, достался добрый, а сейчас пусть бы какой есть. Вот я рыбок не ем. Я их понимаю. Но ответить пока не могу. А послушать люблю, о чём они промеж себя. Так чтобы слушать – не слышно. Есть у меня штука специальная – стетоскоп. «Слушалка» докторская, кашель в груди слушать. Она мне от бабушки досталась, доктора. У бабушек тоже свои бабушки были, но чтобы есть, у бабушки – бабушка, не получается. Готовят бабушки, готовят. Котлетки, всякие блинчики, а съесть, кто ни забежит, некому. Всем некогда, все спешат: «Отстань, баб, со своими варениками, потом, я на минутку». Бабушки обижаются и уходят. На вове. А чего обижаться? Сейчас, чего хочешь, купить можно. А я не такая, я не уйду. Внучка совсем вырастет, тоже будет бабушка. Будем две бабушки – подружки, друг другу котлетки замороженные из магазина разогревать и рассказывать. Ну, вот. Про рыбку. Стетоскоп я в уши вставила, эту штучку к аквариуму приложила. Кто не знает, рыбы разговаривают. Потрескивают, поскрипывают, поквакивают. Ученые знают, но перевести не могут. А я могу. О чем они? Да, как у всех. Дом у них маленький, не разгуляешься. Больше сплетничают друг про друга. Реалити – шоу².

– Представляешь? Этот Гурамий про меня Макроподихе наквакал. Будто я её икру поела. Врёт. Не мог он видеть, лампочка тогда перегорела.

¹ Телескоп – *Carassius gibelio forma auratus*..

² Реалити – шоу – это и сам знаешь, когда умные у телевизоров играют в дурачков, а дурачки с той стороны экрана – умных. Но деньги за это платят только одним, вот и пойми, кто дурачок.

Примерно так. А тут новенькая пришла. Все вокруг неё пособрались. И я ушки наострила. И вот что рыбка Золотая рассказала:

– Подарили соседской девочке смартфон¹. Взамен старого мобильника, кнопочного. Девочка, конечно, обрадовалась. Что так его пальчиком тёрла– тёрла, три дня и три ночи, что на четвертый дырочку и протёрла. Заглянула туда, иии . . . провалилась. Летит, темно, страшно.

Ты ещё тут? Тебе страшно? Мне уже.

Рыбка продолжает.

– Девочка падает и падает. А тут стали её щипать Злые птицы^{2*}. И больно так. Девочка вначале подумала, ущипнут – и проснусь. Не, не просыпается. А это, оказывается, свиньи зелёные по ней из рогатки бёрдсами стреляют. Девочка летит, никто не знает, сколько. Не ест – ни пьёт, больно, страшно, птицы клюются, свиньи, как попадут, визжат, звёздочку себе на боку рисуют, места уже не осталось. Так бы девочка пока падала, выросла, состарилась и умерла совсем одна. Но повезло. Кончилась батарейка. Выскочила девочка.

Рыбки выдохнули.

– Но знаю случай, – продолжает Золотая рыбка. – Другая девочка тоже в телефон так провалилась. Когда у её смартфона батарейка садилась, мама заряжала. Потому что мамы обязательные. Они всегда помнят что надо. Девочку ту никто больше не видел. И не искал. Так как у её папы и мамы были свои айфоны.

Тут даже улитки попрятались. И стало в аквариуме тихо–тихо, всё замерло, и пузырьки перестали вверх подниматься. И мне как-то нехорошо стало. Ну их. Или я поняла что-то не так. И деда чего-то долго нету. Да и ты иди уже. Тоже, поди, кто заждался.

Любовь Ивановна медленно поднялась со стула, смахнув невидимую пыль, коснулась рамочки с фотографией мужчины на столе, выключила свет у аквариума, подошла к ночному окну и, отодвинув тюль, приложила стетоскоп к черному стеклу.

¹ Смартфон – мобильный телефон, сенсорный. Это я себе, всё забываю.

² Злые птицы – Angry Birds, компьютерная игра, в которой игрок с помощью рогатки должен выстреливать птицами по зелёным свиньям.

Наши друзья

Советуем почитать:

- Журнальный мир:** <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistikogo-masterstva-slava-rossii>
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnandom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org
Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Журнал «Белая вежа», гл.ред. Наталья Костюченко, Минск
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Корни», редактор Ольга Соколова, Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл.ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Поэтический альманах «Письмена», редактор Юрий Касянич, Рига
Альманах «Резекне» - Almanah-rezekne.lv, редактор Ольга Орс, Латгалия
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл.ред. Альберт Снегирёв, Каунас

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076.**

Стоимость одного журнала — 400 руб. Подписка на год — 2400 рублей.
Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru